ISSN 2712-8407

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 3 (27)

СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ



2026

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого»

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК. СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Выпуск 3 (27)

Тула
2026

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК. СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сетевое издание

Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 3 (27)

DOI 10.22405/2712-8407-2026-3

Дата выхода в свет: 24.10.2026 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

Заместитель главного редактора –
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Технические редакторы –
А. А. Внуков (История)
кандидат филологических наук
Ю. В. Горохова (Языкознания)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ (по специальностям: 5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. – Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано Роскомнадзором 13.11.2020 г.
Регистрационный номер:
ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2026
© Авторы статей, 2026

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область, город Тула, проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
tula-vestnik@tolstovsky.ru

Издатель:
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».

Адрес издателя:
300026, Тульская область, город Тула, проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tolstovsky.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЯ

История античности

Гицевич Е. С. Политическая деятельность братьев Гракхов в контексте трансформации представлений о власти в дореволюционной и ранней советской историографии **8**

Дороненко И. А. Вооружение воинов преторианских когорт: к вопросу о парадном комплекте **21**

Политическая история

Деулин А. А. Репрезентация новгородского предателя Упадыша в Новгородской IV летописи (по Строевскому и Синодальному спискам) **36**

Папилин Г. А. Политическое сдерживание следствия по делу о «немецких деньгах» большевиков: роль ВЦИК и Временного правительства **48**

Социально-экономическая история

Кандаурова Т. Н. Ресурсная и хозяйственная база Российской армии: фонды военных поселений кавалерии XIX века по материалам массовых источников **57**

Дементьев В. М. Деятельность казенной палаты по инкорпорации бывших военных кантонистов в Тульское мещанское общество во второй половине XIX в. **86**

Роднов М. И. Дым коромыслом. Рынок табака в Уфе (вторая половина XIX – начало XX в.) **100**

История культуры и науки

Буланова А. С. Сохранение культурного наследия в Тульской губернии в 1860–1910-е гг. (по материалам «Тульских епархиальных ведомостей») **128**

Агилар А.–М. А. «Совещание постановило единогласно»: первое «свободное» собрание в императорском Александринском театре **142**

Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. Династии ученых-историков в российской науке XX–XXI вв.: передается ли исследовательский опыт? **154**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК. СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ
Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выпуск 3 (27)

DOI 10.22405/2712-8407-2026-3

Этнология

Волдина-Ледкова Т. В. Ихтиотерапия в народной медицине хантов **168**

Мартынова Е. П., Секенова О.И. Отношение к миграции и мигрантам жителей Тульской области (по данным этнологического мониторинга и анализа интернет-запросов) **175**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Прагматическое измерения языка

Лебедева С. В. Гендерная специфика восприятия ESG-трансформации **192**

Ревякина Н. П. Прагмалингвистическая гибридизация Ростова-на-Дону и городов ЮФО: исторические предпосылки и современные коммуникативные практики **206**

Сорочинская Е. Ю. Особенности функционирования тропов в языке масс-медиа **220**

Актуальные проблемы грамматики

Архипова И. В. Семантическая диффузия в системе таксиса: механизмы интракатегориального синкретизма в германских языках **231**

Хабибуллина Л. Г. Вставные конструкции в татарском языке **242**

Анализ художественного текста

Романов Д. А., Кучерова М. А. Биографическая трилогия Л. Н. Толстого как претекст романа-эпопеи «Война и мир» **249**

Сухотина В. Ю. Потенциальные семы ключевого слова «сестры» в одноимённом романе В. В. Вересаева **260**

Язык и культура

Петришина И. Д. Российская повседневность на страницах произведений М. М. Зощенко и М. А. Булгакова **272**

Терюхова Т. В. Гастрономическая лексика: этнокультурная специфика (эмпирическое исследование) **283**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

TULA SCIENTIFIC BULLETIN. HISTORY. LINGUISTICS
Online publication
Founded in 2020.
Published 4 times a year
Issue 3 (27)
DOI 10.22405/2712-8407-2026-3
Released on October 24, 2026

Chief Editor
Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor
Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Technical editor's
A. A. Vnukov (History)
PhD in Philology
Yu. V. Gorokhova (linguistics)

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.
Mass media are registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on November 13, 2020.
Registration number EL № FS 77 – 79586
ISSN 2712-8407 (online)
© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2026
© Authors of articles, 2026
Address of the founder and the editorial office:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address: tula-vestnik@tolstovsky.ru
Publisher: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.
Address of the publisher:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tolstovsky.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORY

History of Antiquity

Gitsevich E. S. The Gracchi Brothers' Political Activities in the Context of the Transformation of Ideas about Power in Pre-revolutionary and Early Soviet Historiography **8**

Doronenko I. A. The Praetorian Guard's Armament: Revisiting the Decorative Armour Issue **21**

Political History

Deulin A. A. Representation of the Traitor Upadysh in the Novgorod Fourth Chronicle (According to the Stroevsky and Synodal Lists) **36**

Papilin G. A. Political Containment of the Investigation in the Bolsheviks' "German Money" Case: The Role of the VTsIK and the Provisional Government **48**

Socio-Economic History

Kandaurova T. N. The Resource and Economic Base of the Russian Army: Funds of 19th-Century Cavalry Military Settlements Based on Materials from Mass Sources **57**

Dementyev V. M. The Activities of the Treasury Chamber on Integrating Former Cantonists into the Tula Lower Middle Class Society in the Second Half of the 19th Century **86**

Rodnov M. I. Smoke Thick as Pea Soup: Tobacco Market in Ufa (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries) **100**

Cultural and Scientific History

Bulanova A. S. Preservation of Cultural Heritage in the Tula Governorate from the 1860s to the 1910s (Based on the Materials of the Tulskie Eparkhialnye Vedomosti) **128**

Agilar, A–M. A. «The Assembly Unanimously»: the First «Free» Gathering at the Imperial Alexandrinsky Theatre **142**

Pushkareva N. L., Pushkareva I. M., Families of Historians in Russian Science of the 20th-21st Centuries: Is Research Experience Inherited? **154**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

TULA SCIENTIFIC BULLETIN. HISTORY. LINGUISTICS
Online publication
Founded in 2020

Issue 3 (27)

DOI 10.22405/2712-8407-2026-3

Ethnology

Voldina-Ledkova T. V. Ichthyotherapy as Part of Khanty Traditional Medicine' **168**

Martynova E. P., Sekenova O. I., Attitudes of Tula Region Inhabitants Toward Migration and Migrants (Based on Ethnological Monitoring and Analysis of Web Queries) **175**

LINGUISTICS

The Pragmatic Dimension of Language

Lebedeva S. V. The Perception of ESG Transformation: Gender Aspect **192**

Revyakina N. P. Pragmalinguistic Hybridization of Rostov-on-Don and the Southern Federal District Cities: Historical Background and Modern Communicative Practices' **206**

Sorochinskaya E. Yu. The Use of Tropes in Media Discourse **220**

Contemporary Problems in Grammar

Archipova I. V. Semantic Diffusion in the Taxis System: Mechanisms of Intracategoria; Syncretism in German Languages **231**

Habibullina L. G. Parenthetical Constructions in Tatar Language **242**

Analysis of a Literary Text

Romanov D. A., Kucherova M. A. Leo Tolstoy's Biographical Trilogy as a Pretext for the Epic Novel "War and Peace" **249**

Sukhotina V. Ju. Potential Semes of the Keyword "Sisters" in the Novel of the Same Name by V. V. Veresaev **260**

Language and Culture

Petrishina I. D. Russian Everyday Life on the Pages of M. M. Zoschenko and M. A. Bulgakov Works **272**

Teryukhova T. V. Gastronomic Vocabulary: Ethnocultural Specifity (Empirical Study) **283**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Заместитель главного редактора
Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Члены редакционной коллегии:
Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия)

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария)

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия)

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада)

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия)

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия)

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия)

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия)

Мухаммадбегии Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран)

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия)

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия)

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия)

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР)

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия)

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия)

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северовосточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР)

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия)

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия)

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия)

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

EDITORIAL BOARD

Chief Editor
Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Deputy Chief Editor
Tokarev Gregory,
Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Members of the editorial Board
Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Nikita Bilenko,
PhD in History
(TSPU, Tula, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor (Russian State University for The Humanities, Moscow, Russia)

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor (Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv, Bulgaria)

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor (Toronto, Canada)

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate Professor (Herzen University, Saint Petersburg, Russia)

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor (TSPU, Tula, Russia)

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest, Hungary)

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate Professor (TSPU, Tula, Russia)

Aleksander Kleymenov, Doctor of History, Associate Professor (TSPU, Tula, Russia)

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of archaeology of the Crimea RAS, Simferopol, Russia)

Aleksander Maslennikov, Doctor of History, Professor (IA RAS, Moscow, Russia)

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of Humanities and cultural studies, Tehran, Iran)

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History, Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia)

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS, Moscow, Russia)

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of Pedagogical, Associate Professor (University of Helsinki, Helsinki, Finland)

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of foreign languages of Sichuan University, Sichuan, China)

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor (TSPU, Tula, Russia)

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate Professor (RUDN University, Moscow, Russia)

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS, Moscow, Russia)

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern Pedagogical University, Changchun, China)

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate Professor (LSPU, Lipetsk, Russia)

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History (Arctic University of Norway, Tromso, Norway)

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology, Associate Professor (Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia)

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate Professor (TSPU, Tula, Russia)

ИСТОРИЯ

История античности

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 8–20.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 8–20.

Научная статья
УДК 930.1(47).081:94(37)+930.1(47).082:94(37)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-8-20

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БРАТЬЕВ ГРАКХОВ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЛАСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Евгений Сергеевич Гицевич

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
Министерство культуры Омской области
Омск, Россия, mkultomskgic@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-2428-7053

Аннотация. Статья посвящена эволюции интерпретаций политической деятельности братьев Гракхов в отечественной историографии конца XIX – середины XX в. в контексте трансформации представлений о власти в Древнем Риме. На основе анализа работ дореволюционных (Э. Д. Гримм, М. И. Ростовцев, Р. Ю. Виппер, И. В. Нетушил) и ранних советских (С. И. Ковалёв, В. С. Сергеев, А. В. Мишулин) исследователей выявляется смена методологических парадигм: от либерального идеализма и концепции капиталистических отношений в Античности к марксистской классовой теории и формационному подходу. Особое внимание уделяется расхождениям в оценках аграрных реформ, трибунской власти и политических последствий гракханского движения – от попыток «спасения полиса» через возражение его социальной основы в лице мелких и средних земельных собственников, одновременно являющихся базисом для воинского набора в армию, все еще сохраняющую черты полисного ополчения, и установления монархического элемента на базе трибуната при широкой поддержке народа, создании параллельной системы управления, предположительно призванной заменить собой сенат и традиционные магистратуры, до «революционного переворота» и несостоявшейся демократии афинского типа. Показано, что отсутствие жёстких идеологических рамок и относительная «безопасность» данной темы в дореволюционной науке обеспечили плюрализм взглядов (монархическая, демократическая, тираническая трактовки), тогда как советские историки, при сохранении отдельных содержательных новаций, акцентировали классовую борьбу, кризис рабовладельческого строя и невозможность подлинной демократии в условиях развитого рабства. Источниковой базой данного исследования служат монографии, лекционные курсы и статьи историков-антиковедов двух **рассматриваемых** эпох.

Ключевые слова: Римская республика, Гракхи, концепция власти, дореволюционная наука, советская историография, антиковедение.

Для цитирования: Гицевич Е. С. Политическая деятельность братьев Гракхов в контексте трансформации представлений о власти в дореволюционной и ранней советской историографии // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 8–20. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-8-20

Сведения об авторе: *Е. С. Гицевич* – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Россия, Омская область, Омск, пр. Мира, д. 55; главный специалист, Министерство культуры Омской области, 644099, Россия, Омская область, Омск, ул. Гагарина д. 22.

© Гицевич Е. С., 2026

Scientific Article
UDC 930.1(47).081:94(37)+930.1(47).082:94(37)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-8-20

THE GRACCHI BROTHERS' POLITICAL ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF IDEAS ABOUT POWER IN PRE-REVOLUTIONARY AND EARLY SOVIET HISTORIOGRAPHY

Evgeny S. Gitsevich

Dostoevsky Omsk State University
The Ministry of Culture of the Omsk Region
Omsk, Russia, mkultomskgic@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-2428-7053

Abstract. The article focuses on the Gracchi brothers' political activity and the evolution of its interpretations in Russian historiography of the late 19th and mid-20th centuries within the context of the transformation of ideas about power in Ancient Rome. Based on the analysis of the pre-revolutionary (E. D. Grimm, M. I. Rostovtsev, R. Yu. Vipper, I. V. Netushil) and early Soviet researchers' works (S. I. Kovalev, V. S. Sergeev, A. V. Mishulin), the author reveals a change in methodological paradigms: from liberal idealism and the concept of capitalist relations in antiquity to Marxist class theory and a formative approach. It is worth noting the differences in assessments of agrarian reforms, tribunitian power and the political consequences of the Gracchi movement: from attempts to save the polis through the objection of its social basis in the person of small and medium-sized landowners, who at the same time serve as the basis for military recruitment into the army, which still retains the features of a polis militia, and the establishment of a monarchical element based on the tribunate with broad popular support, creating a parallel management system presumably designed to replace the senate and traditional magistracies before the social upheaval and the failed Athenian-type democracy. The author shows that the absence of rigid ideological frameworks and the relative security of this topic in pre-revolutionary science ensured pluralism of views (monarchical, democratic, and tyrannical interpretations), while Soviet historians, while maintaining certain substantive innovations, emphasized the class struggle, the crisis of the slave system, and the impossibility of genuine democracy in conditions of advanced slavery.

Keywords: Roman Republic, Gracchi, concept of power, pre-revolutionary science, Soviet historiography, classical studies.

For citation: Gitsevich, ES 2026, 'The Gracchi Brothers' Political Activities in the Context of the Transformation of Ideas about Power in Pre-revolutionary and Early Soviet Historiography', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 8–20, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-8-20 (in Russ.)

Information about the Author: *Evgeny S. Gitsevich* – PhD in History, Researcher at the Chair of General History, Dostoevsky Omsk State University, 55 Mira Avenue, Omsk, 644077, Russia; Chief Specialist at the Ministry of Culture of the Omsk Region, 22 Gagarin Street, Omsk, 644099, Russia.

© Gitsevich E. S., 2026

Разработке вопросов, связанных с деятельностью братьев Гракхов, посвящено значительное количество исследований – от небольших статей до крупных монографий. Однако исследователи не перестают проявлять интерес к данному сюжету ввиду того, что реформы братьев были не просто весьма обширны, но самым решительным образом затронули практически все стороны жизни римского общества. Это был поворотный момент, когда все ранее накопленные социально-экономические и политические проблемы сошлись в одной точке и произвели реакцию, потрясшую основы республики. Ввиду этого подойти к исследованию деятельности Гракхов можно с множества сторон: через аграрные и социально-экономические вопросы, сюжеты политической борьбы, изменения в римской конституции, выводы колоний, предпосылки изменения состава армии и т.д. Этим объясняется и неугасаемый интерес к их исследованию, и многообразие трудов, оценок и характеристик, которые они получали в работах ученых. Более того, преобразования Гракхов стали сюжетом, в котором контрастно преломляются взгляды ученых и сопровождающий их деятельность политический контекст. Разные эпохи и разные события неоднократно заставляли историков по-новому подходить к изучению братьев-реформаторов и пересматривать ранее сделанные в науке оценки. Таким образом, исследования, касающиеся темы Гракхов, – это значительный по объему историографический пласт, уходящий корнями через советскую эпоху в дореволюционную науку. На наш взгляд, этот пласт требует систематизации и особого изучения с точки зрения трансформации представлений ученых.

Исследование того, как изменялись оценки деятельности Гракхов и их влияния на властные структуры в Древнем Риме, позволит нам глубже понять трансформацию представлений о власти в отечественной историографии в условиях смены политических режимов. Такие наработки могут быть полезны в рамках более общего вопроса о том, как осмыслялись и интерпретировались властные институты в древних обществах российскими учёными в условиях радикально меняющейся социальной и политической действительности.

Данный сюжет интересен еще и тем, что для обеих эпох он является политически нейтральным. Связать борьбу Гракхов против сената со свержением самодержавия крайне сложно. В то же время оценка деятельности Гракхов не входит в марксистский канон в том отношении, что классики марксизма практически обошли их своим вниманием. Следовательно, ученые обеих эпох могли относительно свободно, не оглядываясь на внешние по отношению к науке факторы, заниматься в этом вопросе чистой наукой и формировать оригинальные выводы.

Оценки причин гракханского движения

Любое обращение ученых к деятельности Гракхов, будь то в рамках специального исследования или упоминания в ключе иной, более широкой, проблематики, не обходится без рассмотрения причин и мотивов, побудивших политиков к столь решительным действиям. Этот вопрос неразрывно связан с социально-экономическими изменениями, происходившими в римском обществе во II в. до н.э., и порождённым ими кризисом полиса (города-государства для дореволюционных авторов).

По вопросу личной мотивации Тиберия и Гая большой разницы в оценках у представителей обеих историографических эпох нет, да и быть не может, так как все они покоятся на жизнеописаниях Плутарха. Источник сообщает нам, что взор реформатора-революционера омрачили картины состояния римского крестьянства, находящегося в упадке, запустение сельской местности, бедные, разрушенные хозяйства. А также состояние римской армии, неразрывно связанной с крестьянством. Здесь отмечаются сложности ее комплектования, основанного на цензовом принципе, и неизбежное ослабление, которое Тиберий воочию наблюдал во время позорно-

го поражения Рима в Нумантинской компании. Повлияло также его просвещённое окружение. Тиберий состоял в свите Сципиона Эмилиана и, очевидно, был знаком с идеями его «кружка». Таким образом, проведением своей аграрной реформы Тиберий вознамерился спасти республику, возродив ее крестьянство и ее армию.

В большей степени разница подходов проявилась в характеристике глубинных причин, вызвавших к жизни гракханские реформы. Представители обеих историографических эпох видели их проявлением кризиса полиса, искали его истоки в социально-экономической сфере и обнаруживали в размывании римского мелкого и среднего крестьянства, выступающего базисом города-государства.

Дореволюционные исследователи поздней республики во многом находились под влиянием концепции Э. Мейера и были склонны обнаруживать капиталистические отношения в Древнем Риме [17, с. 337]. Отсюда и проводилась прямая линия к кризису и гракханским реформам. Развитие капиталистических отношений особенно ускорилось благодаря большому потоку богатств, хлынувших в Рим в результате завоеваний Средиземноморья после Второй Пунической войны и последующей эксплуатации провинций. Здесь весьма пригодился Катон и его трактат «О земледелии», в котором автор утверждает, что земля – это лучший способ вложить и сохранить капиталы, на что прямо указывает М. И. Ростовцев [14, с. 15–16]. В то же время Э. Д. Гримм [3, с. 20] детальнее уточнил эту мысль тем, что закон 218 года до н. э. запретил сенаторам заниматься торговлей и коммерцией, следовательно, единственным способом приложения капиталов для них являлась земля. В свою очередь крестьяне были готовы расстаться со своей землей в пользу крупных капиталистов из-за неспособности конкурировать с продавцами дешевого хлеба, поступающего из провинций, дорогим кредитом, загоняющим их в кабалу, а также воинской повинностью, вынуждающей регулярно и на длительное время оставлять свои наделы без присмотра. Последнему особенно внимание уделил в своих лекциях М. М. Хвостов. Отмечается также и влияние на судьбу крестьянства Ганнибаловой войны, в ходе которой многие хозяйства оказались разрушенными [19, с. 162].

Относительно отличное мнение среди дореволюционных авторов высказывал в своих лекциях И. В. Нетушил. Он также рассматривал развитие капитализма как важный фактор, обусловивший разорение крестьян и размывание социальных основ республики, но вместе с тем ставил во главу угла нравственный упадок элиты общества. В совокупности с узурпацией власти нобилитетом нравственный упадок правящих кругов обусловил проведение политического курса, направленного на удовлетворение интересов самого нобилитета и отчасти всадников, что неизбежно приводило к ущемлению интересов простого населения, способствовало разорению хозяйств, распространению ростовщичества, закабалению свободных людей [10, с. 137].

Интересно то, что именно этот подход лег в основу многих гимназических учебников того времени, например, К. А. Иванова [5. с. 259] и В. Я. Шульгина [20]. Подход хорошо укладывался в цели гимназической программы, которая должна была не только давать образование, но и иметь элементы воспитательного плана.

Ранняя советская историография выводила те же социально-экономические процессы из рабовладельческого типа устройства общества. Так, В. С. Сергеев и А. В. Мишулин связывали разорение мелких собственников и концентрацию земель в руках богачей через особенности рабовладельческого способа производства, а С. И. Ковалев объяснял кризис полиса формированием во II веке до н. э. в Риме специфического типа рабовладения [8, с. 304]. Такой подход представляется нам недостаточно убедительным, так как указанным авторам, на наш взгляд, не удалось провести достаточно четкие и обоснованные причинно-следственные связи, объясняющие действительную взаимосвязь рабовладения и кризиса полиса (стоит отме-

тить, что развитая теория кризиса полиса в советской науке будет разработана С. Л. Утченко только в 60-е годы). На наш взгляд, здесь проявляется характерная для данного времени попытка увязать рассматриваемые сюжеты с марксистским каноном и вписать формационную схему.

Рассмотрев характеристику причин, вызвавших к жизни гракханские реформы в трудах как дореволюционных, так и ранних советских исследователей, мы можем перейти к вопросу оценки этих реформ с точки зрения трансформации представлений о властных структурах и политическом состоянии позднеримской республики. Безусловно, данный эпизод римской истории имел колоссальное значение, что понимали и отмечали еще античные авторы, не зря Аппиан начинает свою «Историю гражданских войн» именно с выступления реформаторов. Однако масштаб и многофакторность реформ позволяют нагляднее рассмотреть, как политический, методологический и идеологический климат влияли на оценки в науке.

Политическая система республики при Гракхах в оценках дореволюционных антиковедов

В дореволюционной науке посвятил специальное исследование деятельности Гракхов Э. Д. Гримм [3]. В своем очерке автор определил результатом политической составляющей деятельности Тиберия разрушение старого государственного строя и создание монархической власти на базе трибуната. Безусловно, называя ее монархической, автор имел в виду не наследственную передачу должности, но монархический элемент в духе греческой политической философии. Подобное властное положение Тиберий Гримм выводит в первую очередь из трибунских полномочий, которыми Тиберий воспользовался шире, чем кто-либо, сумев освободиться от ограничений коллегиального вето, парализовать работу сената и других магистратов, покусится на их традиционные полномочия. По мнению Гримма, коллегиальность и возможность наложения вето на решения своих товарищей по должности обеспечивало для политической системы «гарантию против личного произвола» [3, с. 56].

Не менее важной составляющей властного положения Тиберия Грим считал «добрую волю народа». Под последней автор понимает то, что послушный (в некоторой мере деморализованный) народ передал заботу о себе вместе со значительной частью полномочий старшему Гракху, что предоставляло ему возможность не только отстранить сенат и магистратов от управленческих вопросов, опечатав курию и государственную казну, но и принимать решения по вопросам их компетенции вместо них. В частности, речь идет о попытке распорядиться наследием Аттала и управлением провинциями [3, с. 57–58].

Эту же мысль Гримм развивает далее, характеризуя деятельность младшего Гракха. В отличие от старшего брата, создавшего свое положение стихийно, действуя из необходимости, Гай целенаправленно стремился к подобному типу монархической власти, а также рассчитывал сохранить и укреплять свое влияние и дальше, опираясь на ту же «добрую волю народа» [3, с. 88]. Он сравнил положение младшего Гракха с Периклом, который установил в Афинах народовластие, но фактически сам руководил всем: «Как некогда Перикл установил своими законами полное народовластие, на деле руководил всеми делами, так и Гракх правил Римом так же неограниченно, как любой монарх» [3, с. 88].

При этом Гримм, полемизируя с Моммзеном, утверждал, что Гай не стремился к юридическому оформлению своего положения и тем более не собирался становиться тираном. Он идеализирует политика, разглядывая в его действиях исключительно благородные мотивы и полагая, что обретенная власть могла быть использована им только в целях улучшения положения народа. Монархический характер трибуната Гая он выводит из той же «доброй воли народа» и свободы от вето коллеги, как это было у Тиберия. Но при трибунате младшего Гракха Гримм отмеча-

ет расширение его власти за счет неоднократных переизбраний на должность и назначение самого себя руководителем всех созданных им комиссий или исполнителем всех принятых по его подаче народным собранием решений.

При такой оценке властного положения Гракхов весьма закономерным представляется то, что сенатская партия использовала в борьбе против обоих обвинения в попытке восстановления царской власти. По мнению Гримма, в какой-то момент монархизм Гая стал противен народу. На его фоне намного более «республиканским» выглядел его противник Ливий, который специально не входил ни в одну созданную им комиссию. На наш взгляд, здесь стоит обратить внимание на некоторое развитие идей, высказанных Гриммом в его последующей работе о происхождении принципата. Гримм, полемизируя с Моммзеном, полагает, что не проконсульский империй, а именно трибунская магистратура стала основой, стрежнем власти Августа. Возможно, в Гракхах он видел прообраз будущего принципата, основанного на трибунских полномочиях и широкой поддержке народа [4, с. 152].

Труды Ростовцева не были посвящены специально Гракхам, но он уделил им некоторое внимание и дал две весьма различные оценки. В работе 1918 г. «Рождение Римской империи» Ростовцев говорит о том, что преодоление сопротивления сената в вопросе осуществления давно назревших и желаемых обществом реформ было бы невозможно иначе, как путем установления тирании, по типу того, как решение острых социальных вопросов в некоторых греческих полисах становится возможным только благодаря следованию этим же путем [14, с. 20]. Политическую часть доктрины «демократов» этого периода, включая Гракхов, Ростовцев оценивает иронично, приписывая им лозунг «Вся власть народному собранию» и проводя очевидные параллели с революцией в России. По мнению автора, решение наболевших социально-экономических вопросов невозможно без подобного лозунга, который рука об руку идет с попытками честолюбивых лидеров сосредоточить всю полноту власти в своих руках.

Стоит отметить, что оценки Гримма легли в основу учебника по Древней истории для гимназий Н. И. Кареева, в котором автор, называя Гая Гракха «практически единоличным правителем», сравнивает его с Периклом в Афинах, практически дословно повторяя работу Гримма [6. с. 223]. Данный учебник отличается от принятых в дореволюционной России подобных изданий вниманием к освещению политических институций. Для примера, В. Я. Шульгин или К. А. Иванов в своих учебных изданиях обошли вниманием вопросы оценки трансформации политического строя при Гракхах. Вместо этого авторы делают упор на нравственные стороны истории и поучительные примеры [5, с. 165–170; 20, с. 262–273].

Во второй половине 1920-х гг. Ростовцев заметно смягчил свою оценку событий гракханской эпохи. Так, в работе 1926 г. «The Social and Economic History of the Roman Empire» автор заметно смягчил свою оценку, обозначая политическую ситуацию того времени как народное правление под руководством одного человека [12, с. 23–24]. А в учебном пособии «A history of the ancient world. Volum II. Rome», изданном в 1928 г., автор и вовсе описывает Тиберия и Гая как искренних патриотов, честных и справедливых, стремящихся установить в Риме демократию по афинскому образцу и использующих аграрную реформу как инструмент возражения среднего класса, необходимого демократии [13, с. 105–106]. Вероятно, сравнение Гракхов с тиранами в работе 1918 г. было отчасти эмоциональным, сделанным под влиянием непринятой им революции, которую он пытался осмыслить через изучение «революции» в Риме. Однако полностью от критики Гракхов он не отказался и упрекал их в том, что избранный ими курс не мог не привести к кровавым и жестоким событиям, а вину за это возлагал на их недальновидность [13, с. 115].

Альтернативный взгляд на политическое положение Гракхов мы находим в лекциях Нетушила [10, с. 138]. Он полагал, что Тиберий, отстранив от должности Октавия, установил в республике принцип «абсолютного верховенства народа», так как теперь народ мог самостоятельно принимать решения по любым вопросам, игнорируя и сенат и других магистратов: «Данная форма низложения Октавия, путем решения народного собрания, означала провозглашение абсолютного верховенства народа, дававшего затем возможность проводить через комиции какие угодно мероприятия, не сообразуясь с правами прочих факторов власти (сенат и магистратуры)» [10, с. 139]. В этом вопросе мы не можем обойти стороной очевидное упущение такой оценки. Народное собрание в республике не обладало собственной инициативой ни по вопросу собственного сбора, ни по повестке, которая будет на нем обсуждаться. Созвать народ мог только один из магистратов, он же ставил на голосование тот или иной проект, закон, вопрос. Таким образом, абсолютного верховенства народа Рим так и не получил.

По поводу деятельности Гая Нетушил высказывает мнение, что тот преследовал в первую очередь цель политическую. Он намеревался, с одной стороны, укрепить «абсолютное верховенство народа», созданное его братом, а с другой – уничтожить политический вес сената. В этом ключе он рассматривает передачу судов в руки всадников, введение откупной системы – также в интересах всадников и установление порядка назначения консульских провинций до голосования [10, с. 141–143]. При этом роль самих трибунов в новом политическом режиме никак не характеризуется Нетушилом, но, вероятно, они должны были представляться вождями обретенной демократии либо наоборот потерять какое-либо значение, как и прочие магистраты в пользу народного собрания.

Нетушил – единственный из дореволюционных авторов, кто обратил внимание на то, что у реформ Гракхов были политические последствия для республики, связанные не только с их собственной деятельностью, но и с действиями оппозиционного сената. Речь идет о введении в практику senatus consultum ultimum, по которому сенат мог передавать чрезвычайные полномочия одному из консулов, не назначая диктатуру. В соответствии с ним и были казнены многие сторонники Гая. В дальнейшем этот механизм будет неоднократно применяться в политической борьбе [10, с. 127].

Несмотря на то что М. М. Хвостов посвятил значительный фрагмент своих лекций истории гракханской реформы, он в больше степени подошел к ней со стороны описания основных событий и приведенных законов. Властное положение Гракхов и позиции сената он обошел своим вниманием. Отметим лишь то, что реформаторов он помещал в ряды демократической партии и часть реформ характеризовал как направленные на ослабление роли сената. Исходя из этого, можно сделать предположение о том, что Хвостов вслед за Нетушилом считал Гракхов вождями демократии и видел в их действиях усиление роли народного собрания в противовес ослабленному сенату [19, с. 268]. Причины поражения Гракхов Хвостов видит в отсутствии у них опоры на реальную силу, то есть армию.

Еще дальше в русле демократической оценки политической деятельности Гракхов пошел в своих работах Р. Ю. Виппер. Его нередко упрекали в излишней модернизации истории [17, с. 390–392]. В действительности ученый обнаруживал в гракханском движении коммунистические идеи и достаточно вольно интерпретировал данные источников. Однако взгляды Виппера на политическое устройство поздней римской республики нашли свое продолжение в историографии и уже потому заслуживают нашего интереса. Его «Очерки истории Римской империи» являются самым крупным в дореволюционной отечественной науке специальным исследованием римской истории конца II – I века до н.э. Они были изданы в 1923 г.,

но основываются на курсе лекций, читанных в Московском университете с 1901 по 1922 гг.

Виппер полагал, что с 132 по 82 годы до н.э. в Риме установилась, хоть и ненадолго, подлинная демократия по типу афинской [2, с. 45]. Здесь проявляется одно из важных отличий его концепции от других авторов, которые считали, что демократия в Риме так и не восторжествовала или закончилась со смертью Гракхов. Виппер отмечает ее внутреннюю слабость и существенные внутренние разногласия, но не склонен к тому, чтобы умалять ее политический характер. Гракхов в этом вопросе он определяет как творцов, чья деятельность изменила конституционный и институциональный ландшафт сложного республиканского порядка управления. В действиях самих реформаторов он усматривает именно политические мотивы, для которых аграрное законодательство выступило лишь поводом начать наступление на олигархический строй сената.

Представления Виппера об установлении римской демократии основаны на глубоком анализе сложной системы управления и политического веса ее элементов. Коренное изменение политического характера республики он видел в перераспределении функций между этими элементами в пользу демократических, а также первым в дореволюционной науке обратил внимание на такую составляющую реформ Гракхов, как создание новых магистратур с весьма широкими, по его мнению, полномочиями [2, с. 47–48]. В первую очередь речь идет о коллегии триумвиров, которая обладала, по его мнению, большой властью, так как, помимо перераспределения земельных участков, также имела судебные функции. Но также Виппер говорит о неких неопределённых должностных лицах, которые должны были заниматься строительством дорог к колониям, обустройством этих колоний, налаживать выдачу хлеба. И что самое главное, подчиняться непосредственно народным трибунам. Перераспределение политического веса внутри системы он видел также в наступлении демократии на судебную, финансовую и административную власть сената [2, с. 50–53]. «Гракх заявил притязания демократии на обе крупнейшие сферы государственного управления» [2, с. 53]. Сюда же он относит и введение откупной системы в провинциях. В конечном итоге даже сфера государственного строительства, традиционно управляемая сенатом через цензоров, перешла в ведение народа, когда Гай создавал дороги к своим колониям. В идеях Виппера есть скромный намек на посягательство трибунов в области военного управления. Якобы, прибыв в Африку для обустройства колонии, Гай распоряжался даже консулом, управлявшим этой провинцией, что делало его важнее высшего должностного лица республики [2, с. 64].

Таким образом, в Риме сформировалось две параллельно существующие системы управления – старая, состоящая из сената и подконтрольных ему магистратов, и новая во главе с народным собранием, трибунами и новыми магистратами, созданными специально для реализации реформ. При этом первая была полностью парализована, в то время, как все управление республикой перешло ко второй: «Высшим авторитетом над новыми должностями должны были сделаться трибуны, раньше не имевшие участия в администрации; напротив, предполагалось отстранить консулов, до тех пор стоявших во главе исполнительной власти, от пользования новыми административными кадрами. Дело явно шло к образованию двух служебных групп: одной, которая была связана со старой системой командований и заполняла собой сенат, другой, которая примыкала к народным избранникам, трибунам, и к народному собранию… При удаче для народных вождей, трибунов, открывалась перспектива устроить новую правительственную коллегию, параллельную с сенатом» [2, с. 47–48].

В то же время Виппер отмечает, что римская демократия, хоть и восторжествовала над аристократическим режимом сената, но не укрепилась надолго. При-

чиной тому послужили два фактора. Во-первых, раскол внутри демократического крыла, который проявился еще во времена Гракхов. Во-вторых, Рим не имел глубоких демократических традиций в отличие от Греции, и в то же время, сенат, лишенный своей власти, по-прежнему сохранял огромный авторитет, приобретенный благодаря завоеваниям, осуществленным под его руководством. Вместо демократических традиций римский народ привык полагаться на мудрость и опыт отцов-сенаторов, что помешало закрепиться в Риме народовластию надолго.

Виппер также представил весьма оригинальный взгляд на роль личностей самих Гракхов в политической борьбе и реформах. В отличие от Гримма, считавшего, что все движение держалось на самих братьях и было невозможно без их идеализированной автором роли, Виппер не был склонен преувеличивать роль Тиберия и Гая. Признавая реформаторов лидерами движения, он тем не менее считал, что программа и действия демократической партии разрабатывались и координировались множеством участников, в числе которых были не только оппозиционные представители нобилитета, но также верхушка всадников и даже греки-философы из числа учителей и вольноотпущенников. Если для Гримма аграрная реформа не состоялась бы, не появись на политической арене именно Гракхи, то Виппер считал, что обусловившие необходимость реформы социально-политические реалии выдвинули реформаторов из числа недовольных текущим положением дел. В этом отношении взгляды Виппера стоят ближе к оценкам советских авторов, нежели дореволюционных.

Политическая система республики при Гракхах в оценках ранних советских антиковедов

Как уже было сказано выше, ранняя советская историография не посвятила Гракхам и их политической деятельности специальных исследований, однако стоит отметить, что в работах общего характера по данному периоду истории или по вопросам социально-экономических отношений они всегда занимали особое место, вероятно, ввиду того, что сюжет их выступления наиболее наглядно вскрывает классовые противоречия в римском обществе того времени.

Мы начнем рассматривать оценки влияния Гракхов на политическую систему с работ В. С. Сергеева. Данный автор интересен тем, что его взгляд на этот вопрос существенно изменился в течение нескольких лет. В своем учебном пособии 1928 г. Сергеев весьма критично высказывается о римских реформаторах. Он утверждает, что их целью было решение только лишь аграрного вопроса, все политические решения были спонтанными и хаотичными. Следовательно, Гракхи не стремились к демократизации или свержению нобилитета целенаправленно. На этом этапе Сергеев полемизирует с теми авторами, которые сравнивали реформаторов, в особенности Гая, с греческими тиранами или Периклом, утверждая, что их сходство является лишь кажущимся, и что римские реформаторы были не более чем успешными демагогами, лавирующими между интересами разных социальных групп. Власть младшего Гракха Сергеев считает весьма шаткой и держащейся лишь на подачках и обещаниях, а не на реальном социальном базисе, как это было у Перикла [16, с. 42–43]. Также автор отвергает идею о том, что Гракхи могли бы установить монархическую власть, так как подобное невозможно без опоры на армию [16, с. 42].

В работе 1938 г. Сергеев уже не рассматривает политическую составляющую в деятельности Гракхов как спонтанную и хаотичную, прямо заявляя, что Гай преследовал свои цели: «сокрушение сената и замену олигархической конституции демократической по греческому образцу» [15, с. 178]. Объясняя мотивы младшего Гракха, Сергеев приводит явно модернизаторскую мысль о том, что изменение политического устройства реформатор считал необходимым для упрочнения власти свободных римлян над рабами, так как старый сенатский режим не мог обеспечить

эффективную их эксплуатацию [15, с. 178]. Последнее представляется нам навеянным не научным анализом материала, а попытками увязать исследуемый вопрос с формационной схемой. Так, в своем кратком курсе лекций А. В. Мишулин и вовсе выдвигает слабо аргументированный тезис, что реформы Гракхов были вызваны опасениями из-за восстания рабов на Сицилии и представляющейся угрозой присоединения к ним римского пролетариата [9, с. 15].

Политическую систему, сформировавшуюся в результате деятельности Гракхов, Сергеев характеризует так: «… перестраивался государственный аппарат, исчезали догосударственные учреждения, утратили свое значение одногодичные коллегиальные магистратуры, а руководящая роль во внешней и внутренней политике от сената переходила к комициям, возглавляемым народным трибуном» [15, с. 185]. Таким образом, автор изменил свои взгляды, признав существенные изменения в политическом строе Рима.

В некоторой степени более глубокий взгляд на деятельность Гракхов в ранней советской историографии представил С. И. Ковалев. Он также упоминает восстание рабов как один из факторов, мотивировавших реформаторов, но не ставит его во главу угла. Здесь просматривается стремление автора соблюсти формальные требования к науке своего времени, но при этом сохранить приверженность фактам. Подход Ковалева к оценке политического строя республики при Гракхах весьма интересен тем, что он совместил отчасти демократический подход Нетушила и монархический Гримма (хотя автор и не ссылается на них), представив свою концепцию демократической диктатуры.

Ко времени второго трибуната Гая сенат и магистраты утратили контроль над значительными сферами государственного управления (финансы, строительство, управление провинциями), и в то же время власть трибуната и народного собрания возросла как никогда. Младший Гракх лично руководил огромным количеством вопросов и мог принять практически любое государственное решение или закон, поэтому Ковалев оценивает его положение как диктатора (в римской трактовке). Но это была не традиционная диктатура из прошлых веков Рима, объявляемая сенатом в интересах правящего класса, но диктатура демократическая, так как каждое действие политика было санкционировано народом: «Гай был всемогущим народным трибуном, аграрным триумвиром, ему принадлежало руководство большими общественными сооружениями, от него зависела целая армия подрядчиков и агентов. Он был настоящим диктатором. Но это была диктатура демократическая, так как ни одно крупное мероприятие не проходило без санкции полномочного народного собрания. Сенат и магистраты не играли никакой роли, хотя Гай старался по возможности с ними ладить» [7, с. 347]. В целом значение политической стороны реформ Гракхов для республики Ковалев оценивает как попытку установления демократии афинского типа, но попытку краткосрочную и не закрепившуюся: «Одно мгновение могло показаться, что сенаторской олигархической республике нобилей приходит конец и ее сменяет развитая античная демократия типа афинской» [7, с. 352].

Стоит отметить, что подобный подход Ковалев сформулировал именно в работе 1948 г., так как в более ранних трудах автор не заострял внимание на политической системе и ее изменении в ходе реформ. Он лишь вскользь упомянул о демократизации и создании условий для дальнейшего развития народовластия как о побочных результатах. Еще в 1937 г. деятельность Гракхов рассматривалась Ковалевым как один из эпизодов революции рабов. Понимая, что Гракхи не могли стремиться к подобной цели, он полагал, что социальный состав сторонников их движения направил реформаторов по такому пути: «крестьянская база Гракхов – независимо от их субъективных стремлений – толкнула их на революционный путь» [8, с. 180].

Заключение

В заключение нашего исследования можно отметить, что после революции в России внимание и интерес к данной проблематике в некоторой степени снизился. С одной стороны, часть историков-антиковедов иммигрировала, с другой – установление принципиально новой парадигмы в отечественной науке обусловило смену вектора интересов ученых. Ввиду чего ранняя советская историография посвятила меньше внимания исследованию политического устройства поздней римской республики в контексте гракханской революции и внесла меньший вклад в его изучение.

Дореволюционная историография представила различные оценки политической деятельности Гракхов и их влияния на государство: от положения, близкого к монархическому, до творцов настоящей демократии афинского типа. Дореволюционные ученые выказали самые разнообразные представления о характере политических целей реформаторов – от стихийного изменения политического ландшафта в ходе борьбы за реформы до целенаправленной попытки перестройки системы государственного управления, и поэтому их деятельность представляется нам более плодотворной. Ранняя же советская наука единогласно давала схожую оценку реформам Гракхов, называя их несостоявшейся попыткой установления демократии и ее невозможности в условиях развитого рабовладения. На наш взгляд, плюрализм взглядов дореволюционных авторов объясняется тем, что в Российской империи было меньше идеологических факторов, устанавливающих рамки для научного творчества ученых. В этом отношении смена эпох российской истории существенно повлияла на представления антиковедов о власти в Древнем Риме.

Список источников и литературы

1. *Алмазова Н. С.* Единая концепция истории древности Р. Ю. Виппера в его работах дореволюционного периода // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 2019. Т. 20. С. 264–287.
2. *Виппер Р. Ю.* Очерки истории римской империи. Берлин: Гос. изд-во Р.С.Ф.С.Р., 1923. 434 с.
3. *Гримм Э. Д.* Гракхи, их жизнь и общественная деятельность: биогр. очерк. СПб.: Тип. т-ва "Общественная польза", 1894. 98 с. (Жизнь замечательных людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова).
4. *Гримм Э. Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. 1: Римская императорская власть от Августа до Нерона. СПб.: Тип. А. А. Стасюлевича, 1900. 517 с. (Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета; Т. 55).
5. *Иванов К. А.* История древнего мира. Изд. 5-е с 64-мя рис. СПб.: Изд-во «Петербургский ученый магазин», 1907. 259 с.
6. *Кареев Н. И.* Учебная книга древней истории. 7-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 309 с.
7. *Ковалев С. И.* История Рима. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1948. 808 с.
8. *Ковалев С. И.* История античного общества: Греция. Эллинизм. Рим. Ч. 2. Л.: Соцэкгиз, 1936. 316 с.
9. *Мишулин А. В.* Курс всеобщей истории: Древняя история. Лекция 17 и 18: Восстание рабов и аграрное движение Гракхов; Сулланская реакция: стенограмма лекций, прочитанных в Высшей Партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940-1941 учеб. году. М., 1940. 32 с.
10. *Нетушил И. В.* Обзор римской истории по лекциям, читанным в императорском Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах. 2-е изд., испр. и доп. Харьков: кн. маг. Т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916. 376 с.

11. *Протасова С. И.* Борьба общественных идеалов в Риме в эпоху Гракхов // Из далекого и близкого прошлого: сборник этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева. М.: Мысль, 1923. С. 29–40.
12. *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1926. 695 p.
13. *Rostovtzeff M.* History of the ancient world. Vol. 2: Rome. Oxford: University Press, 1928. 386 p.
14. *Ростовцев М. И.* Рождение Римской Империи. М.: Кн. находка, 2003. 157 с.
15. *Сергеев В. С.* Очерки по истории древнего Рима. Ч. 2: [Империя]. М.: ОГИЗ, 1938. 372 с.
16. *Сергеев В. С.* История древнего Рима. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л.: Госиздат, 1925. 403 с.
17. *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: историогр. очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 554 с.
18. *Хвостов В. М.* История Римского права. 7-е изд. М.: Моск. науч. изд-во, 1919. 478 с.
19. *Хвостов М. М.* История Рима: конспективное изложение лекций пр.-доц. М. М. Хвостова, читанных в 1906/7 академ. году. Казань: Тип. И. Н. Харитонова, 1907. 299 с.
20. *Шульгин В. Я.* Курс истории древнего мира для воспитанников и воспитанниц средних учебных заведений, составленный В. Шульгиным. 6-е изд. Киев: Унив. тип., 1865. 340 с.

References

1. Almazova, NS 2019, ‘Yedinaya kontseptsiya istorii drevnosti R. Yu. Vippera v yego rabotakh dorevolyutsionnogo perioda’ (A general concept of ancient history of Robert Yu. Vipper in his works of the pre-revolutionary years), *Aristey: Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* (Aristeas: journal of classical philology and ancient history), vol. 20, pp. 264-287. (In Russ.)
2. Vipper, RYu 1923, *Ocherki istorii rimskoy imperii* (Essays on the history of the Roman Empire), Gos. izd-vo R.S.F.S.R. publ, Berlin. (In Russ.)
3. Grimm, ED 1894, *Grakkhi, ikh zhizn i obshchestvennaya deyatelnost* (Gracchi, their life and social activities), Tip. tovarishchestva "Obshchestvennaya polza" publ, St. Petersburg. (In Russ.)
4. Grimm, ED 1900, ‘Rimskaya imperatorskaya vlast ot Avgusta do Nerona’ (Roman Imperial Power from Augustus to Nero), *Issledovaniya po istorii razvitiya rimskoy imperatorskoy vlasti* (Research on the history of the development of Roman imperial power), vol. 1, *Zapiski istoriko-filologicheskogo fakulteta S.-Peterburgskogo universiteta*, vol. 55, Tip. A. A. Stasyulevicha publ, St. Petersburg, p. 152. (In Russ.)
5. Ivanov, KA 1907, *Istoriya drevnego mira* (The history of the ancient world), 5th edn, Petersburgskiy uchyonyy magazine publ, St. Petersburg. (In Russ.)
6. Kareyev, NI 1909, *Uchebnaya kniga drevney istorii* (Textbook of ancient history), Tipografiya M. M. Stasyulevicha publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Kovalev, SI 1948, *Istoriya Rima* (The History of Rome), Izd-vo Leningradskogo un-ta publ, Leningrad. (In Russ.)
8. Kovalev, SI 1937, *Istoriya antichnogo obshchestva: Gretsiya. Ellinizm. Rim* (The history of ancient society: Greece. Hellenism. Rome), part 2, Sotsekgiz publ, Leningrad. (In Russ.)
9. Mishulin, AV 1940, ‘Kurs vseobshchey istorii: Drevnyaya istoriya. Lektsiya 17 i 18: Vosstaniye rabov i agrarnoye dvizheniye Grakkhov; Sullanskaya reaktsiya’ (Course in General History: Ancient History. Lectures 17 and 18The slave uprising and the agrarian movement of the Gracchi. The Sullan reaction), *Stenogramma lektsiy, prochitannykh v Vysshey Partiynoy shkole pri TSK VKP(b) v 1940-1941 ucheb. godu* (A transcript of lectures given at the Higher Party School under the the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks in the 1940-1941 academic year), Moscow. (In Russ.)
10. Netushil, IV 1916, *Obzor rimskoy istorii po lektsiyam, chitannym v imperatorskom Kharkovskom universitete i na Kharkovskikh Vysshikh zhenskikh kursakh* (Review of Roman history based on lectures given at the Imperial Kharkov University and at Kharkov Higher Women's Courses), kn. mag. T-va A. S. Suvorina «Novoye vremya» publ, Kharkov. (In Russ.)

11. Protasova, SI 1923, 'Borba obshchestvennykh idealov v Rime v epokhu Grakkhov' (The struggle of social ideals in Rome in the era of the Gracchi), *Iz dalekogo i blizkogo proshlogo* (From the distant and near past), Mysl publ, Moscow, pp. 29-40. (In Russ.)
12. Rostovtzeff, M 1926, *The Social and Economic History of the Roman Empire*, Clarendon Press publ, Oxford.
13. Rostovtzeff, M 1928, 'Rome', *History of the ancient* world, vol. 2, University Press publ, Oxford.
14. Rostovtsev, MI 2003, *Rozhdeniye Rimskoy Imperii* (The Birth of the Roman Empire), Knizhnaya Nakhodka publ, Moscow. (In Russ.)
15. Sergeyev, VS 1938, *Ocherki po istorii drevnego Rima* (Essays on the history of ancient Rome), part 2, OGIZ publ, Moscow. (In Russ.)
16. Sergeyev VS 1925, *Istoriya drevnego Rima* (The history of ancient Rome), 2nd edn rev, Gosizdat publ, Leningrad. (In Russ.)
17. Frolov, ED 1999, *Russkaya nauka ob antichnosti* (Russian science of antiquity), Izd-vo S.-Peterb. un-ta publ, St. Petersburg. (In Russ.)
18. Khvostov, VM 1919, *Istoriya Rimskogo prava* (History of Roman Law), Moskovskoe nauch. izd-vo publ, Moscow. (In Russ.)
19. Khvostov, MM 1907, *Istoriya Rima: konspektivnoye izlozheniye lektsiy pr.-dots. M. M. Khvostova, chitannykh v 1906/7 akadem. godu*. (History of Rome: summary of lectures by pr.-assoc. M. M. Khvostov, read in 1906/7 by academ. Year), Tip. I. N. Kharitonova publ, Kazan. (In Russ.)
20. Shulgin, VYa 1865, *Kurs istorii drevnego mira dlya vospitannikov i vospitannits srednikh uchebnykh zavedeniy, sostavlennyy V. Shulginym* (A course on the history of the ancient world for male and female students of secondary educational institutions, compiled by V. Shulgin), 6th edn, Univ. tip.publ, Kyiv. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.04.2026
Одобрена после рецензирования: 01.06.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 21.04.2026
Approved after reviewing: 01.06.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 21–35.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 21–35.

Научная статья
УДК 94(38).07
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-21-35

ВООРУЖЕНИЕ ВОИНОВ ПРЕТОРИАНСКИХ КОГОРТ: К ВОПРОСУ О ПАРАДНОМ КОМПЛЕКТЕ

Илья Алексеевич Дороненко

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия, ilya.doronenko99@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-0773-8334

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу устоявшихся в массовой культуре и историографии образов преторианской гвардии, которые строятся на ограниченном круге источников. Долгое время основным источником для реконструкции облика телохранителей принцепсов был рельеф с римскими воинами, некогда украшавший триумфальную арку императора Клавдия. Автор ставит своей целью определить элементы экипировки преторианцев в период с I в. до н.э. до IV в. (от учреждения корпуса до его роспуска Константином). На основе широкого круга источников (рельефов, данных нумизматики, эпиграфики, фресок, немногочисленных находок и нарративных текстов) в работе анализируются изменения в экипировке воинов императорских подразделений, а также вопросы репрезентации облика преторианцев в изобразительной традиции. Статья уделяет внимание вопросу о «парадных» доспехах и особенностях в одежде преторианцев. В период империи облик преторианцев также подвергался изменениям, как и снаряжение воинов из провинциальных войск. Унификация экипировки не была свойственна римской армии в рассматриваемый период, что актуально и для преторианской гвардии. Известные источники, происходящие из Италии, демонстрируют те же элементы одежды, что и для воинов провинциальных войск. Особенно заметны изменения в экипировке, произошедшие к концу II – началу III в. На основе анализа затрат на вооружение, военного бюджета Империи и проблем логистики делается вывод о том, что централизованное снабжение рядовых гвардейцев парадными доспехами было экономически нецелесообразно и технически сложно. Представление о преторианцах как о воинах, чей облик принципиально отличался от легионеров и ауксиляриев, не подтверждается источниками.

Ключевые слова: Римская империя, преторианская гвардия, преторианцы, военное снаряжение, вооружение.

Для цитирования: Дороненко И. А. Вооружение воинов преторианских когорт: к вопросу о парадном комплекте // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 21–35. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-21-35

Сведения об авторе: *И. А. Дороненко* – преподаватель, кафедра всеобщей истории факультета истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, д. 55.

© Дороненко И. А., 2026

Scientific Article
UDC 94(38).07
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-21-35

THE PRAETORIAN GUARD'S ARMAMENT: EVISITING THE DECORATIVE ARMOUR ISSUE

Ilya A. Doronenko

Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia, ilya.doronenko99@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-0773-8334

Abstract. This article presents a critical analysis of the Praetorian Guard images, based on a limited range of sources and established in mass culture and historiography. For a long time, the main source for reconstructing the appearance of the princeps' bodyguards was a relief of Roman soldiers that once adorned the triumphal arch of Emperor Claudius. The author aims to identify the elements of Praetorians' equipment from the 1st century BC to the 4th century AD (from the establishment of the corps to its disbandment by Constantine the Great). The article examines changes in the appearance of the Imperial Guard units as well as the ways in which the Praetorians' image was represented in the visual tradition. This article focuses on the issue of decorative armour and the distinctive features of Praetorian clothing. During the Imperial period, the appearance of the Praetorians underwent transformations just as the equipment of soldiers from provincial armies did. Known sources from Italy demonstrate the same elements of clothing for the Praetorians as for soldiers in the provincial forces. Based on an analysis of the costs of armament, the military budget of the Empire, and logistical challenges, the author concludes that the centralized supply of decorative armour to rank-and-file guardsmen was economically unfeasible and technically difficult. The notion that the Praetorians differed fundamentally in appearance from legionaries and auxiliaries is not supported by the sources.

Keywords: Roman Empire, Praetorian Guard, Praetorians, Military equipment, Armament.

For citation: Doronenko, IA 2026, 'The Praetorian Guard's Armament: Revisiting the Decorative Armour issue', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 21–35, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-21-35 (in Russ.)

Information about the Author: *Ilya A. Doronenko* – Lectuer, Chair of General History, Department of History, Theology and International Relations, Dostoevsky Omsk State University, 55 Mira Avenue, Omsk, 644077, Russia.

© Doronenko I. A., 2025

Массовая культура сформировала образ преторианцев как воинов в лориках, мускулатах, псевдоаттических шлемах с пышными плюмажами, на плечах которых лежат тяжелые пурпурные плащи [4, с. 60–72]. Но как же могли выглядеть преторианцы в действительности? На основании изобразительных, письменных и отчасти археологических источников мы охарактеризуем особенности внешнего облика преторианцев в период I в. до н.э. – IV в. н.э., а также проанализируем корректность выделения «парадного комплекта» вооружения для воинов столичного гарнизона.

На сегодняшний день в историографии в значительной степени пересмотрен и уточнен образ стандартизированного и единообразного войска империи, который механически переносился с рельефов Колонны Траяна. Как показывает более осторожный и вдумчивый анализ столичного монументального искусства и данных археологии, в рядах римских войск практически невозможно было встретить двух одинаковых воинов. Выбор наступательного и оборонительного вооружения соответствовал тактике римских войск, существовали стандарты в изготовлении снаряжения для императорских и частных мастерских. В остальном же перед воином стоял выбор в зависимости от военной моды, которая порой достаточно быстро менялась. Так, за I в. н.э. предпочтения солдат в ношении *cingulum militare* эволюционировали от стремления носить два пояса с длинным суспензорием из множества полос до одного *balteus* с рудиментным суспензорием [12, p. 90][1]. Очевидно, что военная мода должна была распространяться и на преторианцев. Это подтверждается рельефами времен Флавиев и Антонинов, на которых запечатлены в том числе преторианцы.

Некоторые исследователи, рассуждая об экипировке римских воинов, вводили в различных вариациях такое понятие, как *парадное вооружение* [9, p. 110; 20, p. 207]. Мы склонны согласиться с А. Е. Негиным, что в дефиницию «парадное вооружение» следует включать «полный комплект воинского доспеха, украшенный по случаю различными знаками отличия, военными наградами, некоторыми специальными элементами экипировки, а также особо дорогостоящие предметы экипировки, которые было бы крайне непрактично использовать в бою» [8, с. 60]. Есть и иные концепции. Так, А. Аргуин, развивая тезис М. Дюрри, выделяет четыре типа униформы преторианцев: 1) гражданская одежда; 2) парадная форма; 3) рабочая форма; 4) боевая форма (мы сохранили авторские формулировки) [9, p. 90]. Насколько же такая классификация соответствует сведениям источников?

Безусловно, у римлян были традиции использования специальной экипировки в особых случаях: кавалерийские шлемы для *hippika gymnasia*, щиты из Дура-Европоса со сложной росписью без следов боевой эксплуатации, копья бенефициариев. И на этом список практически заканчивается. Снаряжение, которое использовалось в бою, также украшалось. Например, известен целый ряд находок ножен мечей и пугио с весьма сложными чеканными рельефами. Шлемы пехотинцев, сменившие не одного владельца, украшались латунными аппликациями, кабошонами, даже встречаются следы серебрения. В Калькризе, на предполагаемом месте разгрома трех римских легионов в 9 г., найдены следы металлических накладок на щиты, формировавшие узор [14, p. 54]. Уже эти примеры доказывают, что утилитарность вооружения не отрицала, а была тесно связана со стремлением украсить и выделить свою экипировку. Даже шлемы с крайне искусным декорированием могут использоваться в бою, если характеристики это позволяют. Поэтому единственный надежный критерий интерпретации элемента вооружения как парадного – это полное игнорирование защитных свойств [8, с. 72].

Снаряжение воина подчеркивало его особый статус в качестве *miles*, обособленного от массы *pagani* и *tunicatus popellus*, а также усиливало его самоидентификацию [6; 24; 26]. Не случайно изображения оборонительного и наступательного во-

оружения встречаются на надгробных рельефах (AE. 1915, 112; AE-2018, 429 = CIL. XIV 2523; CIL. V 912; VI 2602; 3202; ILS 2043; 2038). На них сами воины были представлены в рассматриваемый период чаще всего с украшенным суспензориями поясом, на котором висит меч, а порой и кинжал-пугио, имея отличительные знаки своего ранга (фалеры, копья бенефициария, атрибуты кавалериста и так далее). Можно вспомнить также XVI сатиру Ювенала, в которой поэт (Iuv. Sat. XVI. 25–26) отделяет воинов (скорее всего, преторианцев) от гражданских указанием на гвозди, которыми подковывалась солдатская обувь[2].

Так мы подходим к вопросу о корректности выделения особой парадной экипировки у преторианцев. Действительно, кому как не телохранителям императора, которые должны были своим обликом создавать образ военного присутствия и власти принцепса, быть облаченными в вычурные доспехи? Что если преторианцы вне зависимости от ранга облачались в парадные мускульные кирасы и искусно выкованные псевдоаттические шлемы, как воины на рельефе Арки Клавдия, а также набрасывали пурпурные плащи?

В период империи римские воины не получали вооружение безвозмездно (Tac. Ann. I. 17, 2). Каждый новобранец получал средства из фиска на дорожные расходы, чтобы прибыть к месту службы. Этот *viaticum* составлял 75 денариев для легионера и ауксилария во времена Септимия Севера. Сумма выплачивалась только после прибытия в лагерь, поэтому можно предположить, что могла использоваться для закупки экипировки [8, с. 195]. Стоимость снаряжения затем высчитывалась из жалования воина. Преторианцы тоже приобретали для себя вооружение. Возможно, об этом свидетельствует *tabula ansata* Клавдия Приска (CIL. VI 2541a = 32653 = XV 7166). Бронзовая табличка, найденная в Риме, как указывал Р. МакМаллен, является типичным примером указателя на принадлежность воину предмета экипировки [31, p. 23]. Солдаты стремились, что объяснимо, указывать на свою собственность на вооружение.

Ранее мы уже затрагивали вопрос о том, в каком размере получали выплаты преторианцы. А. Е. Негин также указывает на суммы, в которые могли обойтись доспехи воинов [8, с. 195–196, 270]. К счастью, дошедшие до нас папирусы фиксируют факты выплат воинам на покупку оружия и долговые выплаты. Так, чешуйчатый доспех мог обойтись в 360 драхм (P. Giess. 47). Посеребренные шлем и ножны для кинжала, отделанные слоновой костью, за 400 драхм хотел приобрести всадник Цецилий Секунд (P. Vindob. L 135) [22, S. 109–120]. Стоимость покрытого серебром шлема равнялась 40–50 денариям. Комплект вооружения всадника оценивается в источниках от 103 до 600 денариев [6, с. 140]. Плиний в одном из своих писем сообщает, как предоставил в долг своему земляку Метилию Криспу сумму в 10 тысяч денариев для «снаряжения и украшения себя», когда тот стал центурионом (Plin. Epist. VI. 25, 2–3). Вероятно, речь идет о назначении на должность преторианского сотника [15, p. 262].

Становится понятно, что рядовой преторианец не мог себе позволить дорогие шлем и доспехи, которые, что закономерно, подчеркивали статус командира в ранге не ниже центуриона. Может быть, прав А. Аргуин, который утверждает о централизованном распределении церемониальной экипировки [9, p. 110]? Действительно, Геродиан (Herod. II. 13. 9–10) и Дион Кассий (Dio. LXXV. 1. 1–2) отмечают, что преторианцы имели короткие мечи, украшенные серебром и золотом. Однако сложно согласиться с А. Е. Негиным, который утверждает, что раз они могли себе позволить богатое декорирование оружие, то были способны на свое жалование приобрести мускульные кирасы [6, с. 43; 8, с. 283].

Допустим, что фиск мог взять на себя расходы по вооружению преторианцев. И уже рельеф времен Клавдия демонстрирует преторианцев в парадной экипировке[3]. Но в этом случае сложно объяснить, почему же только при Нероне после подавления заговора Пизона было отменено взимание с преторианцев платы за хлеб (Tac. Ann. XV. 72, 1), а поборы за отпуск, которые требовали центурионы, упразднил лишь Отон (Tac. Hist. I. 46, 2).

Особенно показательна ситуация с зерном. Стоимость далеко не самого высшего сорта пшеницы составляла в I в. н.э. 8 сестерциев за модий, хотя на рынке можно было найти зерно по стоимости 3–4 сестерция за модий [27, p. 137–138]. В месяц солдат расходовал в среднем 4 модия [3, с. 26; 6, с. 152]. Предположим, что *Annona* взялась снабжать преторианцев зерном не высшего класса. В период от Нерона до Домициана численность гвардии (не берем во внимание ситуацию года четырех императоров) составляла от 6000 до 10000 человек[4]. В месяц преторианцы потребляли примерно 24000–40000 модиев зерна, то есть чуть менее одного килограмма в день на человека [6, с. 223; 39, p. 23–24]. Если берем среднюю цену в 3 сестерция, то затраты в месяц составляли 72000–120000 сестерциев. В год от 864000 до 1440000 сестерциев, то есть 216000–360000 денариев.

Разумеется, гипотетический парадный комплект рядового преторианца, предоставляемый на средства казны, должен был стоить гораздо дешевле, чем вооружение центуриона за 10 тысяч денариев. Что же в него могло входить? Ряд рельефов демонстрируют так называемый псевдоаттический шлем. Если рельеф из Лувра изображает не командиров преторианцев, то мы должны в парадный комплект включить также мускульную кирасу (рис. 1). Возможно, что могли существовать особые версии щитов, не предназначенные для битв и походов. И этим список ограничивается. Украшенные ножны кинжала и меча, как показывает практика легионеров и ауксилариев, неизменно приобретались самими воинами, стремившимися подчеркнуть свой статус. Аналогичная ситуация с *cingulum militare*, декорированием птериг *subarmalis* бахромой, туниками, обувью и прочими элементами солдатской экипировки. Получается, что парадный комплект от ординарного гипотетически отличается псевдоаттическим шлемом и, возможно, мускульной кирасой и щитом. Посмотрим же теперь на вероятные затраты по обеспечению преторианцев дополнительным снаряжением.

Если взять минимальное примерное значение затрат на доспехи и посеребренный шлем, то сумма будет составлять 100–600 денариев. Стоимость экипировки для гвардии составила бы от 600000 до 3600000 денариев. Безусловно, не нужно было каждый год обновлять снаряжение. Срок жизни шлема в провинциальных войсках составлял в среднем 25 лет, в течение которых вещь меняла владельцев несколько раз. В провинциальных войсках, как предполагает А. Е. Негин, обновление армейского фонда оружия должно была происходить хотя бы раз в десятилетие [7, с. 30]. Однако все равно сложно объяснить, почему фиск был готов закупать дорогостоящее вооружение, как минимум, при Клавдии, тогда как зерно стали приобретать для преторианцев лишь при Нероне. Можно попытаться возразить, что приобретение парадного комплекта возлагалось на плечи телохранителей императора. Однако, как мы выяснили выше, затраты на экипировку были слишком дороги для воина даже с учетом повышенного жалования и приобретения оружия в долг с вычитанием его стоимости из жалования. И не стоит забывать, что жизнь в Риме возлагала на преторианца дополнительные расходы [11, p. 57–58].



Рис. 1. «Рельеф с преторианцами», бывший частью Арки Клавдия.
Предполагается, что на нем изображены командиры из преторианских когорт.
Источник: https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010302825

Теперь нужно сопоставить наши, еще раз подчеркнем, очень приблизительные подсчеты с данными о военном бюджете империи. Р. Данкан-Джонс считал, что в период правления Флавиев затраты на армию составляли примерно 670 миллионов сестерциев (167500000 денариев) [19, p. 45–56]. Эти расчеты не включают нерегулярные платежи, стоимость метательных машин, транспорта, выплаты командирам [7, с. 32]. Можно сделать вывод, что оснащение преторианцев парадным комплектом не было бы излишне обременительным для бюджета империи, около 70 % которого могло уходить на нужды армии [19, p. 46].

Помимо затрат существует и проблема логистики. Из рассказа Тацита о восшествии на престол Отона мы знаем, что в *castra praetoria* был арсенал (*armamentarium*) (Tac. Hist. I. 36, 3; 38, 3)[5]. Предназначалась ли экипировка, хранившаяся в нем, для парадов и иных торжественных шествий или же это было запасное оружие [7, с. 60; 8, с. 64]? Это явно был не специальный арсенал для особого снаряжения, учитывая упоминание экипировки легионеров и даже ауксиляриев. Указание Тацита на отличие в экипировке могло указывать на разные щиты, а также на разграничение снаряжения разных подразделений внутри самого армаментария. Впрочем, ничего, на первый взгляд, не препятствует хранению парадного оружия в арсенале.

Известно, что поддержание снаряжения в должном виде было ответственностью воина [7, с. 10]. Практически любой шлем и доспех, даже если это простое типовое изделие, должен соответствовать параметрам воина. Разумеется, к новобранцу предъявлялись достаточно строгие требования, учитывая тяготы военной службы, что исключало широкий диапазон размеров экипировки [2, с. 16–17]. Основной па-

раметр для ношения шлема – это диаметр окружности. Условно можно выделить 3–4 наиболее типовых размеров. При необходимости можно было регулировать плотность подшлемника. С мускульной кирасой все гораздо сложнее. Ее невозможно расклепать и вновь собрать, как кольчугу, или же отрегулировать ремешками, как чешуйчатый доспех. Регулирование толщины поддоспешника дает лишь ограниченные возможности для адаптации доспеха под носителя. К тому же мускульные кирасы при хранении требуют гораздо большего пространства, чем даже так называемые *loricae segmentatae*, которые тоже требовательны к параметрам конкретного носителя. Мысль о том, что комплект парадного доспеха делался под каждого воина индивидуально, крайне сомнительна, учитывая сложность и дороговизну производства. Даже изготовление нескольких типовых размеров кирас и псевдоаттических шлемов открывает возможность для несоответствия по размеру вооружения владельцу, что явно лишало величественности, торжественности и выражаемой силы марширующие ряды преторианцев.

Таким образом, существование парадного комплекта вооружения для преторианцев возможно лишь в случае централизованного заказа за средства, которые закладывались в военный бюджет империи. Мы склоняемся к тому, что практически все известные рельефы, изображающие преторианцев в псевдоаттических шлемах, демонстрируют командиров и кавалеристов, а не рядовых (рис. 2). В остальных же случаях шлемы служили маркером принадлежности к гвардии (как сегментный доспех на Колонне Траяна подчеркивал, что носитель является гражданином).



Рис. 2. Прорисовки детали фриза, посвященного событиям парфянского похода императора Траяна. Источник: D'Amato R., Sumner G. Arms and armour of the Imperial Roman Soldier. From Marius to Commodus, 112 BC – AD 192. London: Frontline Books, 2009. P. 110, fig. 121

Рассмотрим вопрос об обучении преторианцев владению оружием и заведовании арсеналом. Личный состав тренировали прежде всего *evocati*. Так, Вибуллий в посвятительной надписи (CIL. VI 3736 = 31122) отмечен как *exercitator armaturarum*. Наверняка аналогичная должность упоминалась в крайне фрагментированной надписи посвятительной надписи Герою (CIL. VI 2804 = 32579). Возможно, что ранее упоминаемый Модерат (CIL. VI 2725 = ILS. 2034) мог заведовать и вопросами хранения вооружения. Небезынтересна эпитафия Сению Марцеллу (CIL. VI 37215 = ILS. 9070). Он был воином из VI преторианской когорты. При этом Марцелл обозначен как «*discenti armaturae*» – «обучающий вооружению», что является весьма редкой формулировкой в эпиграфике. Не вполне типично отсутствие указаний на срок службы и возраст в эпитафии, поэтому ранг воина установить сложно. Однако можно уверенно заключить, что Марцелл не был эвокатом, поэтому тоже мог выполнять должность *exercitator*.

Теперь же перейдем к рассмотрению экипировки, используемой преторианцами. Начать необходимо с одежды воинов. Рельефы, в том числе надгробные, демонстрируют эволюция одежды преторианцев в течение всей их истории. Примерно до конца II в. наиболее распространенным вариантом верхней одежды была туника, которая представляла собой отрез шерстяной или льняной ткани, иногда с пришитыми короткими рукавами. Она была практически безразмерной, оставляя возможность для вариативной драпировки. При этом воин мог собрать в узел на спине лишнюю ткань[6]. Затем туники становится длиннорукавными и более приталенными, напоминая образцы из Египта. Источники не демонстрируют особый крой или иную специфику туник преторианцев. Мы можем предположить, что, как и в провинциальных войсках, цветовой унификации не было, однако воины больше тяготели к белым (Tac. Hist. II. 89) и красным туникам (Mart. Epig. XIV. 129). Образ преторианца в пурпурных одеяниях не находит подтверждения в источниках. Пурпурный краситель был крайне дорогим, хотя и известны его более дешевые растительные аналоги [41, p. 116]. Воин старался иметь несколько туник, в том числе для повседневных лагерных работ, боя, торжественных шествий, церемоний и парадов. Очевидно, что туники ветеранов и командиров могли быть сшиты из более тонко выделанной ткани, покрашенной дорогим красителем. Римский воин неизменно ассоциируется с пенулой. И мы видим преторианцев в этих плащах на рельефах времен Домициана, а также на фреске из Помпей, которая, возможно, запечатлела императорского телохранителя в желтом плаще (рис. 3). Пенулы встречаются и на монетах времен Нерона (RIC 134; 135; 388) и Адриана (Banti 135) (рис. 4) [1, с. 68].

Примечательным является ношение преторианцами в императорском дворце традиционных тог [11, p. 76]. Ранее мы уже ссылались на обращение Отона к преторианцам, в котором он упоминает *«cohors togata»* (Tac. Hist. I. 38, 2). Остальные же преторианцы, несшие службу в городе, были облачены в тунику, подпоясанную военным поясом, пенулу или сагум, а вооружены были гладиусом (Ios. Ant. Iud. XIX. 14) и пугио [40, p. 181–182]. Появление солдат во всеоружии в Риме было свидетельством гражданской войны, а не правления «наилучшего принцепса». Хотя при исполнении особых поручений, как во время заседания сената по делу Тразеи Пета в 66 г., преторианцы могли быть в полном боевом облачении (Tac. Ann. XVI. 27, 1). Это была демонстрация силы императорской власти.

Наступательный и оборонительный комплекс всадников был почти идентичен экипировке кавалеристов в алах. Разве что качество и отделка брони и оружия соответствовали статусу преторианцев. Также преторианские всадники были вооружены гексагональными щитами с изображениями скорпионов на них [38, p. 52–53].



Рис. 3. Преторианец в желтой пенуле.
Источник: Sumner G. Roman Military Dress. Cheltenham: History Press, 2009. P. 123



Рис. 4. Сестерций с изображением преторианского сигнифера в пенуле.
Отчеканен в период с 134 по 138 гг. Монетный тип: Banti 135.
Источник: URL: https://www.wildwinds.com/coins/ric/hadrian/Banti_135.txt.

Римские воины из граждан и ауксиларии не были столь явно разграничены в своей одежде и экипировке, как это демонстрирует Колонна Траяна. Вопреки стереотипам и преторианцы не брезговали носить штаны, которые из *варварского* предмета одежды окончательно превратились к III в. в практически неотъемлемую часть воинского гардероба. Примерно в то же время преторианцы начинают носить и обмотки. Обувь не отличалась от общеупотребимой. Преторианцы носили как калиги, так и кальцеи. Также заметны и обмотки на ногах преторианцев, что мы видим на рельефах Арки Константина [41, p. 185, fig. 126].

Как мы уже отмечали ранее, зачастую символом принадлежности человека к воинской корпорации был *cingulum militare*. У воинов была широкая вариативность в выборе пластин и количества элементов суспензория в соответствии с военной модой. Источники фиксируют, прежде всего, пояса конца I – начала II в., когда

суспензорий уменьшался. Так, рельеф А из палаццо Канчеллерия запечатлел, вероятно, 4 или 5 полос суспензория (рис. 5). Примечательно, что на изображении преторианцев, стоящих возле Траяна, из Пергама *cingulum militare* не изображен. Этот факт не обязывает нас причислять этих воинов к кавалеристам. На одном из рельефов Трофея Траяна изображены два воина без суспензориев и, возможно, без пояса в целом [10, p. 241]. Как раз во времена Траяна происходит дальнейшая эволюция *cingulum*, следующим этапом которой станет ношение пояса без суспензория, выделяющегося своей круглой пряжкой по центру. Рельеф с Арки Клавдия же демонстрирует пояс с тремя полосами суспензория.



Рис. 5. Рельеф со сценой profectio из палаццо Канчеллерия в Риме.
Датируется временем правления императора Домициана.
Источник: Rankov B. The Praetorian Guard / ill. R. Hook.
Oxford: Osprey Publishing, 1994. P. 46.

Есть и археологическая находка поясной накладки преторианца. Так, известна прямоугольная бронзовая пластина размерами 2,7 на 5,3 см. На ней мы встречаем надпись *C(aius) Iulius Gratus / coh(ortis) V prae(toriae)* (AE. 2015, 1918). К сожалению, информации об обстоятельствах находки нет. Однако упоминаемый Гай Юлий Грат известен по другой надписи (AE. 2001, 1750), что практически исключает вероятность подделки пластины. На основании эпитафии мы можем находку датировать

периодом до второй половины 50-х гг.[7] Пояса надевались как на доспех, так и на тунику, в этом случае использовалась *fascia ventralis* – кушак из ткани.

В рассматриваемый период римские воины носили поддоспешник, известный под названием *subarmalis*. Он снижал давление от доспеха на плечи воина, а также обеспечивал дополнительную защиту. Воины иногда могли защищаться лишь с одним субармалисом без доспеха. Источники однозначно указывают на использование преторианцами поддоспешников (SHA. Sev. VI. 11). *Subarmalis* мог быть изготовлен из различных материалов, а также иметь весьма сильно отличающийся друг от друга крой, как на рельефе из Кроу Хилл антониновского времени [15, p. 129, fig. 73]. Римские воины использовали кожаные поддоспешники, схожие с находкой из Виндониссы [17, p. 138, fig. 183]. Есть описания поддоспешников из ткани и войлока (Caes. B.C. III. 44, 6). Известно, что на территории Италии производился войлок, который использовался для изготовления подшлемников и поддоспешников [7, с. 165]. Впрочем, далеко не всегда можно отличить субармалис от накидки, которая закрывала доспех. Двояко можно интерпретировать изображение воина на Луврском рельефе, а также на изображении преторианца на рельефе из Пергама [41, p. 171, fig. 115]. Многочисленные статуи и рельефы (в том числе уже рассматриваемый ранее фрагмент с Арки Клавдия) демонстрируют птериги – полосы кожи или ткани, которые зачастую украшались бахромой.

Таким образом, облик преторианцев эпохи империи гораздо сложнее, чем официальные рельефы и представления о парадном комплекте, что мы и попытались продемонстрировать. Известные источники не позволяют сделать уверенный вывод о том, что существовал некий унифицированный комплект из псевдоаттического шлема и мускульной кирасы, не предназначенный для гарнизонной службы и походов. Одеждой воины гвардии принципиально не отличались от легионеров и ауксиляриев, военная мода в этом вопросе была практически универсальной. Изменения за несколько столетий облика римских воинов не обошли также и столичный гарнизон, о чем свидетельствует ряд надгробных изображений.

Примечания

1. При этом два пояса было непрактично носить с сегментным доспехом [15, p. 106].
2. Сюжет с подбитой гвоздями обувью рейнских солдат Вителлия в Риме также призван провести черту между сообществом квиритов Города и варваризированной массой воинов (Tac. Hist. II. 88, 3).
3. Рельеф с Арки Клавдия подвергся более поздним реставрациям. Часть аквилы и левой фигуры, орел на фронтоне шлема и усы были созданы реставраторами [13, p. 41]. М. Дюрри, ссылаясь на недоступные нам работы XVIII в., указывает, что комментаторы на рельефе видели надпись «Soldati pretoriani ammutinati». Однако термин «soldati» в латинской эпиграфике и литературе не фиксируется. Он также ранее сомневался в подлинности рельефа. В качестве аргумента Дюрри называет отсутствие фактов использования офицерами скутумов [20, p. 225–226]. На данный момент известно, что такое утверждение неверно.
4. Есть подсчеты, что зерновые в рационе на уровне 2800 калорий, свойственный воинам, могли составлять до 70 % [26, p. 46].
5. Тацит упоминает, что расхватывалось в беспорядке вооружение (отдельно отмечает щиты и шлемы) преторианцев, легионеров и ауксиляриев. Если упоминание легионеров еще можно объяснить созданным незадолго до этого легионом из моряков I Adiutrix, то насчет ауксила-риев вопрос сохраняется.
6. Рельеф из Чатсуорт-хаус изображает, предположительно, преторианцев, которые занимаются сожжением записей о налоговых задолженностях по приказу Адриана в 118 г. Воин носит тунику, лишняя ткань которой собрана в узел на спине [41, p. 37, fig. 26].
7. Как отмечают редакторы «L'Année épigraphique», IV Скифский легион в 56 или 57 г. был переведен из Мезии в Сирию, тогда как памятник установлен в Филиппополе.

Список источников и литературы

1. *Абрамзон М. Г.* Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1994. 270 с.
2. *Банников А. В.* Быть легионером. СПб.: Евразия, 2019. 160 с.
3. *Дандо-Коллинз С.* Легионы Рима: Полная история всех легионов Римской империи: история, атрибутика и символика, стратегия и тактика сражений, экипировка, особенности военного искусства / пер. с англ. Н. Ю. Живловой. М.: Центрополиграф, 2013. 639 с.
4. *Дороненко И. А., Винокурова Т. Н.* Преторианская гвардия в кинематографе // Лингвокультурологические особенности иноязычного дискурса: сб. науч. работ. Омск: ИЦ КАН, 2020. Вып. 6. С. 60–72.
5. *Дьяченко А. Ю.* Эволюция оборонительного снаряжения пехотных частей преторианской гвардии в I-II вв. н. э. (по данным иконографии) // Parabellum novum: военно-исторический журнал. 2014. № 2 (35). С. 52–59.
6. *Махлаюк А. В., Негин А. Е.* Повседневная жизнь римской армии в эпоху Империи: монография. СПб.: Евразия, 2021. 512 с.
7. *Негин А. Е.* Римская военная машина: производство вооружения в ранней Римской империи. СПб.: Евразия, 2020. 320 с.
8. *Негин А. Е.* Римский декорированный доспех эпохи принципата. М.: Фонд «Русские витязи», 2020. 423 с.
9. *Argüín A. R. M.* Pretorianos: la guardia imperial de la antigua Roma. Madrid: La Esfera de los Libros, 2015. 246 p.
10. *Bennett J.* Two Roman Soldiers in Istanbul: Praetorian Guardsmen or Centurions? // Anatolica. 2020. Vol. 46. P. 239–248. URL: https://doi.org/10.2143/ANA.46.0.3288926 (accessed: 01.05.2026).
11. *Bingham S.* The Praetorian Guard: A History of Rome's Elite Special Forces. London: I. B. Tauris, 2013. 246 p.
12. *Bishop M.* The early imperial 'apron' // Journal of Roman Military Equipment Studies. 1992. Vol. 3. P. 81–98.
13. *Bishop M. C.* Roman Plate Armour / ill. G. Rava. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2022. 65 p.
14. *Bishop M. C.* Roman Shields / ill. G. Rava. Oxford: Osprey Publishing Ltd., 2020. 65 p.
15. *Bishop M. C., Coulston J. C.* Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. 2nd ed. Oxford: Oxbow books, 2006. 322 p.
16. Corpus inscriptionum Latinarum consilio et auctoritate Academiae litterarum Borussicae editum. Vol. 1–16. Berolini, 1863–1955.
17. *D'Amato R., Sumner G.* Arms and armour of the Imperial Roman Soldier. From Marius to Commodus, 112 BC–AD 192. London: Frontline Books, 2009. 290 p.
18. *Dio Cassius*. Roman History. Vol. 9: Books 71–80 / transl. E. Cary. Cambridge: Harvard University Press, 1927. 572 p.
19. *Duncan-Jones R.* Money and government in the Roman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 300 p.
20. *Durry M.* Les cohortes pretoriennes. Paris: E. de Boccard, 1938. 454 p.
21. Griechische Papyri im Museum des oberhessischen Geschichtsvereins zu Giessen. Band I, Heft II / ed. O. Eger, E. Kornemann, P. M. Meyer. Leipzig; Berlin: Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1910. 109 S.
22. *Harrauer H., Seider R.* Ein neuer lateinischer Schuldschein: P. Vindob. L 135 // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1979. Bd. 36. S. 109–120.
23. Herodian. History of the Empire. Vol. 1: Books 1–4 / ed. C. R. Whittaker. Cambridge: Harvard University Press, 1969. 576 p.
24. The scriptores Historia Augusta. Vol. 1: Hadrian; Aelius; Antoninus Pius; Marcus Aurelius Antoninus; Lusius Verus; Avidius Cassius; Commodus; Pertinax; Didius Julianus; Septimius Severus; Pescennius Niger; Clodius Albinus / ed. D. Magie. Cambridge: Harvard University Press, 1921. 544 p. (The Loeb Classical Library).

25. Inscriptiones Latinae Selectae / ed. H. Dessau. Vol. 1–3. Berolini: Weidmann, 1892–1916.
26. *James P.* Food Provisions for Ancient Rome: A Supply Chain Approach. London: Routledge, 2020. 240 p.
27. *Jasny N.* Wheat prices and milling costs in classical Rome // Wheat Studies of the Food Research Institute. 1944. Vol. 20 (4). P. 137–170.
28. *Josephus*. Jewish Antiquities. Vol. 8: Books 18–19 / ed. L. H. Feldman. Cambridge: Harvard University Press, 1965. 431 p.
29. *Juvenalus*. D. Junii Juvenalis. Saturae. Leipzig, 1873. 342 S.
30. L'Année épigraphique. Paris: Presses Universitaires de France, 1888–pr.
31. *MacMullen R.* Inscriptions on Armor and the Supply of Arms in the Roman Empire // American Journal of Archaeology. 1960. Vol. 64 (1). P. 23–29.
32. *Martial*. Epigrams. Vol. 3: Books 11–14 / ed. D. R. Shackleton Bailey. Cambridge: Harvard University Press, 1993. 397 p.
33. *Mattingly H. B., Sydenham E. A.* Roman Imperial Coinage. Vol. 1: From 31 BC to AD 69. London: Spink, 1984. 354 p.
34. *Mattingly H. B., Sydenham E. A.* Roman Imperial Coinage. Vol. 2: Vespasian to Hadrian. London: Spink, 1926. 579 p.
35. *Mattingly H. B., Sydenham E. A.* Roman Imperial Coinage. Vol. 3: Antoninus Pius to Commodus. London: Spink, 1930. 540 p.
36. *Petersen E.* Die Marcus-Säule auf Piazza Colonna in Rom. München, 1896. 125 S.
37. Pliny (the Younger). Letters and Panegyricus. Vol. 1: Letters, Books 1–7 / ed. B. Radice. Cambridge: Harvard University Press, 1969. 572 p.
38. *Rankov B.* The Praetorian Guard / ill. R. Hook. Oxford: Osprey Publishing, 1994. 65 p.
39. *Roth J. P.* The Logistics of the Roman Army at War: 264 BC–AD 235. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. 399 p.
40. *Silverio E.* «Cohortes praetoriae» e «cohors togata»: a proposito di tesi vecchie e nuove // Bollettino Unione Storia ed Arte. 2013. Vol. 8. P. 171–184.
41. *Sumner G.* Roman Military Dress. Cheltenham: History Press, 2009. 224 p.
42. *Tacitus*. The Histories / transl. C. H. Moore; The Annals / transl. J. Jackson. Vol. 4: Annals, Books 13–16. Cambridge: Harvard University Press, 1937. 423 p.
43. *Tacitus*. Annals: Books 4–6, 11–12 / transl. J. Jackson. Cambridge: Harvard University Press, 1937. 424 p.
44. *Tacitus*. Histories: Books 1–3 / transl. C. H. Moore. Cambridge: Harvard University Press, 1925. 492 p.
45. *Tacitus*. Histories: Books 4–5. Annals: Books 1–3 / transl. C. H. Moore. Cambridge: Harvard University Press, 1931. 650 p.

References

1. Abramzon, MG 1994, *Rimskaya armiya i yeyo lider po dannym numizmatiki* (Roman Army and Its Leader According to Numismatic Data), Chelyab. gos. un-t publ, Chelyabinsk. (In Russ.)
2. Bannikov, AV 2019, *Byt legionerom* (To Be a Legionary), Yevraziya, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Dando-Collins, S 2013, *Legiony Rima. Polnaya istoriya vsekh legionov Rimskoy imperii* (Legions of Rome: The Definitive History of Every Imperial Roman Legion), trans. by N. Zhivlova, Tsentropoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
4. Doronenko, IA & Vinokurova, TN 2020, 'Pretorianskaya gvardiya v kinematografe' (The Praetorian Guard in Cinematograph), *Lingvokulturologicheskiye osobennosti inoyazychnogo diskursa* (Linguocultural Features of Foreign Language Discourse. A Collection of Scientific Papers), no. 6, pp. 60-72. (In Russ.)
5. Dyachenko, AYu 2014, 'Evolyutsiya oboronitelnogo snaryazheniya pekhotnykh chastey pretorianskoy gvardii v I-II vv. n.e. (po dannym ikonografii)' (The Evolution of Defensive Equipment of the Praetorian Guard Infantry Units in the 1st-2nd Centuries AD (Based on Iconography), *Parabellum novum: voyenno-istoricheskiy zhurnal*, no. 2 (35), pp. 52–59. (In Russ.)

6. Makhlayuk, AV & Negin, AE 2021, *Povsednevnaya zhizn rimskoy armii v epokhu Imperii* (Everyday Life of the Roman Army in the Imperial Era), Yevraziya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Negin, AE 2020a, *Rimskaya voennaya mashina: proizvodstvo vooruzheniya v ranney Rimskoy imperii* (Roman Military Machine: Weapons Production in the Early Roman Empire), Yevraziya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Negin, AE 2020b, *Rimskiy dekorirovannyy dospekh epokhi printsipata* (Roman Decorated Armour of the Principate), Fond "Russkiye vityazi" publ, Moscow. (In Russ.)
9. Argüín, ARM 2015, *Pretorianos: la guardia imperial de la antigua Roma*, La Esfera de los Libros publ, Madrid. (In Span.)
10. Bennett, J 2020, 'Two Roman Soldiers in Istanbul: Praetorian Guardsmen or Centurions?', *Anatolica*, vol. 46, pp. 239–248, viewed 1 May 2026, https://doi.org/10.2143/ANA.46.0.3288926.
11. Bingham, S 2013, *The Praetorian Guard: A History of Rome's Elite Special Forces*, I.B. Tauris publ, London.
12. Bishop, M 1992, 'The early imperial 'apron', *Journal of Roman Military Equipment Studies*, vol. 3, pp. 81–98.
13. Bishop, MC 2022, *Roman Plate Armour*, Osprey Publishing Ltd publ, Oxford.
14. Bishop, MC 2020, *Roman Shields*, Osprey Publishing Ltd publ, Oxford.
15. Bishop, MC & Coulston, JC 2006, *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome*, 2nd edn, Oxbow Books publ, Oxford.
16. *Corpus inscriptionum Latinarum consilio et auctoritate Academiae litterarum Borussicae editum* 1863-1955, vol. 1-16, Berolini. (In Latin)
17. D'Amato, R & Sumner, G 2009, *Arms and Armour of the Imperial Roman Soldier. From Marius to Commodus, 112 BC-AD 192*, Frontline Books publ, London.
18. Dio Cassius 1927, *Roman History*, vol. 9, books 71-80, ed. by E. Cary, Harvard University Press publ, Cambridge.
19. Duncan-Jones, R 1994, *Money and Government in the Roman Empire*, Cambridge University Press publ, Cambridge.
20. Durry, M 1938, *Les cohortes pretoriennes*, E. de Boccard publ, Paris. (In French)
21. Eger, O, Kornemann, E & Meyer, PM (eds.) 1910, *Griechische Papyri im Museum des oberhessischen Geschichtsvereins zu Giessen*, vol. 1, no. 2, Druck und Verlag von B. G. Teubner publ, Leipzig, Berlin. (In Germ.)
22. Harrauer, H & Seider, R 1979, 'Ein neuer lateinischer Schuldschein: P. Vindob. L 135', *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, vol. 36, pp. 109-120. (In Germ.)
23. Herodian 1969, *History of the Empire*, vol. 1, books 1-4, ed. by C.R. Whittaker, Harvard University Press publ, Cambridge.
24. Magie, D (ed.) 1921, 'Hadrian. Aelius. Antoninus Pius. Marcus Aurelius. L. Verus. Avidius Cassius. Commodus. Pertinax. Didius Julianus. Septimius Severus. Pescennius Niger. Clodius Albinus', *Historia Augusta*, vol. 1, Harvard University Press publ, Cambridge.
25. Dessau, H (ed.)1892-1916, *Inscriptiones Latinae Selectae*, vol. 1-3, Weidmann publ, Berolini. (In Germ.)
26. James, P 2020, *Food Provisions for Ancient Rome: A Supply Chain Approach*, Routledge publ, London, New York.
27. Jasny, N 1944, 'Wheat prices and milling costs in classical Rome', *Wheat Studies*, vol. 20, no. 4, pp. 137-170.
28. Josephus 1965, Jewish Antiquities, vol. 8, books 18-19, ed. by L.H. Feldman, Harvard University Press publ, Cambridge.
29. Juvenalus, D 1873, *Junii Juvenalis. Saturae*, Leipzig. (In Latin)
30. *L'Année épigraphique* 1888-pr, Presses Universitaires de France publ, Paris. (In French)
31. MacMullen, R 1960, 'Inscriptions on Armor and the Supply of Arms in the Roman Empire', *American Journal of Archaeology*, vol. 64, no. 1, pp. 23-29.
32. Martial 1993, *Epigrams*, vol. 3, books 11-14, ed. by D.R. Shackleton Bailey, Harvard University Press publ, Cambridge.
33. Mattingly, HB & Sydenham, EA 1926, 'Vespasian to Hadrian', *Roman Imperial Coinage*, vol. 2, Spink and Son Ltd publ, London.

34. Mattingly, HB & Sydenham, EA 1930, 'Antoninus Pius to Commodus', *Roman Imperial Coinage*, vol. 3, Spink and Son Ltd publ, London.
35. Mattingly, HB & Sydenham, EA 1984, 'From 31 BC to AD 69', *Roman Imperial Coinage*, vol. 1, Spink and Son Ltd publ, London.
36. Petersen, E 1896, *Die Marcus-Säule auf Piazza Colonna in Rom*, München. (In Germ.)
37. Pliny the Younger 1969, Letters, vol. 1, books 1-7, ed. by B. Radice, Harvard University Press publ, Cambridge.
38. Rankov, B & Hook, R 1994, *The Praetorian Guard*, Osprey Publishing publ, Oxford.
39. Roth, JP 1999, *The Logistics of the Roman Army at War: 264 BC-AD 235*, Brill publ, Leiden, Boston, Köln.
40. Silverio, E 2013, "Cohortes praetoriae" e "cohors togata": a proposito di tesi vecchie e nuove', *Bollettino Unione Storia ed Arte*, vol. 8, pp. 179-189. (In Ital.)
41. Sumner, G 2009, *Roman Military Dress*, History Press publ, Cheltenham.
42. Tacitus 1937, 'Annals', books 13–16, *The Histories*, trans. C. H. Moore, J. Jackson, vol. 4, Harvard University Press publ, Cambridge.
43. Tacitus 1937, *Annals*, books 4–6, 11–12, trans. J. Jackson, Harvard University Press publ, Cambridge.
44. Tacitus 1925, *Histories*, books 1–3, trans. C. H. Moore, Harvard University Press publ, Cambridge.
45. Tacitus 1931, 'Annals', books 1–3, *Histories*, books 4–5, trans. C. H. Moore, Harvard University Press publ, Cambridge.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2026
Одобрена после рецензирования: 01.06.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 05.05.2026
Approved after reviewing: 01.06.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 36–47.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 36–47.

Научная статья
УДК 94(47).02 + 821.161.1 + 930.24
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-36-47

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВГОРОДСКОГО ПРЕДАТЕЛЯ УПАДЫША В НОВГОРОДСКОЙ IV ЛЕТОПИСИ (ПО СТРОЕВСКОМУ И СИНОДАЛЬНОМУ СПИСКАМ)

Андрей Андреевич Деулин

Санкт-Петербургский государственный университет. Институт истории
Санкт-Петербург, Россия,
st129584@student.spbu.ru
https://orcid.org/0009-0003-7959-4453

Аннотация. В статье анализируется образ новгородского предателя Упадыша, чья фигура занимает важное место в контексте повествования Строевского и Синодального списков Новгородской IV летописи о походе великого князя Ивана III на Новгород в 1471 г. Автором статьи применяется центонно-парафразный метод, основанный на выявлении и анализе прямых и скрытых цитат, содержащихся в анализируемом тексте с целью последующего обращения к контексту их источника. С помощью данного метода в летописном тексте удалось выявить набор немаркированных цитат. Комплекс цитат, взятых летописцем из Триоди цветной и из 108-го псалма, свидетельствует о том, что автор сравнивает Упадыша с новозаветным предателем Иудой, с помощью же цитат, взятых из текста Миней четьих за февраль летописец связывал образ новгородского изменника с императором Юлианом Отступником. Также в статье уделяется внимание анализу прямой цитаты, взятой из 1-го Послания апостола Павла к Тимофею, в результате анализа которой можно сделать вывод, что корыстолюбие Упадыша символизировало уклонение от христианской веры и служило антипримером для остальных новгородцев. Сопоставление текста летописи и текстов источников, которыми пользовался ее автор, убедительно доказывает, что он не просто переписывал отдельные выражения, а тщательно подбирал их и компилировал, выстраивая собственный текст. Выявление этих цитат, таким образом, позволило показать, что обличения новгородского изменника не являются авторским текстом, как считалось ранее, но представляют из себя умелую компиляцию, анализ которой дает возможность глубже понять взгляд новгородского летописца. В результате, делается общий вывод о том, что оценка Упадыша летописцем основывалась не на политических пристрастиях автора – для него Упадыш был символом угрозы христианам и христианской вере в Новгороде.

Ключевые слова: Новгород, Новгородская IV летопись, Строевский и Синодальный списки, Упадыш, Иуда, Юлиан Отступник, 1-е Послание апостола Павла к Тимофею, Апостол, Апостол апракос, Толковый Апостол, Триодь цветная, Псалтирь, Минея четья за февраль.

Для цитирования: Деулин А. А. Репрезентация новгородского предателя Упадыша в Новгородской IV летописи (по Строевскому и Синодальному спискам) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 36–47. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-36-47

Сведения об авторе: *А. А. Деулин* – студент кафедры истории славянских и балканских стран, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

© Деулин А. А., 2026

Scientific Article
UDC 94(47).02 + 821.161.1 + 930.24
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-36-47

REPRESENTATION OF THE TRAITOR UPADYSH IN NOVGOROD FOURTH CHRONICLE (ACCORDING TO STROEVSKY AND SYNODAL LISTS)

Andrey A. Deulin

St. Petersburg State University, Institute of History
St. Petersburg, Russia, st129584@student.spbu.ru
https://orcid.org/0009-0003-7959-4453

Abstract. The article analyzes the image of Upadysh, the traitor to Novgorod and a person who occupies an important place in the context of Stroevsky and Synodal lists narrative of the Novgorod Fourth Chronicle about the campaign of Ivan the Great against Novgorod in 1471. The author uses the cento-paraphrase method, which includes identifying and analyzing direct and unacknowledged quotes contained in the text under consideration in order to refer to the context of their source. Using this method, it was possible to identify a set of unmarked quotes in the chronicle text. Quotes taken by the chronicler from the Pentekostsarion and Psalm 108 indicates that the author compares Upadysh to the betrayer Judas from the New Testament. The chronicler also used quotations from the February text of the Menaion to associate the image of the Novgorod traitor with Emperor Julian the Apostate. The article also focuses on analyzing a direct quote from the First Epistle to Timothy by the Apostle Paul, which suggests that Upadysh's greed symbolized his departure from the Christian faith and served as an anti-example for the rest of the Novgorodians. By comparing the text of the chronicle with the sources used by its author, it becomes evident that Upadysh did not simply copy individual phrases but carefully selected and compiled them to create his own text. By identifying these quotes the author shows that the denunciations of the Novgorod traitor are not the author's text, as previously believed, but rather a skillful compilation, the analysis of which provides a deeper understanding of the Novgorod chronicler's views. As a result, the chronicler's assessment of Upadysh was not based on the political biases, but rather on Upadysh's symbolism as a threat to Christians and the Christian faith in Novgorod.

Keywords: Novgorod, Novgorod Fourth Chronicle, Stroevsky and Synodal Lists, Upadysh, Judas, Julian the Apostate, First Epistle to Timothy, Apostle, Apostle Aprakos, Exegetical Apostle, Pentekostsarion, Book of Psalms, Menaion for February.

For citation: Deulin, AA 2026, 'Representation of the Traitor Upadysh in the Novgorod Fourth Chronicle (According to the Stroevsky and Synodal Lists)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 36–47, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-36-47 (in Russ.)

Information about the Author: *Andrey A. Deulin* – student, Chair of History of Slavic and Balkan Countries, St. Petersburg State University, Institute of History, 5 Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034, Russia.

© Deulin A. A, 2026

Введение

Строевский и Синодальный списки Новгородской IV летописи представляют собой важнейший источник, излагающий новгородскую точку зрения на события последних лет существования Новгородской республики. Первый датируется 1544 г., второй – 1470–1480-ми гг. [3, с. 167–168]. Их значимость состоит в том, что оба содержат уникальное по сравнению с другими списками летописное продолжение после 1447 г. (до которого идет текст, общий для всех списков, относящихся к младшей редакции Новгородской IV летописи [3, с. 168]), отражающее, как полагал Я. С. Лурье, независимое новгородское летописание [9, с. 132], что позволяет реконструировать, насколько это возможно, новгородский взгляд на процесс покорения Новгородской республики.

В летописном повествовании, посвященном походу великого князя Ивана III на Новгород (1471 г.), особое место занимает фигура предателя Упадыша, заколотившего пять пушек во время ожидавшегося прибытия московских войск под стенами Новгорода. В дореволюционной историографии о нем писали Н. М. Карамзин [7, с. 44] и С. М. Соловьев [28, с. 23], однако они ограничились простым упоминанием факта его измены и последовавшей затем казни.

В советской историографии прослеживается тенденция анализа поведения Упадыша в контексте социально-политической конфронтации, имевшей место в Новгороде после разгрома его основных сил в битве на реке Шелони. Д. С. Лихачев, относя Упадыша к числу сторонников великого князя, заметил, что «Летописец терял присущее ему спокойствие тона, как только подходил к предметам, близко касавшимся его политических убеждений, и разражался в этих случаях многословными тирадами против своих политических врагов всюду, где находил это возможным» [8, с. 89]. Ю. Г. Алексеев полагал, что «“перевет” Упадыша можно рассматривать как показатель настроения значительных слоев новгородцев, их нежелание сражаться против войск всей Русской земли, за интересы своих олигархов, предававших город и землю польскому королю» [2, с. 158–159]. Данный поступок, по мнению исследователя, «с несомненностью свидетельствует о начинающемся моральном разложении защитников города, об упадке воинского духа, нравственности и дисциплины» [1, с. 81]. Схожей точки зрения придерживался Я. С. Лурье, полагая при этом, что «летописец сочувствовал новгородским “меньшим людям” и осуждал “лучших”» [9, с. 161].

В последних исследованиях достаточно четко прослеживается повышенное внимание к особенностям текста, посвященного новгородскому предателю, и его места в контексте общего летописного изложения событий 1471 г. А. Г. Бобров отметил, что в этом месте «летописец отступает от делового стиля изложения, поднимаясь до высокой патетики» [3, с. 239]. О. Ю. Чирейкина также справедливо замечает, что «финальная часть повести… проникнута патетикой» [31, с. 77]. Н. А. Демичева обратила внимание на то, что «в обращении к предателю Упадышу» представлено «яркое эмоциональное и риторическое начало» [5, с. 96]. Исследовательницы подчеркнули использование автором риторических вопросов и восклицаний [5, с. 96; 31, с. 77], а Н. А. Демичевой было также отмечено частое использование летописцем слов с корнем зъл- [5, с. 96–97]. Таким образом, в современной историографии прослеживается тенденция отхода от классового подхода при анализе характеристики поступка Упадыша в сторону анализа посвященного ему текста.

При этом фигура Упадыша, его образ и символическое место в контексте летописного изложения событий 1471 г. до сих пор являются не до конца раскрытыми, несмотря на его очевидную значимость для летописца. Понять логику автора – значит понять смысл исследуемого текста, его идейную направленность. Для достижения этой цели в работе применяется центонно-парафразный метод, наиболее разра-

ботанный в работах И. Н. Данилевского [4] и А. И. Филюшкина [30] и состоящий в выявлении и анализе прямых и скрытых цитат, содержащихся в исследуемом тексте и дальнейшем обращении к контексту цитируемого памятника, что позволяет приблизиться, насколько это возможно, к летописному замыслу и миновать навязывание источнику современных интерпретаций.

Основная часть

Текст Строевского и Синодального списков Новгородской IV летописи, посвященный обличению Упадыша, как нам удалось выявить, содержит значительное количество цитат из различных богослужебных книг.

При этом сам по себе факт предательства Упадыша, рассматриваемый летописцем в качестве девиантного поступка во время осадного положения в городе, не является чем-то уникальным в древнерусской литературе. Н. А. Демичева отметила, что «осада города является исходной ситуацией, которая провоцирует людей на отклоняющееся от нормы поведение» [6, с. 256], приведя многочисленные примеры из древнерусской литературы, подтверждающие эту мысль. Однако, если модель изложения рассказа о поступке Упадыша действительно является вполне традиционной (в нем содержатся указание на условия, в которых была совершена измена, информация о судьбе предателя и его обличение), то его смысловое содержание, передаваемое составителем летописи с помощью различных религиозных цитат, является уникальным. Заметим также, что летописец посвятил обличению Упадыша больше места, чем описанию Шелонской битвы (15, 5 строчек по сравнению с 11, 3 по печатному изданию текста), которая, на первый взгляд, представляется более значимым событием, чем судьба мелкого, ни на что в итоге не повлиявшего предателя. Однако именно его фигура привлекла внимание летописца, из чего следует, что она была для него значимой.

Указав на это обстоятельство, перейдем к анализу цитат. Начнем с единственной маркированной (то есть, содержащей указание на источник ее происхождения) цитаты, взятой из 1-го Послания к Тимофею: «хощеть и богатитися, впадають во зло» [26, с. 448]. Данный текст воспроизведен летописцем не совсем точно: в послании Павла соответствующее место звучит так: «Хотящеи и богатитися въпадаютъ въ напасти и похоти многы несъмыслъни и вреждающая (*здесь и далее курсив мой – А. Д.*), яже погружаютъ человека всегубительство истлениоу и погыбель» [14, л. 312 об.]. Нами было просмотрено 18 списков Апостолов, относящихся к XV либо к началу XVI в., то есть хронологически близких исследуемым событиям. Во всех них нами было выявлено отличие от летописной цитаты, из чего можно сделать вывод, что летописец, скорее всего, цитировал этот фрагмент по памяти.

Перед тем, как перейти к анализу смыслового содержания данной цитаты, рассмотрим возможные источники ее получения. Апостольские послания до появления Геннадиевской Библии 1499 г. находились в составе Апостола. Он, в свою очередь, имел разновидности: стандартный Апостол, содержащий тексты посланий, Апостол апракос, в котором тексты посланий поделены на зачала и разнесены по дням службы, и, наконец, Толковый Апостол, текст которого представляет из себя славянский перевод толкований Феофилакта Болгарского, появившийся на Руси не позднее XIII в. [10, с. 259] и бытовавший также в XV в. К сожалению, по той цитате, что содержится в летописи, невозможно определить, каким вариантом Апостола мог воспользоваться летописец (во всех вариантах Апостола фраза отличается от летописной). Тем не менее некоторые наблюдения сделать возможно.

Рассматриваемая нами цитата включена в зачало 287. В нем содержатся предостережения против неумеренного стяжательства, подтверждаемые выражениями: «ничто же бо вънесохом въ миръ яве же яко ни изнести что можем» [14, л. 312 об.], «корен бо въсемь злыим || есть сребролюбие» [14, л. 312 об.–313] и далее

самое главное — «емоу же неции желающе заблудивше прельстишася от истинныя веры и себе пригвоздиша болезнемъ многым, ты же о человече Божии сихъ отбегаи» [14, л. 313]. В толковании Феофилакта Болгарского, содержащимся в Толковом Апостоле также уточняется, что стремление к богатству, сребролюбию «помрачаеть бо душевнеи очи и не дасть ити праве» [24, л. 271 об.]. Зачало 289 (из той же главы послания) также содержит обращение к богатым: «Богатыимь въ нинешнемь веце запрещаи… оуповати на богатьство изгыбающее но на Бога Живаго» [14, л. 313 об.], «благое делати, богатитися въ делех добрых, благоподатливом быти съ обещником || съкрывающе себе основание добро въ грядущее, да приимутся за вечнуя жизнь» [14, л. 313 об.–314]. Павел, предостерегая богатых, подчеркивает необходимость накопления богатства духовного, а не земного, именно оно должно быть целью в нынешней жизни. В Толковом Апостоле эта мысль развивается: «Соуть бо ини богатии нъ не въ веце сем. Истиннии богатии иже и праведници яве» [24, л. 272 об.], при этом в толковании присутствует указание о том, что «ничто же бо тако яко богатство надымаеть и выситъ» [24, л. 272 об.]. Таким образом, в толковании противопоставляется идея богатства земного, которое делает человека надменным, и богатства небесного, которым обладают праведники. При этом апостол Павел подчеркивает важность накопления духовного богатства для получения жизни вечной, что имеет сотериологическую и эсхатологическую окраску. Своего ученика Тимофея он, напротив, призывает удаляться от желающих богатства: «сихь отбегаи» [14, л. 313], поскольку он должен «емлися за вечнуя жизнь въ неи же звань бысть» [14, л. 313]. Соблюдать же это наставление он должен «до явления Господа нашего Исуса Христа еже въ своя времена явить» (в Толковом Апостоле также даются комментарии, подразумевающий второе пришествие: «Явление помяноу Господне», «Се же есть въ пришедьшее» [24, л. 272]). Таким образом, этот фрагмент, с одной стороны, противопоставлял поведение богатеющих людей и поведение, к которому должно стремиться. Приведенные выше цитаты имеют эсхатологический контекст: соблюдать это повеление следует вплоть до второго пришествия. Схожие эсхатологические сюжеты прослеживаются, как было отмечено выше, и в Толковом Апостоле.

Из текста послания следует, что стремление к богатству ведет к уклонению от веры, именно от таких людей и от таких поступков призывает уклоняться своего ученика апостол Павел, ибо он человек Божий. Летописец перед тем, как привести данную цитату пишет, что Упадыш «отъ того мзду вземъ отъ злоначалнаго беса, и оттого в напасти и в поползеніе пагубное свѣта лишающася» [26, с. 447–448]. Выделенная часть фразы взята из фрагмента Минеи четьей за февраль, к ней мы обратимся ниже. Выражение же «свѣта лишающася» может означать уклонение от веры, поскольку свет в христианстве является образом Христа и лишение света символизировало уклонение от Спасителя (ср.: «Азъ есмь светъ миру ходяи по Мне, не имать ходити въ тме, но и || мать свет животныи» [25, л. 264 об.–265].

Таким образом, корыстолюбие Упадыша имеет не только и не столько материальное содержание: его уклонение в богатство влечет к отпадению от истины и веры, и, следовательно, связывает его с силами тьмы. Его поступок, следовательно, мог пониматься летописцем как прельщение, которое влечет к духовной пустоте и в конечном итоге лишает вечной жизни. От такого примера согласно цитируемому посланию необходимо уклоняться и соблюдать нравственную чистоту, чтобы получить вечную жизнь, в этом, как мы считаем, состояла одна из целей привлечения данной цитаты составителем летописи – алчность Упадыша служила антипримером для остальных новгородцев.

Рассмотрим далее вторую характеристику Упадыша. Анализ трех немаркированных цитат позволяет выявить в его образе черты, роднящие его с Иудой Искариотом. Первая половина летописной фразы «О, колика блага не памятивъ, недоста-

точное оума достиглъ еси!» [26, с. 448] взята из Триоди цветной за Великий Пяток: «о коликих благъ беспамятливъ и твои оубо неблагодарныи обличаеться нравъ» [21, л. 64 об.]. В богослужении за этот день приводится множество обличений Иуды, акцент делается на его предательстве и неблагодарности в отношении Христа, с которым он сидел за одним столом. В летописи в предшествующем данной фразе предложении летописец обличает Упадыша по схожей модели: он продает за деньги свой родной город: «на мьзды ли предаеши врагомъ Новгород» [26, с. 448], тот самый, в котором он «сладкого брашна вкусилъ» [26, с. 448]. Первый оборот напоминает обвинение Иуды, которое находится в тексте Триоди: «на тридесятих сребреницехъ продаеши Господа» [21, л. 63 об.]. Второй оборот, вероятно, тоже заимствован из Триоди (за Великую Субботу): «За древнее Христе въкоушение сладко брашно Ты въкоуси зълци за тлю смертноую изълея Спасе честноую Свою кровь яко всемогаи» [13, л. 19 об.]. Приведенный текст представляет из себя тропарь четвертой песни канона Великой Субботы, составленного преподобной Кассией (его можно обнаружить в древних списках Триоди, в дальнейшем тропарь этого канона заменяется другим, однако не исключено, что летописец мог знать этот текст). Тем не менее данный оборот, если он использовался летописцем, представляет из себя риторическую фигуру и содержит иной смысл, нежели в летописном тексте (в Триоди речь идет о том, что Христос пострадал за грехопадение первых людей, «сладко брашно» – образ запретного плода). В тексте Триоди за Великий Пяток мы также встречаем несколько раз выражение «беззаконныи ж Иоуда не въсхоте разоумети» [21, л. 62], что напоминает вторую часть летописной фразы: «недостаточное оума достиглъ еси!».

Таким образом, обличение Упадыша в неблагодарности перед Великим Новгородом сравнивается с неблагодарностью Иуды по отношению ко Христу. Данный оборот, следовательно, также придает городу определенный сакральный статус.

Фраза «Оуне бы ти, Оупадыше, аще не былъ бы во оутробѣ матерни: не бы былъ нареченъ предатель Новуграду» [26, с. 448] снова восходит к Триоди: «Оуне ти бы было Июдо аще бы не былъ бы въ оутробе матерьни оуне ти бы предателю дабы не родилъся отълоучение Сына Божия» [27, л. 18]. Данное песнопение было выявлено С. Н. Тутолминой в древнейших списках триодных песнопений [29, с. 295]. В дальнейшем, как можно проследить по рукописной традиции XIV–XVI вв., оно выходит из употребления. Тем не менее нам удалось обнаружить его в двух Стихирарях постных и цветных XVI в. [15, л. 461; 16, л. 241], а также в двух Триодях цветных, датируемых тем же столетием [11, л. 90; 12, л. 50 об.]. Найти данный текст в рукописях XV в. пока не удалось, однако очевидно, что данное песнопение, как минимум с XI–XII вв. (по датировке древнейшего списка Триоди цветной, хранящегося в РГАДА) было известно на Руси и оставалось таковым в XVI в. (пусть и сохранившись в очень небольшом числе рукописей).

В данном фрагменте легко заметить, как образ Иуды прямо транслируется на Упадыша, а предательство последним Великого Новгорода снова сопоставляется с предательством Иисуса Христа. Таким образом, измена Упадыша приобретала не только и столько политический характер. Она имела церковный, религиозный оттенок, выводивший ее на более высокий и, следовательно, значимый уровень. Вероятно, Триодь послужила основой для выражения «сборищу лукавому предати» из оборота: «но вся яже во гради погубити и сборищу лукавому предати» [26, с. 448], поскольку в указанных произведениях содержится следующее выражение: «Дьньсь иже на Христоса лоукавыи събърася съборъ и на нь соуетьная съвещаша предати Пилатоу» [21, л. 43 об.]. Если данное сопоставление действительно было сделано летописцем, то тогда легко заметить, что предательство Упадышем Новгорода в пользу Ивана III и москвичей сравнивается с выдачей Христа Пилату и иудеям. Иван III

в данном случае выступает в роли неправедного судьи, беспричинно напавшего на новгородскую землю и опустошившего ее.

Летописец затем показывает закономерный итог его греховного деяния: «но не возможе свершенія положити своему хотѣнию, ни восхотѣ благословенія, но возлюби клятву, пріиде ему» [26, с. 448]. Вторая часть данной цитаты представляет собой парафраз (через инверсию двух частей сложносочиненного предложения) 17 стиха 108-го псалма: «и възлюби клятвоу и придетъ емоу и не въсхоте благословения но удалится от него» [19, л. 96]. Повествование в нем также связано с Иудой Искариотом. Хотя в самом псалме о нем прямо не говорится, в Деяниях апостолов (несомненно, известных летописцу) при известии о смерти Иуды дается ссылка на данный псалом (Деян. 1:20). Нами было просмотрено два списка Псалтири XV в., содержащие толкования Афанасия Великого и Феодорита Кирского, в которых данный псалом истолковывается, как пророчество о предательстве Иуды и его гибели [18, л. 105–111; 20, л. 197–200], в иллюстрациях данного псалма в Киевской и Угличской Псалтирях содержится изображение удавившегося апостола [22, л. 157; 23, л. 259], в результате чего можно прийти к выводу о том, что на Руси данный псалом воспринимался в качестве пророчества о судьбе Иуды. Добавим, что 108-й псалом читался во время службы за Великий Пяток [21, л. 91–91 об.], поэтому мы считаем логичным предположить, что приведенная цитата из псалма, скорее всего, имеет в качестве источника Триодь цветную, а не Псалтирь.

Все вышесказанное позволяет нам прийти к выводу о том, что летописец вписывает судьбу Упадыша в пророчество об Иуде. При этом толкование псалма, как и общеизвестная судьба Иуды, показывают, что его смерть была не только физической, но и духовной. В новгородских иконах Страшного суда, хранящихся в Эрмитаже и относящихся как раз приблизительно к рассматриваемому периоду, Иуда изображался в виде младенца, сидящего на коленях у дьявола, его посмертная судьба была четко определена: физическая смерть – лишь закономерный итог его предательства. Именно такой смысл, вероятно, летописец приписывал гибели Упадыша, чья казнь была всего лишь зримым воплощением постигшей его духовной гибели, что, как мы показали выше, следует также из текста Апостола.

Перейдем к анализу третьей группы цитат. Они имеют в качестве источника т. н. «Нектария архиепископа Костянтиняграда съповедание часо ради въ первоую соуботоу Святого Поста память творимъ святого великааго мученика Феодора» [17, л. 349], посвященное воспоминанию о том, как мученик Феодор Тирон явился во сне патриарху Константинополя и рассказал ему, как уберечь христиан от вкушения продуктов, осквернённых жертвенной кровью по приказу императора Юлиана Отступника. Значительная часть цитат, посвященная Упадышу, взята летописцем из этого текста.

Упоминавшийся выше оборот «отъ того мзду вземъ отъ злоначального бѣса, и оттого в напасти и в поползеніе пагубное света лишающася» имеет в качестве источника выражение «да ouведите преизобилоуемоу благость Бога нашего, не помьнение злоу оуму, человеколюбное, длъготръпьное отча емоу къ нам милосердиа како не презрить не оставьляетъ и въ неведении намъ ратоборемомъ соумщемъ многажды от злоначальнаго беса и от того съ таибникы въ пасти, въ пополъзновение пагоубьное паче» [17, л. 351]. В данном случае очевидно, что летописец использовал его в стилистических целях, поскольку созданный им текст содержит иное смысловое наполнение, нежели текст, представленный в Минее (в первом случае речь идет о том, что Упадыш впал в козни беса, тогда как во втором говорится о Божьем милосердии). Видоизменение первоначального контекста прослеживается и в выражении «Но не возможе свершеніа положити своему хотѣнию» [26, с. 448]. В тексте Минеи оно звучит так: «Время въ збъвение глоубокое, въврещи хотяаше, но не възможе

свершениа положити своемоу хотению: ныне же емоу все наченъшю ми повесть, верно слоухы приклоните…» [17, л. 351], являясь риторической фигурой, тогда как в летописи оно прямо используется в отношении Упадыша, сочетаясь с цитатой из 108 псалма. Интересно рассмотреть летописное выражение «яко же тогда ратоборющимся» [26, с. 448]. Оно также восходит к тексту Минеи: «Дивьное есть яко же тогда паче ратоборющемъся от врага злее и еже въздвигноутися неудобьпростираемо» [17, л. 352]. Смысл этой фразы таков: во время начала поста Юлиан Отступник действовал особенно сильно против христиан и устраивал различные жестокие казни. В тексте же летописи она связана с тем, что Упадыш хотел предать город войскам Ивана III, с которыми тогда воевали новгородцы. Данное обстоятельство показывает, что новгородский книжник не просто переписывал имеющийся перед ним текст (или очень хорошо ему знакомый), но создавал с помощью содержащихся в нем оборотов нужные ему смыслы.

Однако далее мы видим, что летописец, характеризуя действия новгородского предателя, применяет для его характеристики цитаты, связанные с императором Юлианом. Летописный оборот «Оле бѣда, рещи, и безаконное пооуменіе тогда обрѣте лукаво зломыслiе и кознь нечтивую, не язвами уязвити кого, но вся яже во граде погубити [и зборищу лукавому] предати, яко же тогда ратоборющимся. И злочтивому злочтива пагуба» [26, с. 448] восходит к соответствующим местам Минеи: 1) «сей бо противникъ имеяаше оубо съ многыимь попечениемь, яко языкы предръжати и варвары побежати, грады же пленити, противныиъ имеяше же сицевыихъ попечение ни въ что же и мняаше сей яко мало и безлепично, а еже христианы погоубити и вероу ихъ неявляемоу створити.Ибоу небрегомоу быти яко великое нее храборьство. Оле беда || оле гнева того всячьская покыновениемъ съставлъшааго оставити и долы жечь с титиимъ и всюдоу техъ възносити славе възношение» [17, л. 351–352], 2) «А каже и елика от безаконьнаго пооумениа бываахоу на христианы» [17, л. 352] (*далее следует описание зверств, совершаемых императором по отношению к христианам.* – А. Д.), 3) «тогда обрете лоукавьно зломыслие и кознию нечестивою, не язвами оуязвити или оуморити кого, но вся яже въ граде, въ нечаянии, идолослужению предати» [17, л. 352], 4) «злочьстивоомоу злочьстива зломысльствоу пагоуба» [17, л. 355]. Данные фразы разнесены по всему тексту, однако они все они характеризуют поступки императора Юлиана: в первой противопоставляется его нежелание сражаться против варваров и усердие в истреблении христиан (заметим, что Упадыш, учитывая его летописные характеристики, не участвовал в военных действиях против Ивана III, по крайней мере в тексте не содержится информации об обратном, напротив, он занимался кознями против христиан в Новгороде), во второй – его жестокость, в третьей – попытка хитростью заставить христиан осквернiться жертвенной кровью (что было бы погибельным для них с духовной точки зрения), в четвертой помещено патетическое обращение к императору. Цель Юлиана – погубить христиан и христианскую веру. Очевидно, что летописец, намеренно используя в таком количестве обороты из этого текста, пытался сблизить поступки Юлиана и Упадыша, который также хитростью (тайно сговорившись с москвичами) пытался добиться, по мысли автора, гибели христианской веры в Великом Новгороде.

Финальная часть текста, посвященная Упадышу: «и крестьяньстѣи вѣрѣ не гиблющи, яко же козни тоя неподобные и не оуспѣшное злоимьство, но Богъ, за милосердiе щедротъ, чловѣколюбное долготрьпѣніе и незлобивое его око како не презрить, и не оставляеть благыи Богъ нашъ, не дасть насъ во оуловленiе сѣти ихъ и в помненiе нечестивыхъ» [26, с. 448] также является компиляцией из выражений Минеи: «да оуведите преизобилоуемоу благость Бога нашего, не помьнение злоу оуму, человеколюбное, длъготръпьное Отча Емоу къ нам милосердиа како не пре-

зрить не оставьляетъ… вънемлете хотящиимъ изърещися како благый Богъ нашь не остави насъ въ оуловлении зоубомъ лоукавыих и въ пооумении нечестивыихъ… И о семь въ мнозе бяаше подвизе безаконьный, симъ же тако соущемъ и оубо христианьстей вере не гыбноущи… И потомь недели той исходящи, яко же къзни тоя безъдобное и неоуспешное зломыслъство Иоулианъ оуведевъ яве соуще и въдрьжавесь и побежденъ бывъ» [17, л. 351–354]. Данные обороты связаны с разными сюжетами: общая хвала Богу за Его заступничество, указание на то, что христиане выстояли во время казней Юлиана, их победа над хитрым замыслом императора. Летописец, таким образом, сравнивал неудачу планов Упадыша, направленных против новгородцев (которые виделись летописцу прежде всего в качестве христиан!), с крахом антихристианского замысла римского императора.

Прежде чем перейти к общим выводам, отметим, что все указанные обороты летописец цитировал вполне осознанно. Фрагмент из 1-го Послания апостола Павла к Тимофею и песнопения Триоди цветной используются в разные дни службы: первый читается в среду 27-й недели, вторые – во время Страстной Седмицы, между ними находится 14 недель (4 недели до начала подготовки к Великому Посту и 9 недель до начала Страстной Седмицы). Минеи четьи же не предназначены для службы. Следовательно, все указанные выражения, вне зависимости от источника получения информации (на службе – в случае с Триодью и Апостолом или путем чтения этих книг вместе с Минеей вне службы), подбирались автором самостоятельно из конкретных источников.

Выводы

Таким образом, в результате применения центонно-парафразного метода мы можем прийти к выводу о наличии в тексте летописи трех взаимодополняющих сюжета, лежащих в основе характеристики Упадыша: во-первых, это тема богатства и корыстолюбия, которые отвращают людей от веры и ведут к конечной погибели, что делает Упадыша особенно опасным для новгородского общества, во-вторых, сравнение Упадыша с Иудой, а его предательство Новгорода – с предательством Иисуса Христа, и, в-третьих, сближение новгородца с фигурой императора Юлиана, действия которого были направлены на уничтожение христианства, что снова подчеркивает опасность фигуры этого изменника для остальных новгородцев. Все рассмотренные нами цитаты и обороты позволяют сказать, что в основе характеристики Упадыша лежала религиозная, а не социально-политическая, как считалось ранее, оценка. Обличая Упадыша, летописец не примыкал к «литовской» или «московской» группировкам. Его предательство мыслилось летописцем в первую очередь в качестве угрозы для всех христиан и христианской веры в Новгороде.

Список источников и литературы

1. *Алексеев Ю. Г.* «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л.: Лениздат, 1991. 158 с.
2. *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М.: Мысль, 1992. 268 с.
3. *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 287 с.
4. *Данилевский И. Н.* Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 448 с.
5. *Демичева Н. А.* Древнерусские произведения о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства: проблематика, текстология, стиль: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Демичева Наталья Алексеевна. М., 2020. 237 с.

6. *Демичева Н. А.* Человек в осажденном городе: к проблеме изучения «девиантного» текста в историческом повествовании Древней Руси // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 250–260.
7. *Карамзин Н. И.* История Государства Российского. Т. 6. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. 543 с.
8. *Лихачев Д. С.* Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. 121 с.
9. *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV в.: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 238 с.
10. *Михеев С. М.* Нумерация толкований, схолии и перекрестные ссылки в древнерусских рукописях: к ранней истории славянского Толкового апостола // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 1. С. 246–267.
11. НИОР БАН (Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук). Архангельское собрание. Древлехранилище. № 115.
12. НИОР БАН. Архангельское собрание. Семинария. № 76.
13. ОР ГИМ (Отдел рукописей Государственного исторического музея). Синодальное (патриаршее) собрание славянских рукописей. № 896.
14. ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 98. № 121.
15. ОР РГБ. Ф. 113. № 240.
16. ОР РГБ. Ф. 113. № 262.
17. ОР РГБ. Ф. 173/I. № 92.1.
18. ОР РГБ. Ф. 228. № 46.
19. ОР РГБ. Ф. 256. № 328.
20. ОР РГБ. Ф. 256. № 334.
21. ОР РГБ. Ф. 272. № 260.
22. ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 536. Оп. 1. F. 6.
23. ОР РНБ. Ф. 550. F.I.5.
24. ОР РНБ. Ф. 550. F.п.I.24.
25. ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. № 20.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: ЯРК, 2000. 728 с.
27. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 381. Оп. 1. Д. 138.
28. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 5. 5-е изд. М.: в Университет. тип. (М. Катков), 1882. 468 с.
29. *Тутолмина С. Н.* Русские певческие Триоди древнейшей традиции: дис. … канд. искусствоведения: 17.00.02 / Тутолмина София Николаевна. СПб., 2004. 327 с.
30. *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2007. 624 с.
31. *Чирейкина О. Ю.* Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV–XVII вв. и литературных сборниках: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Чирейкина Ольга Юрьевна. Барнаул, 2001. 215 с.

References

1. Alekseyev, YuG 1991, *“K Moskve khotim”: Zakat boyarskoy respubliki v Novgorode* (“We want to see Moscow”. The sunset of the Boyar Republic in Novgorod), Lenizdat publ, Leningrad. (In Russ.)
2. Alekseyev, YuG 1992, *Pod znamyonami Moskvy: Borba za yedinstvo Rusi* (Under the banners of Moscow. The struggle for the unity of Russia), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
3. Bobrov, AG 2000, *Novgorodskiye letopisi XV veka* (Novgorod chronicles of the XV century), Dmitriy Bulanin publ, St. Petersburg. (In Russ.)
4. Danilevskiy, IN 2019, *Germenevticheskiye osnovy izucheniya letopisnykh tekstov. Povest vremennykh let* (Hermeneutic foundations of the study of chronicle texts. The Tale of Bygone Years), 2nd edn, Izdatelstvo Olega Abyshko publ, St. Petersburg. (In Russ.)

5. Demicheva, NA 2020, Drevnerusskiye proizvedeniya o vklyuchenii Severo-Zapadnykh zemel v sostav Moskovskogo gosudarstva: problematika, tekstologiya, stil (Ancient Russian works on the incorporation of the North-Western lands into the Moscow state: problems, textology, style), PhD thesis, Lomonosov Moscow State University, Moscow. (In Russ.)
6. Demicheva, NA 2024, 'Chelovek v osazhdyonnom gorode: K probleme izucheniya "deviantnogo teksta" v istoricheskom povestvovanii Drevney Rusi' (A Person in a Besieged City: on Studying the "Deviant" Text in a Historical Narrative of Old Russia), *Vestnik slavyanskikh kultur* (Bulletin of Slavic Cultures), vol. 73, pp. 250–260. (In Russ.)
7. Karamzin, NI 1819, *Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo* (The History of the Russian State), vol. 6, Tipografiya N. Grecha publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Likhachev, DS 1945, *Natsionalnoye samosoznaniye Drevney Rusi: ocherki iz oblasti russkoy literatury XI–XVII vv.* (National identity of Old Russia: Essays from the field of Russian literature of the 11th –17th centuries), Izdatelstvo Akademii nauk SSSR publ, Moscow; Leningrad. (In Russ.)
9. Lurie, YaS 1994, *Dve istorii Rusi XV veka: Ranniye i pozdniye, nezavisimyye i offitsialnyye letopisi o formirovanii Moskovskogo gosudarstva* (Two histories of Russia in the 15th century. Early and late, independent and official chronicles of the formation of the Moscow state), Dmitriy Bulanin publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Mikheev, SM 2021, 'Numeratsiya tolkovaniy, skholii i perekryostnyye ssylki v drevnerusskikh rukopisyakh: k ranney istorii slavyanskogo Tolkovogo apostola' (The numbering of interpretations, scholia and cross-references in Old Russian manuscripts: on the early history of the Slavonic Exegetical Apostol), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* (Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute), no 1, pp. 246-267. (In Russ.)
11. *Nauchno-issledovatelskiy otdel rukopisey Biblioteki Akademii nauk (NIOR BAN)*, *Archangelskoye sobraniye*, *Drevlekhranilishche* (The Department of Manuscripts of the Library of the Russian Academy of Sciences. Arkhangelsk collection. Archives), file 115. (In Russ.)
12. *NIOR BAN*, *Archangelskoye sobraniye, Seminariya* (NIOR BAN, Arkhangelsk collection, Seminary), file 76. (In Russ.)
13. *Otdel rukopisey Gosudarstvennogo istoricheskogo musezya (OR GIM)* (The Department of manuscripts of the State Historical Museum), Sinodalnoye (patriarshee) sobraniye, file 896. (In Russ.)
14. *Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (OR RGB)* (the Department of manuscripts of Russian State Library), fund 98, file 121. (In Russ.)
15. *OR RGB*, fund 113, file 240. (In Russ.)
16. *OR RGB*, fund 113, file 262. (In Russ.)
17. *OR RGB*, fund 173/I, file 92.1. (In Russ.)
18. *OR RGB*, fund 228, file 46. (In Russ.)
19. *OR RGB*, fund 256, file 328. (In Russ.)
20. *OR RGB*, fund 256, file 334. (In Russ.)
21. *OR RGB*, fund 272, file 260. (In Russ.)
22. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki (OR RNB)* (the Manuscripts Department of the National Library of Russia), fund 536, inventory 1, F.6. (In Russ.)
23. *OR RNB*, fund 550, F.I.5. (In Russ.)
24. *OR RNB*, fund 550, F.п.I.24. (In Russ.)
25. *OR RNB*, fund 588, inventory 2, file 20. (In Russ.)
26. 'Novrorodskaya chetvyortaya letopis' (Novgorod Fourth Chronicle) 2000, *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* (Complete Collection of Russian Chronicles), vol. 4, part 1, Yazyki russkoy kultury publ, Moscow. (In Russ.)
27. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* (Russian State Archive of Ancient Acts), fund 381, inventory 1, file 138. (In Russ.)
28. Solovyov, SM 1882, *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremyon* (The history of Russia since ancient times), vol. 5, Universitetskaya tipografiya (M. Katkov) publ, Moscow. (In Russ.)
29. Tutolmina, SN 2004, Russkiye pevcheskiye Triodi drevneyshey traditsii (Russian singing Triodes of the most ancient tradition), PhD thesis, Saint-Petersburg State Conservatory named after N.A. Rimsky-Korsakov, St. Petersburg. (In Russ.)

30. Filyushkin, AI 2007, *Andrey Mikhailovich Kurbsky: Prosopograficheskoye issledovaniye i germenevticheskiy kommentariy k poslaniyam Andreya Kurbskogo Ivanu Groznomu* (Andrey Mikhailovich Kurbsky: Prosopographical research and hermeneutic commentary on Andrey Kurbsky's epistles to Ivan the Terrible), Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta publ, St. Petersburg. (In Russ.)
31. Chireykina, OYu 2001, Povesti o prisoedinenii Novgoroda k Moskve v letopisyakh XV–XVII vv. i literaturnykh sbornikakh (Stories about the annexation of Novgorod to Moscow in the chronicles of the 15th — 17th centuries and literary collections), PhD thesis, Altai State University, Barnaul. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.07.2026
Одобрена после рецензирования: 27.08.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 26.07.2026
Approved after reviewing: 27.08.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 48–56.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 48–56.

Научная статья
УДК 94(47).084.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-48-56

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ О «НЕМЕЦКИХ ДЕНЬГАХ» БОЛЬШЕВИКОВ: РОЛЬ ВЦИК И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Глеб Андреевич Папилин

Санкт-Петербургский института истории Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия,
glebpapilin@mail.ru
https://orcid.org/0009-0001-9473-0332

Аннотация. В статье исследуется комплекс политических, правовых и информационных мер Временного правительства по преодолению июльского кризиса 1917 года в Петрограде. Целью работы является выявление причин несостоятельности антибольшевистской кампании и последующей быстрой политической реабилитации большевиков. Автор обосновывает тезис о том, что провал репрессий стал следствием нарастающего кризиса институтов власти, а не отсутствия доказательной базы. В ходе исследования установлено, что специфическая конструкция двоевластия и фактическое слияние руководства ВЦИК с кабинетом министров предопределили ответную реакцию на выступление: солидарность революционной демократии возобладала над государственными интересами.

В статье доказано, что сознательное административное торможение следствия прокурором Н. С. Каринским и личное вмешательство А. Ф. Керенского в работу контрразведки парализовали карательный аппарат, превратив уголовное преследование в инструмент политического маневрирования. Автор аргументирует, что подмена гласного судебного процесса кулуарными договоренностями и «бонапартистские» манеры Керенского после июля 1917 г. привели к росту симпатий к большевикам в среде социалистической интеллигенции и рабочих. Результатом работы стал вывод о том, что хаотичные репрессии создали партии ореол мученичества, позволив ей трансформироваться в главного защитника революции. Итогом этой политики стала полная политическая реабилитация большевиков к середине августа 1917 г., что подтверждается результатами выборов в Петроградскую городскую думу. Таким образом, заступничество руководства ВЦИК за свое леворадикальное крыло дезавуировало временную победу государственников и предопределило в дальнейшем большевизацию Советов.

Ключевые слова: Петроград, 1917 год, русская революция, двоевластие, революционная демократия, А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, Б. В. Никитин, В. Д. Бонч-Бруевич, Н. С. Каринский, ВЦИК, контрразведка, РСДРП (б), «июльские дни», Советы, большевизация.

Для цитирования: Папилин Г. А. Политическое сдерживание следствия по делу о «немецких деньгах» большевиков: роль ВЦИК и Временного правительства // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 48–56. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-48-56

Сведения об авторе: *Г. А. Папилин* – соискатель, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, 197110 Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7.

© Папилин Г. А., 2026

Scientific Article
UDC 94(47).084.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-48-56

POLITICAL CONTAINMENT OF THE INVESTIGATION IN THE BOLSHEVIKS' "GERMAN MONEY" CASE: THE ROLE OF THE VTSIK AND THE PROVISIONAL GOVERNMENT

Gleb A. Papilin

St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia, glebpapilin@mail.ru
https://orcid.org/0009-0001-9473-0332

Abstract. The article examines the set of political, legal, and information measures taken by the Provisional Government to overcome the July 1917 crisis in Petrograd (European Russia). The study aims to identify the reasons for the strategic failure of the anti-Bolshevik campaign and the subsequent rapid rehabilitation of radical forces. The author substantiates the thesis that the failure of purges resulted from a systemic crisis of government institutions rather than a lack of evidence. The study establishes that the specific dual power structure and the effective merger of the VTsIK leadership with the Council of Ministers predetermined the response to the uprising: the solidarity of revolutionary democracy prevailed over national interests.

The article proves that the deliberate administrative obstruction of the investigation by Prosecutor N. S. Karinsky and the personal interference of A. F. Kerensky in the work of counterintelligence paralyzed the punitive machinery, transforming criminal prosecution into a tool of political maneuvering. The author argues that replacing a public trial with a backroom dealing and Kerensky's 'Bonapartist' gestures after July 1917 led to increased sympathy for the Bolsheviks among the socialist intelligentsia and workers. The research concludes that chaotic purges granted V. I. Lenin's party an aura of martyrdom, allowing it to transform into the primary defender of the revolution. This policy resulted in the full political rehabilitation of the Bolsheviks by mid-August 1917, as confirmed by the Petrograd City Duma election results. Thus, the VTsIK leadership's advocacy for its radical-left wing disavowed the temporary victory of the statists and predetermined the success of the Soviets' Bolshevization.

Keywords: Petrograd, year 1917, Russian Revolution, dual power, revolutionary democracy, A. F. Kerensky, N. S. Chkheidze, B. V. Nikitin, V. D. Bonch-Bruevich, N. S. Karinsky, VTsIK, counterintelligence, RSDLP(b), "July Days", Soviets, Bolshevization.

For citation: Papilin, GA 2026, 'Political Containment of the Investigation in the Bolsheviks' "German Money" Case: The Role of the VTsIK and the Provisional Government', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 48–56, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-48-56 (in Russ.)

Information about the Author: *Gleb A. Papilin* – PhD researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7 Petrozavodskaya Street, St. Petersburg, 197110 Russia.

© Papilin G. A, 2026

«Июльские дни» в Петрограде стали одним из самых острых эпизодов политического противостояния в период революции 1917 г. Массовые вооруженные выступления солдат и рабочих, проходившие под лозунгами большевиков, ставили под угрозу само существование системы двоевластия. При этом радикальный антимилитаризм большевиков создавал в правительственных кругах и в среде умеренной социалистической демократии почву для подозрений в координации их действий со стороны воюющей Германии. Логика политического противостояния неизбежно вела к использованию против оппонентов не только силовых, но и информационных ресурсов. Это дало старт обличительной кампании Временного правительства против большевиков, в которой последние обвинялись в связях с германским генеральным штабом.

Первые действия в этом направлении Временное правительство предприняло ближе к вечеру 4 июля, когда на основании сведений, представленных контрразведкой, были проведены разъяснительные беседы с солдатами запасного батальона Преображенского полка. Изложенная информация произвела на солдат шокирующее впечатление [15, с. 147–148]. Воспользовавшись успехом, Временное правительство направило представителей и в другие полки. Сведения быстро распространились по гарнизону, деморализовав солдат, сочувствовавших выступлению. Политически неискушенной массе не было дела до персонального состава кабинета Временного правительства, но в народе были живы базовые представления о нормах морали, и измена родине во время войны находила непримиримое осуждение в сознании солдат [9, с. 107]. Ситуация привела к тому, что на защиту Таврического дворца стали подтягиваться преображенцы, семеновцы и казаки [11, с. 171]. Когда сутки подошли к концу, поражение антиправительственного выступления стало случившимся фактом.

Утром 5 июля материал о германских связях большевиков был опубликован в правой газете «Живое слово» под заголовком «Ленин, Ганецкий и К о. – шпионы». Хотя сама статья с точки зрения современного исследователя не содержала какой-либо весомой и убедительной информации о деятельности большевиков в интересах германского генерального штаба, на малограмотную, ведомую и политически неискушенную толпу эта прокламация произвела сильное демотивирующее действие. Эффект был усилен и тем, что материалы были массово отпечатаны и расклеены по всему городу. Помимо этого, общий контекст событий привел к тому, что по завершении «июльских дней» антибольшевистские настроения охватили в том числе и интеллигенцию [15, с. 153-154].

Действия правительства на первых порах были весьма решительными: еще 4 июля кабинет направил распоряжение командованию Петроградского гарнизона с требованием провести штурм дворца Кшесинской, который использовался как штаб-квартира большевиков [12, с. 53]. 6 июля ко дворцу подошли войска с артиллерией. Учитывая очевидно неравный расклад сил, большевики оставили дворец без боя. Было издано постановление Временного правительства об аресте и привлечении к судебной ответственности мятежников [4, с. 1]. 7 июля Временное правительство постановило организовать расследование обстоятельств организации восстания прокурору Петроградской судебной палаты.

Реакция большевиков на развязанную кампанию впоследствии вызвала много толков относительно их причастности к инкриминируемым им преступлениям. Большевики резко отказались от дальнейшего выступления, а В. И. Ленин вместе с Г. Е. Зиновьевым скрылись из Таврического дворца практически одновременно с распространением в петроградских полках слуха о связях большевиков с Германией еще во второй половине дня 4 июля. Находясь на нелегальном положении, Ленин и Зиновьев отправили в редакцию газеты внефракционного социалиста

Н. Н. Суханова «Новая жизнь» открытое письмо. Н. Н. Суханов позднее вспоминал о том, как это было нелепо: «Письмо произвело на нас пренеприятное впечатление. Газетная полемика, по существу из подполья, была тут явно ни при чем: дело слишком далеко выходило за ее пределы. Совсем не было охоты судить на основании этого письма, получали ли большевики какие-нибудь деньги через Козловского из-за границы, знали ли авторы письма госпожу Суменсон и т.д. Большевикам можно было бы совсем пренебречь обвинениями и не отвечать на них по существу. Это была бы как-никак линия поведения. Но требовать реабилитации и полемизировать из-за пределов досягаемости – это было совсем странно» [16, с. 5].

Дискуссионным остается вопрос о роли в антибольшевистской кампании А. Ф. Керенского. Если ориентироваться на формальную сторону вопроса, то А. Ф. Керенский принимал прямое и активное участие в организации репрессий. Прежде всего, в 18 часов 4 июля 1917 г. А. Ф. Керенский, будучи в это время на фронте как военный и морской министр отправил телеграмму командующему Петроградским военным округом, в которой приказывал немедленно принять меры по подавлению мятежа и организации следствия для предания виновных суду [7, с. 31]. В этот же день А. Ф. Керенский отправил телеграмму министру-председателю Г. Е. Львову, в которой военный министр, не особо следуя правилам субординации, требовал от правительства «решительного прекращения предательских выступлений, разоружения бунтующих частей и предания суду всех зачинщиков и мятежников» (риторика письма в достаточной мере передает, кто в правительстве Львова был настоящим «хозяином» – Автор). Меры по водворению порядка А. Ф. Керенский требовал произвести «вооруженной силой». В конце телеграммы А. Ф. Керенский добавил: «Необходимо ускорить опубликование сведений, имеющихся в руках министра иностранных дел», что в контексте разговора подразумевало сведения о связях большевиков с германским генштабом [13, с. 290].

Имеется стенограмма разговора по прямому проводу А. Ф. Керенского с товарищем военного министра Г. А. Якубовичем, датированная 5 июля. В ней Г. А. Якубович изложил принятые меры по восстановлению порядка и предложил, в частности, разоружить Красную гвардию. А. Ф. Керенский ответил, что предложенный план он «вполне одобряет» и добавил, что помимо прочего «необходимо принять меры в отношении печати… пресечь дальнейшее подстрекательство к бунту и разложению армии… ликвидировать кронштадтскую историю, предъявив требования к немедленной выдаче зачинщиков и восстановлению полного законного порядка». Все эти меры А. Ф. Керенский требовал производить от его имени и «совершенно решительно». В конце разговора А. Ф. Керенский также заявил о «немедленном использовании материала Терещенко» [13, с. 38–41].

В районе 9 вечера 6 июля А. Ф. Керенский прибыл в Петроград. Когда он находился на заседании Временного правительства в штабе Петроградского военного округа на Дворцовой площади, его попросили выступить перед собравшейся на площади публикой. Керенский в свойственной ему манере бросил проклятия в адрес тех, кто «в дни тяжелых испытаний предавал родину» и заверил толпу, что будет беспощадно бороться с анархией и разрушением [6, с. 3]. В ночь на 7 июля вышел приказ военного министра А. Ф. Керенского об аресте «всех лиц, ведущих агитацию словом и путем печати с призывами к насилию, свержению Временного правительства, дезорганизации армии и анархии в стране, а также лиц, агитирующих против наступления и призывающих к неповиновению приказам начальства». В этом же приказе констатировалось, что в Петрограде производятся аресты большевиков, и предлагалось немедленно прекратить выпуск газет «Правда», «Окопная правда», «Солдатская правда» и аналогичные им [13, с. 293].

Однако существуют обстоятельства, заставляющие усомниться в искренности тактики А. Ф. Керенского.

Интересную интерпретацию событий открывают воспоминания начальника контрразведки Петроградского округа Б. В. Никитина. Должность он получил по приказу командующего Петроградским округом генерала Л. Г. Корнилова – известного сторонника сильной государственной власти. В служебной деятельности Б. В. Никитин был близок с начальником штаба округа Ф. И. Балабиным [7, с. 17] и сменившим генерала Л. Г. Корнилова на посту главнокомандующего Петроградским округом генералом П. А. Половцовым [7, с. 100]. Кроме того, Б. В. Никитин находился под протекцией П. Н. Переверзева – прокурора Судебной палаты, а с мая по июль 1917 года – министра юстиции Временного правительства [7, с. 25].

Именно Б. В. Никитин руководил оперативной работой по сбору информации о заграничных связях большевиков. Выявив некоторые важные детали этого сотрудничества, он уже с конца июня 1917 г. планировал арест лидеров партии [7, с. 198]. Согласно его мемуарам именно с его согласия министр юстиции П. Н. Переверзев опубликовал часть информации, добытой сотрудниками контрразведки [7, с. 162].

Первым странным событием в этой цепочке стала отставка министра юстиции П. Н. Переверзева. Было заявлено, что отставка вызвана его недостаточными мерами по борьбе с анархией и несвоевременной публикацией материалов о большевиках, что причинило препятствие дальнейшему расследованию и поимке одной из центральных фигур дела – Я. С. Ганецкого [5, с. 4]. Б. В. Никитин категорически оспаривает эту мотивировку и приводит свои аргументы по существу дела, из которых следует, что опубликованная в прессе часть материала не содержит никаких значимых сведений, которые бы помешали дальнейшему расследованию [7, с. 178]. Но начальник столичной контрразведки был уверен: обличение большевиков так или иначе бросало тень на всю революционную демократию [7, с. 180].

Когда органы контрразведки собрали материалы, достаточные для ареста очередных фигурантов по делу большевиков, они встретили прямое противодействие со стороны ВЦИК и Временного правительства [7, с. 185]. В частности, на правительственном уровне были отменены аресты Л. Д. Троцкого и Ю. М. Стеклова (Нахамкеса) [7, с. 198]. Но когда Б. В. Никитин все-таки доставил Ю. М. Стеклова в штаб для дачи показаний, то через начальника штаба округа Ф. И. Балабина он получил гневное послание от А. Ф. Керенского с требованием передать Ю. М. Стеклова на усмотрение прокурора Судебной палаты. А уже через несколько часов для защиты Ю. М. Стеклова в штаб прибыл сам председатель ВЦИК Н. С. Чхеидзе с двумя членами Бюро ВЦИК. Описывая их появление, Б. В. Никитин пишет: «Кто предупредил и этих об аресте? Откуда они узнали – мне неизвестно» [7, с. 202]. Но за несколько минут до этого Б. В. Никитин получил телефонный звонок от прокурора Судебной палаты Н. С. Каринского, который сообщил, что о Ю. М. Стеклове ему известно, но ввиду чрезмерной занятости вместо него в штаб приедет товарищ прокурора. Очевидно, что единственный, кто мог сообщить Н. С. Каринскому о доставлении в штаб Ю. М. Стеклова, был сам А. Ф. Керенский. Но связать прибытие членов ВЦИК с Н. С. Каринским Б. В. Никитин почему-то не решился.

Между тем, в 1930 г. личный секретарь В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях воспроизводит интереснейший эпизод. В районе 7 часов вечера 4 июля 1917 г. ему на квартиру позвонил сам прокурор Судебной палаты Н. С. Каринский и сообщил буквально следующее: «Я звоню к вам, чтобы предупредить вас: против Ленина здесь собирают всякие документы и хотят его скомпрометировать политически. Я знаю, что вы с ним близки. Сделайте отсюда какие хотите выводы, но знайте, что это серьезно, и от слов вскоре перейдут к делу» [3, с. 87–88]. С учетом того, что В. Д. Бонч-Бруевича трудно заподозрить в намеренной фальсифи-

кации событий, остается предположить: либо Н. С. Каринский сам сочувствовал большевикам, либо исполнял чье-то поручение сверху. Добавим, что Н. С. Каринский никогда не признавался в симпатиях к большевикам и в эмиграции придерживался антикоммунистических взглядов [2, с. 8].

Б. В. Никитин далее пишет, что в штаб приехал помощник прокурора, посланный Н. С. Каринским. Он со скучающим видом выслушал доклад Б. В. Никитина об уликах против Ю. М. Стеклова, а затем невозмутимо объявил Ю. М. Стеклову, что тот свободен [7, с. 207]. А на следующее утро поступило приказание А. Ф. Керенского: «Главнокомандующему арестов по восстанию больше не производить, а право на эти аресты сохранить только за прокурором палаты» [7, с. 208], то есть за Н. С. Каринским.

Б. В. Никитин приводит еще один эпизод, демонстрирующий торможение репрессий против большевиков. 11 июля он через начальника штаба округа Ф. И. Балабина получил следующий приказ А. Ф. Керенского: «Председатель правительства, военный министр приказал немедленно прекратить захваты складов оружия на заводах и разоружение рабочих. Он считает, что сознание народа уже настолько развилось, что граждане поймут разумность требования, и большевики сами добровольно отдадут нам оружие» [7, с. 211]. В условиях, когда именно Керенский был инициатором разоружения Красной гвардии, подобная смена тактики выглядит более чем странно.

В июле 1917 г. фактически реального двоевластия между ВЦИК и Временным правительством не существовало: оба органа власти управлялись одной и той же группой лиц. Ключевые фигуры правительства входили в Бюро ВЦИК, а ВЦИК, в свою очередь, заявлял о безусловном доверии кабинету министров. Такая конструкция обеспечивала согласованный курс во всех направлениях политики. Совершенно естественно, что в действиях советской демократии чувствовалась рука Временного правительства, а в действиях министров – влияние Советов.

Можно допустить, что в разгар июльского восстания А. Ф. Керенский действительно стоял на охранительных позициях, намечая меры по укреплению власти. Однако его репрессивный пыл слишком быстро угас под давлением органа, который всего несколько дней назад под угрозой расстрела отказывался брать власть в свои руки. Очевидно, что Керенский, стараясь придать своему правлению внешние атрибуты сильной власти, в реальности избегал открытого конфликта как с левыми социалистами, так и с консервативными силами. Его идея объединения «всех живых сил страны» диктовала тактику примирения в отношении оппозиционных элементов.

В итоге решительные меры против большевиков не были доведены до конца. Прежде всего, не состоялось публичного судебного процесса с детальным разбором доказательств. Вместо этого 21 июля 1917 г. был опубликован доклад прокурора Судебной палаты Н. С. Каринского с предварительными результатами следствия. С одной стороны, главными виновниками мятежа были объявлены большевики, но с другой – доклад не содержал прямых доказательств их сотрудничества с германским генеральным штабом [12, с. 81]. Поскольку столь тяжкие обвинения долгое время не находили бесспорного подтверждения, общественное мнение стало постепенно смещаться в сторону большевиков.

На сравнительно быструю реабилитацию большевиков в глазах советской демократии повлияла и резкая смена политического вектора А. Ф. Керенского в середине июля. 11 числа он объявил во ВЦИК о подготовке Государственного совещания в Москве, куда был приглашен весь цвет российской «буржуазии», включая крупных промышленников и землевладельцев. Неоднозначную оценку в среде социалистической интеллигенции вызвал и личный жест А. Ф. Керенского: став министром-

председателем, он демонстративно переехал в Зимний дворец, заняв бывшие апартаменты Александра III [1, с. 244]. Более того, новая конструкция власти, выстраиваемая Керенским, полностью игнорировала принцип ответственности министров-социалистов перед решениями Первого всероссийского съезда Советов. Складывалось впечатление, что министр-председатель, на словах объединявший «все живые силы страны», по факту дистанцировался от советской демократии.

В начале августа 1917 г. наметилась тенденция перехода к большевикам членов других социалистических партий [8, с. 387–388]. Настроения в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов наглядно отразил эсер В. Н. Каплан. Выступая на заседании рабочей секции Совета 18 августа, он констатировал: «В дни 3–5 июля обыватель отшатнулся от революционной демократии. Произошел всеобщий сдвиг вправо. Тогда правительство не могло не прибегнуть к арестам, так как большевиков арестовывала толпа, улица. Совет рабочих и солдатских депутатов тоже в это время не мог бороться против арестов. Приходилось ждать, пока вокруг Советов снова соберутся революционные силы. Теперь такой момент наступил. Революция снова укрепилась, и теперь надо потребовать освобождения незаконно арест ванных» [14, с. 2]. Рост популярности большевиков подтвердили и выборы в Петроградскую городскую думу: по количеству поданных бюллетеней они оказались второй фракцией, уступив только эсерам [10, с. 524–525].

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что провал антибольшевистской кампании июля 1917 г. стал следствием системного кризиса институтов власти, а не отсутствия доказательной базы. Информационная атака на лидеров РСДРП(б) обеспечила лишь кратковременный тактический успех, который не был закреплен юридически из-за сознательного административного торможения следствия. Странное двоевластие ВЦИК и Временного правительства создало условия, при которых солидарность революционной демократии возобладала над государственными интересами. Деятельность прокурора Н. С. Каринского и прямое вмешательство советского руководства в работу контрразведки парализовали репрессивный аппарат, превратив уголовное преследование в инструмент политического лавирования.

В итоге подмена гласного судебного процесса кулуарными договоренностями и противоречивая политика А. Ф. Керенского привели к обратной реакции общественного сознания. Хаотичные и непоследовательные репрессии создали большевикам своеобразный ореол мученичества, позволив им трансформироваться из германских агентов в главных защитников революции от бонапартизма власти. К середине августа 1917 г., еще до выступления генерала Корнилова, большевики достигли политической реабилитации и стремительно набирали политическую силу. Таким образом, заступничество меньшевистско-эсеровского руководства ВЦИК I созыва за представителей своего леворадикального крыла, фактически дезавуировало временную победу государственников, а в октябре 1917 г. обернулось против него самого.

Список источников и литературы

1. *Abraham R.* Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. New York: Columbia University Press, 1987. 503 p.
2. *Акульшин П. В.* Русский интеллигент в эпоху социальных потрясений: Н. С. Каринский (1873-1949) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 12. С. 6–10.
3. *Бонч-Бруевич В. Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М.: Федерация, 1930. 412 с.
4. Вестник Временного правительства. 1917. 7 июля (№ 98 (144)).
5. Дело народа. 1917. 8 июля (№ 95).

6. Единство. 1917. 7 июля (№ 93).
7. *Никитин Б. В.* Роковые годы. СПб.: Питер, 2015. 320 с.
8. Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: в 2 кн. Кн. 1: На путях к социалистической революции. Двоевластие / отв. ред. А. Л. Фрайман. Л.: Наука, 1967. 454 с.
9. *Пайпс Р.* Русская революция: авториз. пер. с англ.: в 3 т. Т. 2: Россия завоевана большевиками. М.: Росспэн, 1994. 583 с.
10. Петербургская городская дума, 1846-1918 / отв. ред. Б. Б. Дубенцов, В. А. Нардова [и др.]. СПб.: Лики России, 2005. 541 с.
11. *Петров А. И.* Н. С. Чхеидзе в июльские дни 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды : материалы Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 23-25 ноября 2023 г. СПб.: РГПУ им. Герцена, 2024. С. 164–173.
12. *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: пер. с англ. / общ. ред. и послесл. Г. З. Иоффе. М.: Прогресс, 1989. 416 с.
13. Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис / отв. ред. Д. А. Чугаев [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 626 с.
14. Речь. 1917. 20 авг. (№ 195).
15. *Соболев Г. Л.* Тайна «немецкого золота». СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. 480 с.
16. *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Кн. 4: Первая коалиция против революции, 6 мая – 8 июля 1917 г. Берлин; Петербург; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 522 с.

References

1. Abraham, R 1987, *Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution*, Columbia University Press publ, New York.
2. Akulshin, PV 2020, 'Russkiy intelligent v epokhu sotsialnykh potryaseniy: N.S. Karinskiy (1873-1949)' (A Russian intellectual in the era of social upheaval: N.S. Karinsky (1873-1949)), *Sovremennaya nauka: aktualnyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki* (Modern Science: actual problems of theory and practice", a series of "Humanities"), no. 12, pp. 6-10. (In Russ.)
3. Bonch-Bruevich, VD 1930, *Na boyevykh postakh Fevralskoy i Oktyabrskoy revolyutsiy* (At the combat posts of the February and October Revolutions), Federatsiya publ, Moscow. (In Russ.)
4. *Vestnik Vremennogo pravitelstva* 1917, 7 July, no. 98 (144). (In Russ.)
5. *Delo naroda* 1917, 8 July, no. 95. (In Russ.)
6. *Yedinstvo* 1917, 7 July, no. 93. (In Russ.)
7. Nikitin, BV 2015, *Rokovyye gody* (The fateful years), Piter publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Fraiman, AL (ed.) 1967, 'Na putyakh k sotsialisticheskoy revolyutsii. Dvoyevlastiye' (On the path to Socialist Revolution. Dual power), *Oktyabrskoye vooruzhennoye vosstaniye. Semnadtsatyy god v Petrograde* (The October armed uprising. The year 1917 in Petrograd), book 1, Nauka publ, Leningrad. (In Russ.)
9. Pipes, R 1994, 'Rossiya zavoyevana bolshevikami' (Russia under the Bolshevik regime), *Russkaya revolyutsiya* (The Russian Revolution), vol. 2, Rosspen publ, Moscow. (In Russ.)
10. Dubentsov, BB & Nardova, VA (eds) 2005, *Peterburgskaya gorodskaya duma, 1846–1918* (The Petersburg City Duma, 1846–1918), Liki Rossii publ, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Petrov, AI 2024, 'N.S. Chkheidze v iyulskiye dni 1917 goda' (N.S. Chkheidze in the July days of 1917), *Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novyye podkhody i vzglyady: materialy Vseros. nauch. konf.* (The 1917 Revolution in Russia: new approaches and views. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference), 23-25 November 2023, St. Petersburg, RGPU im. Gertsena publ, St. Petersburg, pp. 164-173. (In Russ.)
12. Rabinowitch, A 1989, *Bolsheviki prikhodyat k vlasti: Revolyutsiya 1917 goda v Petrograde* (The Bolsheviks come to power: the 1917 Revolution in Petrograd), trans., afterw., ed. G. Z. Ioffe, Progress publ, Moscow. (In Russ.)

13. Chugaev, DA (ed.) 1959, *Revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii v iyule 1917 g.: Iyulskiy krizis* (The revolutionary movement in Russia in July 1917: the July crisis), Izd-vo Akad. nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
14. *Rech* 1917, 20 August, no. 195. (In Russ.)
15. Sobolev, GL 2002, *Tayna «nemetskogo zolota»* (The secret of "German gold"), Neva publ, St. Petersburg, OLMA-PRESS publ, Moscow. (In Russ.)
16. Sukhanov, NN 1922, *Zapiski o revolyutsii. Kniga 4: Pervaya koalitsiya protiv revolyutsii, 6 maya – 8 iyulya 1917 g*. (Notes on the revolution. Book 4: The first coalition against the revolution, May 6 – July 8, 1917), Izd-vo Z. I. Grzhebina, Berlin, St. Petersburg, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.04.2026
Одобрена после рецензирования: 01.06.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 22.04.2026
Approved after reviewing: 01.06.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 57–85.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 57–85.

Научная статья
УДК 94(47).072/073
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-57-85

РЕСУРСНАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ БАЗА РОССИЙСКОЙ АРМИИ: ФОНДЫ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ КАВАЛЕРИИ XIX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ МАССОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Татьяна Николаевна Кандаурова

Российский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия, tanikand@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-8167-1188

Аннотация. Военные поселения в России первой половины XIX в. стали новым социально-экономическим и военно-хозяйственным институтом, обеспечивали продовольствие части армии от земли поселенных округов, сокращали расходы на ее содержание и укрепляли ее хозяйственную базу. Фонды военных поселений кавалерии, расквартированных в южных и юго-западных регионах страны, составляли ресурсную базу российской армии, в том числе и в условиях военных кампаний 1820–1850-х гг. Из продовольственных и фуражных запасов военных поселений кавалерии снабжались армейские части во время этих военных кампаний. Статья показывает процесс формирования, состояние и динамику материальных и финансовых фондов региональных кавалерийских военных поселений – Новороссийского, Украинского и Киевско-Подольского в 1830–1850-х гг., на втором этапе их развития. Квантитативный анализ материалов отчетной документации Департамента военных поселений позволил определить на основе формирования и аналитического выравнивания динамических рядов, включая графические построения, тенденции развития запасных хлебных магазинов и капиталов военных поселений и их трех региональных частей, а также состояние урожайности по озимым и яровым зерновым культурам. Одновременно на примере Украинского военного поселения и на основе долевого метода представлена структура капиталов полковых поселенных округов в 1847 г. Основательная хозяйственная и ресурсная база поселенных округов кавалерии и их ресурсные финансовые, продовольственные и фуражные фонды позволяли обеспечивать содержание четырех уланских, двух кирасирских дивизий и конно-артиллерийской бригады, а также поддерживать стабильность развития всей хозяйственной системы и хозяйств военных поселян.

Ключевые слова: Департамент военных поселений, отчетные материалы, хозяйственная база армии, региональные военные поселения кавалерии, запасные хлебные магазины, заемный денежный капитал, капитал для вспомоществования военным поселянам, офицерский вспомогательный капитал.

Для цитирования: Кандаурова Т. Н. Ресурсная и хозяйственная база Российской армии: фонды военных поселений кавалерии XIX века по материалам массовых источников // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 57–85. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-57-85

Сведения об авторе: *Т. Н. Кандаурова* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры истории и теории культуры, Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

© Кандаурова Т. Н., 2026

Scientific Article
UDC 94(47).072/073
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-57-85

THE RESOURCE AND ECONOMIC BASE OF THE RUSSIAN ARMY: FUNDS OF 19th CENTURY CAVALRY MILITARY SETTLEMENTS BASED ON MATERIALS FROM MASS SOURCES

Tatiana N. Kandaurova

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, tanikand@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-8167-1188

Abstract. Military settlements in Russia in the first half of the 19th century became a new socioeconomic and military-economic institution. They provided food for the army units using land from the settlement districts, reduced maintaining costs, and strengthened the army's economic base. The funds of military cavalry settlements, cantoned in the country's southern and southwestern regions, formed a resource base for the Russian army, including during the military campaigns of the 1820s-1850s. Victualling stores and fodder supplies from the military settlements of the cavalry provisioned army units during these military campaigns. The article presents the process of formation, state and dynamics of the stock and financial funds of Novorossiysk, Ukrainian and Kiev-Podolsk regional military cavalry settlements in the 1830s-1850s, in the second stage of their development. Based on a quantitative analysis of reporting documentation from the Department of Military Settlements—including the construction and analytical smoothing of time series and the creation of graphs—the author identifies development trends regarding reserve grain depots and the capital of the military settlements (and their three regional divisions), as well as the state of yields for winter and spring grain crops. At the same time, on the example of the Ukrainian military settlement and based on a sharing method, the study presents the capital structure of regimental settlement districts in 1847. The substantial economic and resource base of settlement cavalry districts and their financial reserves, victualling stores and fodder supplies supported four Uhlan and two Cuirassier divisions, as well as a horse-artillery brigade. Moreover, these resources supported the stability of the development of the entire economic system and the military settlers' households.

Keywords: Department of Military Settlements, reporting documentation, economic base of the army, regional military settlements of cavalry, grain reserve storehouse, borrowed capital, auxiliary capital for military settlers, auxiliary capital for officers.

For citation: Kandaurova, TN 2026, 'The Resource and Economic Base of the Russian Army: Funds of 19th-Century Cavalry Military Settlements Based on Materials from Mass Sources', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 57–85, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-57-85 (in Russ.)

Information about the Author: *Tatiana N. Kandaurova* – PhD in Historical Sciences, senior researcher, associate professor, Chair of History and Culture Theory, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia.

© Kandaurova T. N., 2026

Введение

Учреждение военных поселений в 1810-х гг. имело многоцелевое назначение. Наряду с решением комплекса военно-стратегических задач – постоянные квартиры для армии, подготовка офицерских кадров и резервов, отказ от рекрутских наборов, прикрытие границ страны вторым эшелонированным поясом – военные поселения призваны были решать задачи экономические: сокращение расходов на содержание армии за счет продовольствия для войск от земли поселенных полковых округов и формирования резервных фондов, создание хозяйственной базы армии [3, с. 220].

Для поселения кавалерийских дивизий были избраны южные и юго-западные регионы страны, отличавшиеся более благоприятными природно-климатическими условиями для развития военнопоселянских хозяйств и содержания кавалерии, чем земли Северо-Запада страны, наличием значительных фондов казенных земель. Изначально поселение уланских и кирасирских дивизий осуществлялось в Херсонской и Слободско-Украинской губ. Здесь в 1817–1825 гг. были поселены три уланские и две кирасирские дивизии. С 1837 г. разворачивалось поселение еще одной уланской дивизии и конно-артиллерийской бригады в Киевской и Подольской губерниях с центром в г. Умани, на землях, конфискованных у участников ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Польше. По мере развертывания округов военных поселений формировалась их ресурсная и хозяйственная база, что позволяло получать все необходимые средства для обеспечения действующих частей кавалерии, расквартированных в округах, продовольствием и фуражом и иметь определенные резервы на случай чрезвычайных обстоятельств или военных кампаний.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют законодательные материалы, отражающие процесс формирования ресурсных фондов поселенных полковых округов, массовые статистические источники в виде отчетов Департамента военных поселений, статистических атласов (графики построены на основе данных годовых отчетов и статистических атласов), статистических описаний 1850-х гг. и статистических таблиц. Материалы источников позволяют оценить хозяйственный потенциал и ресурсную базу поселенных кавалерийских округов и региональных военных поселений, показать и охарактеризовать динамику их развития в формате построения трендов, которые показывают тенденции развития во времени (на основе погодных статических данных) и аналитического выравнивания динамических рядов по фондам запасных магазинов, вспомогательным капиталам, займам военных поселян из полковых запасов. Представлены также в графиках колебания урожайности по озимым и яровым культурам по региональным военным поселениям кавалерии. Использование методов количественного анализа, и в частности, метода аналитического выравнивания динамических рядов и долевого метода (структура капиталов регионального поселения), позволило показать состояние хозяйственных и финансовых фондов кавалерийских военных поселений в их динамике в определенный временной период (1830–1850-е гг.) со среднегодовыми показателями роста и восходящими и нисходящими трендами.

Результаты

Полковые поселенные округа и дивизии имели достаточно представительную хозяйственную базу, особенно в кавалерийских военных поселениях на юге России, которая изначально была сформирована на базе бывших казацких хозяйств и хозяйств государственных крестьян. Здесь изначально отказались от поселения старослужащих солдат, как это было при организации округов пехоты, и в частности, 1-й Гренадерской дивизии в Новгородской губернии [28, 2006]. В военных поселениях кавалерии поселенные дивизии и полки полностью перешли на продовольствие

от земли полков своего расквартирования, т.е. содержались без затрат от казны. Это позволяло сокращать государственные финансовые средства на содержание армии.

Продовольственные ресурсы и фуражные запасы округов военных поселений кавалерии не только обеспечивали полностью их собственные нужды и продовольствие действующих уланских и кирасирских полков, несмотря на частые низкие урожаи, но и позволяли направлять часть этих резервных средств на обеспечение армии во время военных кампаний, таких как Русско-турецкая война 1828–1829 гг., польская кампания 1830–1831 гг., десант 1833 г. в Турцию, поход в Венгрию в 1849 г., Крымская война 1853–1856 гг. В период военных кампаний и походов действующие части (кавалерийские эскадроны) принимали в них участие, находясь вне округов, а на их место вводились части других дивизий кавалерии. Финансовые ресурсы – капиталы военных поселений – также использовались при необходимости на различные нужды государства [29, с. 204]. В период Крымской войны, а конкретно в 1854 г., военные поселения кавалерии из своих средств оказывали помощь войскам Южной армии и войскам в Крымском крае. «В течение мая округа Новороссийского, Киевского и Подольского военного поселения доставили на своих подводах в сс. Жеребково и Шараево до войск действующей армии 104 688 четвертей провианта и фуража; причем военные поселяне, движимые патриотическими чувствами, пожертвовали 68 504 собственных своих мешков на сумму 27 401 руб. 60 коп. сер[ебром]. А впоследствии, с 21 сентября по 14 октября, от тех же округов вновь доставлено на своих же подводах в гг. Бориславль и Херсон 10/т[ыс]. четвертей муки, 15/т. четвертей сухарей, с пропорцией круп и 10/т. четверт[ей] зернового хлеба, для войск, в Крыму находящихся. <…> Предоставлено в распоряжение Главнокомандующего Южной Армией из запасов округов военного поселения кавалерии 675 190 четвертей провианта и зернового фуража и 3 520 000 пудов сена» [20, л. 8 об.–9]. Поставки провианта и фуража частям Южной армии обеспечивались за счет резервных запасов округов военных поселений кавалерии. Ресурсная база региональных кавалерийских поселений позволяла обеспечивать продовольственную и фуражную поддержку воюющей армии.

Именно для обеспечения стабильного развития хозяйственных структур округов военных поселений и для обеспечения гарантий для военных поселян помимо основных фондов в них существовали резервные или так называемые вспомогательные заведения. К вспомогательным заведениям относились денежные капиталы: заемный денежный капитал (ЗДК), капитал для вспомоществования военным поселянам и пахотным солдатам, офицерский вспомогательный капитал, хлебные запасные магазины, где хранился хлеб для муки, круп (полба, ячмень, гречиха, просо) и особые фуражные запасы – овес и ячмень (с 1840 г.), а также запасы сена и соломы. Все обозначенные вспомогательные заведения изначально формировались в округах военных поселений, и, как показывают статистические источники, размеры и объемы их возрастали по мере развития поселенных полковых округов, и они использовались для поддержки поселянских хозяйств. Для хранения продовольствия и фуража в эскадронных и батальонных селениях специально отстраивались новые запасные магазины, клуни, амбары, рассчитанные на разные объемы хранения зерновых запасов [6, с. 39].

Хлебные запасные магазины учреждались в поселенных эскадронах «для обеспечения военных поселян против непредвидимых случаев неурожая хлеба и недостатков оного». Объем запасов в хлебном магазине определялся «годовой потребностью для поселенных, резервных и действующих эскадронов провианта, и четырехмесячной пропорцией для завода и рабочих лошадей овса» [10, с. 91]. При формировании запасного магазина в его основание поступал хлеб, хранившийся в запасных сельских магазинах коренных жителей, переходивших в состав военного

поселения [10, с. 91]. Продолжал пополняться хлебный магазин «посредством сбора с военных поселян-хозяев после каждого урожая хлеба» со всех в равном количестве. Норма взноса составляла «по одной четверти два четверика ржи, по одному четверику два гарнца гречихи и по одной четверти овса» [10, с. 92]. При этом каждый военный поселянин-хозяин имел право «в случае нужды, заимствовать из запасного магазина хлеб с возвратом оного при новом урожае» [10, с. 93]. Таким способом магазины пополнялись до введения общественных посевов в округах военных поселений в 1820–1830-х гг., с этого момента урожаи с общественных полей пополняли и составляли запасы хлебных магазинов. «Виду недостатка земель общественные посевы и сенокосы не были введены только в 1-й уланской дивизии (округа № 5–8 Украинских поселений), а отрезать земли у поселян-хозяев для этих целей командование не решилось. Последними в 1836 г. были введены общественные посевы в первых четырех округах (1-я кирасирская дивизия) Украинских военных поселений» [28, с. 212]. Учет состояния запасов хлебных магазинов и капиталов военных поселений осуществлялся ежемесячно.

Общественные посевы и сенокосы вводились также для обеспечения полного продовольствия всех строевых и подъемных лошадей поселенного полка фуражом – овсом, для составления запасных магазинов и ежегодного пополнения в них «того количества, какое будет израсходовано на продовольствие провиантом: строевых и нестроевых нижних чинов, инвалидов и офицерских денщиков, кои не квартируют у военных поселян-хозяев и их помощников, но живут в особых домах своими артелями» [6, с. 16–17]. Из магазинных запасов обеспечивалось также продовольствие ряда категорий населения поселенных полковых округов: непоселенных чинов военных поселений, кантонистов учебных учреждений (учебных эскадронов, батальонов и артиллерийских батарей и др.), служащих и неслужащих инвалидов, служащих военно-рабочих батальонов, которые занимались строительными работами в округах, служащих временных рабочих рот, денщиков штаб- и обер-офицеров поселенного полка, престарелых военных поселян, больных, вдов и сирот (например, по 1–4 округам Украинского военного поселения в 1850 –1851 гг. – 7 876 человек). В 1851 г. «разного звания команд, собственно к военным поселениям принадлежащих – 30 537 человек» [19, л. 8 об.]. На общественных полях высевали овес, ячмень, гречиху и рожь [6, с. 18].

Показатели по займам поселян из запасных хлебных магазинов свидетельствуют об эффективности данного учреждения при чрезвычайных обстоятельствах в округах военных поселений: неурожаи, истребление посевов саранчой, градобитие, поздние или ранние заморозки, засуха. Доля займов поселян из запасных хлебных магазинов в 1830–1850-х гг. составляла от 17,9 % (от менее ⅕) до 65,5 % (до ⅔) в год от общего объема запасов. Динамика займов военными поселянами из запасных магазинов представлена на графике рисунка 1. Доля займов из особых запасов в 1840–1856 гг. составляла от 7,63 % (1840 г.) до 27,42 % (1845 г.) в год (график рисунка 2).

По «Положению…» 1827 г. «первоначальное устройство округа» заключалось: «1. В учреждении запасных хлебных магазинов в определенной Положением пропорции. 2. В приготовлении полной годовой потребности муки, круп, овса, сена и соломы для продовольствия действующих частей поселенного полка. <…> 4. В составлении заемного денежного капитала» [6, с. 38–39]. По статистическим описаниям округов военных поселений кавалерии все «вспомогательные заведения» обозначены как хозяйственные учреждения, которые «согласно с главной целью учреждения военного поселения: доставлять квартирующим войскам всякого рода выгоды, а также в постоянной заботливости о благосостоянии поселян учреждены в каждом округе» [25, с. 181]. Запасные хлебные магазины и запасы фуража учреждались с целью: «а) для ежегодного довольствия провиантом нижних чинов, кантонистов

и круглых сирот и фуражом лошадей и волов; б) в случае неурожая в обеспечении полным продовольствием всех квартирующих в округе войск и семенами для засева казенных полей; также в пособии поселянам для продовольствия семейств и для засева их полей». Поселянам пособие производилось заимообразно. Кроме запасов магазинов каждый военный поселянин был обязан «иметь годовой запас хлеба на собственном своем току» [25, с. 181].

Объемы займов военными поселянами из запасных магазинов во многом определялись урожайностью зерновых и фуражных культур, которая зависела от природно-климатических условий южных российских регионов и состоянием военнопоселянских хозяйств. При низких показателях урожайности объемы займов росли, военнопоселянские хозяйства получали хлеб и фураж из запасных магазинов и запасов фуража. При хороших урожаях запасы магазинов пополнялись до определенных норм их заполнения, и объемы займов хозяйствами в такие годы сокращались. Колебания годовой урожайности озимых и яровых культур по региональным военным поселениям представляют графики рисунков 3–10. Практически по всем военным поселениям отмечаются общие тенденции: по показателям урожайности озимых культур в период с 1832 по 1856 гг. отмечаются положительные тенденции с восходящими трендами, кроме показателей по данному виду посевов по Украинскому военному поселению с минимальным годовым показателем 0,006 сама (рис. 7), а по урожайности яровых определяются нисходящие тренды урожайности с незначительными показателями (рис. 4, 6, 8, 10).

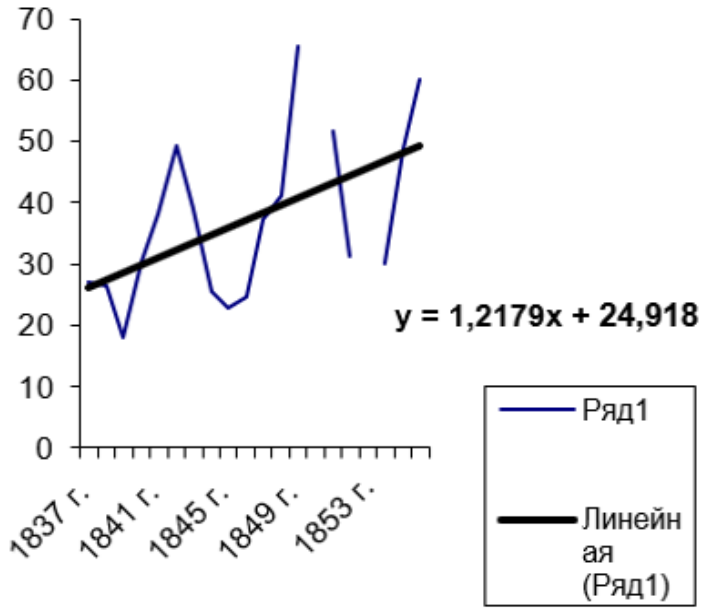


Рис. 1. Военные поселения кавалерии: динамика процентного соотношения займов военных поселян из запасных хлебных магазинов (1837–1856-е гг.)

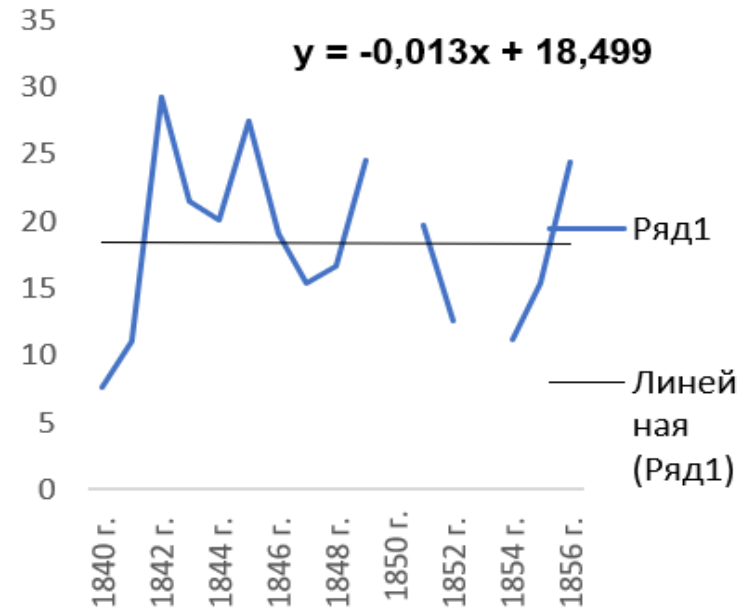


Рис. 2. Военные поселения кавалерии: динамика процентного соотношения займов из особых запасов (1840–1856-е гг.)

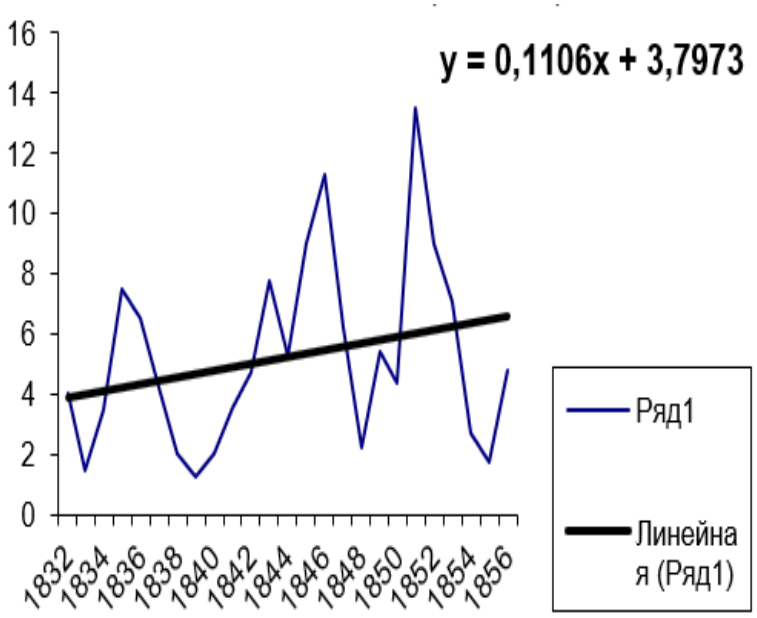


Рис. 3. Новороссийское военное поселение 1–8 округа урожайность озимых 1832–1856-е гг. (в самах)

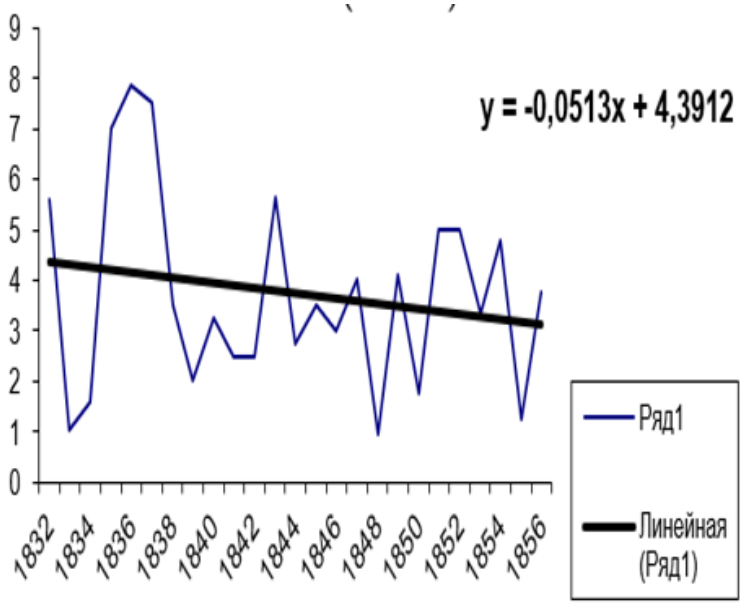


Рис. 4. Новороссийское военное поселение 1–8 округа урожайность яровых 1832–1856-е гг. (в самах)

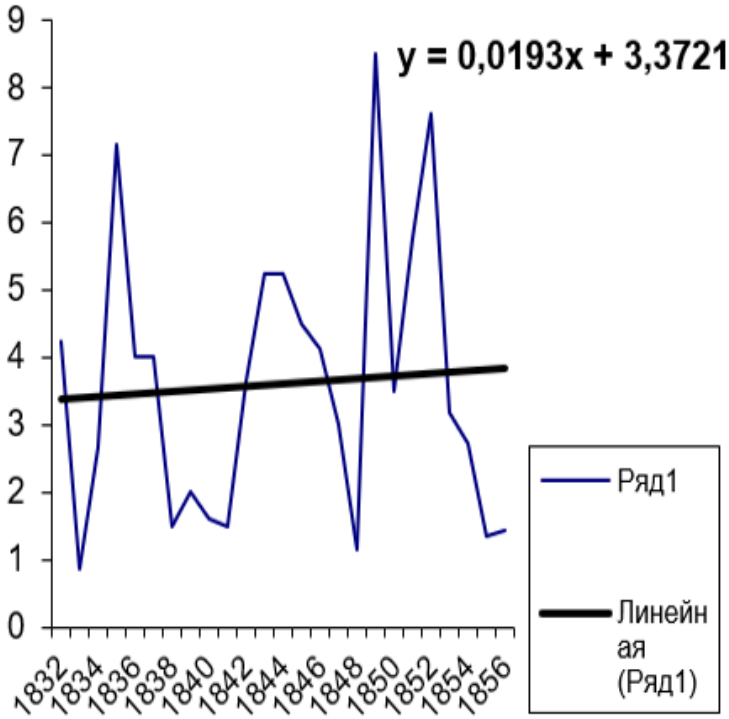


Рис. 5. Новороссийское военное поселение 9–12 округа урожайность озимых 1832–1856-е гг. (в самах)

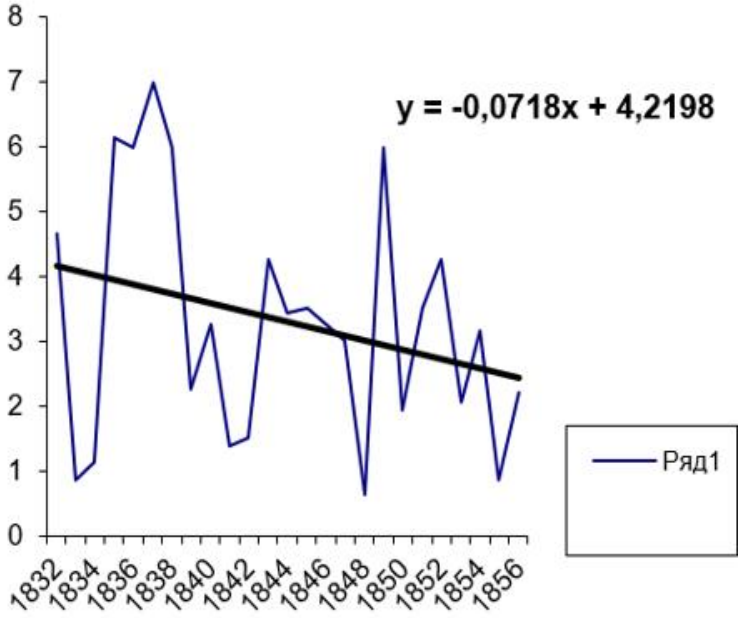


Рис. 6. Новороссийское военное поселение 9–12 округа
урожайность яровых 1832–1856-е гг. (в самах)

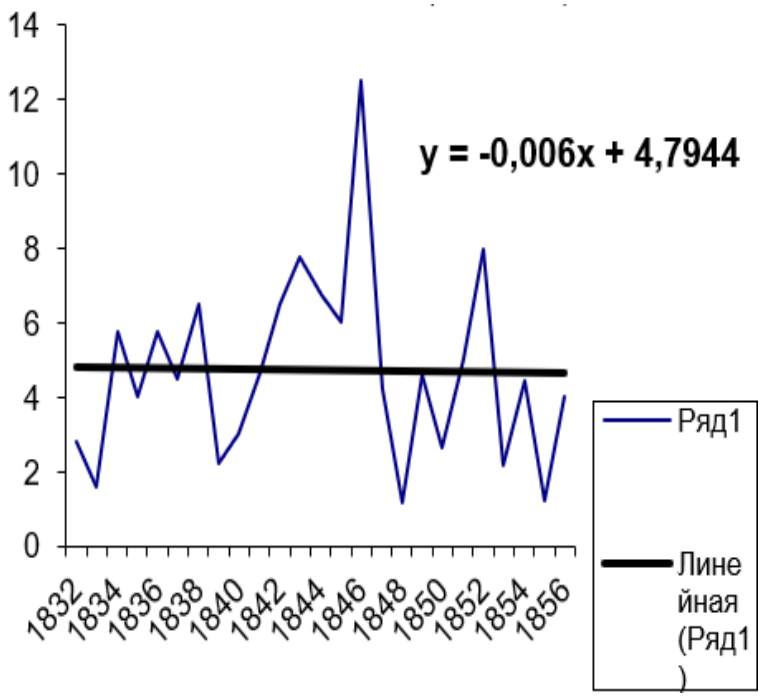


Рис. 7. Украинское военное поселение
урожайность озимых 1832–1856-е гг. (в самах)

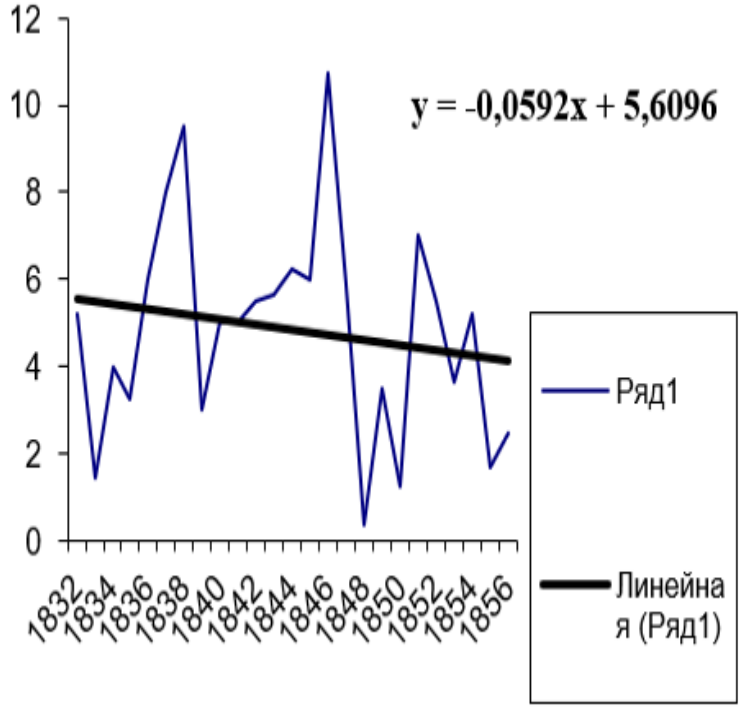


Рис. 8. Украинское военное поселение
урожайность яровых 1832–1856-е гг. (в самах)

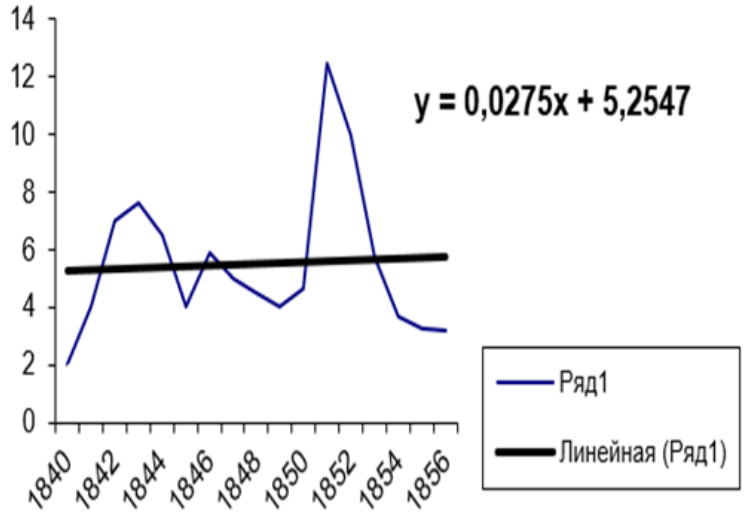


Рис. 9. Киевско-Подольское военное поселение 1840–1856 гг.
урожайность озимых (в самах)

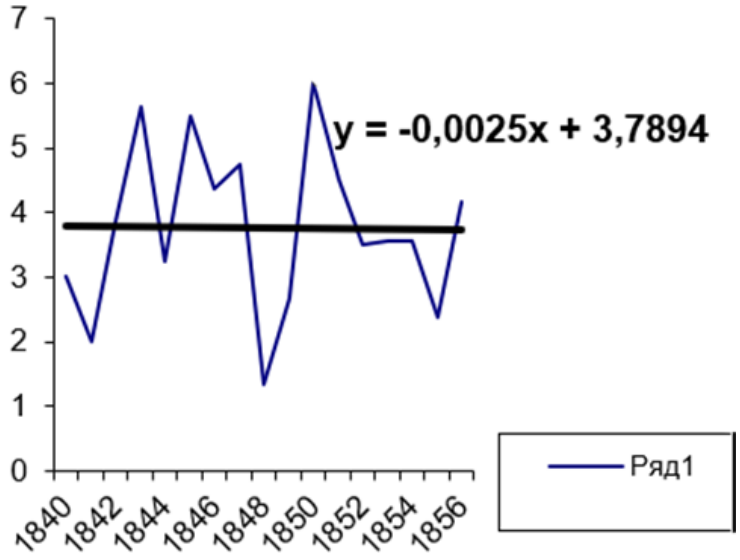


Рис. 10. Киевско-Подольское военное поселение 1840–1856 гг.
урожайность яровых (в самах)

Состояние зерновых культур в запасных хлебных магазинах и особых запасов фуража (овес и ячмень) по региональным поселениям и дивизиям отражают графики рисунков: Украинское военное поселение – рисунки 11–14, Новороссийское военное поселение – рисунки 15–20, Киевско-Подольское военное поселение – рисунки 21-22. Здесь отмечаются различные тенденции – восходящие и нисходящие тренды – по поселенным кавалерийским дивизиям.

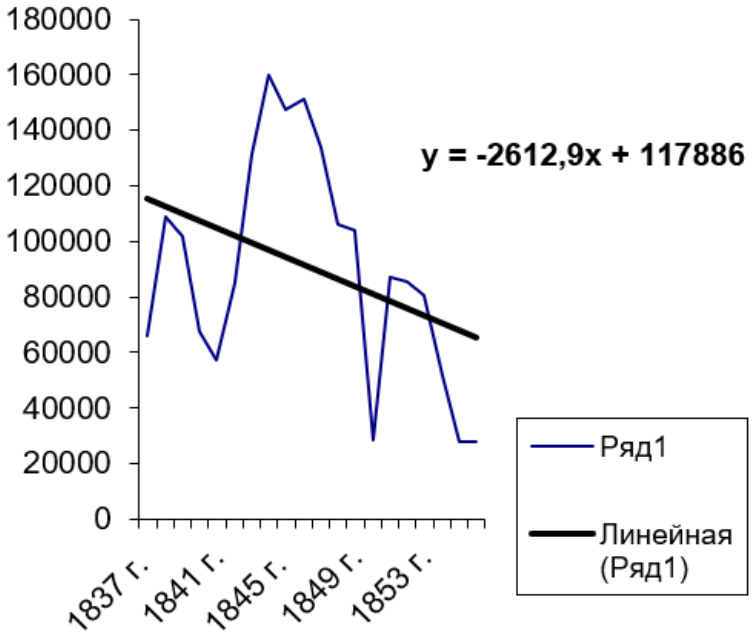


Рис. 11. Запасные хлебные магазины 1–4 округов Украинского
военного поселения (суммарные показатели: для муки, круп, овса)

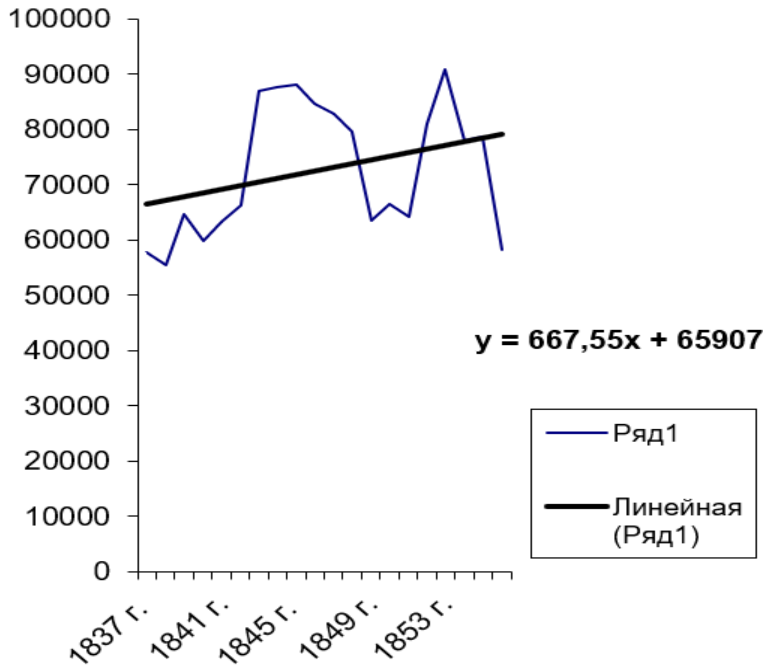


Рис. 12. Запасные хлебные магазины 5–8 округов Украинского военного поселения 1837–1856 гг. (суммарные показатели: для муки, круп, овес)

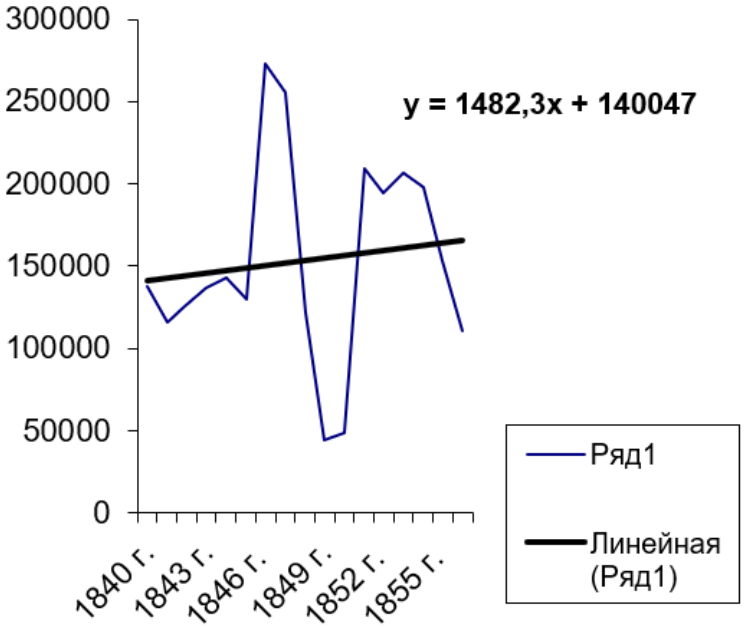


Рис. 13. Особые запасы фуража в 1–4 округах Украинского военного поселения 1840–1856 гг. (овес и ячмень)

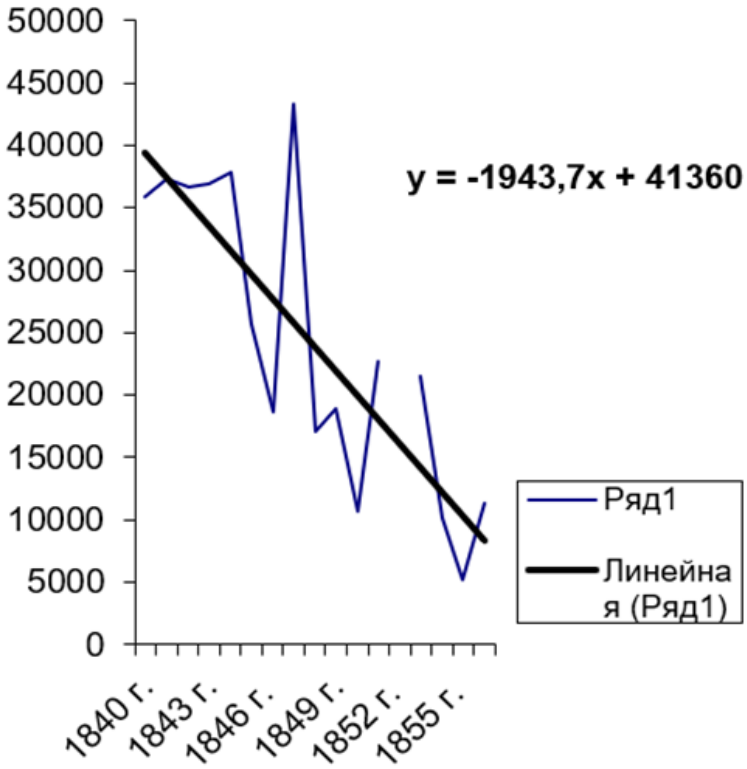


Рис. 14. Особые запасы фуража в 5–8 округах Украинского военного поселения 1840–1856 гг. (овес и ячмень)

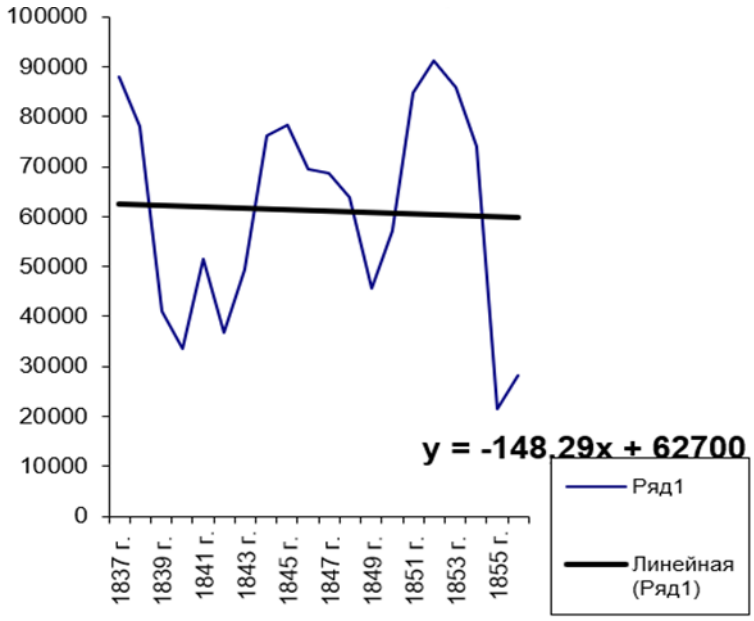


Рис. 15. Запасные хлебные магазины 1–4 округов Новороссийского военного поселения 1837–1856 гг. (суммарные показатели: для муки, круп, овес)

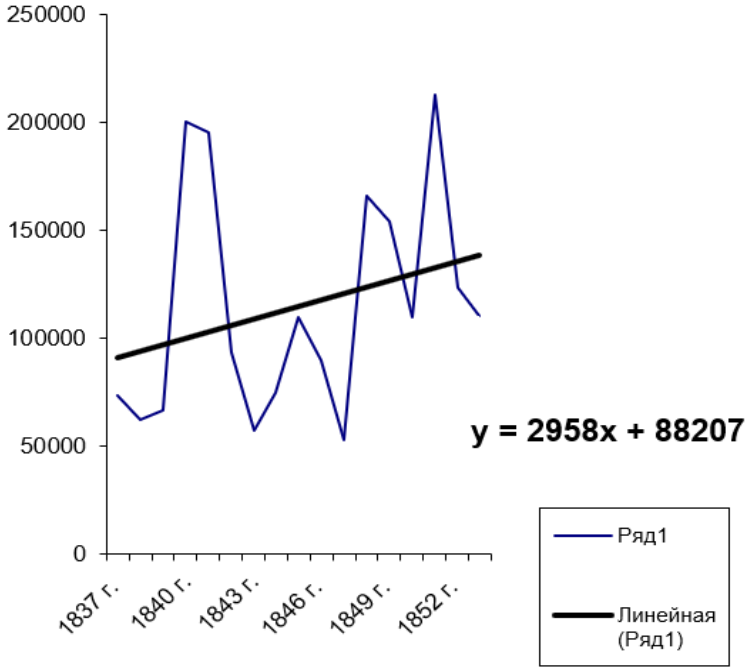


Рис. 16. Особые запасы в 1–4 округах Новороссийского военного поселения 1837–1856 гг. (овес и ячмень)

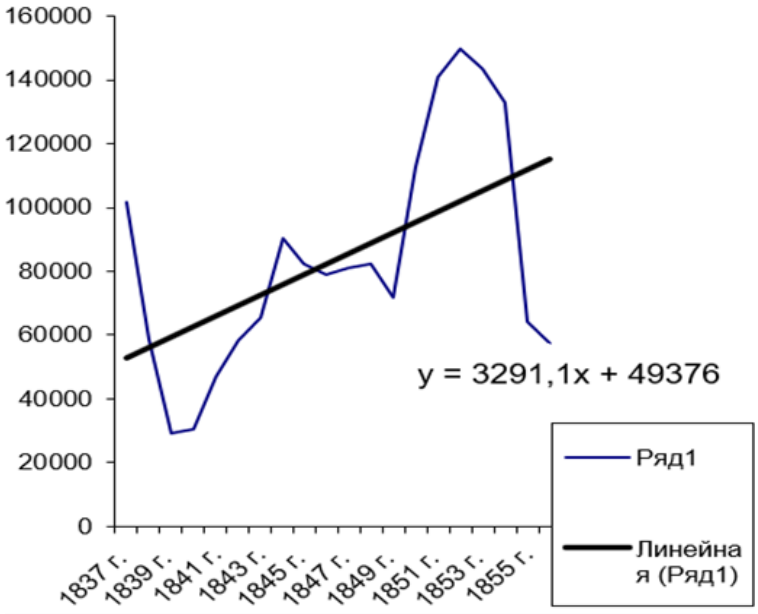


Рис. 17. Запасные хлебные магазины 5–8 округов Новороссийского военного поселения 1837–1856 гг. (суммарные показатели: для муки, круп, овес)

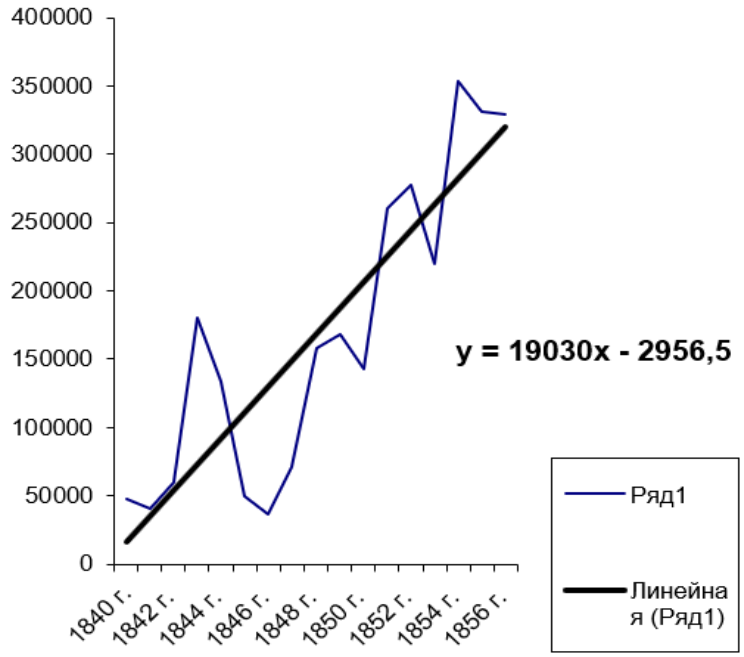


Рис. 18. Особые запасы фуража 5–8 округа Новороссийского военного поселения 1840–1856 гг. (овес и ячмень)

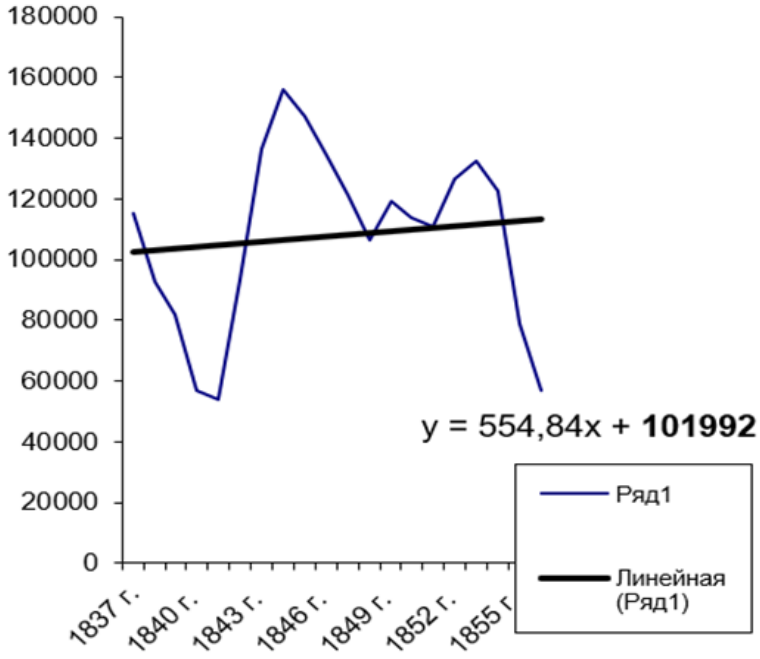


Рис. 19. Запасные хлебные магазины 9–12 округа Новороссийского военного поселения 1837–1856 гг. (суммарные показатели: для муки, круп, овес)

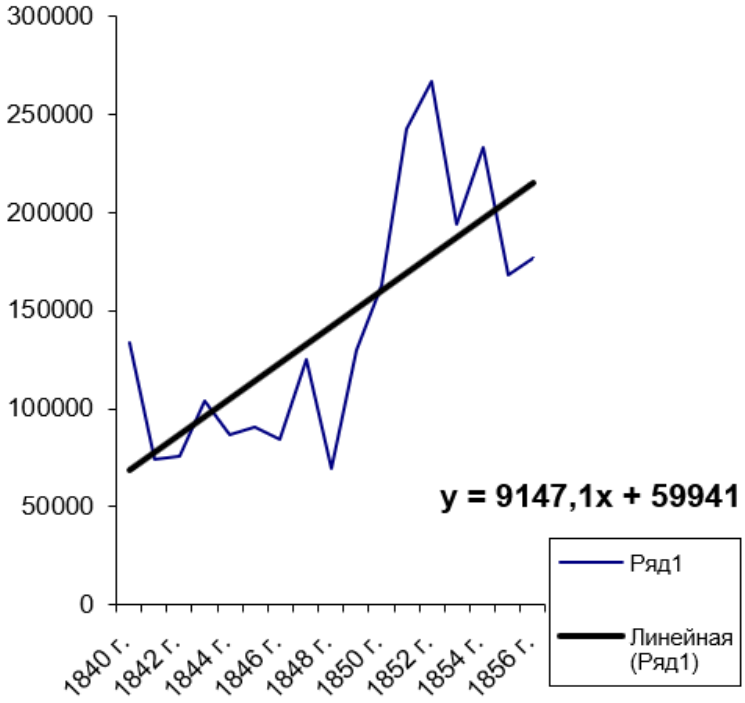


Рис. 20. Особые запасы фуража 9–12 округа Новороссийского военного поселения 1840–1856 гг. (овес и ячмень)

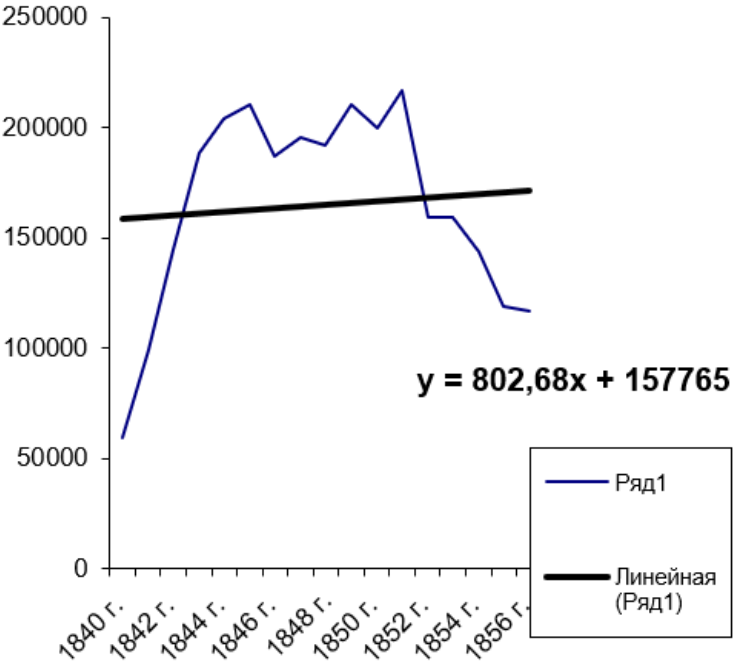


Рис. 21. Запасные хлебные магазины Киевско-Подольского военного поселения 1840–1856 гг. (суммарные показатели: для муки, круп, овес)

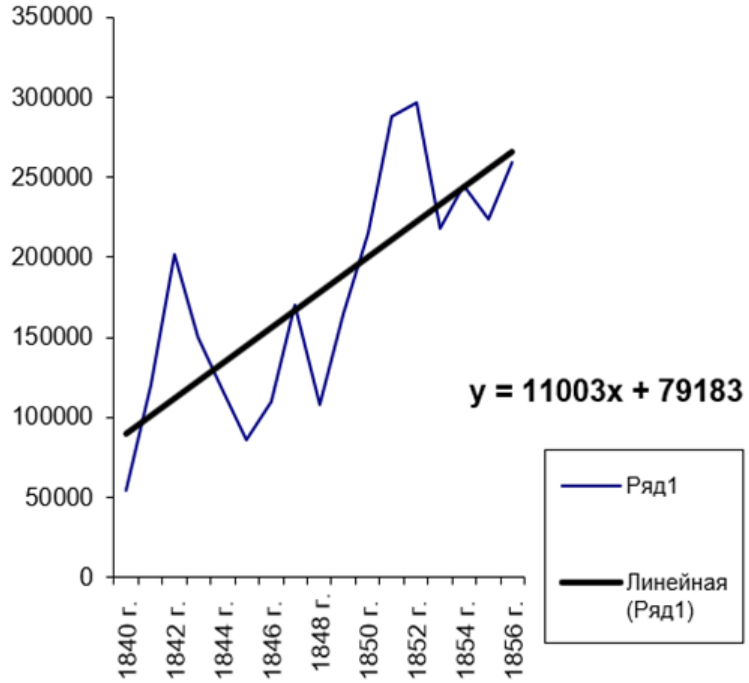


Рис. 22. Особые запасы фуража
Киевско-Подольское военное поселение 1840–1856 гг.
(овес и ячмень)

В 1–8-м округах Новороссийского военного поселения в 1843 г. были учреждены мирские магазины в качестве дополнительного резерва на случай неурожая и невозможности обеспечить продовольствием всех военных поселян и использовать семенной фонд без пособия от казны. Мирские магазины пополнялись «сбором зерна с военных поселян в урожайные годы». Взнос в мирские магазины составлял «на каждую душу обоего пола большого и малого возраста по одной четверти озимого и по одной четверти разного ярового хлеба, кроме овса». В 1857 г. в мирских магазинах 1–8-го округов Новороссийского военного поселения находилось: озимого хлеба 44 398 четвертей и ярового – 29 427 четвертей, а всего 62 735 четвертей [25, с. 181–182]. Помимо этого «на основании Высочайше утвержденного 20 августа 1848 г. предложения Инспектора Резервной кавалерии [12, л. 1-6 об.] военным поселянам, лишившимся всего или значительной части своего хлеба от града и саранчи, выдается из запасных хлебных магазинов, такое количество хлеба, какое будет недоставать до нового урожая, на прокормление поселянина с семейством и его постояльца и на осеменение его полей» [25, с. 182]. По утвержденным в 1848 г. «Правилам…» отпуск хлеба пострадавшим поселянам производился из общественных запасов снопами, «чтобы поселяне сами хлеб вымолачивали с оставлением соломы в их пользу для продовольствия принадлежащего им скота», при недостатке соломы для прокорма поселянского скота она добавлялась им из общественных запасов. Во вторых четырех округах Украинского военного поселения, где не было общественных посевов, пособие выдавалось зерном [8, с. 5–6]. Хлеб из запасных магазинов на семена выдавался с возвратом при первом благополучном урожае, а на продовольствие поселянам выдавался без возврата [8, с. 6].

Ранее, 23 апреля 1838 г., было утверждено Положение, по которому в округах Новороссийского военного поселения вводились «особые посевы пшеницы, для доставления казне через продажу оной новых выгод и способов к устройству округов, без особых издержек со стороны казны» [11, л. 4]. В 1839 г. в этом региональном во-

енном поселении в 1–8-м округах случился скудный урожай и была опасность нехватки продовольствия для квартирующих в округах действующих эскадронов, и тогда было разрешено остатки урожаев пшеницы особых посевов за 1837 и 1838 гг. оставить в запасе «для обеспечения продовольствия в будущем году войск, расположенных в округах», было оставлено в запасных магазинах 17 396 четв. пшеницы [11, л. 6 об., 12].

Генералу А. П. Никитину в начале 1840 г. было разрешено выдать из-за недостаточного урожая военным поселянам заимообразно из запасных магазинов «хлеба: для муки 13 547 четв. 7 четв[ериков], для круп 628 четв.; с возвратом оного от поселян в течение трех лет», а пшеницу в объеме 17 396 четв. «обратить на пополнение недостающего в запасных магазинах количества хлеба, на продовольствие войск до будущего урожая» [11, л. 12 об.]. В конце 1839–1840 гг. в запасных хлебных магазинах первых восьми округов состояло хлеба: для муки на лицо – 32 284 четв., в долгу – 16 304 четв., для круп на лицо – 5 458 четв., в долгу – 3 031 четв., долг по крупам был только по двум округам 1-му и 8-му. Состояние фуражных запасов выглядело в следующих показателях: овса наличного – 92 506 четв., в долгу – 1 500 четв. (только по 8-му округу); ячменя наличного – 104 497 четв., долг – 3 368 четв. (только по 6-му и 7-му округам); сена 1 952 707 пудов, в долгу – 18 000 пудов (по 4-му округу); соломы – 3 383.532 пуд., в долгу – нет [11, л.13].

Одновременно с запасными хлебными магазинами в округах военных поселений формировались капиталы, которые использовались для пособия офицерам и поселянам в случае необходимости на их нужды также «с возвратом». Изначально они формировались за счет артельных денег, за счет взносов определенных сумм с поселян-хозяев и их помощников по 3 руб. в год («по одному рублю в треть») с ежегодных выплат поселянам (до реформы 1826–1827 гг.) [10, с. 95], далее капиталы прирастали процентами (банк и опекунский совет). Денежный заемный капитал в поселенных эскадронах учреждался «для доставления военным поселянам-хозяевам возможности подкреплять себя в непредвидимых денежных по хозяйству нуждах, и для поддержания конского завода» лучшими породами лошадей. Капитал этот состоял из двух отдельных сумм: «одной для пособия военным поселянам, другой для поддержания конского завода» [10, с. 94].

Вспомогательный капитал поселян также пополнялся доходами с откупов, доходами «с винной продажи и других экономических заведений» округов военных поселений, выморочными средствами, штрафными суммами и остаточными церковными суммами и др. и являлся их собственностью [10, с. 96]. Военные поселяне-хозяева «в случае неотложной надобности» могли заимствовать из заемного денежного капитала «до 500 руб. без процентов, а свыше 500 руб. за указанные 5 %, с возвращением на известной срок» [10, с. 97]. Срок возврата определялся полковым управлением, «смотря по состоянию заемщика». Разрешались и безвозвратные займы по согласованию с главным начальством военных поселений. При поступлении в инвалиды военные поселяне могли также пользоваться правом займа «в случае надобности», как и военные поселяне-хозяева [10, с. 98]. По Своду военных постановлений заемный денежный капитал для военных поселян и пахотных солдат, «составившийся первоначально из разных хозяйственных способов, и будучи собственностью военных поселян и пахотных солдат, служащей к единственной их пользе против всяких непредвидимых нужд, употребляется на выдачу пособий в ссуду, лично каждому из них и на общественные их надобности» [21, с. 61]. Правила по заемному денежному капиталу, принятые в феврале 1819 г., дополнялись в 1822 г. (дополнительные правила), в 1827 г. в Положении о поселенной кавалерии, и изменениями от марта 1832 г.

Ссуды военным поселянам и пахотным солдатам выдавались окружными комитетами по удостоверению ротных и волостных комитетов о действительной надобности в пособии просящего его, «и о способах его к исправной уплат сего займа». По дополнительным правилам 1822 г. были определены конкретные случаи для выдачи средств поселянам-хозяевам, их помощникам и пахотным солдатам. «Военные поселяне и пахотные солдаты имеют два рода надобностей в личных ссудах из заемного денежного капитала: а) для снабжения себя хозяйственными потребностями, как-то: на покупку недостающего или на перемену негодного рабочего скота, на возобновление земледельческих орудий, на приобретение соли и разных других необходимых домашних припасов и вещей; и б) для торговых оборотов» [21, с. 61–62]. Для хозяйственных нужд поселянин-хозяин имел право получить в займы до 200 руб. без процентов и в особых несчастных случаях (пожар, наводнение, падеж скота, неурожай) еще до 200 руб. дополнительно под 5 %.

Займы поселян и пахотных солдат для торговых оборотов не ограничивались конкретной суммой, а определялись по усмотрению окружных (полковых) комитетов в соответствии с состоянием и торговым предприятиям заемщиков и выдавались под 6 %, которые выплачивались сразу при получении займа в заемный капитал. При этом комитеты, выдавая торговые займы, принимали «на свою ответственность пополнение капитала, в случае неисправности торговца в платеже». Ротные и волостные комитеты также не освобождались от этой ответственности, т.е. она становилась как бы коллективной. Торговые займы предоставлялись военным поселянам и пахотным солдатам при наличии у них разрешения от окружного (полкового) комитета на производство торговли [21, с. 62–63].

Приоритет по выдаче и получению пособий оставался за нуждающимися поселянами, сначала получали пособие они, а затем те, кто брал ссуду на торговлю при одновременных заявках. Кроме того, в дополнительных правилах 1822 г. указывалось, что «занимающиеся торговыми оборотами, получая в нужных случаях особое пособие, по усмотрению окружного комитета, не пользуются правом займа 200 руб., определенных постоянно 239 на хозяйственные потребности» [21, с. 63]. Ссуды могли быть личными и общими (для роты, эскадрона, волости). Часть средств из заемного денежного капитала помещалась в кредитные установления «для приращения процентами». По дополнительным правилам 1822 г. в каждом округе оставлялись определенные суммы для производства ссуд: в округах кавалерийских от 10 000 до 25 000 руб., в округах пахотных солдат от 11 000 до 23 000 руб. в каждом. В соответствии с новым постановлением 1848 г. «военным поселянам нехозяевам дозволено пользоваться ссудой из заемного денежного капитала округов военных поселений на правилах, изложенных в 239, 240, 241 и 244 ст. 1 кн. 4 час. Свода воен. пост.» [18, л. 9].

Капитал для поддержания конского завода формировался первоначально из суммы, отпускаемой «полковому управлению, со времени учреждения конского завода, ежегодно, в течении четырех лет» по распоряжению главного над поселением начальства. Далее на умножение ее обращались «следующие, собственно заводу принадлежащие доходы: 1. От продажи бракованных в полку строевых лошадей… 2. От продажи из завода лошадей, неспособных ни к приплоду, ни к строевой службе. 3. От продажи излишнего сена и отдачи в наем пастбищных мест, в тех случаях, когда действующие эскадроны в походе находиться будут». Заводской капитал не мог употребляться ни на что другое «как только для поддержания конского завода и для содержания вольного берейтора и его помощника» [10, с. 100–101].

Заемный денежный капитал использовался также: на улучшение скотоводства поселян, на строительство, на разные постройки и исправления общественных строений, на канцелярские расходы ротным, эскадронным и волостным комитетам,

на содержание земледельческих училищ; на содержание пожарных инструментов и пожарных лошадей, на содержание ветеринарной службы в поселениях, на форму поселянам в округах военного поселения кавалерии, на обмундирование рекрут, на устройство овцеводческих заводов, на покупку рогатого скота лучшей породы и на лечение больного скота, на содержание ветеринарных аптек в кругах пахотных солдат, на содержание коновальских (ветеринарных) учеников и инструментов для них в кавалерийских округах, на постройку запасных хлебных магазинов и амбаров для хранения хлеба и на ремонтное их содержание и др. Расходы эти делились на ограниченные, которые производились окружными комитетами по соответствующим положениям, и неограниченные, производимые с разрешения Департамента военных поселений [21, с. 70-71]. Окружные комитеты «соображаясь с местным положением их округов и зная время, в которое обыкновенно более, или менее хозяева нуждаются в деньгах, обязаны заботиться, чтобы к тому времени всегда имели они на лицо столько суммы, сколько может быть нужно для безостановочного пособия» [21, с. 72].

На начало 1842 г. заемный денежный капитал округов пахотных солдат и военных поселений составлял 655 878 руб. 60 коп. серебром. Из данной суммы в этом году было израсходовано 52 082 руб. 26 коп. Годовое пополнение заемного денежного капитала составляло 47 699 руб.78 коп., в том числе за счет «процентов с позаимствованных военными поселянами сумм 8 836 руб. 36 коп.» [17, л. 141–142]. При 5 %, выплачиваемых поселянами с сумм займов они могли в этом году составлять более 176 727 руб. (с учетом всех займов, выдаваемых с процентами) на хозяйственные нужды и развитие торговли. К 1843 г. заемный денежный капитал военных поселений составлял 651 495 руб. 26 коп. [17, л. 141 об.].

По «Положению…» 1827 г., как и по «Проекту учреждения о военном поселении кавалерии», в кавалерийских поселенных округах «для обеспечения военных поселян против непредвидимых нужд и недостатков» также сохранялись и развивались вспомогательные учреждения (фонды) – заемный денежный капитал и хлебные запасные магазины [6, с. 11]. Капитал «для вспоможения бедным хозяевам», как отмечается в Своде военных постановлений 1839 г., существовал не в каждом округе военного поселений и пахотных солдат, а «в тех только из сих округов, в которых найдено возможным по местным способам, составление оного из разных хозяйственных сумм». Выдавались безвозвратные пособия из этого капитала неимущим и бедным хозяевам по усмотрению местного начальства с разрешения Департамента военных поселений [21, с. 73]. Свободные средства данного капитала также направлялись в кредитные учреждения для приращения процентами через департамент. В 1847 г. в восьми округах Украинского военного поселения данные по капиталу для вспоможения бедным хозяевам отсутствуют [5, с. 97]. В Кратких статистических таблицах 1847 г. представлены казенные капиталы по округам данного военного поселения: 1. заемный денежный военных поселян, 2. офицерский вспомогательный, 3. доходных статей, капитала освещения военных поселян, 4. церковный и образной, 5. капитал артели нижних чинов, 6. для вспоможения бедным хозяевам (пустые графы). Диаграмма рисунка 23 показывает долевое распределение сумм всей совокупности капиталов регионального военного поселения в 1847 г. Суммы капиталов по округам показаны в исчислении серебром. По полковым округам суммы отдельных капиталов распределялись неравномерно. Минимальный показатель по заемному денежному капиталу отмечался в 3-м округе (4 218 руб. серебром), максимальный в 5-м округе (53 094 руб. серебром) [5, с. 97].



Рис. 23. Долевое распределение капиталов Украинского Военного поселения в 1847 г.

Примеры использования вспомогательного капитала «для вспомоществования бедным военным поселянам и пахотным солдатам» сохранились в годовых отчетах Департамента военных поселений. Капитал «для вспомоществования бедным военным поселянам и пахотным солдатам» по отчету за 1839 г.: к 1 января 1840 г. составлял 119 164 руб., а к 1 января 1839 г. – 129 121 руб. Убыло в 1839 г. 9 957 руб., употребленных на покупку скота бедным пахотным солдатам» [14, л. 147 об.]. В 1840 г. из капитала для вспомоществования бедным военным поселянам и пахотным солдатам убыль составила 606 руб. серебром, «выданных бедным пахотным солдатам на покупку скота и в пособие после пожаров» [15, д. 251, л. 114 об.]. В 1841 г. из капитала для вспомоществования военным поселянам, составлявшего 33 440 руб. серебром, было израсходовано 2 666 руб. «на вспомоществование бедным пахотным солдатам в хозяйстве их» [16. л. 131]. Округа пахотных солдат были сформированы в 1830-х гг., после холерных бунтов 1831 г., вместо военных поселений пехоты в Новгородской губернии и в Белоруссии (Могилевская и Витебская губ.) [1; 27; 28, с. 156–186].

По годовому отчету за 1842 г. сумма «капитала для вспоможения бедным хозяевам военным поселянам и пахотным солдатам» составляла 436 774 руб. «В 1842 году поступило: Процентов с подрядных в округах капиталов 2 328 руб. 98 коп. За право торговли и промышленности в округах 2 689 руб. 20 коп. Итого: 5 018 руб. 18 коп. Из капитала в 1842 г. было израсходовано: В пособие военным поселянам, требовавшим такового, по разным несчастным случаям – 8 469 руб. 96 коп. За нанимаемую под выгон поселянского скота землю из частного владения – 57 руб. 17 коп. Итого – 8 527 руб. 10 коп. [17, л. 141–142].

В 1850-х гг. заемный денежный капитал поселенных округов умножался ежегодно «причислением денег: за доставку военными поселянами на места корпусных кампаментов, сена и соломы для войск; за перевозку строительных материалов к строениям, возводимым в округах; от взноса пошлин за выдачу билетов военными поселянам для промыслов; за продажу с аукционного торга бракованных лошадей: пожарных, лесной стражи, почтовых и общественных жеребцов и сверх того суммой, вырученной за продажу общественной пшеницы по первым 4-м округам, а по вторым 4-м округам травяное довольствие строевых лошадей от лугов, сим округам принадлежащих и за переход поселян в купеческое сословие» [24, с. 62]. В округах Новороссийского военного поселения к заемному денежному капиталу причислялись средства: «за отдачу в найм отав и стерней, после снятия хлеба и сена, и про-

гонные, выручаемые военнопоселянскими почтами», а также и «из процентов на суммы обращающиеся в кредитных установлениях и выдаваемые в ссуду военным поселянам» [25, с. 183; 26, с. 235]. Самые разные источники и финансовые средства пополняли суммы заемного денежного капитала, что позволяло гарантировать поддержку хозяйствам военных поселян в случае чрезвычайных обстоятельств.

С целью умножения заемного денежного капитала военных поселян по предложению инспектора резервной кавалерии генерала А. П. Никитина, утвержденному в 1849 г., в округах военного поселения были введены посевы пшеницы и льна на общественных полях. Они вводились в первых четырех округах Украинского и в 12-ти округах Новороссийского военного поселения, «в видах усиления заемного денежного капитала военных поселян», в округах Киевско-Подольского военного поселения «для увеличения доходов в оных» [9, с. 1]. Продажа этого хлеба осуществлялась с публичного торга при штабах начальника поселенных округов и в окружных комитетах. При производстве торгов в окружных комитетах должны были присутствовать по два окружных командира по назначению начальства, а также «по одному из старшин, избранных обществом военных поселян от каждой волости», т.е. привлекались к торгам и представители военных поселян. По решению корпусных командиров для присутствия при торгах могли быть назначены начальники дивизии, бригадные командиры и другие чины действующих войск [9, с. 6]. Военные поселяне могли приобретать хлеб на торгах «для своих оборотов», и при одинаковых ценах именно им отдавалось предпочтение [9, с. 7].

В 1–8-м округах Новороссийского военного поселения до 1857 г. было продано ценного хлеба на сумму 156 843 руб. 54 ¾ коп. серебром, при этом только в 1856 г. с продажи урожая во 2–8-м округах доход составил 60 573 руб. 60 ¾ коп. серебром [25, с. 185]. В Киевско-Подольском военном поселении с момента введения посевов ценного хлеба к 1857 г. было продано его на сумму 296 179 руб. 59 ½ коп. серебром, из них в 1856 г. – 55 201 руб. 31коп. серебром [23, с. 292].

Офицерский вспомогательный капитал учреждался в округах для обеспечения нужд офицеров поселенного полка [6, с. 11] или для ссуды офицеров войск, квартирующих в военном поселении [24, с. 59]. Капитал формировался изначально «удержанием половины прибавочного жалованья, получаемого офицерами в поселении сверх производимого им по штату, до составления в капитале годового оклада каждого офицера» [24, с. 59–60]. В 1850-х гг. офицерский вспомогательный капитал умножался «вычетом со всех производимых из младших в старшие чины оберофицеров, такого числа денег, чтобы в капитале было годовое их жалованье по новым чинам; удержанием в продолжении года со всех вновь определенных офицеров одной трети штатного годового оклада по их чинам, с той целью, чтобы они, став участниками капитала, имели право пользоваться из него пособием и процентами на выдаваемую сумму в ссуду офицерам и обращающуюся в кредитных установлениях» [25, с. 182].

Сумма офицерского вспомогательного капитала в 1–8-м округах Новороссийского военного поселения в 1857 г. составляла 242 823 руб. 25 ½ коп. серебром [25, с. 182–183], в 9–12-м округах – 120 533 руб. 68 ¼ коп. серебром [26, с. 233]. В пяти округах Киевско-Подольского военного поселения в 1856 г. этот капитал составлял 43 513 руб. 44 ½ коп. серебром [23, с. 290]. В восьми округах Украинского военного поселения в 1856 г. сумма данного капитала включала 312 541 руб. 66 коп. серебром [24, с. 60]. В 1847 г. сумма офицерского капитала в округах Украинского военного поселения оставляла 246 358 руб. 52 ¾ коп. серебром [5, с. 97], за 9 лет сумма офицерского вспомогательного капитала возросла на 66 183 руб. 13 ¼ коп. серебром, т.е. капитал увеличивался в среднем на 7 353 руб. 68 коп. серебром в год. Динамику состояния средств офицерского вспомогательного капитала военных поселений кава-

лерии в период 1836–1856 гг. представляет график с трендом рисунка 24. Средний ежегодный прирост офицерского вспомогательного капитала по данным графика составляет 61 177 руб.

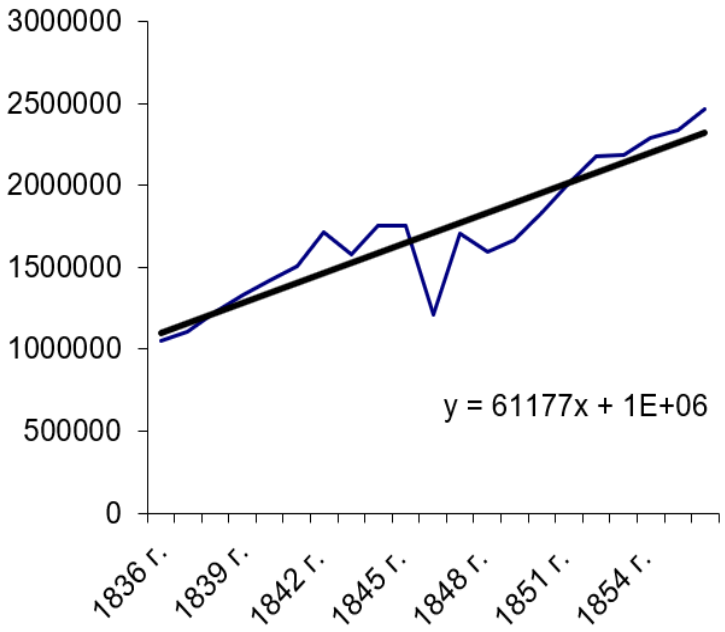


Рис. 24. Офицерский вспомогательный капитал военных поселений 1836–1856 гг.

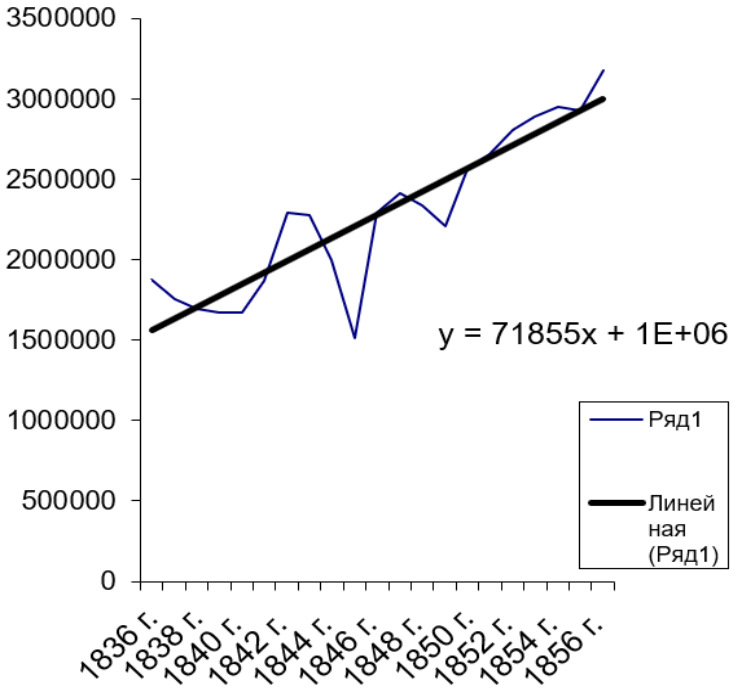


Рис. 25. Заемный денежный капитал военных поселений 1836–1856 гг.

Как свидетельствуют данные показатели по офицерскому вспомогательному капиталу по округам военных поселений кавалерии, по объемам денежных средств вспомогательные капиталы региональных поселений были «для своего времени достаточно представительными» [4, с. 26], пополнялись постоянно и позволяли поддерживать материально офицерский корпус военных поселений в случае необходимости, включая обустройство служебного жилья в округах, образование детей. В 1833 г. император утвердил правила, по которым из процентов этого капитала воспитывались, начиная с 1840 г. в Харьковском и Полтавском институтах благородных девиц, дочери офицеров и чиновников, служащих в округах военного поселения и войсках, в них расположенных. На эти средства обучались также дети чиновников Департамента военных поселений» [4, с. 26-27]. На содержание одной воспитанницы из офицерского вспомогательного капитала отпускалось в Харьковский институт благородных девиц 245 руб. серебром, а в Полтавский институт – 250 руб. серебром [24, с. 60]. В 1856 г. в Харьковском институте проходили подготовку 13 воспитанниц из числа детей служащих поселенных округов Украинского военного поселения, в Полтавском – 4 воспитанницы. В период 1833–1849 гг. в Харьковском институте прошли подготовку еще 2 воспитанницы [24, с. 61].

В 1857 г. из числа детей всех служащих в 1–8-м округах Новороссийского военного поселения в Харьковском институте обучалось 13 воспитанниц, в Полтавском с 1833 по 1857 г. состояло 16 воспитанниц и было выпущено «по окончании курса наук» 3 воспитанницы, а с 1833 по 1849 гг. в Полтавском институте проходили подготовку 22 воспитанницы, и 20 воспитанниц было выпущено по окончании курса [25, с. 183]. В Харьковский институт благородных девиц, основанный в 1812 г. на средства местного дворянства, как и Полтавский институт благородных девиц (основан в 1818 г.) [7, с. 3], а точнее, Дворянским благотворительным обществом Харькова, и в 1818 г. принятый под покровительство императрицы Марии Федоровны, принимали девочек на штатные места в возрасте от 7 до 12 лет из числа детей дворян, только Слободско-Украинской губернии. Пансионерки могли поступать из всех губерний и мест и «при том в то отделение наук, какое прилично их возрасту и приобретенным уже познаниям» [22, с. 65]. По мнению исследователя А. В. Склабовского, Харьковский институт благородных девиц был одним из лучших, «известных в России учебных заведений для женского пола» [22, с. 1]. В 1833 г. «последовал Высочайший указ ее величества императрицы Александры Федоровны, коим повелевалось в Харьковском институте иметь 10 воспитанниц (в 1849 г. прибавлено еще 5) дочерей чиновников военного поселения Харьковского и Херсонского на суммы военных поселений» [2, с. 51]. В Полтавский институт принимались воспитанницы возраста с 10 до 12 лет, для пансионерок предельный возраст приема на обучение составлял 14 лет [7, с. 12]. Курс обучения пансионеров в институте составлял 6 лет, половина курса обучения – 3 года. Плата за обучение частных пансионерок составляла в 1828 г. 800 руб. в год ассигнациями [7, с. 19, 25]. Средства из офицерского вспомогательного капитала способствовали социализации детей офицеров и служащих военных поселений, которые получали возможность обучаться в престижных учебных заведениях.

В 1837 г. было принято постановление по подготовке кадров для корпуса инженеров военных поселений. В годовом отчете по Департаменту военных поселений значилось: «Для комплектования Корпуса инженеров военных поселений, высочайше повелено приготовлять в Институте Путей Сообщения постоянно по 10-ти воспитанников на счет капитала военных поселений, для определения по окончании курса на службу в Корпус инженеров военных поселений офицерами, с обязанностью послужить в оном положенные десять лет» [13, л. 82–82 об.].

Состояние и динамику фонда заемного денежного капитала военных поселений в 1836–1856 гг. представляет график рисунка 25. При выявлении тенденций развития данного резервного фонда определяется, как и в случае с офицерским вспомогательным капиталом, восходящий тренд со среднегодовым показателем в размере 71 855 руб. Показатели по капиталам для вспомоществования военным поселянам и пахотным солдатам представляет рисунок 26 также с восходящим трендом и среднегодовым показателем прироста в сумме 56 506 руб. Рисунок 27 представляет динамику состояния объединенного фонда всех частных капиталов офицеров и военных поселян в 1836–1856 гг.

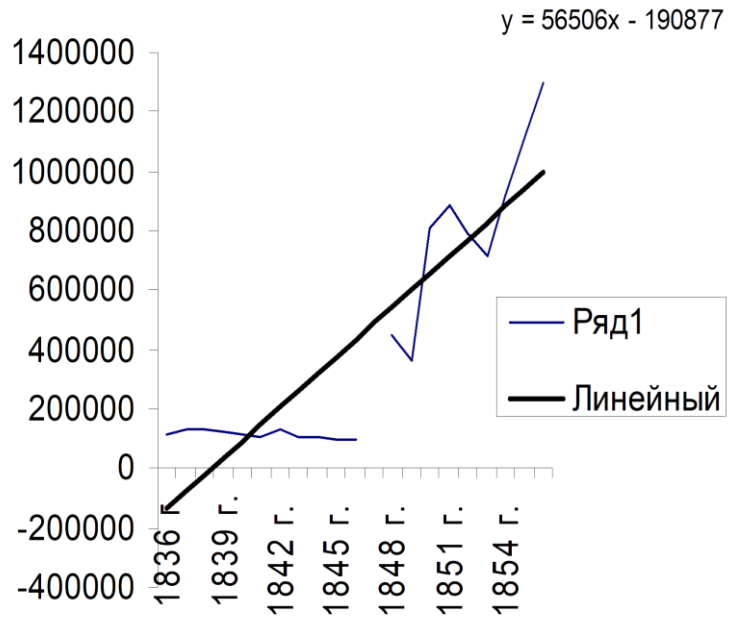


Рис. 26. Капиталы для вспомоществования военным поселянам и пахатным солдатам 1836–1856 гг.

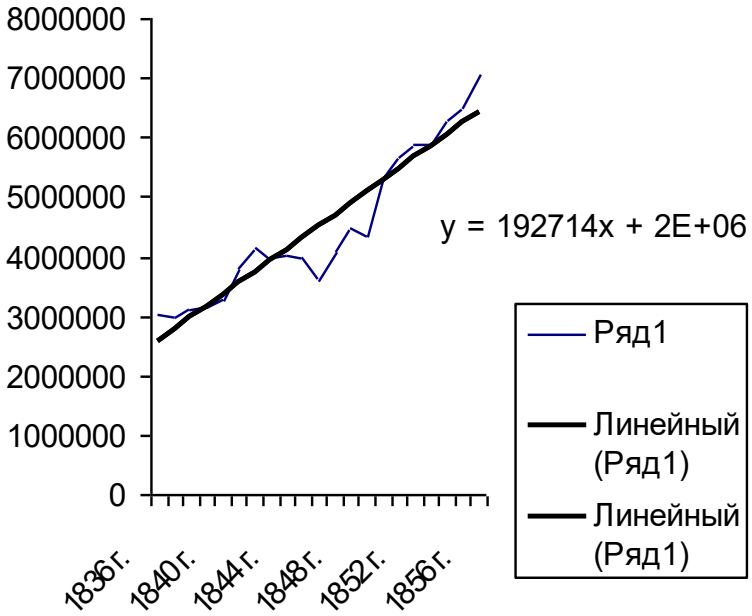


Рис. 26. Общественные (частные) капиталы военных поселений 1836–1856 гг.

Заключение

Анализ данных отчетной документации военных поселений с использованием методов количественного (статистического) анализа свидетельствует о росте объемов вспомогательных фондов военных поселений кавалерии в период 1830–1850-х гг. и об устойчивости и поступательной динамичности развития ресурсной и хозяйственной базы военно-поселенной организации кавалерии. Это позволяло в период военных кампаний обеспечивать действующие части армии провиантом и фуражом, транспортными средствами для их доставки из состава воловых парков и нестроевых или подъемных лошадей. Хозяйства военных поселян в округах кавалерийских военных поселений имели стабильные экономические гарантии за счет наличия резервных фондов в виде запасных денежных и вспомогательных капиталов, запасных хлебных магазинов и фуражных запасов. Отмечается эффективность таких фондовых установлений поселенных округов 1810–1850-х гг., как вспомогательные капиталы военных поселений и заемные денежные капиталы, за счет средств которых поддерживались хозяйства военных поселян в чрезвычайных ситуациях, стимулировалось развитие их торговли и промысловой деятельности.

Финансовые ресурсы военных поселений, включая общие (частные), позволяли правительству решать задачи по реализации различных проектов и программ, помимо военно-поселенных, как было с использованием средств на строительные нужды государства, или награды отличившимся войскам Гренадерского корпуса в период ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Польше, на помощь пострадавшим от наводнения в Петербурге в 1824 г. (1 млн. руб. ассигнациями), на подготовку военных и гражданских кадров по разным специальностям за счет средств военных поселений. Заемные денежные капиталы полковых округов позволяли военным поселянам пополнять собственные финансовые ресурсы с целью развития торговой и промысловой деятельности, развития и укрепления собственного хозяйства. Общественные запашка и сенокосы, снимая с поселян обязанность пополнения запасов, продовольственные и фуражные фонды в округах кавалерийских военных поселений, позволяли также обеспечивать содержание армейских частей кавалерии, расквартированных в округах, и снабжать продовольствием и фуражом отдельные армейские соединения в период военных кампаний 1820–1850-х гг. Ресурсные фонды поселенных округов кавалерии также позволяли обеспечивать определенную стабильность в развитие их хозяйственной системы.

Список источников и литературы

1. *Блашков Ю. А.* Военные поселения на территории Белоруссии в первой половине XIX века: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Блашков Юрий Андреевич. Минск, 1984. 234 с.
2. *Жебылев Н. Г.* Краткий исторический очерк деятельности Харьковского института благородных девиц за 100 лет его существования (с 1812-го по 1912-й год) / сост. преп. ист. ин-та Н. Жебылев. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1912. 147 с.
3. *Кандаурова Т. Н.* Российская военно-поселенная система XIX в. как модернизационный проект переходной эпохи // Проблемы истории России: сб. науч. трудов. Екатеринбург: Волот, 2013. Вып. 10: Исторический источник и исторический контекст. С. 217–226.
4. *Кандаурова Т. Н.* Экономические и социокультурные учреждения и заведения поселенных полковых округов по описаниям 1850-х гг. // XVII Петербургские военно-исторические чтения: Всерос. науч. конф., С.-Петербург, 17 марта 2021 г. / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д. А. Бажанов, А. М. Захаров. СПб.: Астерион, 2022. С. 23–38.
5. Краткія статистическія таблицы округов Украинского военного поселения. За 1847-го года // Цубенко В. Л. Документи из історії військових поселень в Україні. Харків: САГА, 2008. С. 63–112.

6. Положение о военном поселении регулярной кавалерии. СПб.: тип. Гл. штаба е. и. в. по воен. поселению, 1827. [8], 77 с.
7. Положение о Полтавском институте благородных девиц. СПб.: тип. Гл. штаба е. и. в. по военному поселению, 1828. 44 с.: табл.
8. Правила для выдачи хлеба военным поселянам из запасных хлебных магазинов, в случае истребления посевов на их полях градом и саранчой. СПб.: В тип. Деп. воен. поселений, 1848. 7 с.
9. Правила для посева и продажи пшеницы и льна в кавалерийских округах военного поселения. СПб.: В тип. Деп. воен. поселений, 1849. 12 с.
10. Проект учреждения о военном поселении регулярной кавалерии. Ч. 1: Устройство военного поселения регулярной кавалерии. СПб.: В тип. Карла Крайя, 1817. 102 с.
11. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 405. Оп. 4. Д. 1966.
12. РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 5804.
13. РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 110.
14. РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 202.
15. РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 251.
16. РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 313.
17. РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 375.
18. РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 810.
19. РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 1114.
20. РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 1406а.
21. Свод военных постановлений. Ч. 4, кн. 1: Устав хозяйственный. [Кн. 1: О заготовлении снабжений]. СПб.: В тип. II-го отделения с. е. и. в. канц., 1839. 260, 283, XI с.
22. *Склабовский А. В.* О Харьковском институте благородных девиц, состоящем под главным начальством ея вел. гос. имп. Марии Феодоровны. Харьков: в Унив. тип., 1826. [4], 71, [1] с.
23. Статистическое описание пяти округов Киевского и Подольского военных поселений, 1856 г. // Цубенко В. Л. Документи з історії військових поселень в Україні. Харків: САГА, 2008. С. 253–302.
24. Статистичний опис округів Українського військового поселення, 1856 г. // Там же. С. 13–62.
25. Статистичний опис округів 1–8 Новороссійского військового поселення, 1857 г. // Там же. С. 145–199.
26. Статистичний опис 9–12-х округів Новороссійского військового поселення, 1857 г. // Там же. С. 200–246.
27. *Тургаев А. С.* Военные поселения и крестьянство Северо-Запада России в 1816–1857 гг. СПб.: Образование и культура, 2000. 293 с.
28. *Ячменихин К. М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов: Сіверянська думка, 2006. 443 с.

References

1. Blashkov, YuA 1984, Voyennyye poseleniya na territorii Belorussii v pervoy polovine XIX veka (Military settlements on the territory of Belarus in the first half of the 19th century), PhD thesis, Minsk. (In Russ.)
2. Zhebylev, N 1912, *Kratkiy istoricheskiy ocherk deyatelnosti Kharkovskogo instituta blagorodnykh devits za 100 let yego sushchestvovaniya (s 1812-go po 1912-y god)* (The Brief historical essay on the activities of the Kharkov Institute for Noble Maidens over 100 years of its existence (from 1812 to 1912), Tip. «Pechatnoye delo» publ, Kharkov. (In Russ.)
3. Kandaurova, TN 2013, 'Rossiyskaya voyenno-poselennaya sistema XIX v. kak modernizatsionnyy proyekt perekhodnoy epokhi (Russian military settlement system of the 19th century as a modernization project of the transition era), *Problemy istorii Rossii. Vyp. 10. Istoricheskiy istochnik i istoricheskiy kontekst* (Russian History issues. No. 10. Historical source and historical context), Volot publ, Yekaterinburg, pp. 217-226. (In Russ.)

4. Kandaurova, TN 2022, 'Ekonomicheskiye i sotsiokulturnyye uchrezhdeniya i zavedeniya poselennykh polkovykh okrugov po opisaniyam 1850-kh gg.' (Economic and sociocultural institutions and establishments of the settled regimental districts according to descriptions of the 1850s), *XVII Peterburgskiye voyenno-istoricheskiye chteniya: Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya* (17th St. Petersburg military-historical readings: All-Russian scientific conference), 17 March 2021, St. Petersburg, ed. A.B. Nikolayev, D.A. Bazhanov, A.M. Zakharov, Asterion publ, St. Petersburg, pp. 23–38. (In Russ.)
5. 'Kratkiya statisticheskiya tablitsy okrugov Ukrainskogo voyennogo poseleniya. Za 1847-go goda' (Brief statistical tables of the districts of the Ukrainian military settlement for 1847) in V.L. Tsubenko *Dokumenti iz istoriĭ viyskovikh poselen v Ukraĭni* (Documents from the history of military settlements in Ukraine), SAGA publ, Kharkiv, pp. 63-112. (In Ukr.)
6. *Polozheniye o voyennom poselenii regulyarnoy kavalerii* (Regulations on the military settlement of regular cavalry) 1827, tip. Gl. shtaba ye. i. v. po voyen. Poseleniyu publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. *Polozheniye o Poltavskom institute blagorodnykh devits* (Regulations on the Poltava Institute for Noble Young Ladies) 1828, tip. Gl. shtaba ye. i. v. po voyennomu poseleniyu publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. *Pravila dlya vydachi khleba voyennym poselyanam iz zapasnykh khlebnykh magazinov, v sluchaye istrebleniya posevov na ikh polyakh gradom i saranchoy* (Rules for issuing bread to military settlers from reserve grain stores in the event of crop destruction in their fields by hail and locusts) 1848, V tip. Dep. voyen. poseleniy publ, St. Petersburg. (In Russ.)
9. *Pravila dlya poseva i prodazhi pshenitsy i lna v kavaleriyskikh okrugakh voyennogo poseleniya* (Rules for sowing and selling wheat and flax in the cavalry districts of the military settlement) 1849, V tip. Dep. voyen. Poseleniy publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. 'Ustroystvo voyennogo poseleniya regulyarnoy kavalerii' (Organization of the military settlement of regular cavalry) 1817, *Proyekt uchrezhdeniya o voyennom poselenii regulyarnoy kavalerii* (Project of the institution on the military settlement of regular cavalry), part 1, V tip. Karla Krayya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
11. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv* (RGVIA) (The Russian State Military Historical Archive), fund 405, inventory 4, file 1966. (In Russ.)
12. *RGVIA*, fund 405, inventory 4, file 5804. (In Russ.)
13. *RGVIA*, fund 405, inventory 10, file 110. (In Russ.)
14. *RGVIA*, fund 405, inventory 10, file 202. (In Russ.)
15. *RGVIA*, fund 405, inventory 10, file 251. (In Russ.)
16. *RGVIA*, fund 405, inventory 10, file 313. (In Russ.)
17. *RGVIA*, fund 405, inventory 10, file 375. (In Russ.)
18. *RGVIA*, fund 405, inventory 10, file 810. (In Russ.)
19. *RGVIA*, fund 405, inventory 10, file 1114. (In Russ.)
20. *RGVIA*, fund 405, inventory 10, file 1406a. (In Russ.)
21. 'Ustav khozyaystvennyy. O zagotovlenii snabzheniy' (Economic Charter. On the Procurement of Supplies) 1839, *Svod voyennykh postanovleniy* (Code of Military Regulations), part 4, book 1, V tip. II-go otdeleniya s. ye. i. v. kants. publ,. St. Petersburg. (In Russ.)
22. Sklabovskiy, AV 1826, *O Kharkovskom institute blagorodnykh devits, sostoyashchem pod glavnym nachalstvom yeya velichestva gosudaryni imperatritsy Marii Feodorovny* (About the Kharkov Institute for Noble Maidens, under the General Authority of Her Majesty Empress Maria Feodorovna), v Univ. tip. publ, Kharkov. (In Russ.)
23. 'Statisticheskoye opisaniye pyati okrugov Kiyevskogo i Podolskogo voyennykh poseleniy. 1856' (Statistical description of five districts of the Kyiv and Podolsk military settlements. 1856) 2008, in V.L. Tsubenko *Dokumenti z istoriĭ viys'kovikh poselen' v Ukraĭni* (Documents from the history of military settlements in Ukraine), SAGA publ, Kharkiv, pp. 253-302. (In Russ.)
24. 'Statystychnyy opys okruhiv Ukrayins′koho viys′kovoho poselennya 1856 h.' (Statistical description of the districts of the Ukrainian military settlement. 1856) 2008, in V.L.Tsubenko *Dokumenti z istoriĭ viys'kovikh poselen' v Ukraĭni* (Documents from the history of military settlements in Ukraine), SAGA publ, Kharkiv, pp. 13-62. (In Ukr.)

25. ‘Statystychnyy opys okruhiv 1–8 Novorossiyskoho viys′kovoho poselennya. 1857 h.’ (Statistical description of districts 1–8 of the Novorossiya military settlement. 1857) 2008, in V.L.Tsubenko *Dokumenti z istorії viys'kovikh poselen' v Ukraí¨ni* (Documents from the history of military settlements in Ukraine), SAGA publ, Kharkiv, pp. 145–199. (In Ukr.)
26. ‘Statystychnyy opys 9–12 okruhiv Novorossiyskoho viys′kovoho poselennya. 1857’ (Statistical description of the 9th–12th districts of the Novorossiya military settlement. 1857) 2008, V.L. Tsubenko *Dokumenti z istorії viys'kovikh poselen' v Ukraí¨ni* (Documents from the history of military settlements in Ukraine), SAGA publ, Kharkiv, pp. 200-246. (In Ukr.)
27. Turgayev, AS 2000, *Voyennyye poseleniya i krestyanstvo Severo-Zapada Rossii v 1816–1857 gg*. (Military settlements and the peasantry of the North-West of Russia in 1816–1857), Obrazovaniye i kultura publ, St. Petersburg. (In Russ.)
28. Yachmenikhin, KM 2006, *Armiya i reformy: voyennyye poseleniya v politike rossiyskogo samoderzhaviya* (Army and reforms: military settlements in the policy of Russian autocracy), Siveryanska Dumka publ, Chernigov. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 30.08.2026
Одобрена после рецензирования: 17.09.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 30.08.2026
Approved after reviewing: 17.09.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 86–99.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 86–99.

Научная статья
УДК 9.93/94.908
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-86-99

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ ПО ИНКОРПОРАЦИИ БЫВШИХ ВОЕННЫХ КАНТОНИСТОВ В ТУЛЬСКОЕ МЕЩАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Владимир Максимович Дементьев

Европейский университет в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербург, Россия,
v.dementev@eu.spb.ru

Аннотация. Статья посвящена тому, как Тульская казенная палата приписывала бывших военных кантонистов (солдатских детей) в мещанское общество. В работе предпринимается попытка рассмотреть взаимодействие двух учреждений через призму исторического институционализма. При такой оптике основными акторами становятся казенная палата и Тульское мещанское общество. Их взаимодействие предлагается рассматривать в контексте крупных законодательных преобразований пореформенного времени. Исследование основано на двух категориях источников: законодательных положениях и делопроизводственной документации. К первой группе были отнесены как законодательные акты, регулирующие механизм инкорпорации в мещане, так и регулирующие положения нижних воинских чинов после увольнения из военного ведомства. Делопроизводственная документация включает в себя реестры и сообщения, которые составлялись чиновниками казенной палаты. Обращение к г. Тула является актуальным по нескольким причинам. Во-первых, это поможет понять специфику взаимоотношений провинциальных мещанских обществ с казенной палатой в пореформенный период. Во-вторых, понять эти взаимоотношения в случае Тулы, имеющей свои социально-экономические особенности в виде крупного оружейного производства. Статья условно поделена на три взаимосвязанных части. В первой рассматриваются законодательные изменения процесса причисления отставных нижних чинов к сословным обществам. Отдельно анализируются правовые возможности бывших кантонистов стать частью мещанской корпорации. Во второй части анализируются механизмы инкорпорации солдатских детей в Тульское мещанское общество. Третья часть посвящена положению бывших кантонистов в среде мещан. Автор пришел к выводу, что Тульское мещанское общество не имело возможностей отказывать казенной палате в приписке бывших кантонистов. Было установлено, что после завершения инкорпорации солдатские дети имели в обществе неполноправный статус и были ограничены в возможностях.

Ключевые слова: казенная палата, кантонисты, мещанское общество, солдатские дети, нижние воинские чины, мещане.

Для цитирования: Дементьев В. М. Деятельность казенной палаты по инкорпорации бывших военных кантонистов в Тульское мещанское общество во второй половине XIX в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 86–99. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-86-99

Сведения об авторе: *В. М. Дементьев* – студент магистратуры, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1.

© Дементьев В. М., 2026

Scientific Article
UDC 9.93/94.908
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-86-99

THE ACTIVITIES OF THE TREASURY CHAMBER ON INTEGRATING FORMER CANTONISTS INTO THE TULA LOWER MIDDLE CLASS SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Vladimir M. Dementyev

European University at St. Petersburg
St. Petersburg, Russia,
v.dementev@eu.spb.ru

Abstract. This article examines how the Tula Treasury Chamber placed former cantonists (soldiers' children) in the lower middle class. The author attempts to examine the interaction between the two institutions through the lens of historical institutionalism. From this point of view, the key actors are the Treasury Chamber and the Tula lower middle class society. The author proposes to consider their interaction in the context of major legislative reforms in the post-reform period. The study uses two categories of sources: legislative provisions and documents of record keeping. The first group includes both legislative acts regulating the mechanism for incorporation into the lower middle class society and as well as the status of lower military ranks after their discharge from the military department. The record keeping documents include registers and reports compiled by officials of the Treasury Chamber. Referring to Tula is relevant for several reasons. First, it advances understanding the specifics of the relationship between provincial lower middle class societies and the Treasury Chamber in the post-reform period. Second, it provides an opportunity to analyze the aforementioned relationships specifically in the case of Tula, which has its own socioeconomic characteristics, in particular, a large arms manufacturing industry. The article consists of three interrelated parts. The first examines legislative changes to the process of attaching retired lower ranks to a certain social category. The second analyzes the mechanisms for integrating soldiers' children into the Tula lower middle class. The third part describes the status of former cantonists in this social class. To conclude, the Tula lower middle class society had no power to deny the Treasury Chamber the registration of former cantonists. The study establishes that after the completion of their integration, soldiers' children had limited rights.

Keywords: Treasury Chamber, cantonists, lower middle class society, soldiers' children, lower ranks, lower middle class.

For citation: Dementyev, VM 2026, 'The Activities of the Treasury Chamber on Integrating Former Cantonists into the Tula Lower Middle Class Society in the Second Half of the 19th Century', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 86–99, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-86-99 (in Russ.)

Information about the Author: *Vladimir M. Dementyev* – Master's degree student, European University at St. Petersburg, 6/1 Gagarinskaya St., St. Petersburg, 191187, Russia.

© Dementyev V. M., 2026

Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. в законодательстве Российской империи существовала тенденция к расширению числа лиц, имеющих право перейти в мещанское сословие. Подробно это было изложено в исследовании Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой в монографии «Сословное общество Российской империи». Результаты их работы показали, что в пореформенное время продолжали действовать как старые законы, регулирующие механизмы причисления, так и выходили новые, которые создавали дополнительные возможности вступить в мещане [17, с. 454–456]. Продолжали действовать законы, касающиеся инородцев. С 1833 г. в мещане могли записываться священнослужители, лишенные своего сана за преступления и пороки. С 1855 г. такое право получили вольные матросы. Положения от 19 февраля 1861 г. и закон от 18 января 1866 г. подтверждали право вступления в мещане сельских обывателей всех категорий. Отдельные законодательные акты регулировали причисление всех лиц, имеющих право «избрать себе род жизни». Под эту категорию попадали незаконнорожденные и не помнящие родства, жители польских губерний, переселявшиеся в другие регионы империи, уволенные из воинского сословия, за исключением принадлежащих к дворянскому состоянию [17, с. 456]. К последним относились в том числе и кантонисты (солдатские дети), уволенные из военного сословия. На них и будет направлен фокус настоящего исследования.

Во всех случаях за переход в мещанское сословие отвечала казенная палата – губернский орган министерства финансов, главные функции которого заключались в оформлении финансовой отчетности. Осуществление процесса перехода из одного податного сословия в другое также было одной из функций этого учреждения [18, с. 456]. Казенная палата вела все необходимое делопроизводство: оформляла сообщения, составляла реестры, уведомляла сословные общества о причислении к ним новых членов.

Статья посвящена тому, как казенная палата справлялась со своей задачей инкорпорации бывших военных кантонистов в Тульское мещанское общество во второй половине XIX в. Основной исследовательский вопрос: как происходило взаимодействие этих двух учреждений городского управления в процессе причисления бывших кантонистов в мещане? Целью настоящей работы является проанализировать законодательные положения и делопроизводственную документацию, которая касалась инкорпорации бывших кантонистов в среду мещан. Для настоящего исследования также важно посмотреть на результат причисления. В задачи работы входит анализ положения кантонистов в Тульском мещанском обществе после завершения этого процесса.

Выбор Тульского мещанского общества требует дополнительных пояснений. Тульская губерния входила в Центрально-земледельческий район и имела характерные для него черты развития торговли и промышленности [30]. Тула – крупный губернский центр, где находились все управленческие ресурсы региона. Там располагалась канцелярия губернатора, губернское по городским делам присутствие, казенная палата и др. По своим демографическим тенденциям и степени урбанизации город соответствовал другим губернским центрам Центрально-земледельческой части. Однако он имел свою особенность. Там было сконцентрировано крупное оружейное производство, которое оказывало влияние не только на экономическое развитие города, но и на сословную среду. Для Тулы было характерно наличие отдельного сословия оружейников, которое являлось уникальной социальной особенностью региона. В этой связи обращение именно к Туле является актуальным сразу по нескольким причинам. Во-первых, это поможет понять специфику взаимоотношений провинциальных мещанских обществ с казенной палатой; во-вторых,

понять эти взаимоотношения в случае Тулы, имеющей свои социально-экономические особенности.

Материалы и методы

Исследование основано на двух категориях источников: законодательные положения и делопроизводственная документация казенной палаты. К первой группе были отнесены как законодательные акты, регулирующие механизм инкорпорации в мещане, так и регулирующие положения нижних воинских чинов после увольнения из военного ведомства [6; 28; 30]. Анализ этой категории источников позволит восстановить правовое положение бывших кантонистов и определить те пути, которые им были доступны после увольнения с военной службы. На основании второй группы предпринимается попытка реконструировать процесс инкорпорации. Материалы делопроизводственной документации представляют собой реестры и сообщения, которые составлялись чиновниками казенной палаты [6–16; 28]. Ведомство извещало мещанскую управу о принятом решении в сообщениях. Они содержали основную информацию: год рождения, фамилия, имя, отчество, состояние, срок освобождения от податей, место жительства. Взаимосвязанными с сообщениями документами являлись реестры, где фиксировались год рождения, сведения о наличии приемного и увольнительного приговоров, информация об освобождении от податей, решение казенной палаты о причислении.

В историографии проблема положения в обществе бывших кантонистов и нижних воинских чинов не получила широкого освещения. Тема рассматривалась преимущественно с двух позиций: кантонисты как составная часть армии Российской империи и как жертвы имперского режима.

В рамках первого направления положение кантонистов анализировалось с точки зрения вовлеченности разных конфессиональных групп в состав имперской армии, места в общей военной структуре, комплектования и организации им пенсионного обеспечения [24; 31]. Вторая позиция представлена работами еврейской историографии, в которых кантонизм рассматривался преимущественно как негативное явление [1; 23; 25]. Нередко можно было встретить сравнение этой категории населения с крепостными крестьянами. Ю. Левит писал: «В отличие от многих нееврейских воспитанников кантонистских заведений, еврейские дети были взяты в крепостные военного ведомства из семейной среды и из мещанского сословия» [23, с. 112]. Основная мысль, которая является общей почти для всех работ еврейской историографии, заключалась в том, что кантонисты – это жертвы имперского режима.

В историографии проблема взаимодействия мещанских обществ с властью рассматривалась преимущественно с позиции исторической антропологии [19–21]. Это обстоятельство оставило позади институциональную сторону вопроса. Взаимодействие мещанских обществ с учреждениями городской власти (в том числе и казенной палатой) оказалось неизученной проблемой. Исключением можно считать исследование Л. В. Кошман. В отдельных частях ее монографии были проиллюстрированы случаи перехода купцов и крестьян в мещанство [22, с. 191–203].

В настоящей работе предлагается сменить оптику и посмотреть на эту проблему с точки зрения исторического институционализма. Особенностью этого направления является то, что оно используется для исследования конкретных ситуаций и событий с помощью сравнительного анализа в исторической перспективе. В рамках исследований важны три фактора: актор, контекст и правила. Любой значимый политический результат понимается как итог взаимодействия этих трех факторов, как поведение актора, максимизация его интересов и следование правилам. При такой оптике основными акторами становятся казенная палата и тульское мещанское общество [4, с. 117–119]. Их взаимодействие предлагается рассматривать в контексте крупных законодательных преобразований пореформенного времени, которые пе-

рестроили систему городского управления. Тогда возникали правила, которые задавали формальную рамку взаимодействия: предписывали определенные действия, создавали условия и задавали законодательную норму, которую было необходимо соблюдать. Совокупность всех этих факторов дает возможность посмотреть на взаимоотношение казенной палаты и мещанского общества как на контакт двух институций городского управления.

Для исторического институционализма характерно использование тематических сравнительных case study [4, с. 120]. Анализ конкретных ситуаций поможет реконструировать процесс взаимодействия казенной палаты с Тульским мещанским обществом и определить положение бывших военных кантонистов после завершения процесса инкорпорации.

Правовое регулирование механизма причисления бывших кантонистов к сословным обществам

Законодательство Российской империи предусматривало две формы включения в мещане: приписка и причисление. Разница состояла в том, что приписка осуществлялась казенной палатой без согласия мещанского общества. Приписанные мещане не могли пользоваться всеми правами, которыми обладали коренные причисленные мещане. Они не имели права голоса на общем собрании общества, что делало их отстраненными от дел корпорации. В некоторых работах отмечалось, что такая обособленность от общества лишала приписанных мещан социальной поддержки. Таким членам общества могли отказывать в выдаче пособий и материальном обеспечении [2, с. 125]. Возможность стать коренными мещанами появлялась только спустя пять лет с момента приписки [22, с. 217]. Лица, имеющие право избрать себе род жизни, оказывались именно приписанными в мещане, причем не всегда такая приписка происходила с согласия мещанского общества.

В 1856 г. институт военных кантонистов был упразднен, его многочисленные представители оказались выпавшими из сословной среды империи. Как отмечал В. Брукс: «Тогда около 378 тыс. мужчин были переведены от жалкого существования под военной опекой к свободным сельским и городским податным сословиям» [32, p. 9]. Кантонисты по своему составу были неоднородны. С 1827 г. в их ряды стали набирать финских, цыганских, польских и еврейских детей-рекрутов. Как отмечалось в историографии, последние составляли в рядах кантонистов большинство. По подсчетам Й. Петровского-Штерна, в период с 1827 по конец 1850-х гг. через их батальоны прошло от 60 до 80 тыс. еврейских детей [25, с. 167]. Это обстоятельство могло осложнять процесс приписки в сословные общества, которые ссылаясь на их вероисповедание, могли отказывать кантонистам. Казенная палата в этом отношении могла выступать гарантом инкорпорации и своими действиями обязывать сословные общества принять их в свою среду.

Законодательно до 1870 г. процесс приписки кантонистов к сословным обществам регулировался положениями Свода законов о состояниях. В статьях этого документа в редакции 1857 г. были определены нормативные рамки этого процесса. Так, статьей 433 подтверждалось право вступления в городские сословия для лиц, имеющих право избрать себе род жизни [29, с. 89]. Роль казенной палаты в этом процессе закреплялась статьей 438 [29, с. 89–90]. В этом положении предписывалось, что палата осуществляет приписки и записи в городские сословия. В законе допускалось участие в этом процессе палаты государственных имуществ и начальника губернии в случае возникновения каких-либо затруднений.

Приписка в мещанские общества регулировалась отдельными законодательными положениями. Законы 462 и 463 выделяли целый список лиц, имеющих право перейти в мещане без согласия сословного общества, среди них в том числе были и получившие отставку нижние воинские чины [29, с. 94–95]. Для них процесс

вступления в мещане сопровождался еще и дополнительными положениями. Согласно статье 471 они могли вступить в общество без платежа податей. Однако важно отметить, что освобождение от уплаты такого налога было только в случае приписки именно в мещане. Если после отставки нижние воинские чины желали перейти в купечество, то они были обязаны уплатить гильдейскую повинность [29, с. 97].

Изменение системы городского общественного управления после 1870 г. потребовало обновления и актуализации законодательства о причислениях в сословные общества. Одним из итогов городской реформы 1870 г. стало переустройство системы управления в городах. Городская дума стала всесословным органом управления и формировалась на основе имущественного ценза [5, с. 825]. Юридическую самостоятельность в этот период получили сословные общества, которые стали образовывать управы [20, с. 41]. Они должны были взять на себя весь процесс управления, в том числе и ведать делами причислений. Однако роль казенной палаты в этом процессе продолжала оставаться ключевой. Изменения коснулись только законодательной регламентации этого процесса. В этот период появились новые нормативные акты, регулирующие как положение выпавших из сословных рамок нижних воинских чинов, так и сами механизмы инкорпорации.

В приложениях к статьям положения 1870 г., изданных единым сборником спустя год после проведения реформы, содержались законодательные акты, регулирующие состояние нижних воинских чинов. В дополнении к 6-й статье положения были опубликованы «Правила об устройстве быта отставных и бессрочно отпущенных нижних чинов». Ряд этих правил регулировал положение этой категории населения при вступлении в сословные общества.

Новые законодательные положения допускали возможность выбора отставными чинами среды для приписки. Однако это право получали не все вольноотпущенные военные. Так, третья статья «Правил» определяла положение тех нижних воинских чинов, кто оказался на военной службе после проведения 10-й ревизской переписи. Этим отставным солдатам право выбора не предоставлялось, и они возвращались на место изначальной приписки [27, с. 1–2]. Обратная ситуация складывалась для лиц, заступивших на службу до проведения переписи. По закону они считались выпавшими из ревизских сказок. Им предписывалось после увольнения в бессрочный отпуск приписаться к городскому или сельскому податному состоянию. На вступление в новую среду законом был определен срок в один год, который начинал отсчитываться со дня прибытия в губернию, избранную для места жительства [27, с. 2–3]. Дополнением к этим законодательным актам стало вышедшее в 1883 г. Мнение Государственного Совета, где вводился срок в 6 месяцев, за который отставной военный должен быть причислен в податные общества [26, с. 12].

Появление новых законодательных положений, которые регулировали процесс инкорпорации бывших кантонистов, не означало, что прежние нормативные акты утратили свою силу. Законы, составляющие общий Свод, продолжали действовать наравне с поздними пореформенными положениями. Такая законодательная преемственность, вероятно, порождала путаницу при принятии решений. Вопросы возникали при приписке в мещанские общества тех кантонистов, которые до этого находились под судом, имели преступления или пороки. Требование не принимать в мещане осужденных за правонарушение лиц являлось обязательным и по существу единственным, которое не давало возможности стать членом этой сословной корпорации.

Обсуждение этого спорного момента происходило между канцелярией губернатора Санкт-Петербурга и департаментом полиции в 1870 г. При этом в процессе обсуждения чиновники этих учреждений давали ссылки на положения Свода законов о состояниях последней на тот момент редакции 1857 г. В канцелярии губерна-

тора Санкт-Петербурга отмечали, что бывшие нижние воинские чины могут быть причислены в мещанские общества только с соблюдением установленных правил. Далее в ведомстве заключали, что в соответствии с постановлениями 464–471, 477–487 эти лица не должны быть приписаны к мещанству. С таким утверждением были согласны в том числе и в департаменте полиции [28, л. 2].

Особенности приписки и численность бывших кантонистов в Тульском мещанском обществе

Тульское мещанское общество испытывало на себе законодательные преобразования. Сословная корпорация тесно взаимодействовала с Тульской казенной палатой. За период с 1875 по 1888 гг. к мещанскому обществу было приписано 203 кантониста (см. таблицу 1), из которых только два человека были «еврейского закона» [9, л. 56]. Они были приписаны к обществу на общих основаниях.

Таблица 1

Приписка кантонистов (солдатских детей) к Тульскому мещанскому обществу в 1870–1880 гг.[1]

Год	Общее количество приписанных	Кантонистов
1875	165	38
1877	133	28
1880	92	25
1883	217	41
1885	181	31
1888	153	40
Итого	**941**	**203**

Кантонисты, причисленные к мещанскому обществу в 1875 и 1877 г., были рождены в 1850-е гг. Они были занесены в сказки 9-й (1850–1851 г.) и 10-й (1857–1859 г.) ревизской переписи. В соответствии с новыми законами они имели право выбрать себе сословное общество для приписки. Остальные бывшие кантонисты, приписанные после 1877 г., были рождены в 1860-х гг. и не были занесены в ревизские сказки. Они были лишены права выбора и вернулись в тульское мещанское общество, из которого и ушли на военную службу.

Казенная палата осуществляла два типа причисления в мещанское общество: с предоставлением приемного и увольнительного приговора и по ходатайству члена общества. Первый тип в основном касался тех лиц, кто приходил в мещанство из других сословий. Увольнительный приговор требовался для подтверждения ухода из сословного общества, приемный – для включения в новое. Однако, несмотря на то что кантонисты по реестрам являлись выпавшими из сословной среды, они могли пользоваться этим вариантом причисления. Увольнительный приговор в этом случае предоставлялся военным ведомством, а приемный составлялся в тульском мещанском обществе.

Второй тип касался лиц, причисляемых по ходатайству одного из членов мещанской управы. Часто к такому варианту прибегали мещане, чьи дети имели кантонистский статус, чтобы приписать их в свою среду. Важным требованием для причисления кантониста была непринадлежность к «вредным обществам» и сектам. Это положение прописывалось отдельным пунктом в реестрах и соблюдалось при любом типе причисления [6, л. 7].

Механизм приписки к мещанскому обществу был схож с таким процессом в сельских обществах, но имел определенные различия. Причисление бывших кантонистов в крестьяне также могло проходить после предъявления приемного и увольнительного приговоров. Однако для причисления в сельское общество

не требовалось подтверждать непринадлежность к «вредным обществам». Вместо этого положения в реестре обязательно присутствовало обозначение, что «общество готово принять в свою среду» нового члена [7, л. 34].

Важно отметить, что реестры казенной палаты имели шаблон, который заранее готовился чиновниками учреждения. В документе прописывалось, куда причисляют кантониста, оставлялось место под заполнение даты рождения. Также заранее заполнялись положения, что «обозначенное общество готово принять в свою среду солдатского сына» [7, л. 52]. Находясь на этапе составления документов и рассмотрения дела о причислении, казенная палата уже не давала права выбора мещанскому обществу принять или отказать в причислении.

После приобретения бывшими кантонистами мещанского статуса они попадали под ведомство мещанской управы. Если возникала необходимость или желание покинуть сословие, то решение этого вопроса возлагалось на мещанского старосту и общее собрание общества. Показательным является одно решение по делу одного мещанина из кантонистов, изъявившего желание перейти в другое мещанское общество.

В мае 1878 г. в Тульской мещанской управе проходило общее собрание, где сход из 28 мещан под председательством главы управы М. В. Морозова слушал прошение мещанина, бывшего кантониста А. Горохова. Он изъявил желание перейти вместе со своей женой в Московское мещанское общество. Для этого им было направлено прошение в Тульскую мещанскую управу и ходатайство в Московское мещанское общество. Перед принятием решения в управе были наведены справки на А. Горохова, где подтвердилась его отношение к кантонистскому статусу. Это обстоятельство не помешало утвердить прошение А. Горохова и поспособствовать его переходу в Московские мещане. Однако при заполнении приемного приговора особо отмечалось, что к Тульскому мещанскому обществу он был причислен по предписанию казенной палаты [14, л. 119–1190б].

Положение бывших кантонистов после причисления в мещанское общество

В историографии существует мнение, что мещанские общества в пореформенное время характеризовались психологической, информационной и пространственной замкнутостью. Жизнедеятельность мещан протекала исключительно внутри их сословного общества и целиком была подвержена корпоративным интересам. Е. Е. Бурцева писала, что для представителей сословия мещан были характерны аполитичность и консерватизм [3, с. 84].

Одной из функций мещанского старосты после принятия Городового положения 1870 г. стало решение вопроса о принятии или исключении лиц из сословной среды. Председатель управы оформлял приемные и увольнительные приговоры, выносил на общее собрание вопросы причисления или исключения, выслушивал прошение и принимал решение, основываясь на мнении общего собрания. Однако если дело касалось работы казенной палаты, то мещанскому обществу обычно предписывали принять в свою среду нового члена. Бывшие военные кантонисты оказывались в Тульском мещанском обществе именно благодаря такому предписанию. Это не могло не вызывать особой реакции мещанской управы. Однако, если ответов или споров с казенной палатой источники не зафиксировали, то реакцию на самих причисленных кантонистов удалось проанализировать.

В 1872 г. на Тульском губернском земском собрании проходило выступление его председателя А. Тропченинова. Тогда на повестке стоял вопрос организации переговоров с мещанским и ремесленным обществом для погашения накопившихся недоимок за пользование услугами земской больницы. Там с 1865 г. на лечении находились мещане и цеховые, которые в силу своего тяжелого материального по-

ложения не могли покрыть все медицинские расходы. К моменту проведения собрания они составили более 23 тыс. рублей, из которых более 16 тыс. являлись недоимками за лечение бывших кантонистов, причисленных к мещанам (см. таблицу 2). Такая огромная сумма долгов стала основанием для Тульского губернского земства начать переговоры с сословными обществами [16, с. 24].

Таблица 2

Ведомость о недоимках, числящихся за лечение в Тульской губернской земской больнице несостоятельных мещан, бывших оружейников, причисленных к мещанскому обществу и цеховых[2]

С какого общества должна быть взыскана	За какое время накопилась недоимка	За лечение поступивших в больницу со свидетельством о бедности		За лечение оказавшихся несостоятельным по полицейским дознаниям		Из того следует исключить				Итого состоит в недоимке	
						За лиц находившихся в отделении		Сделанную уплату на погашение недоимки			
		Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.
С Тульского мещанского общества											
За лечение бессрочно отпущенных нижних воинских чинов, причисленных к мещанскому обществу	1865 г.	2764	13	-	-	-	-	-	-	2764	13
	1866 г.	2502	39	-	-	-	-	-	-	2502	39
	1867 г.	2321	-	-	-	-	-	-	-	2321	-
	1868 г.	1843	91	1299	31	62	50	-	-	3080	72
	1869 г.	1039	58	753	79	517	50	-	-	1275	87
	1870 г.	912	10	1563	3	592	50	-	-	1882	63
	1871 г.	814	55	1012	37	684	85	-	-	1142	8
	1872 г.	32	58	1115	76	-	-	-	-	1148	34
Итого		**12230**	**25**	**5744**	**26**	**1857**	**35**	**-**	**-**	**16117**	**17**
За лечение бывших оружейников	1865 г.	952	86	-	-	-	-	-	-	952	86
	1866 г.	940	63	-	-	-	-	-	-	940	63
	1867 г.	487	25	-	-	-	-	-	-	487	25
	1868 г.	300	-	511	78	37	50	-	-	774	28
	1869 г.	329	86	434	86	270	-	-	-	494	72
	1870 г.	270	-	431	83	270	-	-	-	431	83
	1871 г.	307	50	164	75	300	-	-	-	172	25
	1872 г.	-	-	87	28	-	-	-	-	87	28
Итого		**3588**	**10**	**1630**	**50**	**877**	**50**	**-**	**-**	**4341**	**10**
С Тульского цехового общества											
За лечение несостоятельных цеховых	1866 г.	885	70	-	-	-	-	-	-	885	70
	1867 г.	877	25	15	-	-	-	184	50	707	75
	1868 г.	311	63	109	78	12	50	89	78	319	13
	1869 г.	172	8	101	86	90	-	101	9	82	85
	1870 г.	389	55	234	62	90	-	24	86	509	31
	1871 г.	300	8	189	65	97	50	-	-	392	23
	1872 г.	130	8	131	75	-	-	-	-	261	83
Итого		**3066**	**37**	**782**	**67**	**290**	**-**	**400**	**23**	**3158**	**80**

Еще до начала переговоров в мещанской управе было заявлено о невозможности покрыть всю сумму недоимок сразу. В управе это объяснили бедственным положением лечившихся там мещан. Про бессрочно отпущенных нижних воинских чинов в отчете было написано: «Они причислены к обществу без его согласия и служат только в отягощение ему». В качестве компромисса в мещанском обществе заявили о готовности вносить по 1000 рублей на покрытие долгов начиная с 1873 г. Этот шаг побудил А. Тропченинова организовать личную встречу с председателями сословных обществ [16, с. 4–6].

Уже в 1873 г. на совещание в Тульское губернское земство были приглашены председатель мещанской управы М. В. Морозов и ремесленный глава А. И. Покровский. Результатом переговоров стало соглашение о взносе в земство по 1500 рублей с мещанской и по 500 рублей с ремесленной стороны. Однако после переговоров М. В. Морозов в рапорте довел до сведения Тульского земства о выплате не 1500 рублей, а 1100 в год до погашения всей суммы недоимок [16, с. 5–6].

Историю с Тульским губернским земством можно трактовать по-разному. Во-первых, мещанское общество не отказывалось от своих обязательств перед приписанными членами, которые не имели всей полноты прав в корпорации. Даже находясь в ситуации финансовых трудностей, М. В. Морозов нашел компромиссное решение. Во-вторых, мещанское общество могло пойти на переговоры с земством только для того, чтобы избежать конфликта с ним. К 1872 г. недоимки копились уже семь лет, с 1865 г. к решению этого вопроса мещанская управа в лице председателя М. В. Морозова приступила только после заявления самого земства. До этого, если верить тексту отчета, мещанское общество не предпринимало попыток погасить накопившиеся недоимки.

Важно привести еще одну историю о положении бывших кантонистов после их приписки. 4 апреля 1873 г. в Тульском губернском по городским делам присутствии проходило разбирательство по делу мещанина из бывших кантонистов Е. Титова. В набор 1872 г. он был сдан в рекруты. По отзыву Тульской городской управы это произошло по причине окончания 5-летнего срока освобождения от рекрутской повинности. Такое распоряжение вызвало возмущение его отца, который подал жалобу в казенную палату и просил вернуть сына в «первичное состояние». После разбирательства оказалось, что набор Титова в рекруты осуществлялся вопреки положениям манифеста от 25 октября 1868 г., и у казенной палаты не было никаких оснований забирать его в армию. Из этого дела стало то, что Титов не был призван в рекруты, но на этом история не закончилась [15, л. 1–2].

После завершения разбирательства Титов подал в казенную палату прошение о взыскании с чиновников учреждения, допустивших такую ошибку, денежного вознаграждения. Бывший кантонист требовал освободить его от уплаты кормовых денег. Городской управой жалоба не была принята. Отказ последовал по причине того, что Титов «не позаботился» о своём положении раньше, чтобы не допустить такого упущения со стороны городских властей. Позднее прошение Титова рассматривалось в городском полицейском управлении, где уже на его требование был дан окончательный отказ [15, л. 2–4].

Дело бывшего кантониста в контексте настоящего исследования примечательно тем, что в процессе всего дела никак не было задействовано мещанское общество. Вероятно, это можно объяснить положением Титова в сообществе мещан. Бывший кантонист был приписан в корпорацию и не пользовался всеми правами члена мещанского общества. При такой трактовке этого дела Е. Титов как приписанный кантонист не только не мог участвовать в общих собраниях, но и пользоваться протекцией со стороны корпорации.

Заключение

После введения Городового положения 1870 г. произошли изменения в правовом статусе отставных нижних воинских чинов. Тогда отдельная часть кантонистов, рожденная в 1860-х гг., лишилась своего права выбрать общество приписки. Законодательно они были обязаны вернуться в то сословное общество, из которого были призваны на военную службу. Право выбора получали те кантонисты, которые были занесены в ревизские сказки. Они обязывались приписаться к сельскому или городскому податному обществу. Мещанская корпорация становилась в таком случае одним из доступных вариантов. Однако в процессе приписки казенная палата не учитывала мнение этого общества. Своими предписаниями она обязывала принять в среду мещан новых членов без возможности обжаловать это решение.

Оказавшись в мещанской среде, бывшие кантонисты не пользовались всем объемом прав, который был доступен коренным членам общества. Приписанный статус лишал их возможности участвовать в жизни корпорации и пользоваться протекцией с ее стороны. Но при этом правление общества не отказывалось от своих

обязательств материально поддерживать бывших кантонистов, даже несмотря на их неполноправный статус. Конечно, полученные наблюдения не исчерпывают актуальность темы. Положение отставных военных не только в мещанских, но и сословных обществах в целом требует отельного осмысления. Это, в свою очередь, определяет дальнейшие перспективы исследования проблемы.

Примечания

1. Табл. 1 сост. по: Сообщение Тульской казенной палаты о причислении кантонистов к Тульскому мещанскому обществу // ГУ ГАТО. Ф. 506. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–295; Д. 5. Л. 1–216; Д. 6. Л. 1–161; Д. 7. Л. 1–212; Д. 9. Л. 1–195; Д. 14. Л. 4–204.
2. Табл. 2 сост. по: Доклады Тульской губернской земской управы Губернскому земскому собранию: о недоимке, числившейся за лечение несостоятельных мещан, цеховых и бывших оружейников // РНБ. Русский книжный фонд. Ф. Зем42. Д. 2 (1872). С. 24.

Список источников и литературы

1. *Амчиславский В. Л.* Еврейские «Солдаты-вероотступники» иправославное духовенство (1860-1870-е гг.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 3. С. 31–36.
2. *Бурцева Е. Е.* Всесословное и сословное самоуправление в городах Тульской губернии в последней трети XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Бурцева Екатерина Евгеньевна. М., 2015. 236 с.
3. *Бурцева Е. Е.* Корпоративность как характерная черта сознания тульских мещан в последней трети XIX - начале XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2011. № 4. С. 79–86.
4. *Белькова А. А.* Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 117–120.
5. Высочайшее утверждение Городовое положение 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 45. Отд-ние 1-е: 1870: от № 47862–48529. СПб., 1874. № 48498. С. 821–839.
6. ГУ ГАТО (Государственной учреждение «Государственный архив Тульской области»). Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18989.
7. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18864.
8. ГУ ГАТО. Ф. 506. Оп. 1. Д. 4.
9. ГУ ГАТО. Ф. 506. Оп. 1. Д. 5.
10. ГУ ГАТО. Ф. 506. Оп. 1. Д. 6.
11. ГУ ГАТО. Ф. 506. Оп. 1. Д. 7.
12. ГУ ГАТО. Ф. 506. Оп. 1. Д. 9.
13. ГУ ГАТО. Ф. 506. Оп. 1. Д. 14.
14. ГУ ГАТО Ф. 506. Оп. 4. Д. 2.
15. ГУ ГАТО. Ф. 1639. Оп. 2. Д. 5.
16. Доклады Тульской губернской земской управы Губернскому земскому собранию: о недоимке, числившейся за лечение несостоятельных мещан, цеховых и бывших оружейников // Российская национальная библиотека. Русский книжный фонд. Ф. Зем42. Д. 2 (1872). 24 с.
17. *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – XIX века). М.: Нов. хронограф, 2009. 752 с.
18. Казенная палата / Н. В-ръ // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1894. Т. 13а: Ист. журналы – Калайдович. С. 925–926.
19. *Каплуновский А. П.* Мещанская община // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / [А. Н. Зорин и др.]. Ульяновск: Изд-во Средневолж. нац. ун-та, 2000. С. 294–415.

20. *Кобозева З. М.* «Золотой век» мещанства: мещанская городская повседневность в 50-60-е годы XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2012. № 4. С. 38–45.
21. *Кобозева З. М.* Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе повседневности». Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2013. 615 с.
22. *Кошман Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: Рос. полит. энцикл., 2008. 448 с.
23. *Левит Ю.* Кантонизм как феномен русско-еврейской культуры // Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике. 2009. № 9. С. 112–121.
24. *Невзоров Е. Ю., Щербинина Ю. В.* Солдатские дети в законодательстве и правоприменительной практике в Российской империи XVIII-XIX веков // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 179. С. 131–142.
25. *Петровский-Штерн Й. П.* Евреи в русской армии, 1827–1914. М.: НЛО, 2003. 556 с.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 3: 1883: от № 1293–1933 и дополнения. СПб., 1886. 979 с.
27. Правила об устройстве быта отставных и бессрочно-отпускных нижних чинов // Городовое положение 16 июня 1870 г., дополненное приложением содержания статей Св. Зак., на которые сделаны ссылки, вышедшими по 1-е января 1871 года новыми узаконениями и разъяснениями М-ва внутр. дел. СПб., 1871. С. 297–304.
28. Российский государственный исторический архив. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 347.
29. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Изд. 1857 г. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857. 1007 с.
30. *Симонова Е. В., Биленко Н. А.* Торговля Тульской губернии во второй половине XIX в.: участники, масштабы, тенденции // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 2 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/torgovlya-tulskoy-gubernii-vo-vtoroy-polovine-xix-v-uchastniki-masshtaby-tendentsii (дата обращения: 01.08.2026).
31. *Ячменихин В. К.* Институт военных кантонистов в структуре русской армии // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2000. № 1. С. 55–68.
32. *Brooks E. W.* Reform in the Russian Army, 1856-1861 // Slavic Review. 1984. Vol. 43, no. 1. P. 63–82. URL: https://doi.org/10.2307/2498735. Published online: 27.01.2017.

References

1. Amchislavskiy, VL 2010, 'Yevreyskiye "Soldaty-verootstupniki" i pravoslavnoye dukhovenstvo (1860-1870-ye gg.)' (Jewish "Apostate Soldiers" and the Orthodox Clergy (1860-1870s)), *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana)* (Society. Environment. Development (Terra Humana)), no. 3, pp. 31-36. (In Russ.)
2. Burtseva, EE 2015, Vsesoslovnoye i soslovnoye samoupravleniye v gorodakh Tul'skoy gubernii v posledney treti XIX – nachale XX vv. (All-class and class self-government in the cities of Tula province in the last third of the 19th – early 20th centuries), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
3. Burtseva, EE 2011, 'Korporativnost kak kharakternaya cherta soznaniya tulskikh meshchan v posledney treti XIX - nachale XX vv' (Corporatism as the main feature of Tula's lower-middle class in late 19th - early 20th centuries), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Istoriya i politicheskiye nauki* (Bulletin of Moscow state regional university. Series "History and political sciences"), no. 4, pp. 79–86. (In Russ.)
4. Belkova, AA 2014, 'Istoricheskiy institutsionalizm – novoye napravleniye v istoricheskikh issledovaniyakh' (Historical institutionalism - a new trend in historical researches), *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* (BSU Bulletin), no. 7, pp. 117–120. (In Russ.)
5. 'Vysochaysheye utverzhdeniye Gorodovoye polozheniye 1870 g.' (Imperial approval of the City Statute of 1870) 1870-1874, *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* (Complete Collection of Laws of the Russian Empire), coll. 2, vol. 45, section 1, no. 47862–48529, St. Petersburg, no. 48498, pp. 821–839. (In Russ.)

6. *Gosudarstvennoy uchrezhdeniye "Gosudarstvennyy arkhiv Tulskoy oblasti"* (GU GATO) (State Institution "State Archives of Tula Oblast", fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18989. (In Russ.)
7. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18864. (In Russ.)
8. *GU GATO*, fund 506, inventory 1, file 4. (In Russ.)
9. *GU GATO*, fund 506, inventory 1, file 5. (In Russ.)
10. *GU GATO*, fund 506, inventory 1, file 6. (In Russ.)
11. *GU GATO*, fund 506, inventory 1, file 7. (In Russ.)
12. *GU GATO*, fund 506, inventory 1, file 9. (In Russ.)
13. *GU GATO*, fund 506, inventory 1, file 14. (In Russ.)
14. *GU GATO*, fund 506, inventory 4, file 2. (In Russ.)
15. *GU GATO*, fund 1639, inventory 2, file 5. (In Russ.)
16. 'Doklady Tulskoy gubernskoy zemskoy upravy Gubernskomu zemskomu sobraniyu: o nedoimke, chislivsheysya za lecheniye nesostoyatelnykh meshchan, tsekhovykh i byvshikh oruzheynikov' (Reports of the Tula Provincial Zemstvo Council to the Provincial Zemstvo Assembly: on arrears accrued for the treatment of insolvent townspeople, guild masters, and former gunsmiths) 1872, *Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka. Russkiy knizhnyy fond* (National Library of Russia. Russian Book Collection), fund Zem42, file 2. (In Russ.)
17. Ivanova, NA & Zheltova, VP 2009, *Soslovnoye obshchestvo Rossiyskoy imperii (XVIII – XIX veka)* (Estate Society of the Russian Empire (18th – 19th Centuries)), Novyy khronograf publ, Moscow. (In Russ.)
18. V-r, N 1894, 'Kazennaya palata' (Treasury Chamber), *Entsiklopedicheskiy slovar* (Encyclopedic Dictionary), vol 13a, izd. F. A. Brokgauz, I. A. Yefron publ, St. Petersburg, Pp. 925-926. (In Russ.)
19. Kaplunovsky, AP 2000, 'Meshchanskaya obshchina' (Lower Middle Class Community), *Ocherki gorodskogo byta dorevolyutsionnogo Povolzhya* (Essays on Urban Life in the Prerevolutionary Volga Region), Izd-vo Srednevolzh. nats. un-ta publ, Ulyanovsk, pp. 294–415. (In Russ.)
20. Kobozeva, ZM 2012, "Zolotoy vek" meshchanstva: meshchanskaya gorodskaya povsednevnost' v 50-60-ye gody XIX veka' ("Golden Age" of Meschanstvo: Urban Daily Routine of Meschanstvo Estate in the 50-60s of the 19th Century), *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* (Izvestiya of Saratov University. History. International Relations), no. 4, pp. 38-45. (In Russ.)
21. Kobozeva, ZM 2013, *Meshchanskoye sosloviye g. Samary v prostranstve vlasti i povsednevnosti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.), ili Rasskaz o «dushe povsednevnosti»* (Bourgeois Class of Samara in the Space of Power and Everyday Life (Second Half of the 19th – Early 20th Century), or a Story about the "Soul of Everyday Life"), Izd-vo Samar. un-ta publ, Samara. (In Russ.)
22. Koshman, LV 2008, *Gorod i gorodskaya zhizn v Rossii XIX stoletiya: sotsialnyye i kulturnyye aspekty* (City and Urban Life in 19th-Century Russia: Social and Cultural Aspects), Ros. polit. entsikl. publ, Moscow. (In Russ.)
23. Levit, Yu 2009, 'Kantonizm kak fenomen russko-yevreyskoy kultury' (The cantonism as a Phenomenon of Russian-Jewish culture), *Tirosh. Trudy po iudaike, slavistike, oriyentalistike*, no. 9, pp. 112-121. (In Russ.)
24. Nevzorov, EYu & Shcherbinina, YuV 2019, 'Soldatskiye deti v zakonodatelstve i pravoprimenitelnoy praktike v Rossiyskoy imperii XVIII-XIX vekov' (Soldiers' children in legislation and law enforcement practice in Russian Empire of 18th-19th centuries), *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye nauki* (Tambov University Review. Series: Humanities), vol. 24, no.179, pp. 131-142. (In Russ.)
25. Petrovsky-Shtern, YP 2003, *Yevrei v russkoy armii, 1827–1914* (Jews in the Russian Army, 1827-1914, NLO publ, Moscow. (In Russ.)
26. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* (Complete Collection of Laws of the Russian Empire) 1886, coll. 3, vol. 3: 1883, no. 1293–1933, St.Petersburg. (In Russ.)
27. 'Pravila ob ustroystve byta otstavnykh i bessrochno-otpusknykh nizhnikh chinov' (Rules for the Arrangement of the Life of Retired and Indefinitely Leave-of-Large Enlisted Personnel) 1871, *Gorodovoye polozheniye 16 iyunya 1870 g., dopolnennoye prilozheniyem*

soderzhaniya statey Sv. Zak., na kotoryye sdelany ssylki, vyshedshimi po 1-ye yanvarya 1871 goda novymi uzakoneniyami i razyasneniyami M-va vnutr. del. (City Statute of June 16, 1870, supplemented by an appendix containing the contents of the articles of the Holy Legislative Act to which references were made, new laws and clarifications of the Ministry of Internal Affairs issued before 1 January 1871), St. Petersburg, pp. 297-304. (In Russ.)

28. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* (Russian State Historical Archive), fund 1292, inventory 2, file. 347. (In Russ.)
29. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniyem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyy* (Code of Laws of the Russian Empire, compiled by order of Emperor Nicholas Pavlovich) 1857, Tip. Vtorogo otd-niya Sobstv. Ye. I. V. kantselyarii publ, St. Petersburg. (In Russ.)
30. Simonova, EV & Bilenko, NA 2018, 'Torgovlya Tulskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX v.: uchastniki, masshtaby, tendentsii' (Trade in Tula Province in the Second Half of the 19th Century: Participants, Scale, and Trends), *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2(46), viewed 01 August 2026, https://cyberleninka.ru/article/n/torgovlya-tulskoy-gubernii-vo-vtoroy-polovine-xix-v-uchastniki -masshtaby-tendentsii. (In Russ.)
31. Yachmenikhin, VK 2000, 'Institut voyennykh kantonistov v strukture russkoy armii' (The Institute of Military Cantonists in the Structure of the Russian Army), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8: Istoriya* (Moscow University Bulletin. Series 8: History), no. 1, pp. 55–68. (In Russ.)
32. Brooks, EW 1984, 'Reform in the Russian Army, 1856-1861', *Slavic Review*, vol. 43, no. 1, pp. 63–82, https://doi.org/10.2307/2498735.

Статья поступила в редакцию: 21.08.2026
Одобрена после рецензирования: 17.09.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 21.08.2026
Approved after reviewing: 17.09.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 100–127.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 100–127.

Научная статья
УДК 633.71 (470.57) «18/19»
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-100-127

ДЫМ КОРОМЫСЛОМ. РЫНОК ТАБАКА В УФЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Михаил Игоревич Роднов

Ордена Знак Почёта Институт истории языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
Уфа, Россия, rodnov@ufacom.ru
https://orcid.org/0000-0001- 7654-4782

Аннотация. Табакокурение в крае было широко распространено уже в 1860-е гг. Табачная продукция продавалась почти в ста лавках и магазинах Уфы, главным образом в бакалейных вместе с другими товарами. Специализированные табачные магазины впервые появляются в Уфе с 1880 г., но первые почти два десятилетия спрос оставался нестабильным, что приводило к недолгому функционированию табачных лавок. Лишь с 1897 г. на табачный рынок Уфы приходит семейство караимов Аппак, которые открывают несколько магазинов, просуществовавших до революции 1917 г. Скорее всего, табачные лавки обслуживали средний класс, все находились в самом центре города. Увеличение спроса привело к появлению новых табачных магазинов накануне Первой мировой войны. Объём городского рынка табака можно примерно установить в 90 млн папирос в год. Доминировали курительный табак, включая махорку, и папиросы, сигары занимали небольшую часть рынка и не найдено ни единого упоминания о сигаретах. Можно предполагать, что среди рядового населения преобладало употребление курительного табака, использовались самокрутки (много продавалось папиросной бумаги) и самостоятельная набивка папиросных гильз. Об это свидетельствует большое гильзовое производство в Уфе (до 150 млн штук), гильзы вывозились вплоть до Восточной Сибири. Кроме того, в Уфимской губернии выращивалось большое количество махорки, поступавшей на уфимский рынок. Накануне Первой мировой войны ежегодно в Уфу привозили по железной дороге около 15 тыс. пудов табака и табачных изделий, а вывозили до 24 тыс. пудов. Поставки шли с запада, из южных регионов они носили второстепенный характер.

Ключевые слова: табак, табачные изделия, торговля, предпринимательство, экономика, промышленность, Уфа, Южный Урал, вторая половина XIX – начало XX в.

Предупреждение: Демонстрация табачной атрибутики и товарных обозначений осуществлена в научно-исследовательских целях для реконструкции городской торговой среды Уфы второй половины XIX – начала XX века.

Для цитирования: Роднов М. И. Дым коромыслом. Рынок табака в Уфе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 100–127. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-100-127

Сведения об авторе: *М. И. Роднов* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, 450054, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, проспект Октября, д. 71.

© Роднов М. И., 2026

Scientific Article
UDC 633.71 (470.57) «18/19»
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-100-127

SMOKE THICK AS PEA SOUP. TOBACCO MARKET IN UFA (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Mikhail I. Rodnov

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russia, rodnov@ufacom.ru
https://orcid.org/0000-0001-7654-4782

Abstract. Tobacco smoking was widespread in the region as early as the 1860s. Tobacco products were sold in nearly a hundred shops and stores in Ufa, primarily in groceries along with other goods. Specialized tobacco shops first appeared in Ufa in 1880, but for the first two decades, demand remained unstable, leading to their short-lived operations. It was only in 1897 that the Karaite Appak family entered the Ufa tobacco market, opening several shops that survived until the 1917 Revolution. These tobacco shops likely served the middle class, and all were located in the very center of the city. Increased demand led to the emergence of new tobacco shops on the eve of World War I. The city's tobacco market was approximately 90 million unfiltered cigarettes per year. Smoking tobacco, including makhorka, and unfiltered cigarette dominated; cigars occupied a small share of the market, and there is not a single mention of cigarettes. The author assumes that smoking tobacco was prevalent among the average population, along with hand-rolled cigarettes (cigarette-paper was widely available), and homemade filling of cigarette wrapper. The evidence of this fact is the large cigarette wrapper production in Ufa (up to 150 million units), which were exported as far as Eastern Siberia. Furthermore, a significant portion of makhorka available on the Ufa market was locally produced. On the eve of World War I, approximately 15,000 poods of tobacco and tobacco products were imported annually by rail to Ufa, while up to 24,000 poods were exported. Supplies came from the west; supplies from the southern regions were of secondary importance.

Keywords: tobacco, tobacco products, trade, entrepreneurship, economics, industry, Ufa, Southern Urals, second half of the 19th – early 20th centuries.

Warning: The display of tobacco-related attributes and product markings is carried out for research purposes to reconstruct the urban trading environment of Ufa in the second half of the 19th – early 20th century.

For citation: Rodnov, MI 2026, 'Smoke Thick as Pea Soup: Tobacco Market in Ufa (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 100–127, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-100-127 (in Russ.)

Information about the Author: *Mikhail I. Rodnov* – Doctor of Sciences in Historical Sciences, Leading Researcher, Department of History and His-tory of Culture of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Re-search Centre of the Russian Academy of Sciences, 71 Oktyabrya Avenue, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450054, Russia.

© Rodnov M. I., 2026

Введение

В 1851 г. уроженец Оренбургской губернии, помещик Стерлитамакского уезда писатель М. В. Авдеев в рассказе «Варенька», начинавшем его популярный тогда роман «Тамарин», так обрисовал своё возвращение из Москвы в родовое имение с подарками детям и жене. «Я, куря трубку, любовался ими, допивал третий стакан чаю, пускал колечки из дыму и слушал жену». Герой романа заехал потом в гости к соседнему помещику, «пил чай и курил из своей дорожной трубки, а он, по обыкновению, курил папиросу» [1]. Роман Авдеева просто пропитан табачным дымом! Курили знаменитый писатель Сергей Тимофеевич Аксаков с сыновьями Константином и Иваном, многие другие уфимские литераторы.

Детство архитектора И. Е. Бондаренко пришлось на 1870-е гг. В Уфе он посещал своего дедушку, бывшего крепостного дворецкого, тот сидел в кресле, читал «и покуривал сигары, им самим приготовлявшиеся. Вижу я небольшую комнату, на потолке подвешены “папуши” сохнущего табаку, полки с “Русским архивом”, запах сигар и каких-то трав» [16, с. 72] (папуша – связка табачных листьев – М. И. Роднов)).

Преосвященный Никанор, епископ Уфимский и Мензелинский советовал преподавателям семинарии снисходительнее относиться к молодёжи, «не важно, что семинаристы, напр., курят, или иногда пошатываются» [22, с. 124]. Писатель Б. Д. Четвериков вспоминал завет гимназической молодости в Уфе: «Не попадаться на глаза начальства с папиросой» [74, с. 39]. Короче, курили все!

На изучение торговли табаком в Российской империи огромное влияние оказала негативная литература, рано появившаяся и доказывавшая вред для человеческого здоровья табакокурения. Поэтому рынок табачной продукции затрагивался кратко, кроме публикации устава табачного, в основном изучалась табачная промышленность и само табаководство [27; 28; 31].

В современной историографии сохраняются те же тенденции. В 1987 г. закрылся журнал «Табачная промышленность», орган Всесоюзного объединения табачной и махорочной промышленности, сейчас в интернете есть лишь «Российский табачный журнал», другие проекты. Торговля табаком сжато упоминается в общих исследованиях по торговле и купечеству, кратко рассматривается табаководство в южных регионах, где оно исторически было наиболее развито [20; 23; 39]. Более подробно изучается акцизная политика в Российской империи, где неизбежно затрагивается и табак [19; 25]. История дореволюционного табачного рынка тезисно показана в трудах руководителей табачных фабрик [29; 37; 52], выходит специализированная научно-технологическая литература [30], центром исследований остаётся краснодарский ВНИИТТИ (Всероссийский научно-исследовательский институт табака, махорки и табачных изделий, официальный сайт: https://vniitti.ru/life/history/). В юбилейном издании проанализирована история возделывания махорки, российской табачной промышленности в дореволюционный период с акцентом на южные регионы [51]. Издаются популярные сочинения [15; 17]. В региональных исследованиях «табачная тема» упоминается среди видов торгово-предпринимательской деятельности [14, с. 109].

В Российской империи существовала чёткая система контроля и налогообложения табачной отрасли. В 1848 г. новая редакция «Устава об акцизе с табаку» провозгласила свободу торговли табачными изделиями из различных заведений, в том числе совместно с иными продуктами [19, с. 427]. В последующих редакциях менялись ставки акциза, организация торговли и т. д. Выделялась оптовая торговля, которой могли заниматься купцы обоих гильдий (иностранного табака – только первой). Из оптовых складов приготовленный табак «отпускается в лавки и лавочки, а равно и потребителям» количеством не менее 4 тыс. штук, менее – признаётся

розничной торговлей [60, с. 27–28]. Размер розничной торговли неограничен, при больших объёмах продаж «из лавок и лавочек» владельцам выдавались провозные свидетельства (не менее 1 тыс. сигар, 4000 штук папирос и пр.) [60, с. 87].

Торговать табаком мог любой. «Кто желает открыть или продолжать содержание табачной фабрики, склада для оптовой продажи табаку, лавки или лавочки, или производить продажу табаку для местной раскурки или в разнос, а равно продажу русского листового табаку в развоз, тот обязан взять предварительно, на каждый год, акцизное свидетельство».

Свидетельство надо было выкупать в ноябре и декабре, допускались исключения, выборка на полгода. «Заведение не может быть открыто и продажа табаку не допускается прежде взятия свидетельства» [60, с. 26].

Купцы «и лица, имеющие гильдейские свидетельства» могли торговать в розницу из табачных лавок любой табачной продукцией, включая импортную. «Лица, торгующие по свидетельствам на мелочной торг» из своих табачных лавочек имели право «продавать в розницу, под установленными бандеролями, табак нюхательный и курительный, сигары, папиросы только внутреннего приготовления», то есть российские.

В табачном акцизном уставе имелось важное исключение, некоторые категории населения могли содержать табачные лавочки «без взятия свидетельства на мелочной торг, по одному только табачно-акцизному свидетельству». Такое разрешение получили вдовы и незамужние дочери священно- и церковнослужителей, отставные нижние чины, служившие до десятой ревизии 1858 г., а также их вдовы, жёны и незамужние дочери, если только мужья с отцами сами не торгуют табаком [60, с. 29]. Что позволило в провинции бедным солдаткам заняться табачной торговлей, не требующей больших инвестиций, не случайно в законодательных актах использовался термин «лавочка», изначально предполагалась очень мелкая торговля.

Табачные изделия могли продаваться вместе с другими товарами, если табак присутствует на прилавке у прочих торговцев, они обязаны были «иметь на право продажи табаку установленное свидетельство» (статья 78). Сюда входили трактирные и питейные заведения. Они разделялись на два вида. У кого имелись «установленные табако-акцизные свидетельства на продажу табаку в открытых табачных помещениях», те могли продавать посетителям набитые трубки, сигары и папиросы поштучно для курения только на месте. В закрытых помещениях можно было курить и продавать товар на вынос. Курение как хозяевами, так и посетителями разрешалось только при наличии свидетельств (ст. 79).

«Продажа обандероленных [с акцизными марками] табаку, сигар и папирос разносом на улицах и площадях дозволяется повсеместно», но только внутреннего приготовления, не импортными, и только в пачках (коробках). Продажа с лотков сигар и папирос «по одиночке», как и набитых трубок, «воспрещается» (ст. 81). Ограничивался вес (количество) табачных изделий, которые мог держать у себя торговец, запрещалось выставлять их в окна, продавать русский табак под именем иностранного, обязательна была вывеска, отдельные условия выдвигались для оптовых торговцев [см.: 60, с. 29–34]. Для перевозки табака требовалось получить провозное свидетельство.

Следующий Устав о табачном сборе 18 мая 1882 г., введённый в действие с 1 января 1883 г., сохранил все основные положения табачной торговли, единственное изменение заключалось в запрете продавать из лавочек листовой табак (вырос сбыт махорки). За право торговать табаком по-прежнему надо было выкупить патент в ноябре–декабре, в трактирных заведениях на право курения патенты заменялись марками, в противном случае курение запрещалось даже хозяевам, все льготы со-

хранялись. В 1890-е гг. ряд заведений (буфеты на вечерах и при военных частях, народные чайные и столовые общества трезвости) освобождались от патентов и марок, как и местная ярмарочная торговля. Только в клубных буфетах разрешалась поштучная продажа сигар, сигарет, папирос [19, с. 428–431].

Впоследствии нормативные положения немного изменялись (установили патентный сбор за продажу табака при временной торговле пивом, повышался размер акциза, др.), после введения в 1898 г. «Положения о государственном промысловом налоге», заменившем обязательные гильдии, правила табачной торговли привели к нормам нового законодательства. Теперь для продажи табака нужно было выкупать промысловые свидетельства. Табак могли продавать в любых магазинах и лавках (даже в аптеках) с обязательным получением патента, как и раньше [19, с. 433–435, 437]. Это сохранялось вплоть до Первой мировой войны.

Табачная продукция включала разнообразный ассортимент. По официальной статистике в Российской империи производились курительный и нюхательный табак, махорка (учитывалась с 1878 г.), папиросы, сигары, сигареты (с 1883 г.). В 1908 г. общее по стране производство составило 4 319 261 пуд. махорки, 900 416 пуд. курительного табака, 201 пуд нюхательного табака, промышленность выпустила 14 599 920 тыс. штук папирос, 144 849 тыс. сигар и 20 971 тыс. штук сигарет [31, с. 11]. Курительный табак подразделялся на три сорта (именовался раскурочный табак) делившиеся на группы. Папиросы были I сорта (высший сорт А, высший сорт Б, I сорт) и II сорта (II сорт, III сорт А, III сорт Б), сигарные изделия также подразделялись на три сорта, сигареты – нет.

Торговля табаком в Уфе. Вторая половина XIX столетия

В Уфе с 1860-х гг. существовала широкая сеть торговли табачными изделиями. Генеральные поверки (переписи) городских торговцев позволяют увидеть всю систему реализации табака. Например, в 1869 г. Мамыкин производил «торговлю бакалейным товаром, а также чаем и сахаром и табаком 1 сорта» [34, л. 1 об.–2]. Материалы поверки в 1873 г. опубликованы, рассмотрим ситуацию в деталях [здесь и далее подсчитано по: 50, с. 257–361]. Всего табак в Уфе в 1873 г. продавался в следующих торговых заведениях:

лавочки с бакалейным товаром – 59,
лавки с бакалейным товаром – 22,
лавки с колониальным товаром – 5,
лавочки и балаганы с мелочным товаром – 4,
все питейные заведения – 3,
иные – 4 («простой табак», лавка со скобяным товаром, лавка с галантерейным товаром, балаган на Сафроновской пристани),
всего – 97 торговых заведений.

На небольшой город с населением в 21 тыс. жителей приходилась почти сотня мест продажи табака, не считая базарной торговли крестьянским самосадом. В генеральную поверку торгово-промышленных заведений попадала только стационарная торговля, облагавшаяся налогом. Пригородные сельчане, приезжавшие на еженедельные базары, торговали свободно. Можно предположить, в том числе деревенской махоркой. Следы такой торговли, видимо, обнаруживаются у единичных мелких продавцов, перешедших от временной к постоянной торговле. Так, уфимская мещанка Авдотья Козырькова в розницу продавала «простой табак на верхней базарной площади». А на нижней базарной площади стояли два балагана с мелочным товаром и «крестьянским табаком», что в розницу предлагали уфимские мещане Авдотья Строганова и с апреля Никита Лежин.

В Уфе были две главных торговых площади – нижняя у реки Белой, возле старинной «городской» пристани, и Верхне-Торговая площадь в возвышенной части, вокруг которой сложился исторический центр.

Абсолютно доминировал российский табак «внутреннего приготовления»! Лишь в трёх местах уфимцы могли купить заграничный табачок, на торговлю коего требовалось особое разрешение, почему информацию можно считать практически точной. Известный купец Николай Кондратьевич Блохин в своей галантерейной лавке в центре «баловал», предположим, гаванскими сигарами. Да бывший дивизионный писарь В. В. Рокутов держал на Бекетовской кабачок с заграничным табачком. Наконец, импортные (готовые) табачные изделия можно было приобрести в ренсковом погребе крупнейшего уфимского купца С. Л. Сахарова. И всё! Даже в лавках с колониальными товарами, кофе с малайским маслом продавалась сугубо продукция российских табачных фабрик.

По сословию из пяти владельцев лавок с колониальным товаром и в придачу табачком все были купцами. Из 22 лавок с бакалейным товаром, двадцать принадлежали купцам, две – крестьянам. А состав хозяев бакалейных лавочек отражал льготы в законодательстве. Содержать табачные лавочки «без взятия свидетельства на мелочной торг, по одному только табачно-акцизному свидетельству» могли отставные нижние чины, их вдовы, жёны и незамужние дочери. И среди 59 владельцев бакалейных лавочек с правом продажи табака насчитывалось 22 мещанина или мещанки (торговали по мещанскому «праву») и 19 членов различных семей бывших военнослужащих. Например, розничной торговлей табаком внутреннего приготовления занимались отставной солдат Алексей Фёдоров, жёны унтер-офицеров Марья Михайловна Лобанова и Аграфена Степановна Аверьянова, вдова-солдатка Екатерина Кузьмична Королёва.

Купцам принадлежало 11 лавочек, крестьянам – три, двое дворян из бедных уфимских семейств также этим занимались, по одной лавочке держали турецкоподданный и штабс-капитан И.В. Ленкевич. Наверняка мещане и солдатки торговали дешёвыми папиросами и курительным табаком, также, возможно, выращенным в окрестных селениях.

При этом табачная продукция везде шла попутным товаром, спрос на в общем недорогой продукт оставался недостаточным, чтобы открывать специализированные табачные магазины. Максимум, что можно предположить, это отделы табака в больших лавках. Но табак являлся уже массовым товаром. Из зафиксированных в 1873 г. в Уфе 87 бакалейных лавок и лавочек [50, с. 37] курильщикам предлагались изделия в 81 торговой точке. Крупные лавки концентрировались в центре города, на Верхне-Торговой площади, но фактически торговля табаком велась по всем улицам, вплоть до окраинных слободок. Запастись куревом было не проблемой.

Информации об ассортименте табачной продукции почти нет. Но летом 1874 г. за долги был выставлен на аукционную продажу товар купчихи А. К. Брусяниной, заключавшийся «в 29 п. 30 фунт. табаку 4 сорта фабрики Очкина; 26 п. 20 фунт. табаку 5 сорта фабрики Золотурна, и 2 ящиках спичек, всего на сумму 21 руб. 42 ½ коп.» [67, 1874, 6 июля]. Очкин, скорее всего, это саратовский купец, а Золотурн – немецкая колония в Поволжье, где было распространено табаководство. Значит, купчиха Брусянина получала товар оттуда, заметим, речь идёт только о курительном табаке, а не папиросах.

Складывается «инфраструктура» для курильщиков. В галантерейном магазине Н. Л. Пенны в 1876 г. продавались портсигары [70, 1876, 26 янв.]. В магазине П. А. Одинцова предлагались «хорошие английские кожаные порт-сигары» [70, 1876, 23 авг.]. Вкусы уфимцев показывает объявление о потере большой серебряной, 84-й пробы, «под чернетью» папиросницы [70, 1876, 30 авг.]. Широкое распростра-

нение получают в Уфе самокрутки. В одном из главных в городе книжных магазинов купца Н. К. Блохина предлагалась белая папиросная бумага – лучший сорт по 20 копеек за десть, рисовая по 40 коп., а по 50 коп. можно было взять десть желтоватой маисовой и разной цветной бумаги [59, с. 2] (десть – русская единица счёта бумаги, равная 24 листам, или 1/20 стопы в 480 листов – М. И. Роднов). Вообще в городе уже было изобилие бумаги, включая газетную (для бедных курильщиков).

Масштаб курения в Уфе отразило противопожарное постановление губернатора Левшина в 1879 г., где говорилось: «не курить табаку на сеновалах, в сараях, амбарах и вообще в тех местах, где имеются известные всем легко воспламеняющиеся материалы» [70, 1879, 28 мая].

Логично, что следующим шагом в развитии табачной торговли в Уфе стало появление специализированных магазинов для курильщиков. 20 января 1880 г. на Казанской улице в доме Григорьева был открыт «табачный магазин Злыгостева. Большой выбор табаков фабрик: Айвача, Аппак, Асмолова, Берштейна, Богданова, Кушнарева, Лаферм, Фирковича и Кефели, бр. Шапшал и других» [70, 1880, 28 янв.]. Приезжий предприниматель Александр Ермолаевич Злыгостев, на 1886 год временный уфимский купец, стал представителем (или просто привозил товар) крупнейших табачных фабрик России из Санкт-Петербурга (Богданов, Лаферм, Шапшал, Айваз, Кефели), Москвы (Фиркович, Аппак), Ростова-на-Дону (Асмолов и Кушнарев).

Злыгостев заманивал поступлением свежих табаков фабрики «Фиркович и Кефели» известной марки «Дюбек». Продавался он фунтами и стоил внушительно: «Дюбек душистый» – 5 руб. за фунт (400 гр.), букет – 4 руб., отборный – 2 руб. 80 коп., высший сорт – 2 руб. 40 коп. и 1 руб. 60 коп., крепкий – 2 руб., просто «Дюбек» – 1 руб. 40 коп. Также в продаже были табаки «Персичан» (1 руб. 20 коп.) и «Трапезонский» по рублю [70, 1880, 4 февр.]. Снова видим продажу курительного (раскурочного) табаку, но и готовую продукцию привозил в Уфу Злыгостев. В начале марта 1880 г. он сообщал о поступлении свежих папирос фабрики «Фиркович и Кефели» следующих сортов за 100 штук: «Царские» – 2 рубля, «Букет» – 1 руб. 60 коп., «Графские», «Султанские, «Забава», «д. Амур» пушки (так в рекламе) и другие по рублю, по 60 копеек предлагались «Скобелевские», «Гурко», «Византия», «Самсон», «Борьба» и прочие. Наконец, по 40 и 60 копеек можно было взять папиросы «Дамские» малютки и пигметки. Злыгостев добавлял, что «торговцам и содержателям питейных и трактирных заведений обычная уступка» [70, 1880, 17 марта]. Женщины тоже дымили вовсю и для них привозили особые папиросы.

Фактически Злыгостев занимался мелкооптовой торговлей, расценки стояли высокие и долго он не продержался. Уже в ноябре 1880 г. фиксируется магазин обуви Злыгостева [70, 1880, 17 нояб.]. Но сама идея специализированного магазина для любителей покурить упала на благодатную почву. И в декабре 1880 г. появляется реклама готовящегося к открытию в январе 1881 г. табачного магазина в доме купца Н. К. Блохина на Большой Казанской улице в самом центре Уфы. Его хозяином стал устюжский купец Яков Иванович Китаев [69, с. 86]. В первой рекламе также обещался широкий ассортимент разных сортов табака и папирос, «а также сигары разных фабрик, гильзы, мундштуки, папиросную бумагу, порт-сигары, порт-табаки и прочие табачные принадлежности». Но в отличие от первого магазина в новом предлагалась продукция «казанского табачного фабриканта С. И. Аппак и других» [70, 1880, 29 дек.]. Видимо, Китаев стал дилером (представителем) известного рода крымских караимов Аппак, занимавшихся табачным бизнесом. Поставки наверняка шли летом по реке из Казани.

Табачный магазин Китаева работал и в 1882 и в 1883–1885 гг. (выходила реклама), он упоминается в числе крупнейших магазинов Уфы [18, отдел I, с. 94],

с 1884 г. здесь стали приторговывать готовым платьем, реклама осенью 1884 г. извещала о поступлении в магазин Я. И. Китаева табаков и папирос фабрики Аппак, имелись «сигары разных фабрик, от 1 р. до 30 р. за сотню, гильзы разных сортов, папиросная бумага маисовая и рисовая, также муштучный картон и кабинетные спички» [70, 1884, 8 окт.]. Табачный магазин Китаева был единственным в Уфе специализированным центром притяжения курильщиков.

Но основная часть любителей табачку из низших слоёв общества покупала табак. Реакцией на спрос стало открытие в Уфе осенью 1886 г. гильзовой мастерской в доме Полетаева на Казанской улице, «где помещалась аптека Янчевского», вход со второго парадного крыльца. Гильзы для папирос делали «из чисто французской бумаги» [70, 1886, 13 окт.]. По всей видимости, бизнес просуществовал недолго.

Революционные изменения случились в 1888 г., в Уфу приходит железная дорога. Теперь для торговцев открылись круглогодичные быстрые поставки из столиц, иных регионов, морских портов, а доставка лёгкой табачной продукции обходилась недорого, в уфимские магазины хлынул поток всевозможных марок папирос и сигар. Годовой патент на продажу табачных изделий «исключительно туземного приготовления» стоил от 5 до 10 руб., заграничным товаром (за 25 и 35 руб.) торговали единицы [38, отдел III, с. 83]. Увеличение сбора за патенты на 50 % в 1893 г. не изменило ситуацию [54, отдел III, с. 107].

Поэтому даже для мелких бакалейных торговцев приобрести право продажи табачных изделий при вышеуказанных расценках было проще пустяка. Они продавались вместе с самым разным товаром. Когда летом 1894 г. закрывался магазин Заплатиной в доме купца Чижова на углу Казанской и Телеграфной, распродавались товары «бакалейные, парфюмерные и табачные, а также и конфекты разных фабрик со скидкою на все товары до 25%» [70, 1894, 8 авг.].

Один из самых популярных тогда в Уфе магазин И. Г. Санина в 1897 г. кроме вина, консервов, кофе с чаем предлагал «табак, сигары и папиросы», в большом магазине купца С. Л. Сахарова торговали «гастрономическими, табачными, кондиторскими и парфюмерными товарами». В магазинах известного в Уфе купца Р. П. Платонова предлагались кондитерские, бакалейные, табачные, персидские, таганрогские и бессарабские товары.

Вновь открывается в Уфе выпуск гильз для папирос. Афанасий Михайлович Пахомов держал склад растительного масла и мёда, видимо, здесь же располагалась «механическая фабрика гильз без клея курительной бумаги в книжках К. Шихова и А. Пахомова» [24, реклама]. Папиросная бумага, которая шла на гильзы, вероятно, продавалась и отдельно.

В реальности это были ремесленники, которые ручным кустарным способом клеили папиросные гильзы (машинка для набивки табака в гильзы была изобретена в 1880 г., гильзовая машина – в 1892 г., а в 1896 г. – папиросонабивная [29, с. 114]). На 1899 г. в Уфе существовали две мастерских гильзовщиков – Лейбы Б. (Вениаминовича) Рискина на Почтовой улице в доме Зайкова и Кузьмы Ивановича Шихова – на Ханыковской улице в доме Брусянина [2, с. 179; 69, с. 160, 211]. Как заявлялось в рекламе самого Рискина, производство действовало с 1895 г. (есть первоначальное техническое описание [33]). Возможно, кратковременно существовали другие гильзовые мастерские. В частной коллекции сохранилась этикетка упаковки в 100 штук с надписью: рисовые белые гильзы из лучшей бумаги А. Д. Питеримова на Голуб. улице собственный дом в Уфе. Улицу Голубиную к началу XX в. переименовали в Пушкинскую.

Видимо, к концу 1880-х гг. магазин Китаева прекратил существование. Лишь в ноябре 1897 г. в Уфе на Большой Казанской в доме Алексея Кондратьевича Блохина, в бывшем магазине В. С. Паршина открывается табачный магазин под управле-

нием доверенного Е. А. Авах. Скорее всего, он тоже происходил из крымских караимов, в Евпатории был известен потомственный почётный гражданин Юфуда Исаакович Авах.

Уфимский магазин работал «под фирмою поставщика двора Его Императорского Величества в С.-Петербурге». Фактически тут тоже вели мелкооптовую торговлю. Реклама извещала об ассортименте: «свежеполученные любительские табаки, приготовленные по особому заказу специально для розничной продажи, разных лучших фирм ценою от 1 р. и до 8 р. за фунт. Большой выбор выдержанных сигар от 1 р. и до 30 р. за 100 штук, гильзы из французской бумаги от 40 к. до 1 р. за 1000 штук. Также имеется большой выбор курительных принадлежностей. Отправка во все города на счет магазина» [70, 1897, 10 нояб.]. Цены стояли высокие, магазин явно ориентировался на зажиточные группы курильщиков.

Среди караимских предпринимателей шли какие-то «разборки» и вышеназванный магазин в 1899 г. уже имел другого хозяина. Об этом извещало особое объявление. «Мы, нижеподписавшиеся Виленские табачные фабриканты Шишман и насл. Дурунча, доводим до сведения Уфимской публики, что единственным представителем по продаже наших табачных изделий для города Уфы состоит Господин А. Э. Аппак, имеющий свою торговлю по Большой Казанской улице, в доме Алексея Кондратьевича Блохина. Господин А. Э. Аппак вступил с нами в торговые сношения при условиях, в силу которых мы отпускаем ему свои изделия по особому его господина Аппака заказу с весьма незначительной скидкой, но более высокого качества. Кроме означенного господина А. Э. Аппака в г. Уфе никто непосредственно сношений с фабрикой не имеет» [70, 1899, 3 мая].

Авраам Эльгафонович Аппак являлся дилером работавшей с 1865 г. табачной фабрики в Вильно «Шишман и Дурунча», выпускавшей папиросы и курительный табак, расходившиеся по всей России. Один из владельцев, Яков Иосифович Шишман, был меценатом караимских общин [39, с. 352–353]. Представители караимской фамилии Аппак тоже были известными предпринимателями в табачном бизнесе, а в Уфе Аппаки стали ведущими табачными торговцами на местном рынке вплоть до Первой мировой войны.

Но не только они. В 1899 г. в Перми издательница А. Л. Вершова стала выпускать «Уральский торгово-промышленный адрес-календарь», где публиковались сведения по пяти губерниям (Пермской, Уфимской, Оренбургской, Вятской и Тобольской). Информацию предоставляли сами предприниматели (кто пожелает). Это издание выходило по 1915 г. И в первом выпуске указаны торговцы табаком и табачными изделиями в 1899 г. в Уфе – Мордухай Яковлевич Кочек и Самуил Борисович Таймас, а среди фабрик, заводов и промышленных заведений показаны две гильзовые (мастерские): Афанасия Михайловича Пахомова, а также фирма «Шихов Кузьма Иванович и К°» [61, отдел VII, с. 162, 163].

К концу XIX в. стало известно вредное воздействие никотина на человеческий организм, следы антитабачной пропаганды находим на страницах религиозных изданий. В церковных библиотеках имелись не только жития святых и троицкие листки, но и брошюрки против брани, пьянства, табаку [68, 1893, 15 июля (№ 15), с. 490]. Старообрядцы и сектанты обличали: «православные пьют водку, курят табак, ругаются непотребными словами и поют срамные песни» [68, 1894, 15 янв. (№ 2), с. 57]. В «Тульских епархиальных ведомостях» главными язвами, разъедавшими общественное благосостояние, назвали «пьянство, табакокурение и картёжную игру». В перепечатке из Тулы уфимскому духовенству советовали «популярно составленные против табака книжки», например, «Табак и вредное влияние его на человека» протоиерея В. Михайловского. Подчёркивалось несовместимое с званием пастыря курение самого духовенства, особенно публичное, осуждалось поведение священни-

ка, «курящего папироску где-нибудь на улице, железнодорожной платформе». Мирянин может подозревать священника, «что до начала литургии он выкурил папироску-другую» [68, 1895, 1 февр. (№ 3), с. 99, 100, 102, 103]. Из «Подольских епархиальных ведомостей» перепечатали проповедь против женского курения: «Женщины и девицы табачницы, существа жалкие, безумные, безпутные» [68, 1897, 15 дек. (№ 24), с. 898]. Заметим, духовенство курило папиросы, а не самокрутки.

Торговля табаком в Уфе. Начало XX в.

Рубеж XIX и XX вв. – «золотое Виттевское десятилетие» стало эпохой самого внушительного подъёма экономики Уфимской губернии. Рост числа жителей и их благосостояния сказывался на табачном рынке. Медленно, постепенно в Уфе складывается сеть специализированных мест продажи. Но присутствие гильзового производства показывает большую роль курительного табака, уфимцы по-прежнему предпочитали набивать папиросные гильзы своим табачком (или деревенским самосадом). Курительная бумага в том числе поступала с Добрушской писчебумажной фабрики князя Паскевича (главный склад которой для восточной России и Сибири до 1901 г. находился в Уфе, потом перевели в Самару, само предприятие располагалось в городке Добруш Гомельского уезда Могилёвской губернии).

Это подтверждает реклама табачного магазина А. Аппак в 1901 г. Он находился по старому адресу, здесь имелись «всегда свежий табак разных фабрик и выдержанные сигары Шопфера и Лео-Виссари и друг. Гильзы из французской лучшей бумаги фабр. А. Катык и К°, Чодунова, Леонтьева, Койлю и К° и Б. Шоле и К°, а также большой выбор мундштуков, портпапирос и табачниц». На папиросы магазин всего лишь «принимает заказы» [3, реклама]. То есть магазин редким богатым курильщикам предлагал дорогие сигары, массе бедных – свежий табак с гильзами для самостоятельной набивки.

Любителям же папирос из среднего класса надо было идти в другие места, для них писчебумажный магазин Колмацкого предлагал пепельницы бронзовые и на мраморе, порт-сигары, порт-папиросы [3, реклама]. Обилие бакалейных и колониальных магазинов имели на выбор разные папиросы.

В начале нового столетия в Уфе доминировали табачники караимы Аппаки. На 1901 г. «Уральский торгово-промышленный адрес-календарь» сообщал о табачной торговле на Большой Казанской (А. Э. Аппак), на той же улице торговал табаком А. М. Коген, а на Малой Казанской находилась гильзовая И. С. Туринского [62, отдел IX, с. 68, 69]. Эти же данные повторялись в календарях Перми за 1902, 1903, 1904 гг. Уфимский справочник за 1903 г. в перечне крупных торговых фирм Уфы называет в разделе «табак и табачные изделия» одного А. Э. Аппака с Большой Казанской улицы. А гильзы выпускал И. С. Турянский (Малая Казанская улица) [55, с. 181].

При этом курильщиков обслуживали десятки бакалейных и иных магазинов. В 1902 г. Иван Николаевич Дунаев из Ярославля рекламировал: «величайшая табачная махорочная фабрика в России» предлагает махорку под маркой “Золотой герб” из лучшего малороссийского табаку», награда на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. А «табак этот можно получить: в гор. Уфе у Д. П. Берштейна, Р. П. Платонова, И. А. Галанова и друг» [70, 1902, 14 окт.]. На Верхне-Торговой площади в собственном корпусе П. В. Жуков торговал чаем, сахаром, бакалейными, фруктовыми, кондитерскими товарами и здесь же предлагал «табак, сигары и папиросы разных фабрик». Табачные товары в 1904 г. продавал рядом М. А. Степанов-Зорин [4, реклама] (в 1905 г. оба предлагали, Степанов-Зорин и в 1907 г.). По-прежнему (с 1897 по 1905 гг.) лежали табачные изделия в магазине Р. П. Платонова, что свидетельствует о непрерывности торговли. В 1903 г. рекламировали сигары Гаванера, лучше привозных [70, 1903, 27 янв.].

Привозные или местные гильзы в Уфе сортировали в более мелкую тару для розничной или мелкооптовой продажи. Об этом свидетельствует этикетка из коллекции уфимского коллекционера И. В. Данилова. В местной типографии была отпечатана узкая длинная наклейка с рисунком и надписью: «Гильзы из настоящей заграничной бумаги механические без клея Р. П. Платонова в Уфе из лучшей бумаги "Филигран" лучший сорт» 250 штук. (рис. 1).



Рис. 1. Этикетка упаковки гильз магазина Р. П. Платонова
(Демонстрация табачной атрибутики и товарных обозначений осуществлена
в научно-исследовательских целях)

Расцвет экономики Уфы на излёте «золотого Виттевского десятилетия», рост населения и среднего класса сказались на расширении табачного рынка, впервые началась конкуренция. На Большой Успенской улице в доме Нагеля, на углу с Верхне-Торговой площадью, главным уфимским супермаркетом, 10 августа 1904 г. открылся табачный магазин под фирмою «Табак», покупателям предлагались табак, сигары, папиросы, мундштуки, трубки, портсигары «по очень дешёвой цене» [67, 1904, 3 сент.]. Владельцы нового магазина проплатили рекламу аж в 15 газетных номерах, в справочнике на 1905 г. добавлено о торговле здесь парфюмерией [5, реклама].

Это был второй магазин А. Э. Аппака, в рекламе за 1906 г. прямо говорилось о его двух табачных магазинах на Большой Казанской (в доме А. К. Блохина) и на Большой Успенской (в доме Нагеля против номеров Вавилова) [6, реклама]. Первый магазин лежал напротив магазинов Удалова и братьев Степановых. Летом 1905 г. здесь был получен «новый табак фабр. Режи исключительно приготовленный из табаков Оттоманской Империи Поставщика Двора Его Императорского Величества короля Эллингов» (надо эллинов – титул короля Греции) ценой от 4 руб. 40 коп. за фунт и до 10 руб.

В рекламе не случайно уточнён адрес, в ответ на неоднократные жалобы покупателей Авраам Эльгафонович сообщал о недоразумениях, что посыльным «будто бы отпускаются из моего магазина табаки и гильзы не тех фабрик». На самом деле посыльные по ошибке заходили «в Южный табачный магазин И. Э. Аппак, что рядом с магазином Зингера» [67, 1905, 3 июля].

Уже к 1905 г. в Уфе открывает отдельный табачный бизнес Илья Эльгафонович Аппак, судя по всему, родной брат. Но «табачок отдельно» у них, более того, второй магазин тоже имел вывеску Аппак, что говорит о не совсем добросовестной конкуренции родственников, и располагался неподалёку. Караимское проникновение в Уфу продолжалось.

И, обратим внимание, опять в рекламе магазина Аппак говорится о табаке (курительном, резаном) и гильзах, папиросы не называются. Упоминание выдержанных сигар появилось лишь в его рекламе за 1906 г. Видимо, на массовом рынке Уфы всё ещё доминировали трубки, самокрутки и домашняя набивка папиросных

гильз. Об этом же говорит газетное объявление в 1906 г. Московский торговый дом «А. Катык и К°» (тоже караимский) предлагал продукцию «величайшей гильзовой фабрики в мире» – «вновь выпущенные гильзы “Филигран” в изящных деревянных коробках по 500 шт.» [67, 1906, 2 июня]. Реклама, наверняка, была рассчитана на мелкооптовых торговцев, хозяев табачных лавок и зажиточных курильщиков.

Если Авраам Эльгафонович Аппак выступал деловым партнёром (дилером) Виленской фирмы «Шишман и Дурунча», то его брат действовал самостоятельно. В финансовой отчётности крупнейшего в Уфе отделения Волжско-Камского коммерческого банка (ВККБ) нет А. Э. Аппака, хотя среди банков-партнёров (корреспондентов) присутствовал Виленский частный коммерческий банк и переводы туда из Уфы были обычным делом. Можно предположить, что в Уфу сразу отправлялась готовая продукция, после реализации Аппак рассчитывался с поставщиком обычными переводами.

По-иному был устроен бизнес И. Е. Аппака. Он в 1903 г. в Уфе в местном филиале ВККБ открывает текущий счёт № 817 для безналичных платежей, получает чековую книжку. И в первый год ему поступило 2050 руб., сам перевёл 2000 руб. [40, л. 90а об.]. То есть самостоятельный бизнес Ильи Эльгафоновича фиксируется с 1903 г. (магазин впервые упоминается в 1905 г.).

Обороты капитала (прибыло + убыло) у И. Э. Аппака скромные, 4050 руб. в 1903 г., 2200 руб. – в 1904 г. [41, л. 104 об.], он закупал товар в Москве. На 1 января 1905 г. находились в пути два векселя (долговые расписки) с оплатой в Уфе в феврале на 207,98 и 81,55 руб. [41, л. 97]. Брал в столице табак в кредит. Его брат тоже пользовался услугами банка. Из Московского отделения ВККБ в 1904 г. в Уфу пришло два векселя Абрама Э. Аппака на суммы в 215,35 и 143,9 руб. с оплатой в Уфе в январе 1905 г. [41, л. 93 об.]

Открытие собственного табачного магазина повысило масштаб операций, в 1905 г. оборот капитала И. Э. Аппака составил 5180 руб. (остаток 1101,36 руб.) [42, л. 122], который можно рассматривать как прибыль. В 1906 г. оборот достиг величины в 12 100 руб. (остаток 2032,69 руб.) [43, л. 183]. И в справочнике за 1906 г. появляется отдельная от брата реклама: «Южный табачный магазин И. Аппак. Угол Центральной и Б. Казанской ул., д. Н. К. Блохина. Табак, папиросы и сигары всех известных фабрик. Постоянно большой выбор всяких принадлежностей для курения» [6, реклама].

Практически в двух шагах от лавки брата действовал табачный магазин Ильи Эльгафоновича Аппака. Вот у него фиксируются папиросы, а не только курительный табак с сигарами. Магазин, предположим, ориентировался на средний класс. Хотя спрос на резаный дешёвый табак и гильзы для него в Уфе оставался большим. Именно в 1906 г. «Уральский адрес-календарь» упоминает гильзовую Рискина. Уфимская реклама уточняет, что на улице Гоголевской в доме Щепиной начала действовать «механическая гильзовая фабрика Л. В. Рискина» [6, реклама]. В частной коллекции сохранилась наклейка коробки на 250 штук, где указано: фабрика механических гильз с 1895 г. Л. В. Рискина в Уфе, фабрика – Гоголевская улица дом Щепина, склад – Большая Казанская улица дом Блохина. На этикетке изображены четыре медали с каких-то выставок, добавлено: механические гильзы без клея.



Рис. 2. Этикетка с коробки папиросных гильз фабрики Рискина.
Коллекция И. В. Данилова (Демонстрация табачной атрибутики и товарных обозначений осуществлена в научно-исследовательских целях)

На табачном рынке Уфы по-прежнему доминировали караимы. К 1908 г. И. Э. Аппак обзавёлся вторым магазином на Большой Успенской улице в доме Кочкина, где предлагался «свежий табак всех сортов и разных фабрик, а также сигары Шопфера, Лео-Виссари и др.», гильзы из лучшей французской бумаги [7, реклама]. Банковская документация подтверждает успех, оборот капиталов И. Э. Аппака в 1908 г. составил 32 477,6 руб. [44, л. 129 об.], в 1909 г. – 22 828,85 (остаток – 1588,1) руб. [45, л. 173].

Также два табачных магазина в домах Блохина и Нагеля в 1908 г. сохранял А. Э. Аппак, но в рекламе добавлено – старший. Поставщики у обоих Аппаков, видимо, были общие, среди гильз преобладала продукция фабрик караимских предпринимателей А. Катык и К°, Койлю и К°, Б. Шоле и К°. «Магазины принимают заказы на табак, папиросы, сигары и гильзы» [7, реклама]. Ситуация не изменилась в 1909 г., пермский справочник сообщал о торговле обоих Аппаков и гильзовой мастерской Лейбы Вениаминовича Рискина, в уфимском справочнике табаки, сигары и папиросы рекламировали владельцы уфимских магазинов Ф. Г. Гладков и В. М. Больщеков (в 1910 г. табак не рекламировали).

Зато земские статистики опубликовали уникальные сведения о гильзовом производстве за 1910 г. В Уфе работали три предприятия: Рискина, Рабиновича и, видимо, открылась фирма Попова и К° (у него не было остатков с прошлого года). За 1910 г. было выделано гильз (в сотнях) в мастерской Рискина – 1 086 870, обандеролено – 1 100 770 сотен и это количество пошло в продажу, выбрано / выкуплено бандеролей / акцизных марок на сумму 21 179,2 руб. Это было крупнейшее в городе заведение.

Остальные мастерские выпускали гильз меньше, Рабинович – 455 460 сотен (обандеролено 279 960, куплено бандеролей на 5599,2 руб.), фирма Попова – 99 300 сотен (все обандеролены на сумму 1986 руб.).

Нет данных по оборудованию, но патентный сбор казна брала за гильзовые машины, с Попова – 1 руб., Рабиновича – 4 руб., Рискина – 8 руб. Можно считать, что с гильзовой машины брали по рублю, то есть все мастерские были механизированы, стояли небольшие механические приспособления, руками гильзы никто уже не клеил.

А всего в 1910 г. три гильзовых мастерских выпустили 1 480 030 сотен папиросных гильз [71, с. 637]. Или 148 003 000 штук. Население Уфы к тому времени достигло 100 тыс. жителей, чуть больше половины – мужчины. Если примерно установить число курящих в четверть населения (25 000), а среднестатистический потребитель выкуривает в день в среднем примерно 10 папирос [29, с. 153], то табачный рынок Уфы на 1910 г. составлял 91 250 000 штук папирос (самокруток) фабричного или домашнего изготовления. Курильщиков трубок и дорогих сигар (сигареты вообще не упоминались), наверняка, было небольшое количество. Часть папирос (для среднего класса) поставляли бакалейные и четыре специализированных магазина Уфы. Три гильзовых мастерских с лихвой перекрывали потребности горожан со скромным достатком, что самостоятельно набивали гильзы табачком. Значительная часть уфимских гильз в упаковках по сотням штук вывозилась в сельскую местность и далее. При том, что оба Аппака ввозили в Уфу большие партии гильз из Ярославля, Вильны и других центров табачной промышленности.

Например, Уфимское городское полицейское управление разыскивало «квитанцию Восточного общества от 4 июля 1909 года за № 613939, утерянную бахчисарайским мещанином Абрамом Эльгафоновичем Аппак, на отправленные на его имя из Петербурга от Торгового Дома Я. и Б. Аваш – 23 ящика гильз под фирмою А. Койлю и К°» [67, 1909, 6 авг.].

Можно допустить, что конкуренция на гильзовом рынке Уфы была острая. В 1911 г. продолжали действовать все три заведения с тем же числом машин, но производство упало до 1 025 400 сотен (Рискин – 868 тыс., Попов – 90 тыс., Рабинович – 67,4 тыс. сотен), причём двое последних всю продукцию распродали [72, с. 625]. Пермский справочник за 1911 г. не упоминает наличие в Уфе гильзового производства. Наверняка, значительная часть недорогих уфимских гильз, изготовленных на небольших ручных станках, раскупалась крестьянами. Сильный неурожай 1911 г. резко уменьшил спрос, мастерские Рискина и Попова, возможно, остановились, а Рабинович сократил бизнес (сведения за 1912 г. земцы не публиковали). Но в полицейском справочнике за 1911 г. в Уфе названы гильзовая мастерская С. Ф. Попова (Никольская, 119) и гильзовые даже фабрики (!) Л. Рискина (Гоголевская, 64) и Шустер-Дашковского (Центральная, 37) [53, с. 248]. Значит, сами предприятия существовали, в бизнес входили новые игроки.

Потрясения табачного рынка в 1911 г. подтверждает минимальная реклама в уфимском справочнике, в пермском к обоим Аппакам добавился Абрам Иосифович Кумыт, недолго торговавший на Большой Успенской [63, отдел VI, с. 162]. Зато в 1911 г. впервые упоминается торговля табаком… татарами. Семейный бизнес уфимцев Булгаковых уходил корнями в 1860-е гг., это была одна из старейших татарских торговых компаний [49]. В 1911 г. Абдул-Халик Мустафич Булгаков под фирмою «Братья Булгаковы» в двух магазинах в городе держал торговлю «бакалейными, табачными, персидскими и прочими товарами» [8, реклама]. На следующий год табак из своей рекламы убрали, в 1913 г. снова включили.

Интересную информацию сообщает полицейский справочник за 1911 г. В Уфе стражи порядка насчитали всего четыре пункта табачной торговли. Два принадле-

жали А. Э. Аппак (старшему) – на Большой Казанской, 3 и Большой Успенской, 29 (оба этих магазина выше упоминались). А вот табачной лавкой по адресу Большая Казанская, 1 (дом Н. К. Блохина) владел уже А. Э. Аппак (младший). Ещё на улице Центральной, 24 находился табачный магазинчик Е. С. Рочаговой [53, с. 258].

Это неожиданно. Не указан второй магазин Ильи Эльгафоновича на Большой Успенской. Но по материалам Волжско-Камского банка его бизнес продолжался. Оборот капиталов у И. Э. Аппака в 1912 г. составил 36 146,2 руб. (остаток – 4993,56 руб.) [46, л. 32 об.]. Он закупал товар в кредит в обоих столицах, из Санкт-Петербургской конторы ВККБ в Уфу прислали два его векселя на 286,79 и 528,18 руб. [46, л. 18], а из Московского купеческого банка – на 405,29 руб. с оплатой в январе [46, л. 91]. И пермский справочник за 1913 г. сообщал, что торговля табаком на Большой Казанской по-прежнему принадлежала Илье Эльгафоновичу Аппак [64, отдел VI, с. 221].

А бизнес А. Э. Аппака переходит, наверное, к жене (?). На 1912 г. Рахиль Давыдовна Аппак числилась бирской мещанкой, но торговала по свидетельству в Уфе, в Волжско-Камском банке ждал оплаты её вексель на 314 руб. [46, л. 53 об.]. Она тоже закупала товар в Санкт-Петербургском филиале Московского купеческого банка в кредит под вексель на 192,88 руб. [46, л. 90 об.]. В 1913 г. именно она в уральском справочнике указана собственницей двух магазинов на Большой Казанской и Большой Успенской [64, отдел VI, с. 221], ранее принадлежавших А. Э. Аппаку. Но в уфимском – оба магазина по-прежнему числились за А. Э. Аппак (старшим). Здесь рекламировалась прежняя продукция (табаки, сигары, гильзы), но рисунок подозрительно напоминает современную сигарету с фильтром. А в примечании предлагали внимательно смотреть на адрес А. Э. Аппак, «так как в г. Уфе есть ещё И. Аппак» [10, реклама]. Конкурент указан без отчества, видимо, соперничество двух табачных торговцев-караимов было острым. Это было повторено в рекламе адрес-календаря на 1914 г. То есть оба табачных предпринимателя сохраняли бизнес до Первой мировой войны.

Тем временем в Уфе продолжается выпуск папиросных гильз. В 1913 г. их делали фирма Попова и К° (46 200 сотен, все обандеролены и проданы) и крупнейшая фабрика Рискина (799 тыс. сотен). Если исходить из прежнего патентного сбора за гильзовые машины, их число возросло, у Попова было 11, у Рискина – 19 (если не выросли расценки) [73, с. 651].

Фабрика оршанского мещанина Льва Вениаминовича Рискина являлась ведущим производителем гильз в Уфе. В 1909 г. в местный филиал Волжско-Камского банка поступили к оплате векселя покупателей его товара на 2126 руб. Служащие считали, что Рискин заслуживает постоянной кредитной линии в 3 тыс. руб. [45, л. 43 об.]. В уфимском справочнике на 1912 г. выходит его реклама: «требуйте лучших гильз. Л. В. Рискин. Уфа. Гильзы вырабатываются из лучшей бумаги “Филигран”. Цены вне конкуренции». С 1912 г. публиковались сведения о предприятиях поднадзорных фабричной инспекции, среди которых указана фабрика папиросных гильз Л. В. Рискина, 22 рабочих, находилась в большом доме Сахарова на углу Уфимской и Гоголевской улиц [9, с. 175, реклама] (тоже в 1913 г., в 1914 и 1915 гг. – 18 чел., адрес тот же). Остальные гильзовые фабрики Уфы не подпадали под надзор инспекции, значит, это были совсем маленькие мастерские, где трудилось менее десятка рабочих.

Банковская отчётность позволяет увидеть детали бизнеса. В 1912 г. у Рискина покупали гильзы в кредит под векселя С. М. Кац из Златоуста (128,75 руб. через Госбанк), наследники Егоричева из Минусинска (96 руб., расчёт через Сибирский торговый банк), тот же С. М. Кац (177 руб.) и Т. Максутбаев (93,8 руб.) оба из Челябинска, векселя из Соединённого банка. Всего в уфимском отделении ВККБ в 1912 г.

ждали оплаты векселя его покупателей на внушительную сумму в 7142,37 руб. Сам же Рискин брал товар (папиросную бумагу, компоненты для машин и пр.) в кредит в Питере (через Московский купеческий банк, вексель на 244 руб.) и Москве (377,5 руб. через тот же банк) и под вексель на 342 руб. через Московское купеческое общество взаимного кредита [46, л. 7, 7 об., 79 об., 90 об., 91 об.]. Более того, в 1912 г. он открывает текущий счёт для безналичных платежей и оборот капиталов по чековой книжке в первый же год составил 6819,03 руб. [46, л. 37].

В последнем мирном 1913 г. табачный бизнес Уфы находился в самом расцвете. Табачок можно было купить в разных местах, не только у Аппаков, как, к примеру, в магазине товарищества А. И. Орлова и К° [10, реклама]. Интересные подробности сообщает последний пермский справочник. В 1913 г. на табачном рынке Уфы появились новые персонажи. Кроме двух Аппаков табаком и табачными изделиями торговали Екатерина Семёновна Рогачёва (наверняка, это Е. С. Рочагова из 1911 г.) на Центральной улице и в этот бизнес входит Товарищество «Г. С. Соловьёв и К°», магазином последнего на Верхне-Торговой площади заведовал Александр Александрович Шабалин [64, отдел VI, с. 221]. Специализированная продажа табака становится рентабельной, выросший уфимский средний класс создал спрос.

Уфа являлась крупнейшим центром торговли табаком в крае. За 1911–1913 гг. сюда по железной дороге привезли 52 421 пуд табака и табачной продукции, а вывезли 60 823 пуд. [26, с. 74–75, 124–125]. Кроме того, здесь начинался великий Транссиб, и по Самаро-Златоустовской магистрали мимо шёл большой транзитный поток табака, в 1914 г. – 299 435 пуд. [58, с. 394], с запада на восток.

В саму Уфу в 1912 г. через станцию Батраки, самую западную на Самаро-Златоустовской железной дороге, прибыло табака и табачных изделий с основной подходившей сюда Сызрано-Вяземской магистрали – 8813 пуд., с Северных железных дорог – 3465 пуд. То есть, главным образом табак привозили из Москвы и Санкт-Петербурга, с запада. С Рязано-Уральской дороги поставили в Уфу табаку 1265 пуд. и от Самары по Волге пароходным сообщением с перегрузкой там на «чугунку» прибыло 1249 пуд. Это табачок немецких колоний на Волге из Самарской губернии. С остальных магистралей поставки были незначительные: с Южных железных дорог – 93 пуда, с Московско-Казанской – 34, с Юго-Западных – 12 и с Риго-Орловской – два пуда. Кроме того, с востока, от Челябинска привезли с Сибирской железной дороги 41 пуд да со станций своей Самаро-Златоустовской магистрали доставили 421 пуд (перегрузка). Всего же в Уфу в 1912 г. привезли 15 395 пуд. табака и табачных изделий [56, с. 346].

Таким образом, с запада, из обеих столиц и других городов (Вильна, Ярославль) в Уфу в 1912 г. привезли 12 314 пуд. (80%) табака, ещё 2514 пуд. прибыло немецкого табачку из Самарской губернии (16%). Это два основных товарных потока, никаких серьёзных поставок с южных губерний (Крым, Ростов-на-Дону и пр.) не было.

Железнодорожная транспортная статистика учитывала две группы грузов. Под табаком и табачными изделиями понимались, помимо готовой продукции (сигар, папирос, сигарет), «бакун (тютюн), махорка и швицент в листах, корешках, стволах (бодыльях) и папушах, крошеные и тертые, обандероленные и необандероленные; табак туземный черный сигарный (гундий немецкий) в листах, корешках, стволах (бодыльях) и папушах, а также табак нюхательный». Сколько табачного сырья и сколько готовой продукции везли – статистика не раскрывает. Но даже из столиц и Ярославля поступал в Уфу курительный резаный табак для набивки в гильзы.

Была вторая группа грузов: «табак туземный русский, кроме отнесенного к пункту «а» – в листьях, корешках, стволах (бодыльях) и папушах». Его в 1912 г.

в Уфу привезли всего 460 пуд. (330 пуд. с Сызрано-Вяземской дороги). Чем он отличался от сырья по пункту «а» – непонятно, но это были мизерные поставки.

В среднем ежегодно в Уфу по железной дороге привозили около 15 тыс. пуд. табака и табачных изделий. Чистый вес табака в одной папиросе составлял от 0,4 до 0,5 граммов. На советских довоенных папиросах указывался вес табака – 565 гр. В 1000 штук («Пушки» Ленинградского государственного табачного треста) или 511 гр. («Профинтерн» государственной табачной фабрики в Курске, все 2-го сорта, коллекция И. В. Данилова). В папиросах дореволюционной питерской фабрики Шапошникова марки «Трудовые» чистый вес табака составлял 1 фунт (400 г) в 1000 штук [29, с. 112].

Табачный рынок Уфы составлял примерно 90 млн штук гильз (см. выше), для их набивки требовалось 3–4 тыс. пуд. табака. Можно добавить ещё пару тысяч пудов на покупателей готовых папирос, любителей своих трубок и немногочисленных богатых курильщиков сигар. Всё равно оставался большой излишек табака. Ответ показывает железнодорожная статистика.

Уфа являлась крупным центром вывоза табака, в первую очередь на станции Самаро-Златоустовской железной дороги в пределах Уфимской губернии. Наверняка, как табачники Аппаки, так и местные бакалейщики перепродавали партии табака, табачных изделий (и гильз) мелким уездным торговцам, которые снабжали куревом уездные города, заводы и деревню.

В 1913 г. из Уфы партии табачной продукции вывозили от станции Абдуллино (в Оренбургской губернии на самой границе с Уфимской) и до заводского посёлка Миасс тоже в Оренбургской губернии, но за Уральскими горами. Партии отправляли от одного пуда до тысяч пудов. Крупнейшие поставки табака из Уфы были в Миасс (3530 пуд.), Кропачёво (1698), Иглино (1211), Златоуст (900), Белебей-Аксаково (800). Только на «свои» станции из Уфы в 1912 г. вывезли 14 779 пуд. табака.

Ещё 1650 пуд. отправили на станции Пермской, Сибирской и Троицкой железных дорог, на восток. А всего в 1913 г. из Уфы вывезли 16 429 пуд. табачной продукции.

Но в транспортной статистике имелась вторая группа табачных грузов, которую можно оценивать как «туземное сырьё» (махорка?). Его тоже отправляли из Уфы на станции Самаро-Златоустовской магистрали (4723 пуд., в Миасс – 1446), ещё 2780 пуд. направлялось в основном также на восток – на Сибирскую железную дорогу (Челябинск – 1368 пуд.) и Троицкую (Троицк – 1206 пуд.) [57, с. 287–288, 290]. Уфа выступала как своеобразный распределительный центр, принимавший оптовые партии и распределявший грузы по всему Южному Уралу.

Итого, в 1913 г. из Уфы вывезли табака 23 932 пуда. А привоз по железной дороге составлял 15 395 пуд. (в 1912 г.). Данные М. П. Красильникова это подтверждают – около 15 тыс. пуд. табачных грузов в среднем ежегодно доставлялось в Уфу. Возможно, какое-то количество прибывало речным транспортом (из Казани, Самары), информации нет, но вряд ли много. Неслучайно табак, выращенный в немецких колониях под Саратовом (Покровск и др.), пароходами сначала везли в Самару, где перегружали на «чугунку» (1249 пуд. в 1912 г.).

Вывоз табака из Уфы превышал ввоз, хотя Уфимская губерния по официальной статистике вообще не относилась к табаководческим. А внутренний табачный рынок Уфы можно исчислить в пределах 4–6 тыс. пуд. Перед Первой мировой войной свыше 10 тыс. пуд. прибывшего в Уфу по Самаро-Златоустовской магистрали табаку затем перепродавали мелким оптом по всему Южному Уралу. Но ещё как минимум столько же вывозилось из Уфы местной продукции, поступавшей из окрестных волостей.

Хотя дореволюционная статистика напрочь игнорировала табаководство, крестьяне Уфимской губернии выращивали много деревенского табака (махорки), которая поступала в готовом (резаном) виде на базары. Это однозначно показывает первая советская перепись 1920 г. Например, в русской деревне Ломоносовой по этой переписи в 47 из 50 хозяйствах выращивали табак [36, файлы 00001088–00001136], в чувашском селе Сихонкино (оба в Уфимском уезде) около 60 % жителей занимались табаководством, всего у них статистики насчитали около 7 тыс. корней (кустов) табака [подсчитано по: 35]. Табак выращивали практически повсеместно на Южном Урале и севернее, в Пермской губернии.

Рынок табака в Уфе в Первую мировую войну

При сборе информации для «Уральского торгово-промышленного адрес-календаря» на 1914 г. из Уфы сообщили, что владельцем двух табачных магазинов на Большой Казанской и Большой Успенской состоит Рахиль Давидовна Аппак, но у Абрама Эльгафоновича оставалась своя табачная лавка на Большой Успенской. Тайну переходов собственности внутри семейства Аппак пока разгадать не удалось. Остальные три табачных торговца (И. Э. Аппак, Е. С. Рогачёва и товарищество Соловьёва) сохраняли свой бизнес.

Известно, что И. Э. Аппак в 1915 г. открывает специальный текущий счёт в Волжско-Камском банке под залог негарантированных правительством ценных бумаг в 2550 руб., в 1916 г. – 2400 руб. [47, л. 27 об.]. Он производил расчёты (безналичные платежи) по чековой книжке, то есть бизнес существовал к началу 1917 г.

В гильзовом производстве к фабрикам Л. В. Рискина на Гоголевской и Степана Фёдоровича Попова добавилась фабрика Романа Фёдоровича Доронина, которая располагалась на Никольской, рядом с Поповской [65, отдел VI, с. 249, 250]. В уфимском справочнике выходит прежняя реклама А. Э. Аппака (старшего) и его двух табачных магазинов. Мирная жизнь внезапно закончилась летом, грянула Первая мировая война.

Миллионы солдат и офицеров курили, табачная промышленность переключается на обслуживание фронта, запросы тыла на втором месте. Уже 31 июля 1914 г. министр финансов П. Барк постановлением № 1373 вводит предельные продажные цены на табачные изделия. Видимо, они сразу пошли вверх. Вводился дополнительный акциз в 8 руб. с пуда табака, а на махорку – по 12 коп. с фунта. Постановление касалось преимущественно табачной промышленности, которой в Уфимской губернии не имелось, но для торговли установление предельных цен имело важнейшее значение. Новые расценки были обязательны «во всех местностях, кроме Закавказья и Сибири», там назначались отдельные цены.

На курительный табак высшего сорта А они не вводились, за фунт высшего сорта Б цена не должна была превышать 5 руб. 20 коп., высшего сорта В – 4 руб. 20 коп., I сорта – 2 руб. 84 коп., II сорта – 1 руб. за полфунта, III сорта А – 29 коп., III сорта Б – 23 коп. (в обоих случаях за четверть фунта).

На нюхательный табак, сигары I сорта, папиросы высшего сорта А, сигареты и пахитосы сохранялись «произвольные» цены, их курили только зажиточные слои населения. На сигары II сорта вводилась предельная цена в 62 коп. за 25 штук, III сорта – в 38 коп. На папиросы устанавливался «потолок» в 2 руб. за 250 штук высшего сорта Б, в 1 руб. 50 коп. – I сорта тоже за 250 штук. За 25 штук папирос II сорта нельзя было брать с покупателя более 10 коп., III сорта А – 7 коп. за 20 штук, III сорта Б – 6 коп. за 20 штук. На махорку курительную и нюхательную устанавливался предел в 9 коп. за четверть фунта, на махорочные папиросы – не выше 8 коп. за 50 штук [67, 1914, 3 сент., 25 окт.].

В местном официозе объявление публиковалось дважды в 1914 г. Теперь уфимские торговки на базаре не должны были продавать деревенскую махорку дороже чем по 9 коп. за 100 грамм (бумажный кулёк или стакан).

Первое время табачный рынок в Уфе функционировал, в пермском справочнике на 1915 г. указаны все три гильзовые фабрики (Рискина, Попова, Доронина), число табачных магазинов даже возросло с 6 до 7 (у И. Э. Аппака появилась вторая лавка) [66, отдел VI, с. 249, 250]. Но в уфимском адрес-календаре исчезает вся табачная реклама, лишь товарищество Соловьёва в Гостином дворе торговало чаем, сахаром, табачными изделиями, обёрточной бумагой и пакетами [11, реклама].

Можно предположить, что резкий рост спроса на табак натолкнулся на сокращение подвоза по железной дороге. Возрастает значение местного самосада и поставок из соседней Самарской губернии. Начинается дефицит табака в тылу и на фронте. В Москве (Ильинка, 14) создаётся комитет «Табак Солдату», собиравший пожертвования деньгами. Его объявление публикуется в «Уфимских ведомостях».

Началась вторая зимняя кампания 1915 / 1916 гг. «Наши герои-солдаты уже стынут в окопах, где пошевелиться нельзя от урагана свинца, чугуна и стали…

Стынут во влажных землянках Курляндии, в Литве, близ Пинских болот, на мелких речонках Полесья, в Галиции и по всему боевому фронту.

И холодно, очень холодно им…

Они с нетерпением ждут – не пришлют ли им с родины чего-нибудь теплого, не пришлют ли табачку, любимой махорочки…».

«Комитет “Табак Солдату”, открыв сбор пожертвований на подарки – табак и папиросы – солдатам в окопы просит жертвовать деньгами, так как Комитет приобретает табак с фабрик по оптовой цене и без акциза (бандероли), что на две трети дешевле» [67, 1915, 21 нояб.].

В 1916 г. продолжала функционировать фабрика папиросных гильз Л. В. Рискина по прежнему адресу, трудилось 18 рабочих. Рекламу табака проплатил один Иван Егорович Губанов, что на Верхне-Торговой площади торговал кондитерскими изделиями, восточными товарами, рисом, мылом, у него можно было купить гильзы фирм «А. Катык и К°» (Москва), «Аппак» (Нижний Новгород), «Л. В. Рискин» (Уфа) и табачные изделия [12, с. 178, реклама]. В 1917 г. упоминавшийся А. А. Шабалин перехватил торговлю Соловьёва и в его бывшем корпусе в Гостином дворе торговал чаем, табаком и прочими бакалейными товарами [13, реклама].

Нараставший кризис в экономике приводил к установлению Уфимской городской думой такс на мясо, печёный хлеб, сахар, дрова [21, с. 34–37]. Но торговля табаком подчинялась казне и 23 мая 1916 г. управляющий акцизными сборами Уфимской губернии Амелунг объявил о повышении акциза с табака и предельных продажных цен. «Торговцам воспрещается продавать изделия дороже таких цен под опасением установленной ответственности».

Теперь в Уфе предельные продажные цены на курительный табак составляли за фунт: высшего сорта а – 9 руб., высшего сорта б – 7 руб., 1 сорта – 5 руб., II сорта за полфунта – 1 руб. 80 коп., III сорта а – не выше 54 коп. за четверть фунта, III сорта б – не дороже 36 коп. за четверть фунта. На высший сорт А курительного табака сохранялись свободные («произвольные») цены, как и на нюхательный табак, сигары I сорта, сигареты и пахитосы, папиросы высшего сорта А. На сигары II сорта предельная цена вводилась в 95 коп. за 25 штук, III сорта – в 50 коп. Папиросы высшего сорта А не должны были продаваться дороже 3 руб. 75 коп. за 250 штук, I сорта – не выше 3 руб., II сорта – не более 90 коп. за сотню и III сорта А – не выше 75 коп. тоже за сто штук. А вот папиросы III сорта Б – не выше 10 коп. но за 20 штук. Для курительной махорки вводилась предельная цена в 18 коп. за четверть фунта, махороч-

ные папиросы не должны были продаваться выше 15 коп. за 50 штук [67, 1916, 28 мая].

Новые предельные цены на табак имели примечательную особенность. Для низших (народных, массовых) видов табачной продукции уменьшалась единица обложения. Дорогие папиросы считались по 250 штук, а дешёвые – уже за сто и даже двадцать штук. Высчитаем, насколько возросли предельные цены на табак в Уфе с июля 1914 по май 1916 г.

Самый дорогой курительный табак высшего сорта а подорожал с 5,2 до 9 руб. за фунт, или на 73 %, высший сорт б – на 67 %, первый сорт – на 20 %. Менее дорогие сорта в цене должны расти медленнее. Но вот курительный табак II сорта в 1914 г. продавался по 1 рублю за полфунта, а в 1916 г. – 1,8 рубля за полфунта. Цена выросла в 1,8 раза! Третий сорт продавался за четверть фунта в 1914 г. по 29 и 23 копейки, в 1916 г. – за 54 и 36 коп., рост на 86 и 56 %. Самые дешёвые папиросы подорожали с 6 до 10 коп. за 20 штук (пачку). Курительная махорка с 9 коп. за четверть фунта с весны 1916 г. должна была продаваться за 18 коп. Цена удвоилась! Логика прослеживается следующая: самый большой прирост цен на табак для очень богатых и … самых бедных массовых потребителей, для среднего класса – умеренный.

Изменения предельных цен на табачную продукцию с 1914 по 1916 гг. показывают резкий рост в Первую мировую войну потребления низших видов табака, курительной махорки, дешёвых папирос, курительного табака более мягких (американских / немецких или турецких) сортов. На уфимские базары хлынул деревенский самосад из пригородных волостей, к 1917 г., видимо, ставший главным видом товара. Исчезает реклама табачных магазинов, караимы Аппаки, скорее всего, закрывают бизнес и покидают Уфу.

Зато гильзовое производство в Уфе сохраняется. Фабрика Л. В. Рискина указана в справочнике на 1917 г. [13, ч. 2, с. 35]. Папиросные гильзы пользовались большим спросом, газеты становились дорогими, печатались из худшей бумаги, на самокрутки в революционное лихолетье пошли многие уфимские архивы. И пока можно было закупать тонкую папиросную бумагу и картон для мундштука, гильзы выпускались и шли нарасхват.

Видимо, в годы войны бизнес Рискина вообще пошёл в гору. На рынке доминировал резаный табак (фабричный и деревенский самосад), которым набивали папиросные гильзы. Десятки, если не сотни мелких торговцев покупали у Рискина гильзы часто под векселя (долговые расписки) и не все платили в срок. Лейба Вениаминович эти векселя тут же относил в уфимский филиал Волжско-Камского банка и сдавал (продавал с дисконтом) на учёт. К 1 января 1916 г. в банке скопилось 20 протестованных векселей Л. В. Рискина (у некоторых по два). Это покупатели его гильз – П. А. Логинов (первоначальная сумма векселя 172,4 руб.), М. Ш. Зейгер (369,4 руб.), К. Я. Плятерович (180,58), И. У. Гроф (181), Я. И. Шнидерман (134,25), Я. Т. Белугин (161,45), Г. С. Жиров (165), У. Д. Трахтенберг (200), А. А. Жуков (100), С. Б. Ахтямов (97,8), А. Е. Винокуров (151,7), М. Р. Аликовский (174,8), С. Л. Ями (369,8), С. М. Кац (380), П. С. Лебедев (172,65), П. Смирнов (182,4) и Х. Ш. Сосновский (155 руб.) [47, л. 42 об.]. Никто ни копейки не уплатил, лишь Гроф уменьшил сумму долга со 181 до 148,19 руб.

Это не обязательно торговцы из Уфимской губернии, гильзы фабрики Рискина расходились до Минусинска. Только указанные векселедатели должны были банку по векселям от Рискина немалую сумму в 3315,42 руб. Банк за год сумел выбить из должников часть средств, осталось 11 векселей от Рискина и, с разрешения правления ВККБ, 30 апреля 1916 г. получено в окончательный расчёт по сделке 60 коп. с рубля [48, л. 42 об.]. Банк заключил соглашение, должники уплатили часть суммы.

На такие сделки банки шли, если понимали, что вернуть всю сумму никак не получится.

Наверняка, в условиях кризиса в экономике и нараставшей инфляции Волжско-Камский банк предпочитал сразу получить хотя бы часть денег по векселям, которые ему продал хитрый Рискин. Отметим, что векселя были на небольшие суммы, принадлежали, скорее всего, мелким розничным торговцам. Папиросные гильзы вообще были недороги.

Видимо, в 1917 г. Рискин продаёт свой бизнес. В частной коллекции в Уфе есть обрывок этикетки с коробки гильз на 250 штук. Видно не менее пяти медалей, полученных на разных выставках (в том числе в 1907 и 1908 гг.). На этикетке указано, что фабрика существует с 1895 г., но название иное – фабрика, бывшая Л. В. Рискина, преемник – З. Б. Иоффе. Возможно, семья Рискина оставалась в Уфе, по справочникам за 1916 и 1917 гг. Северной амбулаторией (Александровская, 69) заведовала врач А. Л. Рискина.

Ситуацию на табачном рынке Уфы к началу Гражданской войны зафиксировала местная пресса. «В начале сентября 1918 г. ни в одной из лавок Уфы не было табака и папирос. В то же время на толчке табачные изделия предлагались в огромном количестве: несколько рядов мужчин и женщин с мешками в ногах предлагали махорку и папиросы» [32, с. 251].

Выводы

К 1860-м гг. в Уфе процветало массовое курение. На город с населением свыше 20 тыс. чел. приходилось около ста торговых заведений, где продавались табак и табачные изделия. Табак в Российской империи облагался акцизом, поэтому данные статистики точные. На 1873 г. табаком торговали либо купцы (примерно половина), либо мещане и семьи бывших военнослужащих, что отражало социальный состав курильщиков. Около половины торговых заведений с табаком на прилавках ориентировались на низшие слои общества. Почти все продавали табак отечественного изготовления, импортные изделия можно было приобрести в 1873 г. в Уфе лишь в трёх точках.

Ассортимент табачной продукции на уфимском рынке был классический: курительный табак (для трубок и самокруток), сигары и папиросы. Не найдено ни одного упоминания сигарет.

Табак ввозился в Уфу из соседней Самарской губернии, где немцы его выращивали в больших объёмах, а также, особенно после постройки в 1888 г. железной дороги, с запада (Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, Вильна). Сколько-нибудь заметных поставок с юга не обнаружено. Но в Уфимской губернии также выращивался свой табак (видимо, не только махорка). Табаководство охватывало всю территория Южного Урала, вплоть до северных границ с Пермской губернией. К началу XX в. местное табаководство принимает торговый характер.

Накануне Первой мировой войны в Уфу по железной дороге ежегодно ввозилось около 15 тыс. пуд. табака и табачных изделий, а вывозилось около 24 тыс. пуд. Уфа являлась своеобразным распределительным хабом, снабжая Южный Урал табаком. При этом собственно Уфа (городские курильщики) потребляли ежегодно не более 6 тыс. пуд. табака. Видимо, часть местного табака-самосада (примерно до 10 тыс. пуд.) поступала в Уфу от окрестных крестьян и потом вывозилась.

Доминирование курительного (раскурочного) табака среди массового потребителя Уфы проявилось в устойчивом существовании своего гильзового производства с 1880-х гг. На 1910 г. в Уфе изготавливали до 150 млн папиросных гильз (крупнейшая фабрика Л. В. Рискина), при том, что местный рынок можно определить в 90 млн штук (остальное вывозилось). Уфимцы покупали готовый табак (фабричный или резаную махорку на базарах) и сами набивали папиросы или делали самокрутки

(широко была развита торговля папиросной бумагой). Преобладание такого вида курения особенно ярко проявилось во время кризиса экономики в годы Первой мировой и последующей Гражданской войны.

Масштабы самостоятельной набивки папирос были настолько велики, что торговля деревенской махоркой могла иметь характер серого бизнеса. По заявлению депутата III Государственной думы рыбинского и казанского купца В. А. Карякина, в 1905 г. «домашним способом» выделывалось 40 миллиардов папирос, а фабричным – только 12 миллиардов [19, с. 435]. Это можно воспринимать как примерную оценку величины потребления именно курительного табака, а не готовых изделий.

Специализированная табачная торговля в Уфе складывалась медленно, постепенно и тяжело. Спрос ещё не был настолько большим, рядовому населению хватало обычной бакалейной лавки.

Первые попытки открытия специализированных табачных магазинов в Уфе приходятся на 1880-е гг. (А. Е. Злыгостев, Я. И. Китаев), с конца 1880-х гг. они исчезают на целое десятилетие. Скорее всего, это было связано с началом железнодорожного сообщения и непрерывными поставками готовой продукции. Лишь с 1897 г. в городе появились постоянные табачные лавки, просуществовавшие вплоть до 1917 г. На уфимский рынок приходят караимы А. Э. и И. Э. Аппаки, хотя контакты с казанскими Аппаками существовали ещё в 1880-е гг. (Китаев являлся их дилером). Эпизодически возникавшие мелкие магазинчики быстро закрывались, семейство Аппак фактически держало монополию на специализированную табачную торговлю. Лишь перед Первой мировой войной возникают несколько постоянных табачных магазинов, принадлежавших русским предпринимателям. В годы Первой мировой войны рынок табака в Уфе трансформировался, но сохранился, опираясь на поставки деревенской махорки. История табачной торговли в Уфе свидетельствует о формировании регионального рынка, который стал неотъемлемой частью общероссийского.

Список источников и литературы

1. *Авдеев М. В.* Тамарин: роман. Электрон. изд. URL: https://www.litres.ru/book/mihail-avdeev/tamarin-2553905/chitat-onlayn/ (дата обращения: 05.03.2026). Доступ на сайте Литрес.
2. Адрес-календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1899 год. Уфа: Губ. тип., 1899. 236 с.
3. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1901 год. Уфа: электр. типо-лит. В. П. Колмацкого и К°, 1900. 169 с.
4. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1904 год. Уфа: Тип. Губ. правл., 1904. Разд. паг.
5. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1905 год. Уфа: Тип. Губ. правл., 1904. Разд. паг.
6. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1906 год. Уфа: Губ. тип., 1905. Разд. паг.
7. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1908 год. Уфа: Тип. Губ. правл., 1908. Разд. паг.
8. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1911 год. Уфа: Губ. электр. тип., 1911. Разд. паг.
9. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. Уфа: Электр. Губ. тип, 1912. Разд. паг.
10. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1913 год. Уфа: Электр. Губ. тип, 1913. Разд. паг.
11. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1915 год. Уфа: Электр. Губ. тип, 1915. Разд. паг.
12. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1916 год. Уфа: Электр. Губ. тип., 1916. Разд. паг.

13. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. Уфа: Электр. Губ. тип., 1917. Разд. паг.
14. *Биленко Н. А.* «Ненастоящие купцы» в губернском городе второй половины XIX в.: предприниматели Тулы между правом и выгодой // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 3 (23). С. 98–115. URL: https://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_23/98/. Дата публикации: 05.12.2025.
15. *Богданов И.* Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М.: НЛО, 2007. 280 с.
16. *Бондаренко И. Е.* Записки художника-архитектора. Труды, встречи, впечатления. Кн. 1 / под ред. М. В. Нащокиной. М., 2018. 576 с.
17. *Гейтли А.* Табак. От магии до индустрии: подлинная история / пер. с англ. А. А. Девиль и Л. А. Девиль; лит. ред. Б. В. Останин. Ростов н/Д: Феникс, 2025. 365 с.
18. *Гурвич Н. А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа: Печ. Н. Блохина, 1883. Разд. паг.
19. *Жолобова Г. А.* Механизм правового регулирования табачной торговли в дореволюционной России: история становления и специфика в условиях акцизной системы обложения 1881–1913 гг. // Налоги и налогообложение. 2014. № 4 (118). С. 424–444.
20. *Зайцев И. В.* Табак и курение в Крыму (XVII–XVIII вв.) // История и современность. 2011. № 2. С. 13–34.
21. Записная книжка для чинов Уфимской городской полиции на 1916 год. Уфа: Губ. электр. тип., 1916. 65 с.
22. *Зефиров Е. А.* Мои воспоминания о преосвященном Никаноре за время его пребывания на Уфимской кафедре (1877–1884 г.) // Странник. 1893. Т. 3. С. 112–138.
23. *Исмаилова А. М.* Из истории развития табаководства как важнейшей отрасли торгового земледелия в губерниях Южного Кавказа во второй половине XIX – начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». 2024. № 3. С. 101–113. URL: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2024-3-101-113 (дата обращения: 05.03.2026).
24. Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год / под ред. Н. А. Озерова. Уфа: Тип. Губ. Правления, 1896. 243 с.
25. *Ковалёва Н. В., Сальников А. С.* Правовые основы производства некоторых видов подакцизных товаров в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 38–47.
26. *Красильников М. П.* Грузооборот в Уфимской губернии. Материалы к торговому договору с Германией. Уфа: Электр. тип. «Печать», 1915. 135 с.
27. *Куманин Ф. А.* Полный устав о табачном сборе, высочайше утвержденный 18 мая 1882 г., с Инструкцией, утвержденной г. Министром финансов 18 ноября 1882 года, и мерами наказаний по новому уставу. Острогожск: изд. Ф. А. Куманина, 1883. 266 с.
28. Материалы по вопросу об изменении системы взимания табачного налога в России. Отчеты и отдельные записки по табаководству, фабрикации табака и табачной торговле. I. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1888. 122 с.
29. *Моисеев И. В.* Табак и табачная индустрия: вчера, сегодня, завтра. М.: ДМК Пресс, 2002. 280 с.
30. *Моисеев И. В.* Теоретическое обоснование и разработка технологий новых табачных изделий с заданными показателями качества: автореф. дис. … д-ра техн. наук: 05.18.10 / Моисеев Игорь Викторович. Краснодар, 2007. 50 с.
31. *Нарден П. А.* Статистика табаководства и табачного производства в дореволюционной России (за годы 1877–1916). М.; Л.: Промиздат, 1927. 27 с.
32. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, Нарский И. В. 2001. 632 с.
33. НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2055.
34. НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 33.
35. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1 (1920). Д. 923.
36. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1 (1920). Д. 959.
37. *Новикова В. Г., Щемелев Н. Н.* Наша марка: Очерки истории Донской государственной табачной фабрики / [лит. запись В. Я. Боброва]. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1968. 228 с.

38. Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год / под ред. Н. А. Гурвича. Уфа: Губ. тип., 1891. Разд. паг.
39. *Прохоров Д. А.* Крымские караимы и развитие табачной промышленности в Российской империи в конце XIX – начале XX века // МАИАСК (Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма). 2018. № 10. С. 334–370.
40. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 595. Оп. 3. Д. 1214.
41. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1215.
42. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1216.
43. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1217.
44. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1219.
45. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1220.
46. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1226.
47. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1230.
48. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1231.
49. *Роднов М. И.* В поисках татарского бизнеса (по материалам Уфимской губернии) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2022. № 3. С. 162–183.
50. *Роднов М. И.* Уфимское купечество во второй половине XIX века: монография. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2024. 362 с.
51. Исторические аспекты организации Всероссийского научно-исследовательского института табака, махорки и табачных изделий и развития его научной деятельности за 100-летний период (1914–2014 гг.) / В. А. Саломатин, Н. И. Ларькина, Е. В. Гнучих [и др.]. Краснодар: Просвещение-Юг, 2014. 411 с.
52. *Синельников Л. Я.* Дело – табак: полвека фабрики «Ява» глазами её руководителя. М.: Дело, 2017. 510 с.
53. Справочная книга г. Уфы. Уфа: Электр. типо-лит. Т-ва О. Г. Соловьёва и К°, 1911. 259 с.
54. Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1895 год. Уфа: Тип. Губ. правл., 1894. 204 с.
55. Справочная книжка и Адрес-календарь Уфимской губернии на 1903 год. Уфа: Тип. Губ. правл., 1903. 198 с.
56. Статистические сведения о перевозке грузов малой, большой и пассажирской скоростей. По прибытию и транзиту. За 1912 год. IV. Самара: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1913. 502 с.
57. Статистические сведения о перевозке грузов малой, большой и пассажирской скоростей. По отправлению. За 1913 год. III. Самара: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1914. 392 с.
58. Статистические сведения о перевозке грузов малой, большой и пассажирской скоростей, отнесенных к 1-й категории. По прибытию и транзиту. За 1914 год. IV. Самара: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1915. 410 с.
59. Торговля Николая Блохина в своем доме, на верхней площади, в Уфе: [рекламный буклет]. Уфа: Печ. Н. Блохина, [1877]. 8 с.
60. Устав табачный, измененный согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного совета 6 июня 1877 года: со всеми узаконениями и распоряжениями Правительства, циркулярами Министра Финансов и решениями кассационных департаментов Сената: с прил. инструкции министра финансов. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1878. 112 с.
61. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1899 г. Пермь: Типо-лит. Губ. правл., 1899. Разд. паг.
62. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1902 г. Пермь: Типо-лит. Губ. правл., 1901. Разд. паг.
63. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1911 год. Пермь: Типо-лит. Губ. правл., [1914]. Разд. паг.
64. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1913 год. Пермь: Изд. С. С. Вершова, [1913]. Разд. паг.
65. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1914 год. Пермь: Изд. С. С. Вершова, [1914]. Разд. паг.
66. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1915 год. Пермь: Изд. С. С. Вершова, [1915]. Разд. паг.

67. Уфимские губернские ведомости.
68. Уфимские епархиальные ведомости.
69. Уфимские фамилии. Кн. 2: Купцы и мещане / авт.-сост. М. В. Агеева, А. Л. Чечуха. Уфа: Инеш, 2025. 388 с.
70. Уфимский листок объявлений и извещений.
71. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1910 год. Уфа: паровая типо-лит. Н. В. Шаровкина, 1912. Разд. паг.
72. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1911 год. Уфа: паровая типо-лит. Т-ва Л. Е. Милюкова и К°, 1911. Разд. паг.
73. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа: паровая типо-лит. Торг. дома Н. В. Шаровкин и К°, 1915. 856 с.
74. *Четвериков Б. Д.* Повести и рассказы. М.; Л.: Худож. лит., 1964. 383 с.

References

1. Avdeyev, MV, *Tamarin* (Tamarin), viewed 5 March 2026, https://www.litres.ru/book/mihail-avdeev/tamarin-2553905/chitat-onlayn/. (In Russ.)
2. *Adres-kalendar i spravochnaya knizhka Ufimskoy gubernii na 1899 god* (Address calendar and directory of Ufa province for 1899) 1899, Gubernskaya tipografiya publ, Ufa. (In Russ.)
3. *Adres-kalendar Ufimskoy gubernii na 1901 god* (Address calendar of the Ufa province for 1901) 1900, Elektricheskaya tipo-litografiya V.P. Kolmatskogo i K° publ, Ufa. (In Russ.)
4. *Adres-kalendar Ufimskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1904 god* (Address calendar of the Ufa province and a reference book for 1904) 1904, Tipografiya gubernskogo pravleniya publ, Ufa. (In Russ.)
5. *Adres-kalendar Ufimskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1905 god* (Address calendar of the Ufa province and a reference book for 1905) 1904, tipografiya gubernskogo pravleniya, Ufa. (In Russ.)
6. *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1906 god* (Address calendar of the Ufa province and a directory for 1906) 1905, Gubernskaya Tipografiya, Ufa. (In Russ.)
7. *Adres-kalendar Ufimskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1908 god* (Address calendar of the Ufa province and a reference book for 1908) 1908, Tipografiya Gubernskogo Pravleniya publ, Ufa. (In Russ.)
8. *Adres-kalendar Ufimskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1911 god* (Address calendar of the Ufa province and a directory for 1911) 1911, Gubernskaya elektricheskaya tipografiya publ, Ufa. (In Russ.)
9. *Adres-kalendar Ufimskoy gubernii na 1912 god* (Address calendar of the Ufa province for 1912) 1912, Elektricheskaya gubernskaya tipografiya publ, Ufa. (In Russ.)
10. *Adres-kalendar Ufimskoy gubernii na 1913 god* (Address calendar of the Ufa province for 1913) 1913, Elektricheskaya gubernskaya tipografiya publ, Ufa. (In Russ.)
11. *Adres-kalendar Ufimskoy gubernii na 1915 god* (Address calendar of the Ufa province for 1915) 1915, Elektricheskaya guber. Tipografiya publ, Ufa. (In Russ.)
12. *Adres-kalendar Ufimskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1916 god* (Address calendar of the Ufa province and a reference book for 1916) 1916, Elektricheskaya Gubernskaya Tipografiya publ, Ufa. (In Russ.)
13. *Adres-kalendar Ufimskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1917 god* (Address calendar of the Ufa province and a reference book for 1917) 1917, Elektricheskaya Gub. Tipografiya publ, Ufa. (In Russ.)
14. Bilenko, NA 2025, 'Nenastoyashchiye kuptsy v gubernskom gorode vtoroy poloviny XIX v.: predprinimateli Tuly mezhdu pravom i vygodoy' ("Fake Merchants" in a Provincial Town in the Second Half of the 19th Century: Entrepreneurs of Tula between Law and Benefit), *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, no. 3 (23), pp. 98–115. (In Russ.)
15. Bogdanov, I 2007, *Dym otechestva, ili Kratkaya istoriya tabakokureniya* (Smoke of the Fatherland, or A Brief History of Tobacco Smoking), NLO publ, Moscow. (In Russ.)
16. Bondarenko, IYe 2018, *Zapiski khudozhnika-arkhitektora. Trudy, vstrechi, vpechatleniya* (Notes of an Artist-Architect. Works, Meetings, Impressions), ed. M.V. Nashchokina, Moscow. (In Russ.)

17. Gately, I 2025, *Tabak. Ot magii do industrii: podlinnaya istoriya* (Tobacco: A Cultural History of How an Exotic Plant Seduced Civilization), trans. A.A. Devil, L.A. Devil, ed. B.V. Ostanin, Feniks publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
18. Gurvich, NA 1883, *Spravochnaya knizhka Ufimskoy gubernii. Svedeniya chislovyye i opisatelnyye otnosyatsya k 1882–83 gg. i tolko vesma nemnogiye – k prezhnim godam* (Reference Book of Ufa Province. Numerical and descriptive information pertains to 1882–83, and only a very few to earlier years), Pech. N. Blokhina publ, Ufa. (In Russ.)
19. Zholobova, GA 2014, 'Mekhanizm pravovogo regulirovaniya tabachnoy torgovli v dorevolyutsionnoy Rossii: istoriya stanovleniya i spetsifika v usloviyakh aktsiznoy sistemy oblozheniya 1881–1913 gg.' (The mechanism of legal regulation of tobacco trade in pre-revolutionary Russia: the history of formation and specifics in the context of the excise tax system of 1881–1913), *Nalogi i nalogooblozheniye*, no. 4 (118), pp. 424–444. (In Russ.)
20. Zaytsev, IV 2011, 'Tabak i kureniye v Krymu (XVII–XVIII vv.)' (Tobacco and Smoking in Crimea (17th–18th Centuries)), *Istoriya i sovremennost*, no. 2, pp. 13–34. (In Russ.)
21. *Zapisnaya knizhka dlya chinov Ufimskoy gorodskoy politsii. Na 1916 god* (Notebook for Ufa City Police Officers. For 1916) 1916, Gubernskaya Elektricheskaya Tipografiya publ, Ufa. (In Russ.)
22. Zefirov, YeA 1893, 'Moi vospominaniya o preosvyashchennom Nikanore za vremya yego prebyvaniya na Ufimskoy kafedre (1877–1884 g.)' (My memories of His Grace Nikanor during his stay at the Ufa Diocese (1877–1884)), *Strannik* (Wanderer), vol. 3, pp. 112–138. (In Russ.)
23. Ismailova, AM, 2024, 'Iz istorii razvitiya tabakovodstva kak vazhneyshey otrasli torgovogo zemledeliya v guberniyakh Yuzhnogo Kavkaza vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka' (From the history of the development of tobacco farming as the most important branch of commercial agriculture in the provinces of the South Caucasus in the second half of the 19th – early 20th centuries), *Kavkazologiya*, no. 3, pp. 101–113. (In Russ.)
24. *Kalendar i spravochnaya knizhka Ufimskoy gubernii na 1897 god* (Calendar and reference book of the Ufa province for 1897) 1896, ed. N. A. Ozerov, Tipografiya Gubernskogo Pravleniya publ, Ufa. (In Russ.)
25. Kovalyova, NV & Salnikov, AS 2023, 'Pravovyye osnovy proizvodstva nekotorykh vidov podaktsiznykh tovarov v Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.' (Legal Basis for the Production of Certain Types of Excisable Goods in the Russian Empire in the Second Half of the 19th - Early 20th Century), *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, no. 1 (65), pp. 38–47. (In Russ.)
26. Krasilnikov, MP 1915, *Gruzooborot v Ufimskoy gubernii. Materialy k torgovomu dogovoru s Germaniyey* (Cargo Turnover in Ufa Province. Materials for a Trade Agreement with Germany), Elektr. tip. «Pechat» publ, Ufa. (In Russ.)
27. Kumanin, FA 1883, *Polnyy ustav o tabachnom sbore, vysochayshe utverzhdennyy 18 maya 1882 g., s Instruktsiyey, utverzhdennoy g. Ministrom finansov 18 noyabrya 1882 goda, i merami nakazaniy po novomu ustavu* (Complete Statute on Tobacco Taxation, Imperially Approved on May 18, 1882, with Instructions Approved by the Minister of Finance on November 18, 1882, and Penalties under the New Statute), izd. F. A. Kumanina publ, Ostrogozhsk. (In Russ.)
28. *Materialy po voprosu ob izmenenii sistemy vzimaniya tabachnogo naloga v Rossii. Otchyoty i otdelnyye zapiski po tabakovodstvu, fabrikatsii tabaka i tabachnoy torgovle. I* (Materials on the issue of changing the tobacco tax system in Russia. Reports and separate notes on tobacco growing, tobacco manufacturing, and tobacco trade. I) 1888, Tipografiya V. Kirshbauma publ, St. Petersburg. (In Russ.)
29. Moiseyev, IV 2002, *Tabak i tabachnaya industriya: vchera, segodnya, zavtra* (Tobacco and the Tobacco Industry: Yesterday, Today, Tomorrow), DMK Press publ, Moscow. (In Russ.)
30. Moiseyev, IV 2007, Teoreticheskoye obosnovaniye i razrabotka tekhnologiy novykh tabachnykh izdeliy s zadannymi pokazatelyami kachestva (heoretical justification and development of technologies for new tobacco products with specified quality indicators), PhD thesis, Kuban State University, Krasnodar. (In Russ.)
31. Narden, PA 1927, *Statistika tabakovodstva i tabachnogo proizvodstva v dorevolyutsionnoy Rossii (za gody 1877–1916)* (Statistics of tobacco growing and production in pre-

revolutionary Russia (for the years 1877–1916)), Promizdat publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
32. Narskiy, IV 2001, *Zhizn v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg*. (Life in Disaster: Everyday Life of the Ural Population in 1917–1922), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
33. *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB)* (National Archives of the Republic of Bashkortostan), fund И-132, inventory 1, file 2055. (In Russ.)
34. *NA RB*, fund И-139, inventory 1, file 33. (In Russ.)
35. *NA RB*, fund P-473, inventory 1 (1920), file 923. (In Russ.)
36. *NA RB*, fund P-473, inventory 1 (1920), file 959. (In Russ.)
37. Novikova, VG & Shchemelev, NN 1968, *Nasha marka: Ocherki istorii Donskoy gosudarstvennoy tabachnoy fabriki* (Our Brand: Essays on the history of the Don State Tobacco Factory), Kn. izd-vo publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
38. *Pamyatnaya knizhka Ufimskoy gubernii na 1891 god* (A Commemorative Book of the Ufa Province for 1891) 1891, ed. N. A. Gurvich, Gubernskaya Tipografiya publ, Ufa. (In Russ.)
39. Prokhorov, DA 2018, 'Krymskiye karaimy i razvitiye tabachnoy promyshlennosti v Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX veka' (Crimean karaims and the development of the tobacco industry in the Russian Empire from the middle of the nineteenth to the early twentieth century), *MAIASK (Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma)* MAIASK (Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea), no. 10, pp. 334–370. (In Russ.)
40. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* (Russian State Historical Archive), fund 595, inventory 3, file 1214. (In Russ.)
41. *RGIA*, fund 595, inventory 3, file 1215. (In Russ.)
42. *RGIA*, fund 595, inventory 3, file 1216. (In Russ.)
43. *RGIA*, fund 595, inventory 3, file 1217. (In Russ.)
44. *RGIA*, fund 595, inventory 3, file 1219. (In Russ.)
45. *RGIA*, fund 595, inventory 3, file 1220. (In Russ.)
46. *RGIA*, fund 595, inventory 3, file 1221. (In Russ.)
47. *RGIA*, fund 595, inventory 3, file 1230. (In Russ.)
48. *RGIA*, fund 595, inventory 3, file 1231. (In Russ.)
49. Rodnov, MI 2022, 'V poiskah tatarskogo biznesa (po materialam Ufimskoy gubernii)' (In search of Tatar business (a case study of Ufa province)), *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* (Echo of centuries), no. 3, pp. 162–183. (In Russ.)
50. Rodnov, MI 2024, *Ufimskoye kupechestvo vo vtoroy polovine XIX veka* (Ufa merchants in the second half of the 19th century), IIYAL UFITS RAN publ, Ufa. (In Russ.)
51. Salomatin, VA, Larkina, NI & Gnuchikh, YeV 2014, *Istoricheskiye aspekty organizatsii Vserossiyskogo nauchno-issledovatelskogo instituta tabaka, makhorki i tabachnykh izdeliy i razvitiya yego nauchnoy deyatel'nosti za 100-letniy period (1914–2014 gg.)* (Historical aspects of the organization of the All-Russian Research Institute of Tobacco, Shag, and Tobacco Products and the development of its scientific activities over a 100-year period (1914–2014)), Prosveshcheniye-Yug publ, Krasnodar. (In Russ.)
52. Sinelnikov, LYa 2017, *Delo – tabak: polveka fabriki «Yava» glazami yeyo rukovoditelya* (Tobacco Business: Half a Century of the Java Factory through the Eyes of Its Director), Delo publ, Moscow. (In Russ.)
53. *Spravochnaya kniga g. Ufy* (Ufa City Reference Book) 1911, Elektricheskaya tipo-litografiya T-va O. G. Solovyova i K° publ, Ufa. (In Russ.)
54. *Spravochnaya knizhka i adres-kalendar Ufimskoy gubernii na 1895 god* (Directory and address calendar of Ufa province for 1895) 1894, Tipografiya Gubernskogo Pravleniya publ, Ufa. (In Russ.)
55. *Spravochnaya knizhka i Adres-kalendar Ufimskoy gubernii na 1903 god* (Directory and Address Calendar of Ufa Province for 1903) 1903, Tipografiya Gubernskogo Pravleniya publ, Ufa. (In Russ.)
56. *Statisticheskiye svedeniya o perevozke gruzov maloy, bolshoy i passazhirskoy skorostey. Po pribytiyu i tranzitu. Za 1912 god. IV* (Statistical data on the transportation of goods at low, high, and passenger speeds. Upon arrival and transit. For 1912. IV) 1913, T-vo skoropech. A. A. Levenson publ, Samara. (In Russ.)

57. *Statisticheskiye svedeniya o perevozke gruzov maloy, bolshoy i passazhirskoy skorostey. Po otpravleniyu. Za 1913 god. III* (Statistical data on the transportation of freight at low, high, and passenger speeds. By departure. For 1913. III) 1914, T-vo skoropech. A. A. Levenson publ, Samara. (In Russ.)
58. *Statisticheskiye svedeniya o perevozke gruzov maloy, bolshoy i passazhirskoy skorostey, otnesennykh k 1-y kategorii. Po pribytiyu i tranzitu. Za 1914 god. IV* (Statistical data on the transportation of low-, high-, and passenger-class freight classified as Category 1. Upon arrival and transit. For 1914. IV) 1915, T-vo skoropechatni A. A. Levenson publ, Samara. (In Russ.)
59. *Torgovlya Nikolaya Blokhina v svoyem dome, na verkhney ploshchadi, v Ufe* (Nikolai Blokhin's trade in his house, on the upper square, in Ufa) 1877, Pechatnya N. Blokhina publ, Ufa. (In Russ.)
60. *Ustav tabachnyy izmenennyy soglasno Vysochayshe utverzhdennomu mneniyu Gosudarstvennogo soveta 6 iyunya 1877 goda so vsemi uzakoneniyami i rasporyazheniyami Pravitel'stva, tsirkulyarami Ministra Finansov i resheniyami kassatsionnykh departamentov Senata* (The Tobacco Charter, amended in accordance with the Supremely approved opinion of the State Council of June 6, 1877, with all regulations and orders of the Government, circulars of the Minister of Finance, and decisions of the cassation departments of the Senate) 1878, Tipografiya F. B. Millera publ, Moscow. (In Russ.)
61. *Uralskiy torgovo-promyshlennyy adres-kalendar na 1899 g* (Ural Trade and Industrial Address Calendar for 1899) 1899, Tipo-Litografiya Gubernskogo Pravleniya publ, Perm. (In Russ.)
62. *Uralskiy torgovo-promyshlennyy adres-kalendar na 1902 g* (Ural Trade and Industrial Address Calendar for 1902) 1901, Tipo-Litografiya Gubernskogo Pravleniya publ, Perm. (In Russ.)
63. *Uralskiy torgovo-promyshlennyy adres-kalendar na 1911 god* (Ural trade and industrial address calendar for 1911) 1911, Tipo-Lit. Gubernsk. Pravl. publ, Perm. (In Russ.)
64. *Uralskiy torgovo-promyshlennyy adres-kalendar na 1913 god* (Ural trade and industrial address calendar for 1913) 1913, Izdaniye S. S. Vershova publ, Perm. (In Russ.)
65. *Uralskiy torgovo-promyshlennyy adres-kalendar na 1914 god* (Ural trade and industrial address calendar for 1914) 1914, Izdaniye S. S. Vershova publ, Perm. (In Russ.)
66. *Uralskiy torgovo-promyshlennyy adres-kalendar na 1915 god* (Ural trade and industrial address calendar for 1915) 1915, Izdaniye S. S. Vershova publ, Perm. (In Russ.)
67. *Ufimskiye gubernskiye vedomosti* (Ufa Provincial Gazette), Ufa. (In Russ.)
68. *Ufimskiye yeparkhialnyye vedomosti* (Ufa Diocesan Gazette), Ufa. (In Russ.)
69. *Ufimskiye familii. Kniga vtoraya: Kuptsy i meshchane* (Ufa Surnames. Book Two: Merchants and Townspeople) 2025, comp. M. V. Ageyeva, A. L. Chechukha, Inesh publ, Ufa. (In Russ.)
70. *Ufimskiy listok obyavleniy i izveshcheniy* (Ufa bulletin of announcements and notices), Ufa. (In Russ.)
71. *Khozyaystvenno-statisticheskiy obzor Ufimskoy gubernii za 1910 god* (Economic and statistical review of the Ufa province for 1910) 1912, par. tipo-litografiya N. V. Sharovkina publ, Ufa. (In Russ.)
72. *Khozyaystvenno-statisticheskiy obzor Ufimskoy gubernii za 1911 god* (Economic and statistical review of the Ufa province for 1911) 1911, Parovaya tipo-lit. Tovarishchestva L. Ye. Milyukova i K° publ, Ufa. (In Russ.)
73. *Khozyaystvenno-statisticheskiy obzor Ufimskoy gubernii za 1913 god* (Economic and statistical review of the Ufa province for 1913) 1915, parovaya tipo-litografiya T-go D-ma N. V. Sharovkin i K° publ, Ufa. (In Russ.)
74. Chetverikov, B 1964, *Povesti i rasskazy* (Short Novels and Stories), Khudozh. lit. publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.05.2026
Одобрена после рецензирования: 01.07.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 12.05.2026
Approved after reviewing: 01.07.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 128–141.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 128–141.

Научная статья
УДК 930.85+719+94(47).081+94(47).082+94(47).083
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-128-141

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1860 – 1910-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ «ТУЛЬСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»)

Анна Сергеевна Буланова

Московский городской педагогический университет
Москва, Россия, anastasiaschar@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0008-7983-1195

Аннотация. Статья посвящена проблеме сохранения культурного наследия (преимущественно церковных памятников) в Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX в. и роли «Тульских религиозных ведомостей» как ведущего издания религиозного толка в трансляции и актуализации данного вопроса. «Тульские епархиальные ведомости», выходившие в свет с 1862 г., представляют собой значимый исторический источник для изучения региональной истории и, в частности, вопросов охраны культурного наследия. Издание уникально тем, что в нем интегрированы как официальные церковные сведения, так и краеведческие материалы. Анализ «Тульских епархиальных ведомостей» позволил автору сделать следующие выводы. С учетом большого количества выпусков тульского церковного издания, число статей и заметок, посвященных процессу сохранения памятников старины, было невелико. Информация, косвенно или напрямую затрагивающая рассматриваемую проблему в «Тульских епархиальных ведомостях», разноплановая. В издании печатались нормативно-правовые акты, регулирующие процессы охраны и восстановления храмовых построек, статьи местных священников о старинных храмах губернии преимущественного фактологического характера, фиксировались случаи некачественных реставрационных работ, приводились примеры участия местного населения в восстановлении и обновлении храмовых построек, упоминался вклад российских императоров в сохранение объектов культурного наследия Тульского края, содержалась информация о деятельности общественных учреждений и организаций в области изучения и сохранения местного памятников древности. Можно говорить о том, что публикации «Тульских епархиальных ведомостей» являются важнейшим материалом, который необходимо использовать при изучении процесса сохранения культурного наследия в Тульской губернии в XIX – начале XX в., а также для выявления особенностей таких процессов на локальном уровне.

Ключевые слова: сохранение культурного наследия, церковные памятники, «Тульские епархиальные ведомости», провинциальная религиозная пресса, Тульская губерния.

Для цитирования: Буланова А. С. Сохранение культурного наследия в Тульской губернии в 1860–1910-е гг. (по материалам «Тульских епархиальных ведомостей») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 128–141. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-128-141

Сведения об авторе: *А. С. Буланова* – аспирант, Московский городской педагогический университет, 129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

© Буланова А. С., 2026

Scientific Article
UDC 930.85 + 719 + 94(47).081 + 94(47).082 + 94(47).083
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-128-141

PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE IN THE TULA GOVERNORATE FROM THE 1860s TO THE 1910s (BASED ON THE MATERIALS OF THE TULSKIE EPARKHIALNYE VEDOMOSTI)

Anastasia S. Bulanova

Moscow City University
Moscow, Russia, anastasiaschar@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0008-7983-1195

Abstract. The article focuses on the problem of preserving cultural heritage (mainly church monuments) in the Tula Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries, and the role of the *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (*Tula Diocesan Gazette)* as a leading religious publication in the transmission and actualization of this issue. The *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti*, published since 1862, is a significant historical source for studying regional history in general and the issues of cultural heritage preservation in particular. The publication is unique in that it integrates both official religious news and local history materials. The analysis of the *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* shows: given the large number of issues of this Tula religious publication, the number of articles and notes dedicated to the preservation of historical monuments is relatively small. However, the information available in the *Tula Diocesan Gazette*, which indirectly or directly addresses this issue, is quite diverse: it includes legal acts regulating the protection and restoration of church buildings, articles by local priests on the ancient churches of the Tula Governorate, cases of poor-quality restoration work, examples of the local community's participation in the restoration and renovation of church buildings, the contribution of Russian emperors to the preservation of cultural heritage sites in the region, and information about the activities of public institutions and organizations in the field of studying and preserving local ancient monuments. Accordingly, the publications of the *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* are an essential source of information for studying the preservation of cultural heritage in the Tula Governorate in the 19th and early 20th centuries. These publications provide valuable insights into the local aspects of this process.

Keywords: preservation of cultural heritage, church monuments, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti,* Tula Diocesan Gazette, provincial religious press, Tula Governorate.

For citation: Bulanova, AS 2026, 'Preservation of Cultural Heritage in the Tula Governorate from the 1860s to the 1910s (Based on the Materials of the Tulskie Eparkhialnye Vedomosti)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 128–141, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-128-141 (in Russ.)

Information about the Author: *Anastasia S. Bulanova* – PhD student, Moscow City University, 4/1 Vtoroy Selskokhoziaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russia.

© Bulanova, A. S., 2026

Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. в Российской империи число периодических изданий возрастало. Пореформенный период ознаменовался активным становлением провинциальной прессы, сыгравшей важную роль в жизни российской губернии. Влияние местной периодики на модернизацию российской глубинки было многогранным. Она служила не только источником информации, но и инструментом просвещения, площадкой для объединения общества, катализатором гражданской инициативы.

В рамках общего развития печатного дела в стране тульская местная периодика выполняла роль передачи информации и источника этой информации, становилась «рупором местного общественного мнения» и той средой, в которой происходило отражение провинциальной повседневности. На страницах местных изданий обсуждались многие насущные проблемы региона, в том числе и культурной направленности, а именно сохранение исторического наследия Тульского края.

В данной статье предпринята попытка исследовать, как в Тульской губернии протекал процесс сохранения культурного наследия преимущественно церковных памятников, и как это отражалось на страницах ведущего религиозного издания губернии «Тульские епархиальные ведомости» (далее – ТЕВ). Следует отметить, что данная проблема в исторической науке не была предметом специальных научных исследований.

Материалы и методы

Основной источник статьи – материалы, опубликованные в ТЕВ. В 1860-е гг. во многих провинциях Российской империи стали появляться периодические издания религиозного толка – епархиальные ведомости, Тульская губерния не стала исключением: первый номер ТЕВ был издан в 1862 г. За всю историю существования ТЕВ (1862–1918 гг.) было издано около 1485 выпусков, на страницах которых освящались важнейшие события Российского государства и Тульской губернии, поднимались проблемы разнообразного характера, в том числе и вопросы сохранения церковных памятников старины Тульского края. Следует отметить, что с учетом большого количества выпусков ТЕВ, число статей, заметок, посвященных процессу сохранения местного культурного наследия, невелико.

Проанализировав имеющуюся информацию по проблеме, можно выделить несколько аспектов, которые отразились на страницах ТЕВ: 1) нормативно-правовое регулирование процесса сохранения и ремонта храмов; 2) участие местного населения (помещиков, купцов, церковных старост, крестьян) в деле сохранения церковного наследия (главным образом через пожертвования); 3) проблема разрушения памятников зодчества; 4) участие российских императоров в деле сохранения старины Тульской губернии; 5) деятельность местных общественных организаций и учреждений по изучению и обследованию объектов исторического наследия.

Результаты

XIX в. – особый период в процессе сохранения российских древностей. Именно в это время среди российского правительства и общественности зарождается интерес к объектам отечественного наследия, начинает создаваться законодательная база, регулирующая вопросы защиты памятников старины, возникают общественные организации, деятельность которых была направлена на изучение древностей и их реставрацию, происходит популяризация идей важности сохранения культурного наследия и реализация конкретных мер по восстановлению разрушенных объектов.

Государственная власть активно проводила политику по сохранению отечественного наследия. С Николая I этот процесс стал делом государственной важности и получил законодательное закрепление. Развитие законодательной базы в области

защиты культурного наследия ознаменовалось появлением целого ряда нормативно-правовых актов, издаваемых российскими императорами, Министерством внутренних дел, Святейшим Синодом. Некоторые из них печатались в ТЕВ. Так, был опубликован указ Святейшего Синода от 18 декабря 1865 г., согласно которому епархиальным начальствам дозволялось совершать постройки и починки зданий церковных, монастырских и архиерейских домов на сумму до 5 тысяч рублей без учреждения строительных комиссий [37, с. 17].

В 1874 г. в ТЕВ была опубликована книга протоирея И. Л. Чижевского [39, с. 29–30], представлявшая собой систематизированный и обобщенный труд по регулированию хозяйственной деятельности церквей, а также по процессу строительных и ремонтных работ храмов с привлечением конкретных статей из свода законов и указов Святейшего Синода. В четвертом отделении книги под названием «Пристройки и починки церквей, часовен и молитвенных домов» содержались пункты законов и указов о порядке и правилах возведения новых храмов и обновления древних построек, которыми должны были руководствоваться местные епархиальные служители церкви.

В выпуске ведомостей от 1879 г. помещалось «Определение Святейшего Синода о порядке производства починок и исправлений памятников старины, находящихся в ведении епархиальных начальств» [32, с. 45], согласно которому епархиальные власти не могли приступать к переделкам, поправкам или уничтожению памятников без согласования с одним из ближайших к месту их нахождения археологических или исторических обществ [21, с. 39]. Появлению данного определения способствовало заявление Московского археологического общества о незаконных исправлениях старинного храма Покрова на Нерли, проводимых Владимирским епархиальным начальством в нарушении Строительного устава от 1857 г., согласно которому запрещались какие-либо обновления древних церквей без Высочайшего разрешения. В итоге несанкционированных переделок Покровской церкви ее внутреннее убранство и внешний вид были серьезно искажены, и, дабы не допустить подобных случаев, Святейшим Синодом было издано вышеуказанное определение.

Вообще, следует отметить, что халатное отношение к состоянию древних памятников, которое могло привести к серьёзным переделам храмов без сохранения особенностей их древнего вида или, что хуже, к частичному или полному уничтожению сооружений, сопутствовало общему процессу сохранения культурного отечественного наследия. По этому поводу писал А. А. Формозов: «На протяжении веков мы сталкиваемся как с уничтожением, так и с защитой памятников прошлого. Порой преобладала одна тенденция, порой другая. Нельзя представлять себе историю охраны памятников в виде прямой восходящей линии: от непонимания их значения – к пониманию. Дело не столько в законах, сколько в отношении общества к культурному наследию» [38, с. 8–9]. О причинах неуважительного и халатного отношения населения Российской империи к объектам древности размышлял председатель Московского археологического общества, граф А. С. Уваров: «Не только мы, но и наши предки не умели ценить важности родных памятников, и без всякого сознания, с полным равнодушием, безобразно исправляя старинные здания или восстанавливая их сызнова, они не понимали, что каждый раз вырывали страницу из народной летописи» [34].

В ТЕВ описывались подобные случаи слома или переделки зданий без учета их эстетической ценности. Так, описывается случай сноса каменной богадельни при Георгиевской церкви: «При церкви издавна существовала каменная богадельня, за ветхостью сломанная в 1830 г. Желание прихожан выстроить вместо неё каменную, несравненно лучше прежней, исполнилось в 1865 г.» [28, с. 350].

Несмотря на то, что Русская православная церковь оказывала огромное влияние на развитие отечественной культуры и выступала в роли хранителя древностей российских, подчас служители церкви или церковные старосты демонстрировали непонимание ценности культурного наследия и своими действиями способствовали полному или частичному переделу православных храмов без сохранения их древнего вида. Собиратель русских икон художник И. С. Остроухов писал, что мечтой многих провинциальных священников является обновление ветхого храма, снос гнилого деревянного здания, хоть и с дивным убранством, и замена его современным новоделом [22, с. 231].

В очередном выпуске ТЕВ были напечатаны сведения о переделе иконостаса Владимирской церкви в Белеве именно из-за действий церковного старосты: «Придел Иоанна Богослова был перестроен в 1845 году усердием… церковного старосты Петрова. Переустройство этого придела состояло том, что иконостас был сделан вновь весь… Иконы были написаны вновь на прежних деках. К сожалению, при этом сами деки старинные с оборотной стороны были состружаны, и только на одной из них остались еще доселе следы бывшей какой-то древней надписи» [3, с. 216].

Следующий случай уничтожения частей храмовой постройки произошёл с согласия на это тульского архиепископа. В 1875 г. был полностью уничтожен придел древней Скорбященской церкви в селе Рождественое (1760–1770 гг. постройки) во имя Димитрия Ростовского: «В 1875 году с разрешения преосвящ. Никавдра, храм во имя св. Дмитрия Ростовского на южной стороне в пределе уничтожен по причине ветхости иконостаса и св. икон» [33, с. 200].

Ещё один пример халатного отношения к церковному зодчеству, упомянутый в ТЕВ, связан с неоднократными поновлениями Николаевской церкви в селе Николаевское-Пономаревское. Последнее третье обновление происходило в 1879 г. стараниями церковного старосты. В ТЕВ содержится следующее описание: «Обшивка наружных стен церкви была оторвана, ветхий тес заменен новым, и стены церкви и колокольни вновь были обшиты и выкрашены масляной краскою. Трапезная прибавлена в длину: проломаны стены в нижний ярус колокольни и сделана широкая арка между трапезной и колокольней. Иконостас в трапезной также был окрашен вновь, а стены оштукатурены и выкрашены лаковою краской» [19, с. 99].

В ТЕВ была размещена информация о Казанском храме [2, с. 494] г. Венёва, построенном в 1764 г. На протяжении XIX в. храм подвергался постоянным перестройкам. Отсутствие понимания важности сохранения древнейших образцов православной храмовой культуры привело к тому, что в результате данных реконструкций была уничтожена вся древняя лепнина храма и рельефные элементы, а также необычайно красивые фрески с изображениями сивилл.

Среди тульских храмов ярким образцом елизаветинского барокко в провинциальном зодчестве являлась Воскресенская церковь г. Тулы. В конце XIX в. было проведено обновление храма на средства церковного старосты, тульского купца А. А. Белолипецкого, Тульского оружейного завода, служащих и мастеровых этого предприятия. Данная реставрация стала ещё одним примером невнимательного отношения к особенностям церкви, в результате чего внешнее убранство потеряло свой древний вид. Об этом случае писалось в статье «Памятники церковного искусства Тульской епархии», опубликованной в ТЕВ: «К сожалению, и этого храма коснулась неумелая рука реставраторов: внутренняя отделка и особенно стенопись оставляют желать многого. Елизаветинскому стилю навязан поздний николаевский ампир, а стенопись – жалкое подражание нестеровских картин!» [20, с. 683].

Можно предположить, что включение в содержание журнала информации о варварских переделках или случаях уничтожения храмов Тульского края, а также публикации различных нормативно-правовых актов, целью которых было недопу-

щение данных процессов, были обусловлены несколькими важными задачами, а именно – просвещением местной общественности и актуализацией проблемы бережного отношения к объектам старины как к важнейшей историко-культурной ценности.

Следует отметить, что проблема разрушения храмов (причём не только тульских, но и в целом отечественных построек) освящалась на страницах издания в достаточно взволнованных тонах. Возможно, с целью формирования у читателей издания уважительного отношения к древним памятникам и чувства всеобщей ответственности за их сохранность, в ведомостях появляется особый раздел с названием «Воззвание», где помещалась информация о храмовых постройках, находящихся в полуразрушенном состоянии, а также призыв на пожертвования для восстановления храмов. Так, в выпуске за 1865 г. было опубликовано «Воззвание» [4, с. 48–50] от игуменьи Василисы, настоятельницы Городищенского Богородице-Рождественского монастыря Волынской губернии, о помощи в его обновлении: «Предстояла существенная необходимость произвесть внутри и снаружи починки, исправления и переделки… Каждая лепта Вашего благотворения послужит к уменьшению нашего убожества и нищеты и даст нам возможность скорее видеть нашу обитель в состоянии, подобающем русским православным святыням».

В 1906 г. на страницах ведомостей появилось «Воззвание» [5, с. 838] о помощи в восстановлении Свято-Троицкого монастыря (г. Алатырь, Симбирская губерния), одного из древнейших в России, основание которого относят ко временам царя Ивана Грозного. В результате пожара, случившегося в 1906 г., были уничтожены практически все храмы монастыря (уцелели лишь стены) за исключением древней пещерной церкви. Данное «Воззвание» от настоятеля монастыря архимандрита Гавриила было опубликовано с целью сбора средств на реставрацию. Следует отметить, что постройки монастыря были восстановлены уже к 1911 г.

В 1912 г. было опубликовано воззвание по сбору пожертвований к жителям Тульской губернии по случаю разрушения знаменитого Ферапонтова монастыря Новгородской епархии. Подробно было представлено описание разрушений храмов монастыря: «храмы его находятся на краю разрушения, стены дали трещины, доходящие до купола, полы проваливаются, роспись пропадает, между тем, собор и церкви Ферапонтова монастыря редчайшие памятники Древней Руси, построенные в XV в. лучшими русскими мастерами». Затем следовал пламенный призыв к пожертвованиям: «Не дайте, православные, погибнуть древнему памятнику украшению нашей Родины. Пожертвуйте посильно, и ваша лепта сохранит и спасет для России единственные по своей красоте иконы собора, долженствующие служить образцом былой высоты русского творчества для наших будущих поколений» [6, с. 226–227].

Тема пожертвований очень часто освещалась на страницах ТЕВ, существовал даже особый раздел «Пожертвования», где описывались случаи финансового участия представителей местного населения (священников, прихожан храмов, купцов, помещиков) в деле обновления храмов. К примеру, в выпуске от 1863 г. печаталось следующее: «г. Тулы в Боголюбской церкви исправлены церковные ветхости на пожертвованную от прихожан и кошельковую сумму, всего на 540 р.» [27, с. 134]; в выпуске от 1870 г.: «На исправление ветхостей соборной Николаевской церкви в г. Епифань купцом Василием Расторгуевым пожертвовано 100 р.» [15, с. 542]; в выпуске от 1885 г.: «В николаевскую церковь с. Семьюнова, Белевского уезда, по предложению местного священника Н. Покровского, собрано деньгами 200 р., на исправление ветхостей церкви» [16, с. 358].

В ТЕВ был раздел «Благословения Св. Синода», в котором печатались указы Св. Синода о признании заслуг (в основном за предоставление финансовой помощи

на нужды церкви) перед Русской православной церковью с выдачей грамоты. К примеру, в выпуске № 10 от 1886 г. печаталось: «от 9 апреля 1886 г., последовавшим на имя Его Высокопреосвященства, дано знать, что, согласно представлению Его Высокопреосвященства, удостоены благословения Св. Синода с выдачей грамот: помещик с. Истленьева Богор. у. Александр Бородин – за пожертвование на исправление ветхостей приходского храма 300 р.» [14, с. 182].

Раздел «Признательность епархиального начальства» содержал сведения о пожертвованиях местным населением на обновления провинциальных храмов и факты одобрения данных действий местными церковными властями: «Согласно резолюциям Его Высокопреосвященства, последовавшим на донесениях благочинных, объявляется признательность епархиального начальства: церковному старосте с. Ананскаго, Тульского уезда Димитрию Шелихову и прихожанам того же села за пожертвование на исправление ветхостей церкви – первым 160 р. и вторыми 90 р.» [17, с. 247].

Исходя из представленных фактических данных, можно сделать вывод о том, что местное население было заинтересовано в поддержании внешнего и внутреннего вида местных храмовых построек и принимало активное участие через систему пожертвований в их обновлении и исправлениях ветхостей. Описанных в ТЭВ случаев восстановления и обновления храмов немалое количество, но ввиду отсутствия описаний подробностей хода работ по восстановлению храмов, создается некоторая сложность в определении, был ли нанесен урон древнему внутреннему и внешнему виду храмов.

Одним из ярких примеров восстановления храмов в Тульской губернии является реставрация храма Похвалы Пресвятой Богородицы при Архиерейском доме на территории Предтеченского монастыря г. Тулы. Инициатором восстановления церкви выступил архиепископ Никандр: «Его Преосвященство сскорбию взирал на него и возымел твердое намерение привесть его в подобающий святыне благолепный вид с сохранением древнего его характера» [13, с. 351–352]. В ТЕВ было отмечено, что восстановление с целью сохранения благолепия древнего вида было вполне достигнуто и сделало храм особенным среди остальных сооружений Тульского края. Так же в ТЕВ указывается, что местное население принимало активное участие в обновлении храма: «ревнующие о благолепии своих храмов тульские граждане с полною готовностью помогали кто чем мог» [13, с. 351–352].

Печатались статьи преимущественно местных священников об истории тульских храмов с указанием сведений о восстановительных работах. В статье священника Г. Панова о Воскресенской церкви г. Одоева содержатся факты об одном из самых ранних примеров реставрационных работ в Тульской губернии. «В 1834 г. открылась новая нужда возобновить древнюю каменного здания соборную Воскресенскую церковь, так как она в то время пришла в крайнюю ветхость и по внешнему виду, и по внутреннему состоянию… Прихожане и доброхотные датели, при содействии и распоряжении того же протоиерея, вместо прежних окон, устроили более широкие, по новому фасаду поставили новый иконостас, распространили трапезу» [25, с. 444–445]. В статью о Троицком храме включена информация о возобновлении придела во имя Божией матери «Всех скорбящих Радость» Троицкого храма [26, с.117].

В 1877 г. в очередном выпуске ведомостей было напечатана статья священника М. Бурцева [1, с. 298] о Воскресенской церкви г. Белёва, а в выпуске от 1892 г. – рапорт [29, с. 249] о столетнем праздновании указанного храма. В обоих публикациях помещена информация о частых обновлениях сооружения. О реставрационных работах Воскресенской церкви, которые были проведены в начале 1890-х, писал также священник П. Малицкий, высоко оценивая результаты изменений: «В 1891 г. произведены новые поправки и поновления в храме. Благодаря этим поправкам, храм

сделался одним из лучших храмов в г. Белеве по своему внешнему виду и внутреннему благоустройству» [31, с.156].

Статья А. Денницына, опубликованная в очередном выпуске ТЕВ, была посвящена важнейшему процессу для культурной жизни г. Тулы – капитальному ремонту зданий Тульской семинарии и строительству Софийского храма при семинарии. В статье подробно описано запущенное состояние зданий учебного заведения и потребность в пристройке. В результате долгих организационных работ «в первой половине 1897 г. от Св. Синода было получено разрешение произвести ремонт семинарии» [12, с. 683].

Указанные выше статьи носили преимущественно фактологический характер, но уже сама их публикация в рамках ТЕВ имела определенную информационную и просветительскую цель.

Процесс сохранения архитектурного наследия в Российской империи протекал в условиях особого государственного покровительства и высочайшего контроля со стороны российских императоров. Монаршие особы были заинтересованы и в сохранении памятников древности Тульского края. Император Александр III лично покровительствовал и контролировал реставрацию древней церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Монастырщино: «Его Величество, обозрев царские врата и проект иконостаса, изволил изъявить одобрение… и выразить спасибо за сохранение царских врат» [31, с. 297]. В 1885 г. император лично посетил село Монастырщино с целью осмотра возобновленных древних царских врат: «Государь остался вполне доволен исполнением всех работ и выразил согласие принять все расходы, простиравшиеся до 2395 руб. 70 коп. на себя и принести в дар сей иконостас Монастырщинской церкви» [31, с. 297]. Информация об этом была помещена и в ТЕВ [18, с. 445].

Начиная с 1900-х гг. в ТЕВ появился новый раздел под названием: «Высочайшее пожертвование», в котором констатировались факты финансирования императором Николаем II восстановительных или реставрационных работ тульских храмов. К примеру, в выпуске [9, с. 265] за 1902 г. содержится информация о выдаче императором две тысячи рублей на восстановление сгоревшего корпуса с кельями и трапезной кафедрального Успенского женского монастыря в Туле.

Следующие примеры также свидетельствует о пожертвовании со стороны Николая II: на окончание ремонтных работ Знаменской церкви [11, с. 63] села Иконок Крапивенского уезда и о выдаче 1800 руб. на ремонт Спасской церкви села Ломиполозова Новосильского уезда [10, с. 17]. Также описываются случаи финансирования, исходящие от Николая II, на постройку или достройку новых зданий. Таким образом, участие Николая II в сохранении тульского храмового зодчества было немалым.

Местное население глубоко благодарило монарха за его заботу о судьбе провинциальных сооружений. Так, в ТЕВ описывается случай высочайшего пожертвования Николаем II, которое было направлено на реконструкцию приходского храма села Новомихайловского Новосильского уезда, и последующая за этим реакция населения на щедроты от монарха: «прихожане… просили повергнуть к стопам Его Императорского Величества верноподданические чувства беспредельной преданности, беззаветной любви и глубочайшей благодарности за пожертвование» [7, с. 372].

В рамках процесса сохранения культурного наследия происходит зарождение сети общественных организаций, деятельность которых была направлена на изучение российской старины и сбор сведений о памятниках древности, организацию музеев и проведение реставрационных работ. Такие общества создавались не только в столичных городах, тенденция к объединению среди ученой общественности была характерна для провинции, в том числе и Тульской губернии.

Отправной точкой зарождения организационных форм местной общественности по вопросам сохранения тульского историко-культурного наследия является возникновение Тульского епархиального древлехранилища – первого провинциального музейного учреждения в Туле, основанного 20 апреля 1885 г. Позже оно было переименовано в Тульскую палату древностей. В ТЕВ об этом событии содержится следующая информация: «Восьмого числа апреля 1885 г. в г. Туле основано тульское епархиальное древлехранилище с целью сосредоточить в одном месте всякого рода историко-археологические памятники, находимые на пространстве Тульской губернии, для удобнейшего наблюдения их всеми, интересующимися историей местного края, и для сравнительного изучения их специалистами разных отраслей отечественной археологии» [35, с. 204].

Также в ТЕВ публиковались отчеты деятельности Тульского епархиального древлехранилища, каталог предметов – рукописи, археологические предметы, церковная утварь, богослужебные предметы, поступавших в коллекцию музея в разные годы из церквей Тульской епархии и других источников, содержалась информация о случаях пожертвований на нужды музея, о посещении учреждения представителями императорской семьи.

1898 год в истории Тульского края ознаменовался появлением первого крупного исторического общества – Тульского епархиального историко-археологического товарищества, созданного местным археологом, богословом и краеведом Н. И. Троицким. В ТЕВ помещена информация о целях деятельности организации: «Товарищество имеет целью, кроме дальнейшего собирания в музей (в Тульскую палату древностей. – примеч. автора) разного рода историко-археологических памятников, главным образом, изучение их и, по мере возможности, их издание или в виде копий с надлежащим объяснением, или в виде обстоятельных описаний с надлежащими справками в соответствующей литературе предмета» [36, с. 353].

В рамках деятельности Историко-археологического товарищества на территории Тульской губернии были организованы археологические раскопки городищ. Помимо археологического направления, товарищество занималось изданием сборников научных трудов под названием «Тульская старина», где публиковались научные исторические источники, исследования по истории церкви, содержалась информация о материальных памятниках древности, археологические материалы. Оценивая значение деятельности Тульского историко-археологическое товарищества для научной и культурной жизни губернии, Г. П. Присенко писала, что оно «положило начало квалифицированному археологическому изучению края, которое явилось важным моментом развития тульского краеведения конца XIX – начала XX в., способствовало пробуждению в местном обществе интереса к истории, изучению памятников материальной культуры, территории» [30, с. 93–94].

С 1909 г. в России начинает действовать Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В Туле было создано отделение Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины в 1911 г. Председателем общества стал граф Ю. А. Олсуфьев. Общество сосредоточивало свою работу на обследование художественно значимых объектов Тульской губернии: проводились тщательные описания и фотографии монастырей, церквей, усадеб, икон и предметов церковной старины.

Члены отдела целенаправленно фиксировали лишь те памятники и предметы, которые, по их мнению, являлись подлинными образцами красоты определенной исторической эпохи.

На страницах ТЕВ печатались списки [24, с. 540–542; 24, с. 508–510] обследованных обществом храмовых построек и церковной утвари, замечания о некачественных ремонтных работах церквей и прошение епархиальному начальству

об особом праве Отдела на реставрацию памятников старины только с ведома и согласия на это Тульского отдела общества. Следует отметить, что с постановлением епархиальной власти такое право отделу было дано. Результаты плодотворной деятельности по исследованию и восстановлению объектов культурного наследия вошли в сборник материалов «Памятники искусства Тульской губернии», за 1912–1914 гг. было опубликовано шесть выпусков.

10 ноября 1913 г. была создана Тульская губернская ученая архивная комиссия с целью сбора, систематизации, сохранения и публикации архивных документов, обладающих исторической ценностью, прежде всего по региональной истории. Помимо широкой архивной деятельности, члены комиссии вели активную работу по изучению исторического прошлого региона, результатом чего стало публикация «Трудов Тульской губернской учёной архивной комиссии».

В выпусках ТЕВ помещены крайне скудные сведения о комиссии, содержится лишь информация о том, что в 1914 г. с изволения императора Николая II почетным попечителем учреждения стал Великий князь Николай Михайлович [23, с. 326]. Также была напечатана высочайшая телеграмма Николая II, в которой император проявил особое внимание к деятельности Тульской архивной ученой комиссии и высоко оценил ее заслуги в деле сохранения провинциального культурного наследия: «Благодарю Тульскую Губернскую Архивную Ученую Комиссию за выраженные ею чувства любви и преданности, а также за полезные её дела» [8, с. 442].

Заключение

На страницах ТЕВ, одного из ведущих печатных органов Тульской губернии, был отражён процесс сохранения провинциального культурного наследия, главным образом, храмовых построек. С учётом огромного количества выпусков ТЕВ публикаций, посвященных разным аспектам проблемы охраны памятников старины, было немного, порой в некоторые годы вообще не печатались статьи или заметки по указанной проблематике. Однако на основе имеющейся информации в ТЕВ можно сделать следующие выводы.

Включение в содержание «Ведомостей» статей местных священников о древних церквях и монастырях Тульской губернии способствовало ознакомлению читателей с культурной историей региона и формированию у них уважительного отношения к объектам древности. Эти публикации были первым шагом к сохранению культурного наследия, они позволяли создать реестры памятников, которые впоследствии могли стать основой для более серьёзных мер по их охране и реставрации.

Местное население, в основном приходские священники, церковные старосты и прихожане, выступали главными инициаторами обновлений и восстановлений церковных построек и принимали активное участие в пожертвованиях на восстановительные работы. Оказывали финансовую помощь также представители купеческого сословия и местные помещики. Однако, несмотря на частые починки и исправления ветхостей, случаи разрушений или некачественных реставраций были нередким явлением.

Особенностью процесса сохранения памятников старины в Российской империи являлось создание научных и художественных общественных организаций, чья деятельность заключалась в исследовании древностей российских и их охране. Эта общероссийская тенденция распространилась и в Тульском регионе, где провинциальная общественность смогла консолидироваться и на местном уровне позаботиться о судьбе тульских памятниках старины. ТЕВ стали той средой, в которой освещались все важные моменты деятельности местных общественных учреждений и организаций.

Другой характерной чертой процесса сохранения памятников старины являлось государственное покровительство со стороны российских императоров этому

делу. На страницах ТЕВ упоминался вклад (главным образом через систему пожертвований) российских императоров в дело сохранения тульского провинциального наследия.

Таким образом, несмотря на немногочисленность публикаций, косвенно или напрямую затрагивающих вопросы сохранения культурного наследия Тульской губернии, важное значение имел сам факт освещения разных аспектов этой проблемы, способствуя формированию устойчивого общественного мнения о важности сохранения памятников древности.

Примечания

1. Текст дается в адаптированном под современные нормы языка виде.

Список источников и литературы

1. *Бурцев М.* Дополнение к статье о Воскресенской церкви в г. Белёве // Тульские епархиальные ведомости. 1877. № 9. С. 298–306.
2. Веневский Богоявленский (упраздненный) монастырь и его достопримечательности // Тульские епархиальные ведомости. 1895. № 16. С. 494.
3. Владимирская церковь в г. Белёве // Тульские епархиальные ведомости. 1870. № 19. С. 216.
4. Воззвание // Тульские епархиальные ведомости. 1865. № 5. С. 48–50.
5. Воззвание // Тульские епархиальные ведомости. 1906. № 46/47. С. 838.
6. Воззвание // Тульские епархиальные ведомости. 1912. № 17. С. 226–227.
7. Высочайшая резолюция // Тульские епархиальные ведомости. 1908. № 36–37. С. 372.
8. Высочайшая телеграмма // Тульские епархиальные ведомости. 1913. № 48. С. 442.
9. Высочайшее пожертвование // Тульские епархиальные ведомости. 1902. № 15. С. 265
10. Высочайшее пожертвование // Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 3. С.17.
11. Высочайшее пособие // Тульские епархиальные ведомости. 1913. № 11. С. 63.
12. *Денницын А.* Капитальный ремонт зданий Тульской Семинарии и закладка Софийского собора // Тульские епархиальные ведомости. 1898. № 15. С. 680–686.
13. Епархиальная хроника // Тульские епархиальные ведомости. 1865. № 21. С. 351–352.
14. Известия. Благословение Св. Синода // Тульские епархиальные ведомости. 1886. № 10. С. 182.
15. Известия. Пожертвования // Тульские епархиальные ведомости. 1870. № 24. С. 542.
16. Известия. Пожертвования // Тульские епархиальные ведомости. 1885. № 22. С. 358.
17. Известия. Признательность епархиального начальства // Тульские епархиальные ведомости. 1885. № 14. С. 247.
18. *Казанский М.* Воспоминание о селе Монастырщино и о богослужебном порядке в церкви этого села в день 8 Сентября // Тульские епархиальные ведомости. 1898. № 10. С. 445.
19. Московские епархиальные ведомости. 1879. 1 апр. (№ 12). С. 39.
20. Николаевская церковь села Никольского-Пономарева Ефремовского уезда // Тульские епархиальные ведомости. 1891. № 16. С. 99.
21. *Олсуфьев Ю.* Памятники церковного искусства Тульской епархии // Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 46. С. 683.
22. *Остроухов И. С.* О древнерусском искусстве // Мастера искусства об искусстве: Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов: в 7 т. / под общ. ред. А. А. Губера, А. А. Федорова-Давыдова, И. Л. Маца, В. Н. Гращенкова. Т. 7. М.: Искусство, 1970. С. 220–234.
23. От Тульской Губернской Ученой Архивной Комиссии // Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 30. С. 326.
24. Памятники церковной старины и искусства Тульской епархии // Тульские епархиальные ведомости. 1911. № 47/48. С. 540–542; 1912. № 47/48. С. 508–510.

25. *Панов Г.* Город Одоев и его Церкви. Соборная Воскресенская церковь // Тульские епархиальные ведомости. 1868. № 12 (15 июня), прибавл. С. 431–446.
26. *Панов Г.* Город Одоев и его Церкви. Троицкая церковь // Тульские епархиальные ведомости. 1868. № 16 (15 авг.), прибавл. С. 116–120.
27. *Панов Г.* Тульская Боголюбская церковь // Тульские епархиальные ведомости. 1863. № 15. С.134.
28. *Панов Г.* Тульская Георгиевская церковь, что на Хопре, за рекой, или святодуховская // Тульские епархиальные ведомости. 1866. № 22 (15 нояб.), прибавл. С. 347–355.
29. Празднование 100-летнего юбилея в храме Воскресения в г. Белеве. Из рапорта благочинного г. Белева прот. М. Бурцева // Тульские епархиальные ведомости. 1892. № 7. С. 249.
30. *Присенко Г. П.* Проникновение в былое. Тула: Приок. кн. изд-во, 1984. 143 с.
31. [Малицкий П. И.] Приходы и церкви Тульской епархии. Тула: Тип. Н. И. Соколова, 1895. 781 с.
32. Распоряжения начальства. Определение Св. Синода // Тульские епархиальные ведомости. 1879. № 4. С. 45.
33. Скорбященская церковь в селе Рождествено Богородицкого уезда // Тульские епархиальные ведомости. 1890. № 18. С. 200.
34. *Стародубова А.* Русские древники: из истории создания и деятельности двух Комиссий Московского археологического общества // Архнадзор : сайт. [Б. м.], 2007–2026. URL: https://www.archnadzor.ru/2012/04/18/russkie-drevniki/. Дата публикации: 18.04.2012.
35. *Троицкий Н. И.* Тульское Епархиальное Древлехранилище. Отчет о его состоянии с 8 апреля 1885 по 8 апреля 1887 года // Тульские епархиальные ведомости. 1887. № 8. С. 204.
36. Тульское Епархиальное Историко-Археологическое Товарищество // Тульские епархиальные ведомости.1898. № 8. С. 353.
37. Указы Св. Синода // Тульские епархиальные ведомости. 1866. № 3. С. 17.
38. *Формозов А. А.* Русское общество и охрана памятников культуры. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1990. 108 с.
39. *Чижевский И. Л.* Церковное хозяйство или Правила и постановления касательно благоустройства храмов и церковного имущества, извлеченные из свода законов и указов Святейшего Правительствующего Синода // Тульские епархиальные ведомости. 1875. № 1. С. 29–43.

References

1. Burtsev, M 1877, ‘Dopolneniye k statye o Voskresenskoy tserkvi v g. Belyove’ (Supplement to the article about the Resurrection Church in Belyov), *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 9, pp. 298-306. (In Russ.)
2. ‘Venevskiy Bogoyavlenskiy (uprazdnennyy) monastyr i yego dostoprimechatelnosti’ (The Venev Theology Monastery (abolished) and its attractions) 1895, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 16. pp. 494. (In Russ.)
3. ‘Vladimirskaya tserkov v g. Belyove’ (The Vladimir Church in Belyov) 1870, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 19. pp. 216. (In Russ.)
4. ‘Vozzvaniye’ (The proclamation) 1865, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no.5, pp.48-50. (In Russ.)
5. ‘Vozzvaniye’ (The proclamation) 1906, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no.46/47, pp.838. (In Russ.)
6. ‘Vozzvaniye’ (The proclamation) 1912, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no.17, pp. 226-227. (In Russ.)
7. ‘Vysochayshaya rezolyutsiya’ (The Imperial Resolution) 1908, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 36-37, pp. 372. (In Russ.)
8. ‘Vysochayshaya telegramma’ (The Imperial Telegram) 1913, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 48, pp. 442. (In Russ.)

9. 'Vysochaysheye pozhertvovaniye' (The Imperial Donation) 1902, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no.15, pp. 265. (In Russ.)
10. 'Vysochaysheye pozhertvovaniye' (The Imperial Donation) 1914, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no.3, pp.17. (In Russ.)
11. 'Vysochaysheye posobiye' (The Imperial Allowance) 1913, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 11, pp. 63. (In Russ.)
12. Dennitsyn, A 1898, 'Kapitalnyy remont zdaniy Tul'skoy Seminarii i zakladka Sofiyskogo sobora' (Overhaul of the Buildings of the Tula Seminary and the Foundation of St. Sophia Cathedral), *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 15, pp. 680-686. (In Russ.)
13. 'Yeparkhialnaya khronika' (Diocesan Chronicle) 1865, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 21, pp. 351-352. (In Russ.)
14. 'Izvestiya. Blagosloveniye Sv. Sinoda' (Izvestia. Blessing of the Holy Synod), 1886, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 10. pp. 182. (In Russ.)
15. 'Izvestiya. Pozhertvovaniya' (Izvestia. Donations) 1870, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no.24, pp. 542. (In Russ.)
16. 'Izvestiya. Pozhertvovaniya' (Izvestia. Donations) 1885, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 22, pp. 358. (In Russ.)
17. 'Izvestiya. Priznatelnost yeparkhialnogo nachalstva' (Izvestiya. The Dignity of the Diocesan Administration) 1885, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 14, pp. 247. (In Russ.)
18. Kazanskiy, MA 1898, 'Vospominaniye o sele Monastyrshchino i o bogosluzhebnom poryadke v tserkvi etogo sela v den 8 Sentyabrya' (Memoir about the Village of Monastyrchino and the Liturgical Order in the Church of This Village on the Day of September 8), *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no.10, pp. 445. (In Russ.)
19. *Moskovskiye eparkhialnyye vedomosti* (Moscow Diocesan Gazette) 1879, no. 12, p. 39. (In Russ.)
20. 'Nikolayevskaya tserkov sela Nikolskogo-Ponomareva Yefremovskogo uyezda' (The St. Nicholas Church in the village of Nikolskoye-Ponomarevo, Efremovsky District) 1891, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 16, pp. 99. (In Russ.)
21. Olsufyev, Yu 1914, 'Pamyatniki tserkovnogo iskusstva Tulskoy yeparkhii' (Monuments of Church Art of the Tula Diocese), *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 46, pp. 683. (In Russ.)
22. Ostroukhov, IS 1970, 'O drevnerusskom iskusstve' (On Old Russian Art), *Mastera iskusstva ob iskusstve : Izbrannyye otryvki iz pisem, dnevnikov, rechey i traktatov : v 7 t.* (Masters of Art on Art: Selected Excerpts from Letters, Diaries, Speeches, and Treatises: in 7 vols.), ed. A. A. Guber, A. A. Fedorov-Davydov, I. L. Mats, V. N. Grashchenkov, vol. 7, Iskusstvo publ, Moscow, pp. 220–234. (In Russ.)
23. 'Ot Tul'skoy Gubernskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii' (From the Tula Provincial Scientific Archival Commission) 1914, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 30, pp. 326. (In Russ.)
24. 'Pamyatniki tserkovnoy stariny i iskusstva Tul'skoy yeparkhii' (Monuments of church antiquity and art of the Tula diocese) 1911-1912, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 47/48, pp. 540–542, no. 47/48, pp. 508–510. (In Russ.)
25. Panov, G 1868, 'Gorod Odoyev i yego Tserkvi. Sobornaya Voskresenskaya tserkov' (The Town of Odoev and Its Churches. The Cathedral Church of the Resurrection), *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 12, pp. 431- 446. (In Russ.)
26. Panov, G 1868, 'Gorod Odoyev i yego Tserkvi. Troitskaya tserkov' (The City of Odoev and its Churches. The Trinity Church), *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 16, pp. 116 -120. (In Russ.)
27. Panov, G 1863, 'Tulskaya Bogolyubskaya tserkov' (Tula Bogolyubsky Church), *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 15, pp.134. (In Russ.)
28. Panov, G 1866, 'Tulskaya Georgievskaya tserkov, chto na Khopre, za rekoy, ili svyatodukhovskaya' (The St. George Church in Tula, located on the Khoper River, or the Holy Spirit Church), *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 22, pp. 347-355. (In Russ.)

29. ‘Prazdnovaniye 100-letnego yubileya v khrame Voskreseniya v g. Beleve. Iz raporta blagochinnogo g. Beleva prot. M. Burtseva’ (Celebration of the 100th anniversary at the Church of the Resurrection in the city of Belev. From the report of the dean of the city of Belev, Archpriest M. Burtsev), 1892, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti*, no. 7, p. 249. (In Russ.)
30. Prisenko, GP, 1984, *Proniknoveniye v byloye* (Diving into the past), Priok. kn. izd-vo publ, Tula. (In Russ.)
31. Malitsky, PI, 1895, *Prikhody i tserkvi Tulskoy yeparkhii* (Parishes and Churches of the Tula Diocese), Tip. N. I. Sokolova publ, Tula. (In Russ.)
32. ‘Rasporyazheniya nachalstva. Opredeleniye Sv. Sinoda’ (Orders of the authorities. Determination of the Holy Synod) 1879, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 4, pp. 45. (In Russ.)
33. ‘Skorbyashchenskaya tserkov v sele Rozhdestveno Bogoroditskogo uyezda’ (The Church of the Sorrowful Mother in the village of Rozhdestveno, Bogoroditsky District) 1890, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no.18, pp. 200. (In Russ.)
34. Starodubova, A 2012, ‘Russkiye drevniki: Iz istorii sozdaniya i deyatelnosti dvukh Komissiy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva’ (From the History of the Creation and Activities of Two Commissions of the Moscow Archaeological Society), *Arkhnadzor*, viewed 04 April 2026, https://www.archnadzor.ru/2012/04/18/russkie-drevniki/ (In Russ.)
35. Troitsky, NI 1887 ‘Tulskoye Yeparkhialnoye Drevlekhranilishche. Otchyot o yego sostoyanii s 8 aprelya 1885 po 8 aprelya 1887 goda’ (Tula Diocesan Archival Repository. Report on its condition from April 8, 1885, to April 8, 1887), *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 8, pp. 204. (In Russ.)
36. ‘Tulskoye Yeparkhialnoye Istoriko-Arkheologicheskoye Tovarishchestvo’ (The Tula Diocesan Historical and Archaeological Society) 1898, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 8, pp. 353. (In Russ.)
37. ‘Ukazy Sv. Sinoda’ (Decrees of the Holy Synod) 1866, *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no.3, pp. 17. (In Russ.)
38. Formozov, AA 1990, *Russkoye obshchestvo i okhrana pamyatnikov kultury* (Russian Society and the Protection of Cultural Monuments), Sovetskaya Rossiya publ, Moscow. (In Russ.)
39. Chizhevsky, IL 1875, ‘Tserkovnoye khozyaystvo ili Pravila i postanovleniya kasatelno blagoustroystva khramov i tserkovnogo imushchestva, izvlechyonnyye iz svoda zakonov i ukazov Svyateyshego Pravitelstvuyushchego Sinoda’ (The church economy, or the Rules for the Construction of Temples and Church Property, extracted from the code of laws and decrees of the Holy Governmental Synod), *Tulskie Eparkhialnye Vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 1, pp. 29 - 43. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.07.2026
Одобрена после рецензирования: 27.08.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 20.07.2026
Approved after reviewing: 27.08.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 142–153.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 142–153.

Научная статья
УДК 94(47).083+792.03(470.23)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-142-153

«СОВЕЩАНИЕ ПОСТАНОВИЛО ЕДИНОГЛАСНО»: ПЕРВОЕ «СВОБОДНОЕ» СОБРАНИЕ В ИМПЕРАТОРСКОМ АЛЕКСАНДРИНСКОМ ТЕАТРЕ

Алла–Мария Андреевна Агилар

Российский государственный педагогический университета им. А. И. Герцена
Санкт–Петербург, Россия, ale-rus@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена реконструкции и анализу собрания артистов Императорского Александринского театра, состоявшегося 18 октября 1905 г. в разгар Всероссийской октябрьской политической стачки и на следующий день после опубликования Высочайшего манифеста. Цель исследования – выявить предпосылки, ход и значение этого события в контексте революционных процессов в России, а также показать позицию артистов императорской сцены по отношению к политическим вызовам времени.

Главные положения статьи раскрываются через анализ комплекса источников личного происхождения (воспоминания Г. Г. Ге, дневники В. А. Теляковского и С. И. Смирновой-Сазоновой) и периодической печати. Установлено, что инициатором собрания выступили артисты частных театров, обратившиеся к коллегам с призывом о создании и поддержке временного комитета. После визита делегации к директору императорских театров В. А. Теляковскому собрание было разрешено. На заседании, продолжавшемся около четырёх часов, артисты обсуждали вопросы отправки делегатов, помощи провинциальным коллегам и выражения благодарности за манифест. Выявились различные позиции – от консервативно-монархических до сочувствующих революционному движению, однако в итоге преобладало стремление сохранить лояльность властям. Было принято решение направить делегатов лишь с поздравлениями, а не для участия в политической деятельности комитета, а также единогласно одобрен адрес государю.

Результаты исследования показывают, что, несмотря на внешнюю корректность и дисциплинированность, собрание стало проявлением самоорганизации театральной среды в условиях кризиса. Дирекция избрала превентивную тактику, разрешив мероприятие во избежание скандалов. Однако появление манифеста сделало участие в комитете частных театров неактуальным, а сами артисты императорской сцены не решились на открытую политическую солидарность, ограничившись символическими жестами. Собрание осталось важным эпизодом, отразившим двойственное положение служителей «образцовой» сцены между служебным долгом и общественными ожиданиями.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Первая русская революция, Александринский театр, свободное собрание артистов, самоорганизация, В. А. Теляковский, Г. Г. Ге, С. И. Смирнова–Сазонова.

Для цитирования: Агилар А.–М. А. «Совещание постановило единогласно»: первое «свободное» собрание в императорском Александринском театре // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 142–153. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-142-153

Сведения об авторе: *А.–М. А Агилар* – студент магистратуры, Российский государственный педагогический университета им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт–Петербург, набережная р. Мойки, д. 48.

© Агилар А.–М. А., 2026

Scientific Article
UDC 94(47).083+792.03(470.23)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-142-153

«THE ASSEMBLY RESOLVED UNANIMOUSLY»: THE FIRST «FREE» GATHERING AT THE IMPERIAL ALEXANDRINSKY THEATRE

Alla–Maria A. Agilar

Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen
Saint Petersburg, Russia, ale-rus@mail.ru

Abstract. The article examines the meeting of the Imperial Alexandrinsky Theatre actors on October 18, 1905, held at the peak of the All Russian October political strike and immediately after the promulgation of the Imperial Manifesto. The study aims to reconstruct this event and assess its significance for the imperial stage community within the broader revolutionary context.

Drawing on memoirs, diaries, and periodicals, the article establishes that the initiative came from private theatre actors seeking support and the creation of a temporary committee. After the director authorised the gathering, the four hour assembly debated sending delegates, assisting provincial colleagues, and expressing gratitude to the emperor. Opinions diverged from conservative monarchist to revolutionary sympathising, but the prevailing stance favored loyalty to the authorities. The assembly resolved to send delegates only with congratulations, not for political engagement in the committee, and unanimously approved a loyal address to the sovereign.

The results show that, despite its orderly appearance, the meeting was a notable case of self organisation during a national crisis. The directorate adopted a preventive strategy, allowing the gathering to avoid scandals. However, the Manifesto rendered participation in the private theatres' committee unnecessary, and the imperial actors ultimately refrained from open political solidarity, confining themselves to symbolic gestures. The event thus remains an important episode that illustrates the ambivalent position of imperial stage artists, torn between their official duties and the expectations of a society in turmoil, and highlights the limits of political activism among them even at a revolutionary moment.

Keywords: Saint Petersburg, Russian Revolution of 1905, Alexandrinsky Theatre, free assembly of artists, self-organization, V. A. Telyakovsky, G. G. Ge, S. I. Smirnova-Sazonova.

For citation: Agilar, A–MA 2026, '«The Assembly Unanimously»: the First «Free» Gathering at the Imperial Alexandrinsky Theatre', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 142–153, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-142-153 (in Russ.)

Information about the Author: *Alla–Maria A. Agilar* – 2nd-year master's degree student, Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen, 48 Moika Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russia.

© Agilar A.–M. A., 2026

Эпоха Первой русской революции оказала значимое влияние как на императорские, так и частные театры Российской империи. О тяготах артистов частных театров имперской столицы в период Всероссийской октябрьской политической стачки в своих воспоминаниях писал артист Императорского Александринского театра Г. Г. Ге: «актеры всегда были беспокойным элементом, а здесь для них открывалась широкая дорога борьбы, борьбы не на сцене, для зрителя, а настоящей борьбы для себя в жизни, самой настоящей борьбы в настоящей жизни» [10, л. 131].

Предпосылкой к собранию в Александринском театре стало направленное 17 октября 1905 г. инициативной группой частных театров обращение к артистам императорской сцены: «Товарищи артисты! Общественное движение охватило всю Россию. События бегут с поражающей быстротой, настойчиво требуя от граждан дружного и немедленного единения! Среди артистов уже заявлено сочувствие общественному движению прекращением спектаклей. В единении сила! Мы просим товарищей артистов, не медля ни минуты, выбрать не менее двух уполномоченных доверенных от труппы лиц для организации временного Комитета объединения всех артистов Петербурга в целях освободительного движения России» [10, л. 132–133]. Данное воззвание имело яркую политическую окраску и отразило «современные» тенденции, актуальные в разгар общественного подъема, например, такие, как стремление к автономии. Нарастающий революционный кризис проявил себя в попытках самоорганизации театральных служащих [1]. Театровед М. О. Янковский полагал, что задача таких объединений состояла в регулировании трудовых отношений артистов с антрепренерами [15, с. 164].

Ге вспоминал, что это обращение он получил вместе с коллегой по театру П. Д. Ленским. Далее он писал, что 17 октября 1905 г. Ге и Ленский направились к директору императорских театров В. А. Теляковскому, чтобы он разрешил провести собрание, на котором планировалось выбрать двух уполномоченных. Впрочем, Ге и Ленский видели в этом собрании выгоду для себя: «надеялись, что можно будет наконец произвести некоторые реформы и обсудить поданный нами в прошлом году проект управления». Это показывало, что и в артистической среде императорских театров происходили процессы самоорганизации. В воспоминаниях Ге также указано, что Теляковский разрешил провести собрание, но при этом добавил: «Собирайтесь, не собирайтесь, но дело не пойдет дальше разговоров – вот вспомните меня!» [15, с. 132]. Этой фразой руководитель подчеркнул свое несерьезное отношение к этому собранию.

В дневнике Теляковского указаны другие представители театральной среды, которые приходили к нему в тот день. Такие расхождения между дневником и воспоминаниями можно объяснить тем, что Ге мог неточно вспомнить события по прошествии времени. Дневник директора вызывает больше доверия в точности передачи информации, поскольку записи делались, как правило, в тот же день, в отличие от зачастую размытых воспоминаний.

Директор писал, что пришедшими были управляющий драматической труппой Александринского театра П. П. Гнедич, режиссеры А. А. Санин и Ю. Э. Озаровский, артисты Ю. М. Юрьев, Р. Б. Аполлонский, А. П. Петровский и В. И. Петров. Из дневниковой записи Теляковского следует: артисты «просили переговорить со мной по поводу их отношения к другим драматическим артистам провинциальным и тем театрам, которые теперь бастуют» [12, с. 538]. Он записал, что артисты находились под влиянием объединения «Союз союзов», чем и объяснялся их визит [12, с. 538]. По мнению Янковского, после опубликования Высочайшего манифеста, политическая линия Союза союзов была направлена на создание Союза сценических деятелей [15, с. 170]. В поздних воспоминаниях артиста Александринского театра Н. Н. Ходотова есть подтверждение его участия в деятельности Союза союзов: «Моя

общественная работа была больше на стороне и только краем касалась наших театров, где я должен был идейно агитировать по союзной линии вновь организовавшегося в вольно-экономическом обществе «Союз союзов» [13, с. 179–180]. Общественные организации занимались продвижением революционных идей, активно вовлекая представителей артистической среды. Показательно это тем, что в императорских театрах были артисты, не скрывавшие своего сочувствия к революции и открыто участвовавшие в общественной деятельности. Вероятно, в их представлении это не мешало их службе в императорских театрах.

Посещение артистами дирекции закончилось обещанием сообщить директору об итогах собрания [12, с. 538]. Несмотря на то, что со стороны пришедших отмечено корректное поведение и сочувствие коллегам, директор отчетливо видел их интерес к политике и вовлеченность в политическое движение.

Подтверждением записей Теляковского стала заметка 17 октября 1905 г. в дневнике писательницы С. И. Смирновой–Сазоновой, где она эмоционально написала: «Буря из-за политики в театре. Наши александрин[ские] радикалы – Ходотов, Юрьев, Петров, Санин, Петровский затеяли устроить митинг чт[обы] выразить сочувствие забастовкам» [8, л. 140]. Расхождение в дневниковых записях Теляковского и Смирновой–Сазоновой могли быть из-за того, что писательница многое записывала со слов дочери – артистки Александринского театра Л. Н. Шуваловой. Писательница была сторонницей правых взглядов и написала брошюру в поддержку черносотенного движения [4, с. 751], в связи с чем ее характеристики революционного движения могли быть субъективными. Впрочем, не менее важную роль в ее записях играет фактология событий. Запись этого же дня в ее дневнике свидетельствует, что артисты Р. Б. Аполлонский и И. А. Стравинская сообщили ей о листовках, которые тут же стали разносить артистам с целью информирования о грядущем собрании в Александринском театре [8, л. 140]. Дневник писательницы крайне содержателен и позволяет, как реконструировать события в дополнении с другими источниками, так и дает возможность узнать важные уникальные подробности о событиях в императорских театрах.

Организованное заседание назначили 18 октября 1905 г. на 2 часа дня [12, с. 538]. 18 октября Смирнова–Сазонова писала: «В Алекс[андринском] театре первый митинг актеров. Все дело в том, чт[обы] послать делегатов в какой-то актер[ский] союз и поздравить его с Конституцией и говорили об этом 4 часа» [8, л. 143]. По воспоминаниям Ге, все происходило организованно, но для многих артистов собрание оказалось неожиданностью. Впоследствии Гнедичу был задан ряд вопросов: «А что за собрание? По какому поводу? Что случилось?» [10, л. 132]. Из воспоминаний Ге становится очевидно, что о собрании знали не все представители театральной среды. Гнедич попытался внести ясность: «Вчера у В. А. была делегация от Вас и просила разрешения собрать совещание для обсуждения присланного артистами частных театров предложения» [10, л. 132]. В воспоминаниях Ге, как и в дневнике Смирновой-Сазоновой, не сказано об участии Гнедича в визите к Теляковскому. Эти противоречия в источниках можно объяснить следующим образом: необходимо учесть, что воспоминания Ге поздние, в связи с чем может наблюдаться искажение информации, а Смирнова-Сазонова записала этот эпизод со слов дочери Л. Н. Шуваловой, которой также рассказали про визит в кабинет директора.

Озадаченные и находившиеся в недоумении артисты продолжили спрашивать Гнедича: «А кроме предложения, можно будет обсуждать еще какие–нибудь вопросы?». Управляющий вполне уверенно ответил: «Я думаю, можно. Если эти вопросы вытекут из обмена мнениями» [10, л. 132]. Получив ответ, артисты переключились на обсуждение волновавших их тем, как писал Ге: «заставлявшие часто волноваться и обсуждать их по углам, в фойе, в коридорах» [10, л. 133]. Оче-

видно, что с наступившим кризисом в империи у артистов появилось большое количество тем для обсуждений, о которых они боялись говорить открыто.

После объяснений управляющего началась вводная часть заседания, закрытой баллотировкой председателем избран режиссер А. А. Санин, попросивший сделать своим помощником артиста Н. Ф. Арбенина [8, л. 143]. В связи с опубликованием манифеста Санин произнес приветственную речь, после чего последовало трехкратное исполнение гимна. Арбенин сообщил о необходимости выбора делегатов для участия в собрании объединения частных театров, так как оно должно было состояться в 4 часа того же дня. После организационной части Арбенин прочитал воззвание от артистов частных театров. Избрание председателем режиссера Александринского театра А. А. Санина свидетельствует о доверии труппы к своему руководителю, что явилось отличительной чертой в Александринском театре в эпоху революции.

Так как протокол собрания пока обнаружить не удалось, можно сделать акцент на воспоминания Ге, где он указал, что у него сохранилась копия этого протокола, и в этих же воспоминаниях он его цитировал [10, л. 133]. Следует рассмотреть эту ситуацию критично – существовал ли протокол на самом деле.

Начавшееся собрание характеризовалось яркими высказываниями артистов, первым произнес речь П. М. Медведев. Ге цитировал «протокол»: «Член совещания П. М. Медведев указывает, что в виду объявленного Высочайшего манифеста, речь делегатов должна ограничиться тем, что они от имени артистов драматической труппы императорских театров принесут поздравления артистам частных театров с объявленным манифестом» [10, л. 134]. Ге снова сослался на «протокол», цитируя речь Медведева: «Царь-батюшка даровал нам свой Высочайший манифест, огромную радость пережили мы от этого только, что не дело нам вмешиваться в дела какого-то союза, ненужно нам это, да и неудобно» [10, л. 134]. Ге охарактеризовал Медведева следующим образом: «это был очень уж старый человек, истый монархист, очень богобоязненный» [10, л. 133], подчеркнув, что уважали его лишь за многолетнюю театральную службу. Речью с консервативным уклоном Медведев продемонстрировал свою преданность императорским театрам. Вероятно, это был человек старой формации с давно сформировавшимися взглядами.

Артисты Петровский и Петров выступили в поддержку временного комитета: «но ведь необходимо же знать дальнейшие цели Комитета. Быть может, Комитет будет нам полезен, даже необходим. Нельзя же поздравлениями ограничиваться. Да наконец, они будут вправе сказать про нас, что мы сидим в теплом месте, гнушаемся ими бедняжками!» [10, л. 134]. Артисты частных театров обращались за помощью к императорской сцене 17 октября 1905 г., а собрание было назначено на 18 октября. Можно сделать вывод, что опубликованный манифест дал артистам частных театров уже самостоятельно организовать комитет и собрание в Александринском театре уже было не столь актуально.

Озаровский сообщил присутствующим, что в Театральном обществе имеется проект Всероссийского Союза актеров, который и уполномочен решать подобные вопросы, в связи с чем он полагал, что артисты императорских театров не должны участвовать в отдельно взятых профессиональных сообществах. [10, л. 134], которые пытались создавать артисты частных театров. Газета «Биржевые ведомости» писала об учредительном собрании Союза, которое состоялось уже 30 октября 1905 г. [2, с. 2]. Как писал Теляковский 13 сентября 1905 г., Далматов принимал участие в создании Общества сценических деятелей, которое ставило перед собой задачу «упорядочить положение театрального дела в России» [12, с. 511]. Примечательно, что Теляковский употребил слово «Общество» вместо слова «Союз» – это характеризовало его отношение к общественным изменениям. Много позднее, 26 января 1906 г., Далматов в переписке с московским театральным деятелем А. И. Сумбатовым-

Южиным сообщил, что работа над уставом Союза сценических деятелей длилась год и он принимал в этом непосредственное участие [7, л. 14].

На продолжавшемся собрании Стравинская задала один из самых актуальных вопросов: «Совместимо ли со званием императ[орских] артистов заявлять протесты правительству. Конст[итуцией] все 5 свобод даны, против чего протестовать?» [8, л. 143]. Шувалова тут же подхватила ее мысль и справедливо подчеркнула: «вчерашний манифест положил конец всяким протестам» [8, л. 143]. В то же время В. А. Мичурина-Самойлова выражала возмущение: «Почему императорские театры посылают артистов к частным, а не наоборот?» [8, л. 143]. Н. Л. Тираспольская выступила с «истерическими выкриками»: «пора положить конец порокам на сцене» [8, л. 143 об]. Обсуждение политических вопросов вызвало оживленный интерес у присутствующих.

Далматов внес несколько предложений в регламент собрания. Он предложил выразить благодарность императору за опубликованный манифест, поблагодарить В. А. Теляковского за возможность провести собрание, а также почтить память недавно скончавшегося театрального деятеля М. И. Писарева [10, л. 134]. О поведении Далматова Ге писал, что артист хотел взять лидерство над собранием, и «направить наши умы и сердца на интересующие его лично вопросы» [10, л. 135]. Артист пользовался уважением среди коллег, и его мнение было для них значимо [10, л. 135]. Выдвинув на рассмотрение эти предложения, артист проявил благосклонность как к руководству, так и к коллегам.

Артистка Н. С. Васильева внесла предложение ознаменовать манифест добрым делом [5, с. 687]: «Провинциальным актерам очень трудно, эта забастовка многих из них поставила в очень тяжелые условия. Надо помочь им, господа» [10, л. 135]. Подобное отношение к провинциальным артистам со стороны Васильевой было вызвано влиянием на нее ведущей артистки М. Г. Савиной, которая занималась благотворительностью [10, л. 135]. К примеру, в 1895 г. ей и театральным деятелем А. Е. Молчановым было основано убежище для престарелых сценических деятелей [14, с. 337]. Как записано у Смирновой-Сазоновой, Савина на протяжении собрания «отпускала ядовитые замечания» [8, л. 143 об.]. Писательница продолжила описывать линию поведения ведущей артистки: «Савина боится толпы и на собраниях молчит» [8, л. 160 об.]. На основании записей Смирновой-Сазоновой становится понятно, что писательница относилась с оттенком пренебрежения к Савиной. Это объясняется тем, что дочь автора дневника Л. Н. Шувалова служила с ведущей артисткой в одном театре, и как подчеркнула театровед М. Г. Светаева, коллеги Савину побаивались [9, с. 134]. Вероятно, у Смирновой-Сазоновой было свое мнение о Савиной, но, возможно, что Л. Н. Шувалова рассказывала матери о ведущей артистке с некоторой долей негатива, что учитывалось в дневниковых записях.

Арбенин попытался поддержать порядок, призвав к обсуждению нужд труппы, а также добавил: «Я предлагаю совещанию обсудить, необходим ли нам выборный совет из артистов, и мне кажется, что такой совет должен быть посредником между нами и Дирекцией» [10, л. 135]. Ленский попытался подтолкнуть собрание к обсуждению: «Господа, в прошлом году нами передан директору проект такого выборного совета со всей схемой его работы. Вероятно, он сохранился в Дирекции, так же как и у меня и я имею смелость предложить вам его для обсуждения» [10, л. 135]. Этот проект передали Санину, но к рассмотрению он не был принят, так как на повестке дня стоял выбор делегатов и обсуждение шло уже не по регламенту [10, л. 136]. Показательно, что Санин не стал рассматривать этот проект, тактично переведя тему.

После слов Санина раздались вопросы: «Кто входит в состав Комитета частных артистов? Как их фамилии?» [10, л. 136]. Санин сообщил, что не может дать от-

вет на этот вопрос [10, л. 136]. Артистами императорской сцены остался невыясненным вопрос о приславших воззвание и вероятно, подробностей о деятельности Комитета они также не знали, а пошли в дирекцию с желанием помочь артистам частных театров.

На правах председателя Санин задал публике вопросы: «Ставлю на баллотировку два вопроса, первый: нужно ли посылать делегатов? И второй, если совещание на этот вопрос пожелает ответить утвердительно, то должны ли делегаты ограничиться одним поздравлением артистов частных театров с высочайшей милостью или их полномочия расширятся до обсуждения дальнейших целей и мероприятий организуемого комитета?» [10, л. 136]. За первый вопрос присутствующие проголосовали единогласно. Но рассмотрение второго разделилось на две части, присутствующие признали только поздравление, посчитав, что обсуждать цели комитета они уже не уполномочены [10, л. 136]. Возможно, артисты побоялись участвовать в деятельности комитета, которая им не до конца была понятна, в связи с чем отстранились от участия.

Как писал Ге, после этого среди присутствующих начались волнения по поводу того, что они остались не удовлетворены постановлением собрания, так как чувствовали стыд как за себя, так и товарищей-делегатов, которые шли «поздравлять с величайшей милостью», несмотря на то что объединение частных театров к ним обратилось «Товарищи-артисты!», видя в них союзников. Ге писал: «И я уже старик, до сих пор не люблю вспоминать об этом постыдном совещании» [10, л. 136]. Стоит отметить эмоции, которыми сопровождалось происходящее. Артисты императорских театров тогда еще психологически не осознали то, что опубликован Высочайший манифест, благодаря которому для артистов частных театров открылись новые возможности, как и для них самих. Для Ге это так и осталось неосмысленным.

Наступила пора выбора делегатов. Закрытой баллотировкой делегатами избрали режиссеров Ю. Э. Озаровского, А. А. Санина, артистов В. П. Далматова, П. М. Медведева и В. И. Петрова, по мнению Ге – «все ярые монархисты» [10, л. 137]. Можно не согласиться с тем, что Ю. Э. Озаровский и В. П. Далматов были монархистами, но и явной солидаризации с революцией у них не отмечено. Они оба занимались общественной деятельностью и были членами Союза сценических деятелей с 30 октября 1905 г. [2, с. 2]. К «бунтарям» Ге отнес, например, Ленского и даже радовался, что эти участники собрания не прошли в делегаты, «иначе мы бы не ограничились одними “поздравлениями”, и остались бы до конца собрания, чтобы ознакомиться со всей его деятельностью» [10, л. 137]. Про участие революционно настроенного артиста Н. Н. Ходотова Смирнова-Сазонова записала: «Радикал Ходотов в делегаты не хочет» [8, л. 144]. Писательница сделала наблюдение, что не было выбрано ни одной женщины [8, л. 144]. По правилам собрания была проведена баллотировка и Ходотова, так же, как и присутствующих артисток могли в делегаты не избрать.

После выборов Далматов предложил «послать государю императору всеподданнейший адрес, благодаря его за дарованную им милость» [10, л. 137], имея в виду вышедший накануне манифест. Настроения артистов были таковы, что собравшимися это было принято «почти» единогласно, в протоколе собрания сделали запись большинством голосов, но поскольку речь шла об императорских театрах, то такая формулировка оказалась полностью неуместной. В итоге указали формулировку, достойную звания артистов императорских театров: «совещание постановило единогласно» [10, л. 137]. Это явилось примером «красивой подачи» адреса императору, поскольку правдой не являлось. Артисты дорожили местом своей службы, и поэтому для них это означало «преподнести благодарность» императору, при этом сохранив свое спокойствие.

Память М. И. Писарева решили почтить телеграммой для его дочери и поручили Далматову составить текст. Предложение Васильевой решено отложить, поскольку артистка предлагала отчислять процент с жалованья в пользу провинциальных артистов, а, по мнению Ге, «это было немного революционно» [10, л. 137]. Возможно, не все были готовы отчислять процент с жалованья, либо принципиально не готовы к рассмотрению этого вопроса на собрании, поскольку изначально была другая цель.

После этого собрания началась череда благодарностей. Как следовало из протокола, указанного в воспоминаниях Ге: «Присутствовавшие благодарят председателя совещания А. А. Санина, который в свою очередь благодарит присутствующих за честь избрания его в председательствующие первого свободного собрания артистов» [10, л. 138].

Собравшиеся решили отблагодарить и вызвали на собрание Теляковского, направив к нему Гнедича [11, л. 254]. Директор записал в дневнике: «Труппа заявила желание выразить мне благодарность за доверие, которое я ей выказывал всегда и особенно эти последние дни» [12, с. 539]. После появления руководителя на сцене театра, раздались крики «ура» и гром аплодисментов [12, с. 539]. Санин прочитал в адрес Теляковского большую благодарственную речь, директор в свою очередь «просил артистов оставаться спокойными, служить чистому искусству и не заниматься политикой, для которой есть много любителей помимо артистов» [12, с. 539]. Теляковский писал, что Гнедич и Санин говорили ему о популярности и уважении среди артистов, а «теперь же этот авторитет и уважение достигли высокой степени» [12, с. 539]. После этого снова стали кричать «ура», директору стали жать руки и целовать. Артисты выражали директору благодарность за чуткое и доброжелательное отношение к трупп», Теляковский со своей стороны отблагодарил труппу «за оказанное внимание и корректный образ действий артистов при обсуждении вопросов обсуждавшихся и возникавших на совещании» [10, л. 138]. Руководитель сообщил, что уже давно предоставил автономию александринской труппе и возможность самим выбирать репертуар, распределять роли, однако артисты сами уклонились от посещения репертуарного совета [3, с. 4]. Артисты решили просить о расширении так называемого репертуарного совета артистов. Как писали в журнале «Театр и искусство», к ведению репертуарного совета предположено отнести также нравственный распорядок в труппе [5, с. 687]. В отношении директора труппа продемонстрировала уважение. В то время, как в Российской империи бушевала революционная стихия и падение значимости власти, труппа Александринского театра высказывала свой почет руководству. Вероятно, это совпало с тем, что в это же время был опубликован манифест и артисты понимали, что им уже не нужно было конфликтовать с дирекцией. Таким образом, для них открылись новые возможности, и они решили сохранить хорошие отношения с директором, который шел им на уступки, разрешив собрания.

Артисты не забыли про управляющего труппой Гнедича «за его внимательное отношение к назревшим потребностям и нуждам труппы» [10, л. 138]. После этого артисты поблагодарили Санина за руководство первым свободным совещанием [10, л. 138]. Как писал Ге, «так и закончили “первое свободное совещание”, взаимными поклонами, реверансами, “благодарим”, “благодарю”. “Свободное совещание свободных людей”» [10, л. 138]. Для служителей сцены это был радостный день и на этом фоне они начали всех благодарить. Собрание закончилось на прекрасной ноте, артисты ощущали себя свободными людьми, при этом оставаясь в хороших отношениях с дирекцией. Стоит учесть и временные рамки собрания – Смирнова–Сазонова писала, что заседали 4 часа, а собрание началось в 2 часа дня. Можно сделать вывод, что на собрание коллег артисты императорской сцены не успели.

У визита в дирекцию оказались отдаленные последствия. 20 октября 1905 г. Смирнова–Сазонова писала о том, что визит в дирекцию 17 октября со слов Р. Б. Аполлонского имел неоднозначные черты. После посещения директора Аполлонского в труппе стали считать предателем. В личной беседе с артистом писательница поинтересовалась: «Ну и что же? Как там наши красные вели себя?» [8, л. 150 об.]. Аполлонский ответил: «Тут они красные, а там б[ыли] зеленые» [8, л. 150 об.]. Со слов артиста «они только кланялись и благодарили директора» [8, л. 151]. Таким образом, артист охарактеризовал коллег как выбирающих наиболее выгодное поведение в зависимости от ситуации. Тогда в кабинете директор «напомнил им, чт[обы] они не забывали что они императ[орские] актеры» [8, л. 151]. Аполлонский сказал им примерно это же, как записано у Смирновой-Сазоновой: «Бастовать можно, но раньше сложить с себя звание артиста имп[ераторских] театров» [8, л. 151]. После фразы директора присутствующие артисты промолчали, однако Аполлонский сказал в адрес Ю. М. Юрьева провокативную фразу: «Юрий Михайлович, изложите то, что вы хотели: т.е. можно оставаться императ[орским] актером и выражать сочувствие забастовщикам» [8, л. 151]. На это Юрьев возразил: «Он прежде всего человек и гражданин, а потом уже актер» [8, л. 151]. После этого Аполлонского стали называть предателем, и он хотел вынести на товарищеский суд вопрос: «Почему нельзя б[ыло] у директора оглашать то, что на др[угой] день должно б[ыло] обсуждаться публично?» [8, л. 151]. Писательница считала, что Аполлонский признал себя монархистом, показал что «имя царя для него всегда священно и что не императорским актерам, кот[орые] видели столько внимания от царск[ой] фамилии примыкать к забастовкам. А кто хочет протестовать, выходят в отставку» [8, л. 151–152]. Смирнова-Сазонова записала в адрес присутствующих в кабинете Теляковского: «Ведь эти красные, кот[орые] зеленые в кабинете директора, такие жалкие душонки, что их бояться нечего» [8, л. 152]. Далее она отметила: «Эти красные кончили собрание. Пели “Боже, царя храни”» [8, л. 152]. Аполлонский показал себя борцом за правду, отрицая поступки его коллег, и их поиск собственной выгоды.

24 октября 1905 г. состоялось собрание труппы, которое собрал сам Аполлонский для проведения товарищеского суда. Он публично поинтересовался у коллег, считают ли его подлецом. Из зала выкрикнули, что подлецом его не считают. Аполлонский вызвал на дуэль Юрьева, чрезмерно его обвиняя и даже угрожал, сказав, что «против бешеной собаки носит с собой револьвер» [8, л. 159]. На фразу о разделении гражданина и артиста он ответил: «Значит я артист, пока играю на сцене. К[ак] ушел из театра, т.е. я уже не артист императ[орских] театров? Но тогда и митрополит только до тех пор митрополит, пока он служит в церкви, а потом он уже частное лицо?» [8, л. 160]. Аполлонского обвиняли в том, что он заговорил у директора о том, о чем его коллеги говорили тайно: «Но в уборных мои товарищи говорили: “Теперь пора уже высказываться публично”. Я не знал, что эти слова только до кабинета директора» [8, л. 160]. Досталось и Санину, который произнес в кабинете директора: «Меня многое возмущает в этом желт[ом] доме! т. е. в Алекс[андринском] театре» [8, л. 160]. Это Санин не отрицал и более того добавил, что его действительно многое возмущало [8, л. 160]. Режиссер хотел было поставить вопрос о том, что Аполлонский «втерся насильно в их депутацию», но Стравинская высказалась, что депутацией это и не было, поскольку никто никого не делегировал [8, л. 160]. Далее была произнесена яркая фраза Аполлонского: «Чтобы мы все подали в отставку!» [8, л. 160 об.], поддержанная только артистом А. А. Усачевым, который впоследствии пожал руку Аполлонскому.

22 октября 1905 г. режиссер А. А. Санин написал московскому театральному деятелю А. И. Сумбатову-Южину содержательное письмо, где показал свое видение сложившейся обстановки: «Тут наступили самые острые дни. Театр и мы все попали

в водоворот событий. Все наши работы были брошены. Брожение и подъем были очень сильные» [6, л. 8 об.]. Он писал: «Сколько пережито и перечувствовано за эти последние дни?! Мы все с ума сошли, мы молодежь, и старики наши за нами…» [6, л. 11 об.]. Режиссер поделился с видным деятелем Малого театра трудностями своего руководства в революционное время: «Трудно сосредоточиться, трудно забыться, трудно взять труппу в руки» [6, л. 9]. Брожения накладывали отпечаток на психологическое состояние театральных деятелей, что впоследствии отражалось на театральной деятельности. Санин в письмах назвал собрание 18 октября 1905 г. свободным и поистине историческим [6, л. 9]. Историческим оно стало благодаря тому, что состоялось после публикации манифеста, когда для Российской империи в целом наступила новая эпоха конституционной монархии.

Публикация Высочайшего манифеста задала новый курс истории Российской империи. События в императорском Александринском театре в период Всероссийской октябрьской политической стачки на примере нескольких дополняющих друг друга источников личного происхождения, а также прессы, которая отражала настроения общественности, стали примером того, что в артистической среде проявились попытки самоорганизации.

Главным мотивом организации собрания стало желание помочь оказавшимся в сложном положении артистам частных театров, несмотря на то, что служители «образцовой» сцены были в большей степени ограничены этическими рамками, нежели их коллеги из частных театров. Негласное правило требовало от них выказывать преданность властям. Вместе с тем революция ломала устоявшиеся правила, и артисты императорских театров оказывались перед непростым этическим выбором между долгом служащего и солидарностью с коллегами. Впрочем, среди коллег с благими намерениями оказались те, кто был готов воспользоваться этим собранием для решения общественных вопросов в Александринском театре.

Важно отметить отношение дирекции к собранию – Теляковский предпочитал превентивную тактику, предупреждая недоразумения и скандалы, которые могли бы возникнуть в случае запрета. Можно предположить, что директор переживал за исход собрания, но во время революции такой запрет, возможно, мог принести больше урона его репутации. Теляковский дал свое разрешение еще и по той причине, что к нему приходили как управляющий труппой, так и режиссеры – это придавало директору больше уверенности в порядке на планируемом мероприятии.

Собрание показало высокий уровень самодисциплины всех присутствующих, артисты, в том числе сочувствовавшие революции, не выражали свои общественно-политические позиции. Отличительной чертой собрания в Александринском театре стало положительное отношение артистов к руководству, несмотря на то что рассматриваемый период характеризовался во всей Российской империи падением значимости власти. Поставленную задачу собравшиеся выполнили – выбор делегатов состоялся, однако их участие в собрании временного комитета было уже неактуально, так как опубликованный Высочайший манифест открыл для артистов частных театров те возможности, которых они активно добивались.

Список источников и литературы

1. *Агилар А. А.* «Бунтарская» деятельность артистки императорской сцены Ефросинии Ивановны Кузы. DOI 10.37490/S241436770037923-5 // Метаморфозы истории. 2026. Вып. 39. URL: https://history-metamorph.ru/s241436770037923-5-1/. Дата публикации: 31.03.2026.
2. В собрании сценических деятелей // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1905. 2 нояб. С. 2.

3. Друг. Театральное эхо // Петербургская газета. 1905. 23 окт. С. 4.
4. *Иванов А. А.* Женский вопрос в мировоззрении русских правых в позднеимперский период // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66, вып. 3. С. 742–775. URL: https://doi.org/10.21638/spbu02.2021.304. Дата публикации: 25.03.2023.
5. К. В. Хроника театра и искусства // Театр и искусство. 1905. № 44 (30 окт.). С. 687.
6. РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусств). Ф. 878. Оп. 1. Д. 1824.
7. РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 957.
8. РО ИРЛИ (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН). Ф. 285. Оп. 1. Д. 47.
9. *Светаева М. Г.* Мария Гавриловна Савина. М.: Искусство, 1988. 317, [2] с.
10. СПбГМТМИ (Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства). Ф. 55. № 2. ГИК 6614/2.
11. *Теляковский В. А.* Воспоминания / [вступ. статья и примеч. Д. Золотницкого]. Л.; М: Искусство, 1965. 483 с.
12. *Теляковский В. А.* Дневники директора императорских театров, 1903-1906. Санкт-Петербург. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2006. 928 с.
13. *Ходотов Н. Н.* Близкое – далекое: [воспоминания / вступ. статья Я. О. Малютина, с. 5–20; подгот. текста и примеч. Г. З. Мордисона. 2-е изд., испр. и доп.] Л.; М.: Искусство, 1962. 327 с.
14. *Шнейдерман И. И.* Мария Гавриловна Савина, 1854-1915 / Всерос. театр. о-во. М.; Л.: Искусство, 1956. 419 с.
15. *Янковский М. О.* Театральная общественность Петербурга в 1905-1907 гг. // Первая русская революция и театр: статьи и материалы / [редкол.: А. Я. Альтшуллер (отв. ред.) и др.]; Гос. науч.-исслед. ин-т театра и музыки. М.: Искусство, 1956. С. 127–184.

References

1. Agilar, AA 2026, “Buntarskaya” deyatelnost artistki imperatorskoy stseny Efrosinii Ivanovny Kuzy’ (The "Rebellious" Activities of the Imperial Stage Actress Yefrosinia Ivanovna Kuza), *Metamorfozy istorii* (Metamorphosis of History), no. 39, viewed 28 June 2026, https://history-metamorph.ru/s241436770037923-5-1/, doi:10.37490/S241436770037923-5. (In Russ.)
2. ‘V sobranii stsenicheskikh deyateley’ (In the meeting of theatre worker) 1905, *Birzhevyye vedomosti (utrenniy vypusk)* (Stock Exchange News), 2 November, p. 2. (In Russ.)
3. ‘Drug. Teatralnoye ekho’(A fiend. Theatrical echo) 1905, *Peterburgskaya gazeta* (St. Petersburg Gazette), 23 October, p. 4. (In Russ.)
4. Ivanov, AA 2021, ‘Zhenskiy vopros v mirovozzrenii russkikh pravykh v pozdneimperskiy period’ (Women’s Issue in the Worldview of the Russian Right-wingers in the Late Imperial Period), *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* (Vestnik of Saint Petersburg University. History), vol. 66, no. 3, pp. 742-775. (In Russ.)
5. KV 1905, ‘Khronika teatra i iskusstva’ (Chronicle of theatre and art), *Teatr i iskusstvo*, no. 44, 30 October, p. 687. (In Russ.)
6. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstv (RGALI)* (Russian State Archive of Literature and Art), fund 878, inventory 1, file 1824. (In Russ.)
7. *RGALI*, fund 878, inventory 1, file 957. (In Russ.)
8. *Rukopisnyy otdel Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN) (RO IRLI)* (Manuscript Division of the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences), fund 285, inventory 1, file 47.
9. Svetayeva, MG 1988, *Mariya Gavrilovna Savina* (Mariya G. Savina), Iskusstvo publ, Moscow. (In Russ.)
10. *Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy muzey teatralnogo i muzykalnogo iskusstva* (Saint Petersburg State Museum of Theatre and Music), fund 55, no.2, GIK 6614/2. (In Russ.)
11. Telyakovskiy, VA 1965, *Vospominaniya* (Memoirs), intro., notes D. Zolotnitskiy, Iskusstvo publ, Leningrad, Moscow. (In Russ.)

12. Telyakovskiy, VA 2006, *Dnevniki direktora imperatorskikh teatrov, 1903–1906* (Diaries of the director of imperial theatres. 1903–1906), Artist. Rezhisser. Teatr publ, St. Petersburg, Moscow. (In Russ.)
13. Khodotov, NN 1962, *Blizkoye – dalyokoye* (Close – distant), intro. Ya. O. Malyutin, text preparation and notes by G. Z. Mordison, Iskusstvo publ, Leningrad, Moscow. (In Russ.)
14. Shneiderman, II 1956, *Mariya Gavrilovna Savina. 1854–1915*. (Mariya G. Savina. 1854–1915), Iskusstvo publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
15. Yankovsky, MO (1956) 'Teatralnaya obshchestvennost Peterburga v 1905–1907 gg.' (Saint Petersburg theatrical community in 1905–1907), *Pervaya russkaya revolyutsiya i teatr* (The First Russian Revolution and Theater), ed. A.Ya Altshuller, Iskusstvo publ, Moscow, pp. 127–184. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.07.2026
Одобрена после рецензирования: 27.08.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 04.07.2026
Approved after reviewing: 27.08.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 154–167.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 154–167.

Научная статья
УДК 001(470)+930+316.7
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-154-167

ДИНАСТИИ УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ XX – XXI вв.: ПЕРЕДАЕТСЯ ЛИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ?

Наталья Львовна Пушкарева [1]

Ирина Михайловна Пушкарева [2]

[1] Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
[2] Институт российской истории РАН
[1,2] Москва, Россия
[1] pushkarev@mail.ru
[1] https://orcid.org/0000-0001-6295-3331
[2] pushkarevy@mail.ru
[2] https://orcid.org/0009-0009-4917-9703

Аннотация. Статья посвящена осмыслению концепта семейной династии в исторических науках. Доказано, что научные династии – это не просто семьи, где все заняты исследовательским трудом, но важный социальный институт, обеспечивающий долгосрочный интеллектуальный прогресс и передачу культурных ценностей. Большинство обнаруженных семейных объединений, в которых были воспитаны и работают дети, поддерживающие и продолжающие интерес к исследованиям прошлого, состоят из двух поколений. Это касается и технических, и естественных наук, но в особенности – наук общественных и гуманитарных. На третьем поколении преемственность, как правило, обрывается (хотя несколько трехпоколенных семей ученых-гуманитариев, отдавших российской науке от 60 до 80 лет и даже более, обнаружены тоже, хотя они крайне редки).

Причины отсутствия семейных династий в исторических науках автор связывает с запретом на трудоустройство родственников и членов их семей в то же научное учреждение (действовавшим много десятилетий), а также с изменчивым социально-политическим контекстом (трансформацией оценок прошедших событий, приоритетов в науке и приоритетных научных тем, так что дети не могут использовать наработки, научную библиотеку, архивные выписки, даже опыт обобщений и умозаключений своих родственников). Но прежде всего отсутствие трех и более поколений историков в одном семейном клане связано с экономической мотивацией (низкими зарплатами во всех академических НИИ в сравнении с зарплатами в бизнесе, управлении, дипломатии).

Положительное следствие отсутствия семейственности в российских исторических науках – редкость кумовства, непотизма и кастовости, поразивших многие другие научные сферы, включая медицину.

Ключевые слова: семья, семейный клан, родственные отношения, антропология академического сообщества, история российской науки, женщины в академическом сообществе.

Благодарности: исследование поддержано Российским научным фондом, проект № 24-78-10005 «Женский голос российской науки 1800 –1980 гг.».

Для цитирования: Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. Династии ученых-историков в российской науке XX–XXI вв.: передается ли исследовательский опыт? // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 154–167. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-154-167

Сведения об авторах: *Н. Л. Пушкарева* – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А;
И. М. Пушкарева – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

© Пушкарева Н. Л., Пушкарёва И. М. 2026

Scientific Article
UDC 001(470)+930+316.7
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-154-167

FAMILIES OF HISTORIANS IN RUSSIAN SCIENCE OF THE 20TH-21ST CENTURIES: IS RESEARCH EXPERIENCE INHERITED?

Natalia L. Pushkareva [1]

Irina M. Pushkareva [2]

[1] Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

[2] Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

[1,2] Moscow, Russia

[1] pushkarev@mail.ru

[1] https://orcid.org/0000-0001-6295-331

[2] pushkarevy@mail.ru

[2] https://orcid.org/0009-0009-4917-9703

Abstract. The article conceptualizes the phenomenon of family dynasties within historical sciences. It demonstrates that academic dynasties are not merely families whose members are engaged in research, but a crucial social institution that ensures long-term intellectual progress and the transmission of cultural values. The majority of identified family units – where children were raised to support and pursue an interest in researching the past – span two generations. While this pattern applies to the technical and natural sciences, it is especially pronounced in the social sciences and humanities. Continuity typically breaks down by the third generation. Nevertheless, a few three-generation families of humanities scholars who dedicated 60 to 80 years or more to Russian science were identified, though they remain exceedingly rare.

The author attributes the absence of multi-generational family dynasties in historical sciences to the long-standing legal ban on employing relatives within the same research institution, as well as to the shifting socio-political context. The latter involves changing evaluations of historical events and shifting academic priorities, which often prevents children from utilizing the research findings, libraries, archival notes, or even the conceptual and analytical frameworks of their relatives. Most importantly, however, the absence of three or more generations of historians within a single family clan is driven by economic motivations, namely low salaries across academic research institutes compared to those in business, administration, and diplomacy.

A positive consequence of the lack of family networks in Russian historical sciences is the rarity of cronyism, nepotism, and caste-like structures that have affected many other academic fields, including medicine.

Keywords: family, family clan, kinship relations, anthropology of the academic community, history of Russian science, women in academia.

Acknowledgments: This research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-78-10005 «The Female Voice of Russian Science 1800-1980».

For citation: Pushkareva, NL, Pushkareva, IM 2026, 'Families of Historians in Russian Science of the 20th-21st Centuries: Is Research Experience Inherited?', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 154–167, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-154-167 (in Russ.)

Information about the Author: *Natalia L. Pushkareva* – Doctor of Sciences in Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32A, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russia;
Irina M. Pushkareva – Doctor of Sciences in Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, Dm. Ulyanova Str., Moscow, 117292, Russia.

© Pushkareva N. L., Pushkareva I. M., 2026

Введение

Что такое династия? В греческом языке *dynasthai* [dainastai] дословно означает «быть способным». В политическом смысле – быть способным управлять, поэтому исторически сложилось понимание династии как правящей семьи (так утверждает Оксфордский словарь) [35]. В историческом прошлом наследование занятий предков считалось *обязанностью* следующего поколения, так как именно через обязанности, а не путем свободного выбора передавались семейные опыт, правила, тайны, черты, качества, умения. Если для традиционного общества значимыми были преимущественно правящие династии и их правила и умение управлять, то в XX в., когда правящие династии сохранились во всем мире, скорее, номинально, акцент оказался переставлен с умения управлять на профессионализм и передачу именно его из поколения в поколение. Наследование занятий предков перестало быть обязанностью и стало делом индивидуальных предпочтений. Наследование профессии в семье ученых ныне – никак не обязанность [34].

Начиная с XX в. под *династией* стал пониматься ряд представителей нескольких (обычно *трех и более*) поколений одной семьи, последовательно продолжающих деятельность своих предков, передающих профессиональное мастерство [30]. Интересно, что в сфере трудовых отношений для «признания династии часто требуется суммарный трудовой стаж не менее 50 лет» [18] и таковой считаются «члены одной семьи и их близкие родственники, имеющие три и более поколений – последователей семейной профессии, работающие в одной профессиональной сфере, организации», «последователи семейной профессии в количестве трех и более поколений (дети-внуки-правнуки, а также супруги-братья-сестры)» [28].

К теме династийности уже не раз обращались социологи, первыми поставившие вопрос о том, что именно в преподавательском и академическом сообществах процесс воспроизводства статусов мог быть непохожим на другие профессиональные среды [6; 7]. Именно они первыми заметили, что явно или скрыто, но семья может оказывать влияние на выбор жизненного пути, так что потомственные исследователи получают так или иначе фору: обладая преимуществом ранней социализации в профессиональном сообществе, они быстрее усваивают неформальные нормы академической культуры, понимают, что иногда не формальные знания, но деловые связи и научные контакты смогут определить их профессиональную судьбу – а это уже предпосылка для быстрого карьерного рывка [25, с. 68–72].

Однако вопрос о научной династийности не так прост, как выглядит навскидку. Признавая критически важным критерий в 3 поколения и суммарный трудовой стаж в 50 лет для выборки, как того требует социология, с этим критерием и следует подходить к сбору эмпирического материала – текстов биографических словарей, эгодокументов, периодической печати – и на их основе ставить задачи просопографического исследования (сбора и анализа однотипных данных о группе лиц, представляющих в науке один и тот же семейный клан). В данном исследовании ставится задача выявления династий в сфере гуманитарных наук, а конкретно – среди историков.

«Гены открытий»?

Запущенный РНФ просветительский мультимедийный проект «Научные династии: гены открытий» (инициатора проекта выявить не удалось, информацию о нем прессе давал заместитель Главного директора Российского научного фонда А. Н. Блинов 4 декабря 2024 г.) подвигнул семьи ученых заполнять специальную форму, прикреплять к ней фотографии и воспоминания – всё для популяризации науки как сферы профессионального труда. В итоге широкой общественности были представлены истории всего лишь 12 родственных коллективов, в которых наука стала частью семейного кода [19]. Целью кураторов выставки, завершившей выпол-

нение проекта и открытой осенью 2025 г. на ВДНХ, было желание показать, что за научными школами стоят иногда несколько поколений ученых, и отдать дань уважения таким династиям. Представляя своё начинание, составители экспликации из Института истории естествознания и техники РАН справедливо заметили: «*Наука – это диалог длиною в века. Для некоторых семей этот диалог звучит за обеденным столом, в домашней библиотеке, в спорах, которые начинаются с фразы "А помнишь, как отец говорил…". Это не биографические справки, а теплые, живые рассказы о самых близких. Истории о людях, которые не просто работают в лабораториях, но живут наукой*» [15].

Проект и выставку начинала история семьи Владимира Дмитриевича и Глеба Владимировича Кубаревых из Новосибирска, в которой дед и отец с матерью буквально болели археологией, но ожидаемый продолжатель династии (внук первого Кубарева, Владимира Дмитриевича), хотя и бывал в экспедициях с раннего детства, в науку все же не пошел. Авторы привели слова воспоминаний: «*Мы все берем в экспедиции своих детей, но не каждый из них становится археологом*». «*О подобном сценарии жизни, когда сын становится археологом, как его родители, можно только мечтать*», – заметил академик Вячеслав Иванович Молодин. Сбор материала для проекта РНФ показал, что куда чаще передача научной профессии случается в семьях, далеких от гуманитарных дисциплин [23, с. 7–27], – династия микробиологов Заварзиных, родоначальником которой считается академик РАН Георгий Александрович Заварзин (1933–2011). насчитывает аж 5 поколений. Или династия геологов Кривовичевых, в которой представитель третьего поколения Сергей Владимирович Кривовичев (род. 1972) является и академиком РАН, и главой Кольского научного центра, и одновременно священником, кандидатом богословия. Литературоведов, экономистов, историков права и просто историков среди тех, кого выявили исследователи Москвы, С.-Петербурга, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Курска, Красноярска, Томска и Новосибирска не обнаружилось.

В исторических науках России традиции научных династий были заложены еще в XIX в.: у автора «Истории России с древнейших времен» Сергея Михайловича **Соловьева** было 12 детей, и старший его сын Всеволод Сергеевич Соловьев сохранил семейный интерес к прошлому страны, стал автором исторических романов, однако никто из внуков основателя династии, троих детей Всеволода Сергеевича, приверженность профессии не сохранил. И другие дети-внуки тоже историками не стали. Обрыв на втором поколении – когда внуки основателя династии не захотели самореализовываться в профессии историка – это наиболее типичное, распространенное явление. Обращение к биографическим справочникам и словарям подтверждает это на 100 %.

Одна из причин тому – концепт *семейственности*, который был введен в советское законодательство в 1918 г. 27 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление «Об ограничении совместной службы родственников в советских учреждениях» [17]. Эта практика на многие годы стала нормой трудового права, часть ограничений перешла и в законодательство РФ в 1990-е. Обнаружение взятого на работу родственника поначалу влекло строгие меры (вплоть до судебных), впоследствии же не влекло даже увольнения взятого, но исключало статусный рост для начальства, совершившего правонарушение. Запрещение распространилось в 1922 г. даже на родственные рекомендации, разговоры на эту тему, поскольку нацелена эта правовая норма была на борьбу с коррупцией и семейственностью именно в аппарате управления [13, с. 25]. В 1930-е гг. ее распространили негласно и на бюджетные академические учреждения [35, с. 72]. В первую очередь от него пострадали именно гуманитарные науки, приближенные к идеологическим структурам. Запрет родственникам-ученым работать в подчинении друг у друга (а когда один родственник

старше другого и возглавляет какое-то подразделение, подчинение для молодого продолжателя семейной профессии возникало автоматически) смягчили лишь в 2017 г. [12].

В среде рабочей складывание профессиональных династий всячески поддерживалось. В академической же и преподавательской не только не поддерживалось, но и прямо осуждалось («Это у рабочих династии, а у нас – семейственность»). Борьба с семейственностью среди историков в СССР, развернувшаяся особенно явно со второго послевоенного десятилетия (с конца 1950-х гг.) велась административными мерами (инициированными партийными органами) примерно полвека. Она включала кадровые перестановки, увольнения, запрет на работу родственников в одном отделе, а также публичную критику на собраниях. Государство последовательно разрушало семейные традиции, заставляло забыть о том, что семья – это «школа человечности, университет практического человеколюбия, академия взаимопонимания, душевного сострадания и сопереживания» [1, с. 7].

И все же при всем неприятии советской наукой любых форм семейственности и негласных запретах на трудоустройство детей ученых в те же научные учреждения, где работали их родители, примеры научных династий в исторических науках России XX в. найти оказалось можно.

Среди родоначальников их – русский историк, лингвист, первый директор Старообрядческого богословского института Александр Степанович **Рыбаков** (1885–1977), работавший как штатный преподаватель в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова с 1920 г. Продолжатель этой династии – археолог, академик АН СССР Б. А. Рыбаков (1908–2001), чей сын Ростислав Борисович (1938–2019) стал выдающимся востоковедом-индологом. В общей сложности эта научная династия оставила почти 100-летний след в истории отечественной науки, но она ныне прервалась. В интервью Р. Б. Рыбаков на вопрос о династии сказал так: «*У меня две дочери – они по другой линии пошли. Но у меня много внуков и одна правнучка. Судя по самому младшему внуку, которому семь лет, видимо, династия продолжится. Он уже сейчас ведёт раскопки на территории дачи*» [3]. Редкий случай – в семье Рыбаковых ясно очерчены 3 поколения, внесшие безусловный вклад в изучение отечественного прошлого древнейших времен.

Другая такая династия историков, прославивших нашу науку в XX в. – династия **Випперов.** Родоначальник ее Роберт Юрьевич Виппер (1859 –1954) – академик АН СССР (1943), а с 1916 г. – заслуженный профессор Московского университета, ученик В. И. Герье и В. О. Ключевского, доктор всеобщей истории, сторонник теории мифологического происхождения христианства. Его сын – Борис Робертович (1888–1967) – замечательный историк искусства, один из создателей советской школы историков западноевропейского искусства. Его сын – Юрий Борисович (1916–1991) ушел из области изучения прошлого в область литературоведения, стал тоже академиком АН СССР в своей области, близкой истории. О четвертом поколении ученых в этой семье – как и в семье Рыбаковых – ничего не известно (нет данных о том, имел ли он семью и были ли в ней дети).

Для науковеда представляет интерес и династия историков и деятелей культуры XIX–XX вв. по фамилии **Кара-Мурза**. Основателем династии можно считать Сергея Георгиевича Кара-Мурзу (1878–1956), он имел юридическое образование, но прославился как автор книг по истории Малого театра, исследований о литературных салонах начала XX в. [11, с. 123]. Его сын, трагически погибший в последний год войны – Георгий Сергеевич Кара-Мурза (1906–1945) был синологом, специалистом по истории Китая начала XX в. и суньятсенизма [10, с. 222]. Представитель третьего поколения этой семьи – Сергей Георгиевич Кара-Мурза (1939–2025) выбрал вначале химию, но с возрастом ушел в социальные науки, стал главным научным со-

трудником Института социально-политических исследований РАН. О том, выбрал ли кто-то историю искусств из четвертого поколения славной семьи (в которой и родственники по боковой линии были историками, как, например, В. А. Кара-Мурза (1959–2019), нет информации в открытых источниках, хотя известно о дочери С. Г. Кара-Мурзы Дарье и его внучке. Если принять во внимание, что первая публикация основателя династии приходилась на 1924 г., а С. Г. Кара-Мурза публиковал свои заметки и в год своего ухода, 2025-й, то можно назвать это столетие «веком Кара-Мурзы».

Еще одна семья историков, многое сделавшая для российской исторической науки, – семья **Хвостовых.** Михаил Михайлович Хвостов (1872–1920) был антиковедом, профессором Казанского и Томского университетов, брат его Вениамин Михайлович (1868–1920) – философ и социолог – профессором Московского университета, но о нем в советской науке постарались забыть, поскольку в 1920 г. он в состоянии депрессии, вызванной разрухой военного коммунизма, повесился, оставив записку: «*Вот единственный способ избавиться от советской власти*» [26, с. 791–792]. Дочь его Вера Вениаминовна (1903–1977) сделала научную карьеру биолога-генетика, став доктором наук, профессором. Возможно, в ее случае имела значение семейная традиция, а возможно, – само время диктовало тогда «призыв женщин в науку» [4]. Что же касается ее дяди-историка, то он воспитал сына тоже увлеченным изучением прошлого. Речь о Михаиле Михайловиче Хвостове (1905–1972) – академике АН СССР, сделавшим смыслом своей научной биографии разработку проблем международных отношений. Он был отцом единственной дочери Ксении Михайловны Хвостовой (1934–2021), ставшей широко образованной византинисткой, методологом науки, автором 7 монографий. На этом третьем поколении династия оборвалась по причине бездетности – и К. М. Хвостовой, и ее кузины В. В. Хвостовой. Вполне вероятно и то, что обе женщины были настолько вовлечены в научную работу и достигли такого безусловного признания как раз потому, что были одиноки.

Еще один аналогичный пример – семья и род **Стебницких-Пигулевских**. Дед Нины Викторовны Стебницкой (в замужестве – Пигулевской) – Иероним Иванович Стебницкий (1832–1907), известный ученый-геодезист, член-корр. Академии наук, отец Виктор Иеронимович Стебницкий (1861–1909) занимался изучением истории горцев Кавказа, был специалистом в области истории юриспруденции. Продолжательница династии – крупнейший питерский историк, хранительница восточных рукописей в годы ленинградской блокады Н. В. Пигулевская (1888–1964) была замужем, но детей в ее семье не было.

Единственная в истории отечественной науки семья, в которой все три поколения имеют ученые степени по историческим наукам, а представитель четвертого поколения получает сейчас образование на историческом факультете МГУ – семья **Пушкаревых** [34, с. 181–182]. Родоначальник династии – Лев Никитич Пушкарев (1918 – 2019) – по образованию филолог, по защищенным диссертациям – историк, оставался ученым даже на фронте, собирая там фронтовой фольклор (который издал спустя много лет) [20]. Он был специалистом по теоретическому источниковедению и истории русской культуры XVII–XVIII вв. Его жена – Ирина Михайловна Пушкарева (1927) – специалист по истории протестных движений начала XX в. и истории русской усадьбы – по сей день в рабочем строю и в штате ИРИ РАН, публикует статьи и книги. Дочь Л. Н. Пушкарева – Наталья Львовна Пушкарева (1959) связала свою жизнь с Институтом этнологии и антропологии РАН, участвовала в создании нового научного направления – «история женщин, антропология женской повседневности». Внук Артемий Михайлович Пушкарев (1983) защитил кандидатскую диссертацию по советской истории, его сын – правнук основателя династии – Геор-

гий Артемьевич Пушкарев (2006) учится ныне на отделении истории искусства исторического факультета МГУ. С учетом того, что первые публикации основателя династии Л. Н. Пушкарева относятся к концу 1940-х гг., а первая публикация Г. А. Пушкарева состоялась в 2026 г., можно уверенно утверждать, что эта семья трудится на ниве отечественной науки девятое десятилетие.

В МГУ на том же историческом факультете и в Институте российской истории РАН на протяжении второй половины XX – начала XXI в. работали несколько представителей научных династий в двух поколениях, их творческие изыскания продолжаются полвека и более.

Это, прежде всего, династия **Горских** – специалисты по истории допетровской России, доктора исторических наук: Анатолий Дмитриевич Горский (1923–1988, МГУ), Наталья Александровна Горская (1930–2004, ИРИ РАН), их сын Антон Анатольевич (1959) работает до сих пор (дети его пока несовершеннолетние и могут еще продолжить династию, насчитывающую уже почти 70 лет) [33, с. 325]. Под стать этой научной плеяде – династия **Сенявских**. Спартак Леонидович Сенявский (1923–1986), доктор наук, специалист по истории рабочего класса воспитал двоих детей, также защитивших докторские диссертации: Александра Спартаковича (1955) и Елену Спартаковну (1967), специалистов по истории советского общества. Эта двухпоколенная династия приносит пользу нашей науке в течение 60 лет [34, с. 182]. «*Конечно, папа хотел видеть во мне учёного. Но прежде всего, творческого человека – не важно, в науке или в литературе, или в обеих сферах сразу*», – убеждена Елена Спартаковна [33].

Творческих личностей воспитала и династия **Токаревых**. Отец выдающегося советского этнографа, академика Сергея Александровича Токарева (1899–1985) ученым не был, но был одарен «*необычайной энергией, большой инициативой, высоким гуманным духом*», «*всегда был не только преподавателем, но и в полном смысле слова воспитателем*» [31]. По воспоминаниям ученого, именно отец сформировал его профессиональные устремления. Сам Сергей Александрович сумел убедить в увлекательности научной работы лишь последнюю, самую позднюю из своих дочерей: Евгения Сергеевна Токарева (1953) в настоящий момент – доктор наук, ведущий религиовед в Институте всеобщей истории РАН [5, с. 7–20]. Внук по линии другой жены академика – Андрей Александрович Токарев (1955) – кандидат наук, изучает политическое лидерство в португалоязычных странах Африки и работает в Институте Африки РАН. Когда дед умер, Андрею Александровичу уже было 30 лет, и за эти годы дед привил внуку дисциплину, тягу к фундаментальным гуманитарным знаниям и заложил интерес к изучению истории, геополитики и культур стран зарубежья.

Семьи ученых с раннего возраста приобщали детей к научной работе, прививая выработанные и проверенные временем ценности – интерес к аналитическому умственному труду, готовность жертвовать свободным временем и считать досугом продолжение своей научной работы (рассматривать сидение в библиотеках и архивах как вариант проведения досуга) [22, с. 163–184]. Исследовательский опыт, знание гласных и негласных правил существования академического сообщества, умелое комбинирование новых идей и методик работы с эмпирическим материалом зачастую становилось причиной более быстрого, чем у других, социального и профессионального лифта. Скажем, Елена Спартаковна Сенявская защитила докторскую диссертацию в 1999 г. в возрасте 32 лет, Антон Анатольевич Горский – в 34 года. Воспитание в семьях ученых готовило молодое поколение к тому, чтобы быстрее проходить «обязательную программу» – готовить публикации с юности, со студенчества, стремиться обнародовать свои идеи в значимых (рейтинговых) изданиях, без которых не может быть открытий, формировать новые научные направления.

Эти направления потом могли быть подхвачены их учениками, создавая уже не семейные, а интеллектуальные династии.

Двухпоколенные династии историков известны, конечно, не только в Москве. Достаточно назвать Бориса Борисовича (1908–1990) и Михаила Борисовича (1944) **Пиотровских.** Эта семья выдающихся историков искусства и культурных деятелей продолжена дочерью и сыном. М. М. Питровская (1970) – банкир; Б. М. Пиотровский (1982) – чиновник, вице-губернатор Санкт-Петербурга (был принят членом-корреспондентом в Российскую академию художеств, но наукой сам не занимается). Аналогичную картину можно увидеть в семье **Седовых**. Действительный член АН СССР Валентин Валентинович Седов (1924–2004) был ведущим исследователем славянского этногенеза, его сын – Владимир Валентинович (1957) – доктор искусствоведения, археолог и глава диссертационного совета по истории искусства в МГУ; вместе с отцом внес огромный вклад в изучение древнерусского искусства, истории городов. Дочь В. В. Седова Мария Владимировна избрала профессию искусствоведа и работает в Третьяковской галерее в отделе новейших течений, но пока не имеет ученой степени [27].

Есть немало примеров преемственности из двух поколений и в региональных университетах, что же касается трехпоколенных династий ученых-историков за пределами московских и петербургских НИИ и вузов, то удалось найти лишь одну – в Костроме. Это династия **Беловых**. Основатель династии – Михаил Никитич Белов (1923–1998) происходил из крестьян, всю жизнь (получив образование в Москве) занимался историей рабочего движения, в 50 лет стал профессором Костромского университета. Его сын – Андрей Михайлович Белов (1957) продолжил дело отца даже тематически, защитил две диссертации по истории политических партий и рабочего движения в России начала XX века [35, с. 135–136]. Наконец, внучка основателя династии – Наталья Андреевна Белова (1986), получив историческое образование в Костроме, закончила аспирантуру Института этнологии и антропологии РАН защитой кандидатской диссертации. В сфере ее интересов была и остается история и антропология повседневности российских учителей [2].

Заключение

Подводя итоги и коснувшись биографий представителей нескольких многопоколенных научных династий, можно констатировать, что рубеж «три и более поколения последователей семейной профессии, работающих в одной профессиональной сфере, организации» удается преодолеть исчислимо малому количеству семей ученых-историков. Как правило, все обрывается на втором поколении.

Причины тому разные, в том числе и *экономические*: росшие в семьях ученых, приученные к систематизму в труде внуки основателей династий уходят из научной в другие профессиональные среды. Уходят туда, где можно быстрее заработать и скорее получить профессиональное признание, не проходя полжизни испытаний в виде защиты диссертаций и не зарабатывая на прибавку к окладу путем сдачи, например, экзаменов на профессиональное знание иностранных языков.

Но есть причины, очевидно, *политические*. «Россия – страна с непредсказуемым прошлым», убеждал нас юморист Михаил Задорнов, иносказательно давая понять, что оценки разных событий ушедших лет и эпох на протяжении XX в. постоянно менялись. Одно дело – продолжать дело деда и отца математиков, в их науке дважды два – четыре (было и останется), другое – расставлять другие акценты и знаки на оценки и выводы своих родственников, творивших в иную историческую эпоху.

Тема научных семейных династий самым прямым образом связана с проблемой непотизма – неправомерного проявления фаворитизма, основанного на родственных связях [9, с. 115]. Такая предпочтительность особенно болезненна при про-

хождении конкурсов на замещение вакантных должностей на уровне управления наукой [8]. Действительные члены академий стараются сделать хотя бы членами-корреспондентами своих жен и детей (хотя, казалось бы, все участвуют в конкурсах на общих основаниях), передать им в управление НИИ, которые они возглавляют. В исторической среде такой пример лишь один: академик В. И. Жуков (1947) ненадолго передал вуз, которым руководил, своей дочери, д-ру ист. наук Л. В. Федякиной [14]. Эта история всколыхнула общественные настроения и заставила пристальнее проверять соответствие претендентов занимаемым ими должностям.

Позитивными сторонами семейственности в науке является особая форма нашей профессиональной кастовости: высокий стандарт написания книг и статей, преемственность (через передачу уникальных навыков и традиций от старшего поколения младшему), знание профессиональной этики, поскольку дети и внуки знают неписаные правила и, шире, кодекс поведения академического сообщества историков. Касаясь гендерного аспекта антропологии научной жизни [24], стоит отметить, что в нашей истории есть немало примеров дочерей известных женщин-историков, выбравших научную стезю, которым матери передали интерес к гуманитарным наукам [21, с. 26–50].

Преемственность знаний, традиций и опыта, формируя мощные «культурные гнезда», где наука становится образом жизни и источником вдохновения для представителей младших поколений, сохраняет интеллектуальное наследие страны [16]. По сути, семьи историков – это домашние научные школы, в которых старшие незаметно, но повседневно передают даже не столько профессиональные знания, сколько опыт внутрипрофессионального взаимодействия, методы работы с источниками, прививая детям ценности, любознательность и интерес к исследовательскому труду. Даже если члены семейной династии работают в разных НИИ, не встречаются ежедневного, они все равно служат примером преданности делу и укрепляют институт семьи, ее нравственные ориентиры, создавая уникальную среду для развития новых талантов в последующих поколениях.

Список источников и литературы

1. *Антонов А. И., Сорокин С. А.* Судьба семьи в России XXI века: Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М.: Граль, 2000. 416 с.
2. *Белова Н. А.* Повседневная жизнь учителей. М.: ИЭА, 2015. 228 с.
3. Интервью с Ростиславом Борисовичем Рыбаковым, 17 октября 2016 г., Москва, Нижний Новгород / беседовал А. Бесков // Colloquium heptaplomeres. 2016. № 3. С. 78–84.
4. Российские женщины-учёные: наследие: колл. монография: по материалам Междунар. науч. конф. «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки – наследие», 7-8 ноября 2017 г., Москва / отв. ред. О. А. Валькова. М.: Янус-К, 2017. 440 с.
5. *Елькова Е. Ю., Токарева Е. С.* Сергей Александрович Токарев: семья, друзья, ученики // Вестник антропологии. 2024. № 4. С. 7–20.
6. Профессиональные династии как социальный ресурс и социально-культурный капитал: направления исследования / Е. Ю. Иванова [и др.]. DOI 10.19181/ezheg.2022.6 // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 20 / ФНИСЦ РАН; отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 149–175. URL: https://www.fnisc.ru/publ.html?id=11222. (дата обращения: 01.07.2026).
7. Роль семьи в выборе профессиональной стратегии молодёжью / Е. Ю. Иванова, Е. М. Колесникова, В. А. Мансуров, А. В. Семенова. DOI 10.19181/ezheg.2024.4 // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 22 / ФНИСЦ РАН; отв. ред. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. С. 86–113. URL: https://www.isras.ru/publ.html?id=13513. (дата обращения: 01.07.2026).

8. *Исаев Д. П.* Негативные эффекты династийности в восприятии научно-педагогических работников российских вузов. DOI 10.25136/2409-7144.2021.9.36485 // Социодинамика. 2021. № 9. С. 53–63. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36485. (дата обращения: 01.07.2026).
9. *Исаев Д. П., Посухова О. Ю.* «Я точно не буду заниматься научной работой…», или Особенности трансмиссии статуса в научных династиях в России // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 104–115.
10. Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / отв. ред. Л. Н. Кошман. М.: Изд-во МГУ, 2004. 544 с.
11. Наука и научные работники СССР: справочник / отв. ред. С. Ф. Ольденбург. Л.: АН СССР, 1930. 694 с.
12. *Куликов В.* Близкие и недалекие. Родственникам разрешат работать вместе в научных и творческих организациях // Российская Академия Наук: офиц. интернет-портал / РАН. М., 2017–2026. URL: https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=6ad3179b-38f0-422f-b215-f9e6eca3c602 . Дата публикации: 28.02.2017 (дата обращения: 01.07.2026).
13. *Кононкова Н. В. Маричева О. В.* Антикоррупционная правовая политика Советской России в период 1917–1922 гг. // Вестник Амурского Государственного университета. 2022. Вып. 96. С. 25–30.
14. *Мысина В. А.* Коррупционеры в РАН. Ч. 2: Семейное дело РГСУ // Живой Журнал: блог-платформа. URL: https://vera-mysina.livejournal.com/16616.html. (дата обращения: 01.07.2026).
15. Научные династии: гены открытий: сайт / РНФ. М., 2026. URL: https://dynasty.rscf.ru/ (дата обращения: 01.07.2026).
16. Проект «Научно-образовательные династии России»: Научные семейные династии – достояние страны! // Минобрнауки России: офиц. сайт. М., 2026. URL: https://minobrnauki.gov.ru/en/about/deps/dgmpispvsvo/year_family/dynasties/ (дата обращения: 01.07.2026).
17. Об ограничении совместной службы родственников в Советских учреждениях: постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 27 июля 1918 года // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. М., 1997–2026. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4044#R67DiCVCNVTGAMfB1 (дата обращения: 01.07.2026).
18. Положение о конкурсе «Трудовые династии» // Мурманский облсовпроф: офиц. сайт. URL: https://www.mprof.ru/wp-content/uploads/Polozhenie-o-Trudovyh-dinastiyah.pdf (дата обращения: 01.07.2026).
19. Принять участие в проекте РНФ «Научные династии: гены открытий» можно до конца 2025 года / пресс-служба РНФ // Российская Академия Наук: офиц. интернет-портал. URL: https://new.ras.ru/press-center/prinyat-uchastie-v-proekte-rnf-nauchnye-dinastii-geny-otkrytiy-mozhno-do-kontsa-2025-goda. Дата публикации: 04.12.2025.
20. *Пушкарев Л. Н.* По дорогам войны: Воспоминания фольклориста-фронтовика М.: ИРИ РАН, 1995. 157 с.
21. *Пушкарева Н. Л., Секенова О. И.* Неотделенность работы и отдыха в структурах досуга женщин-историков досоветского времени // О женщинах в науке и не только…: (сб. статей к юбилею д-ра ист. наук О. А. Вальковой) / отв. ред. С. С. Илизаров, А. Ю. Самарин. М.: Янус-К, 2021. С. 26–50.
22. *Секенова О. И., Пушкарева Н. Л.* К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX – начала XX в.: досуг и отдых // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 132–153. URL: https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-49-133-153. Дата публикации: 25.06.2021.
23. *Разумова И. А., Саморукова А. Г.* «Созидательное устройство совместной жизни»: путь семьи ученых-геологов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 4 (21). С. 7–27.
24. *Ребрей С. М.* «Семейный капитал» в науке: как династийность и поддержка близких влияют на женскую и мужскую научную карьеру // Женщина в российском обществе. 2026. № 4. С. 68–72.

25. *Ребрей С. М.* Роль женщин в российской науке: традиционные и новые методы измерения. DOI 10.21064/WinRS.2025.1.3 // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 34–48.
26. *Рыженко Г. Н.* Хвостов Вениамин Михайлович // Императорский Московский университет, 1755-1917: энцикл. словарь / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 791–792.
27. Седов, Владимир Валентинович // Рувики: свободная энциклопедия. [2026]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Седов,_Владимир_Валентинович (дата обращения: 13.07.20 26)
28. *Селье Г.* От мечты к открытию: Как стать ученым / пер. с англ. Н. И. Войскунской. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
29. *Сенявская Е. С.,* 1967 г. р., из служащих // Полевые материалы автора. Москва. Запись: 17.07.2025.
30. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А–Й / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 698 с.
31. *Токарев С. А.* Краткие биографические сведения об А. И. Токареве составлены для Алексинского краеведческого музея: машинопись // Семейный архив Токаревых. Дата составления: 22.08.1980.
32. *Чернобаев А. А.* Историки России конца XIX – начала XXI века: биобиблиогр. словарь. Т. 3: П–Я. М.: Собрание, 2017. 520 с.
33. *Чернобаев А. А.* Историки России конца XIX – начала XXI века. Т. 1: А–И. М.: Собрание, 2016. 512 с.
34. *Шустрова А. А.* «Династийный фактор» и профессиональная социализация современного молодого учёного: наследие Ф. Гальтона в контексте XXI века // Шаг в науку. 2026. № 2. С. 91–94.
35. *Щанкина Л. Н.* Антикоррупционное законодательство в годы советской власти // Экономика. Право. Общество. 2019. № 4 (20). С. 72–79.
36. Dynasty // Oxford. Oxford Learner's Dictionaries: web-site. Oxford University Press, 2026. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/dynasty_1#:~:text=%E2%80%8Ba%20series%20of%20leaders,belong%20to%20the%20same%20family (дата обращения: 01.07.2026).

References

1. Antonov, AI & Sorokin, SA 2000, *Sudba semyi v Rossii XXI veka: Razmyshleniya o semeynoy politike, o vozmozhnosti protivodeystviya upadku semyi i depopulyatsii* (The Fate of the Family in 21st-Century Russia: Reflections on Family Policy and the Possibility of Counteracting the Decline of the Family and Depopulation), Graal publ, Moscow. (In Russ.)
2. Belova, NA 2015, *Povsednevnaya zhizn uchiteley* (The Everyday Life of Teachers), IEA publ, Moscow. (In Russ.)
3. Beskov, A 2016, 'Intervyu s Rostislavom Borisovichem Rybakovym' (Interview with Rostislav Borisovich Rybakov), *Colloquium heptaplomeres*, no. 3, pp. 78-84, viewed 01 July 2026, https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-s-rostislavom-borisovichem-rybakovym (In-Russ.)
4. Valkova, OA (ed.) 2017, *Rossiyskiye zhenshchiny-uchyonyye: naslediye: Po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Stoletiyu Velikoy russkoy revolyutsii: zhenskiye litsa rossiyskoy nauki - naslediye»,* (Russian Women Scientists. Legacy. Based on the Proceedings of the International Scientific Conference "Centenary of the Great Russian Revolution: Women's Faces of Russian Science – Legacy"), 7-8 November 2017, Moscow, Yanus-K publ, Moscow. (In Russ.)
5. Elkova, EYu & Tokareva, ES 2024, 'Sergey Aleksandrovich Tokarev: semya, druzya, ucheniki' (Sergey Alexandrovich Tokarev: His Family, Friends, and Students), *Vestnik antropologii* (Herald of Anthropology), no. 4, pp. 7–20. (In Russ.)
6. Ivanova, EYu, Kolesnikova, EM, Mamonova, ON, Mansurov, VA, Semenova, AV, Shatrova, EA, Yurchenko, OV & Yuryev, PS 2022, 'Professionalnyye dinastii kak sotsialnyy resurs i sot-

sialno-kulturnyy kapital: napravleniya issledovaniya' (Professional dynasties as a social resource and socio-cultural capital: research directions), in MK Gorshkov (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya*, Novyy Khronograf publ, Moscow, no. 20, pp. 86–113, viewed 01 July 2026, https://www.fnisc.ru/publ.html?id=11222, doi: 10.19181/ezheg.2022.6 (In Russ.)
7. Ivanova, EYu, Kolesnikova, EM, Mansurov, VA & Semenova, AV 2024, 'Rol semyi v vybore professionalnoy strategii molodyozhyu' (Role of the Family in the Choice of Professional Strategy by Young People), in MK Gorshkov (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya*, FNISTS RAN publ, Moscow, no. 22, pp. 86–113, viewed 01 July 2026, https://www.isras.ru/publ.html?id=13513, doi: 10.19181/ezheg.2024.4. (In Russ.)
8. Isayev, DP 2021, 'Negativnyye effekty dinastiynosti v vospriyatii nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov rossiyskikh vuzov' (Negative Effects of Dynasty in the Perception of Academic Staff of Russian Universities), *Sotsiodinamika* (Sociodynamics), no. 9, pp. 53-63, viewed 01 July 2026, https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36485, doi: 10.25136/2409-7144.2021.9.36485 (In Russ.)
9. Isayev, DP & Posukhova, OYu 2024, '«Ya tochno ne budu zanimatsya nauchnoy rabotoy...», ili Osobennosti transmissii statusa v nauchnykh dinastiyakh v Rossii' ("I definitely would not be doing science...", or features of the status transmission in scientific dynasties in Russia), *Sotsiologicheskiye issledovaniya* (Sociological Studies), no. 10, pp. 104-115. (In Russ.)
10. Koshman, LN (ed.) 2004, *Entsiklopedicheskiy slovar Moskovskogo universiteta. Istoricheskiy fakultet*. (Encyclopedic Dictionary of Moscow University. History Department), Izdatelstvo MGU publ, Moscow. (In Russ.)
11. Oldenburg, SF (ed.) 1930, *Nauka i nauchnyye rabotniki SSSR* (Science and Scientific Workers of the USSR), Izdalelstvo Akademii nauk SSSR publ, Leningrad. (In Russ.)
12. Kulikov, V 2017, 'Blizkiye i nedalekiye. Rodstvennikam razreshat rabotat' vmeste v nauchnykh i tvorcheskikh byudzhetnykh organizatsiyakh' (Near and Dear: Relatives Allowed to Co-Work in State-Funded Research and Creative Institutions), *Rossiiskaya Akademia Nauk*, viewed 01 July 2026, https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=6ad3179b-38f0-422f-b215-f9e6eca3c602 (In Russ.)
13. Maricheva, OV & Kononkova, NV 2022, 'Antikorruptsionnaya pravovaya politika Sovetskoy Rossii v period 1917 – 1922 gg.' (Anti-corruption legal policy of Soviet Russia in the period 1917-1922), *Vestnik Amurskogo Gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Amur State University), no. 96, pp. 25-30. (In Russ.)
14. Mysina, VA 2014, 'Korruptsionery v RAN. Ch. 2. Semeynoye delo RGSU' (Corrupt officials in the RAS. Family affair of the Russian State Social University), *LiveJournal*, viewed 01 July 2026, https://vera-mysina.livejournal.com/16616.html (In Russ.)
15. 'Nauchnyye dinastii. Geny otkrytiy' (Scientific dynasties. Genes of Discovery) 2026, *RNF* (Russian Science Foundation), viewed 01 July 2026, https://dynasty.rscf.ru/ (In Russ.)
16. Proyekt «Nauchno-obrazovatel'nyye dinastii Rossii»: Nauchnyye semeynyye dinastii – dostoyaniye strany! (Project "Scientific and Educational Dynasties of Russia": Scientific Family Dynasties – the Heritage of the Country!) 2026, *Minobrnauki Rossii,* viewed 01 July 2026, https://minobrnauki.gov.ru/en/about/deps/dgmpispvsvo/year_family/dynasties/ (In Russ.)
17. Ob ogranichenii sovmestnoy sluzhby rodstvennikov v Sovetskikh uchrezhdeniyakh: postanovleniye Soveta narodnykh komissarov RSFSR ot 27 iyulya 1918 goda (On limiting the joint service of relatives in Soviet institutions: Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR of July 27, 1918) 1918, *KonsultantPlyus* (ConsultantPlus), viewed 01 July 2026, https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4044#R67DiCVCNVTGAMfB1 (In Russ.)
18. Polozheniye o konkurse «Trudovyye dinastii» (Regulations on the "Labor Dynasties" Competition) 2024, *Murmanskiy oblsovprof*, viewed 01 July 2026, https://journal.ecostandard.ru/ot/kontekst/trudovye-dinastii-v-metallurgicheskoy-otrasli-nasledie-professionalizma-i-semeynykh-tsennostey (In Russ.)
19. Prinyat' uchastiye v proyekte RNF «Nauchnyye dinastii: geny otkrytiy» mozhno do kontsa 2025 goda (Take part in the RSF project "Scientific Dynasties: Genes of Discoveries" until the end of 2025) 2025, press-sluzhba RNF – Rossiyskaya Akademiya Nauk (RSF press service - Russian Academy of Sciences), viewed 01 July 2026, https://new.ras.ru/press-

center/prinyat-uchastie-v-proekte-rnf-nauchnye-dinastii-geny-otkrytiy-mozhno-do-kontsa-2025-goda (In Russ.)
20. Pushkarev, LN 1995, *Po dorogam voyny: vospominaniya folklorista-frontovika* (Along the Roads of War: Memories of a Front-Line Folklorist), IRI RAN publ, Moscow. (In Russ.)
21. Pushkareva, NL & Sekenova, OI 2021, 'Neotdelennost raboty i otdykha v strukturakh dosuga zhenshchin-istorikov dosovetskogo vremeni' (The Inseparability of Work and Rest in the Leisure Structures of Pre-Soviet Women Historians) in SS Ilizarov & AYu Samarin (eds), *O zhenshchinakh v nauke i ne tolko… Sbornik statey, posvyashchennykh yubileyu O.A.Valkovoy* (On Women in Science and Beyond… A Collection of Articles Dedicated to the Anniversary of O.A. Valkova), Yanus-K publ, Moscow, pp. 26–50. (In Russ.)
22. Pushkareva, NL & Sekenova, OI 2021, 'K istorii povsednevnogo byta pervykh rossiyskikh zhenshchin-istorikov kontsa XIX – nachala XX v.: dosug i otdykh' (On the History of Everyday Life of the First Russian Female Historians of the Late 19th – Early 20th Centuries: Leisure and Recreation), in *Antropologicheskiy forum* (Anthropological Forum), no. 49, pp. 163–184, doi: https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-49-133-153 (In Russ.)
23. Razumova, IA & Samorukova, AG 2021 '«Sozidatelnoye ustroystvo sovmestnoy zhizni»: put semi uchenykh-geologov' ("Creating a Joint Life": Life Path of the Family of Geologists), in *Trudy Kolskogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnyye issledovaniya* (Transactions of the Kola Science Center. Humanitarian Studies), series 21, vol. 12, no. 4 (21), pp. 7–27, http://dx/doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.001 (In Russ.)
24. Rebrey, SM 2026, '«Semeynyy kapital» v nauke: kak dinastiynost i podderzhka blizkikh vliyayut na zhenskuyu i muzhskuyu nauchnuyu karyeru' ("Family Capital" in Science: How Dynastic Family Status and Family Support Influence Women's and Men's Scientific Careers), *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* (Woman in Russian Society), no. 4, pp. 68–72. (In Russ.)
25. Rebrey, SM 2025, 'Rol zhenshchin v rossiyskoy nauke: traditsionnyye i novyye metody izmereniya' (The Role of Women in Russian Science: Traditional and New Methods of Measurement) in *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* (Woman in Russian Society), no 1, pp. 34–48, doi: 10.21064/WinRS.2025.1.3 (In Russ.)
26. Ryzhenko, GN 2010, 'Khvostov Veniamin Mikhaylovich', *Imperatorskiy Moskovskiy universitet, 1755-1917* (Imperial Moscow University, 1755-1917: Encyclopedic Dictionary), rev. AYu Andreyev & DA Tsigankov, ROSSPEN publ, Moscow, pp. 791–792. (In Russ.)
27. 'Sedov, Vladimir Valentinovich' s.d., *RUWiki: the free encyclopedia*, viewed 13 July 2026, https://ru.ruwiki.ru/wiki/Седов,_Владимир_Валентинович (In Russ.)
28. Selye, H 1987, '*Ot mechty k otkrytiyu: Kak stat uchenym'* (From Dream to Discovery: On Being a Scientist), trans. NI Voiskunskaya, rev. MN Kondrashova, IS Khorol (eds), Progress publ, Moscow. (In Russ.)
29. 'Senyavskaya E. S., 1967 g. r., iz sluzhashchikh' (Senyavskaya E.S., born in 1967, an employee) 2025, *Polevyye materialy avtora. Zapis: 17.07.2025* (Field materials of the author. Recorded on 17.07.2025), Moscow. (In Russ.)
30. Evgenyeva, AP (ed.) 1999, *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* (Dictionary of the Russian language: in 4 vols). Vol. 1: A–Short I (Й), Russkiy yazyk publ, Poligrafresursy publ, Moscow. (In Russ.)
31. Tokarev, SA 1980, *Kratkie biograficheskie svedeniya ob A. I. Tokareve sostavleny dlya Aleksinskogo kraevedcheskogo muzeya* (Brief biographical information about A. I. Tokarev compiled for the Aleksin Local Lore Museum), typescript. Tokarev Family Archive. (in Russ.)
32. Chernobaev, AA 2017, *Istoriki Rossii kontsa XIX – nachala XXI veka: biobibliograficheskiy slovar* (Historians of Russia of the late 19th – early 21st century: bio-bibliographical dictionary). Vol. 3: P–Ya. Sobranie publ, Moscow. (In Russ.)
33. Chernobayev, AA 2016, *Istoriki Rossii kontsa XIX – nachala XXI veka (Historians of Russia of the late 19th – early 21st century*). Vol. 1: A–I. Sobranie publ, Moscow. (In Russ.)
34. Shustrova, AA 2026, '"Dinastiyny faktor" i professionalnaya sotsializatsiya sovremennogo molodogo uchonogo: nasledie F. Galtona v kontekste XXI veka' ("Dynastic factor" and professional socialization of a modern young scientist: the heritage of F. Galton in the context of the XXI century), *Shag v nauku* (Step into Science), no. 2, pp. 91–94. (In Russ.)

35. Shchankina, LN 2019, 'Antikorruptsionnoe zakonodatelstvo v gody sovetskoy vlasti' (Anti-corruption legislation during the years of Soviet power), *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo* (Economics. Law. Society), no. 4, pp. 72–79. (In Russ.)
36. 'Dynasty' 2026, *Oxford Learner's Dictionaries*, viewed 01 July 2026, https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/dynasty_1 (In Russ.)

Вклад авторов:
Пушкарева Н. Л.– идея, обработка материала, интерпретация результатов, написание текста статьи.
Пушкарева И. М. – идея, обработка материала, интерпретация результатов, написание текста статьи.

Contribution of the authors:
Natalia L. Pushkareva – idea; data processing; interpretation of results; writing an article.
Irina M. Pushkareva – idea; data processing; interpretation of results; writing an article.

Статья поступила в редакцию: 22.07.2026
Одобрена после рецензирования: 27.08.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 22.07.2026
Approved after reviewing: 27.08.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 168–174.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 168–174.

Научная статья
УДК 398(=511.141) (571.122) +615.89
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-168-174

ИХТИОТЕРАПИЯ КАК ЧАСТЬ ХАНТЫЙСКОЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ

Татьяна Владимировна Волдина-Ледкова

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия,
tatyanavoldina@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-6527-370X

Аннотация. Полезные свойства рыбы и рыбопродуктов для здоровья человека подтверждены современными научными исследованиями, но традиции их применения в лечебных целях уходят в глубину веков.

Рыболовство издревле занимает ведущее место в хозяйственной жизни хантов – коренного народа, исторически проживающего в бассейне Средней и Нижней Оби (Северо-Западная Сибирь). Добываемая рыба и её части повсеместно использовались не только в питании, но и в быту, а также для лечения различных заболеваний. Ихтиотерапия как направление хантыйской народной медицины имеет в определенной мере иррациональный характер, так как основывается на мифологических представлениях о мире рыб и связанных с ними обычаях, в то же время значительная часть представленных в статье рецептов исходит от практических знаний людей, накопленных в течение столетий. В своей работе автор опиралась на собственные полевые материалы и опубликованные данные по разным группам хантов. Среди лечебных средств, используемых в хантыйском народе, – различные части щуки, окуня, осетра и других пресноводных рыб, прежде всего чешуя и кожа, желчь, кости. Большой популярностью в качестве универсального лекарства пользовался рыбий жир. Спектр заболеваний, которые лечились с помощью этих снадобий, достаточно широк, включая простые порезы, воспаление мышц и суставов и внутренние заболевания желудочно-кишечного тракта.

В настоящее время, когда люди пользуются преимущественно услугами официальной медицины, некоторые старинные методы хантыйской ихтиотерапии утратили свое значение. Но основная часть средств народной медицины, получаемых от рыбы, не потеряла свою актуальность, играя профилактическую роль в поддержании здоровья современных людей.

Ключевые слова: ханты, народная медицина, ихтиотерапия, щука, налим, окунь.

Для цитирования: Волдина-Ледкова Т. В. Ихтиотерапия в народной медицине хантов // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 168–174. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-168-174

Сведения об авторе: *Т. В. Волдина–Ледкова* – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, улица Мира, д. 14А.

© Волдина–Ледкова Т. В., 2026

Scientific Article
UDC 398(=511.141)(571.122)+615.89
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-168-174

ICHTHYOTHERAPY AS PART OF KHANTY TRADITIONAL MEDICINE

Tatyana V. Voldina-Ledkova

Ob-Ugric institute of applied researches and projects
Khanty-Mansiysk, Russia,
tatyanavoldina@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-6527-370X

Abstract. Modern scientific research confirms the health benefits of fish and fish products. However, the tradition of using fish for medicinal purposes goes back centuries.

The Khanty are an indigenous people who live in the Middle and Lower Ob basins (North-Western Siberia), where fishing has long been a major part of their economy. Locals widely used fish and its parts not only in food, but also in everyday life, as well as for treating various illnesses. Ichthyotherapy, a branch of Khanty traditional medicine, was often based on mythological beliefs about fish and their associated customs. At the same time, a significant part of the recipes presented in the article comes from the practical knowledge accumulated over centuries. The author refers to her own field materials and published data on various Khanty groups. Among the remedies used by the Khanty people are various parts of pike, perch, sturgeon, and other freshwater fish, especially scale and skin, bile, and bones. Fish oil was also very popular as a panpharmacon. The range of illnesses treated with these remedies is quite broad, including everything from simple cuts, myositis and arthritis to internal diseases of the gastrointestinal tract.

In today's world, where people primarily rely on conventional medicine, some of the traditional methods of Khanty ichthyotherapy have sunk into insignificance. However, the majority of the folk remedies derived from fish remains relevant and plays a crucial role in maintaining the health of modern individuals.

Keywords: Khanty, traditional medicine, ichthyotherapy, pike, burbot, perch.

For citation: Voldina-Ledkova, TV 2026, 'Ichthyotherapy as Part of Khanty Traditional Medicine', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 168–174, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-168-174 (in Russ.)

Information about the Author: *Tatyana V. Voldina-Ledkova* – PhD in Historical Sciences, Leading Researcher, Ob-Ugric institute of applied researches and projects, 14A, Mira Str., Khanty-Mansiysk, 628011, Russia.

©Voldina-Ledkova T. V., 2026

Введение

В рационе питания людей важное место занимает рыба, полезные свойства продуктов из неё ценились с древних времен. Научные исследования подтвердили их пользу для поддержания здоровья, прежде всего, как источника легкоусвояемого белка, полинасыщенных жирных кислот, витаминов, микроэлементов, поддерживающих работу сердечно-сосудистой системы, мозга и обмена веществ. В современном мире рыба рекомендуется в качестве здорового питания, таккак её употребление способствует поддержанию мышечной массы, она обладает противовоспалительными и укрепляющими иммунитет свойствами, благотворно влияет на зрение. Её активно используют и в других областях, например, в косметологии для увлажнения и омоложения кожи. Содержащиеся в рыбьем жире витамины А, D, группы В, а также ненасыщенная жирная кислота омега-3 влияют на настроение, а их нехватка ведет к депрессии. В связи с этим рацион с богатым разнообразием рыбы и рыбных продуктов признается фактором поддержания физического и психического здоровья человека. Этот вывод ученых отвечает описаниям спокойного и доброжелательного нрава северных народов, в рационе которых рыба исторически занимает центральное место [9, с. 73; 8, с. 87].

Использование рыбы в лечебных целях принято называть ихтиотерапией. Этот термин не имеет единого строгого определения, и в разных контекстах современной культуры под ним могут подразумеваться совершенно разные вещи: от процедуры с рыбками для пилинга кожи ног до психологической реабилитации при контакте с водными обитателями. В данной работе мы рассмотрим ихтиотерапию как комплекс народных средств и способов лечения, основанных на использовании различных промысловых пород рыб и их частей. Являясь одним из направлений народной медицины хантов, она сочетает в себе как иррациональные, так и рациональные методы врачевания. Применение этих натуральных средств характерно также для близкородственных манси и проживающих с ними в тесном контакте лесных ненцев. Многие из приведенных способов лечения являются общими для этих народов.

Работа основывается на полевых материалах автора, зафиксированных среди казымских хантов в 2008 г. [4] и среди сургутских – в 2025 г. [5], а также привлечены опубликованные сведения по данному вопросу [7; 8; 10; 11].

Различные группы хантов расселены на огромной территории бассейна Средней и Нижней Оби с её многочисленными притоками и озерами. Уклад их жизни исторически строился на промысловом хозяйстве, где рыболовство занимает исключительное место, а этническая кухня включает значительное количество блюд из рыбы. Её едят в свежем, мороженном, вареном, жареном, соленом, вяленом и копченом виде. В прошлом рыбу использовали не только как продукт питания, но и в хозяйстве, например, чешуя шла на изготовление клея, рыбья кожа – на пошив непромокаемой одежды, обуви, мешков, женских сумок и т. д., и даже кости рыб легли в основу детских развлечений, например, познавательной игры «Голова щуки».

Мир рыб в хантыйской мифологии

Согласно хантыйским воззрениям водное пространство относится к нижнему миру, но сама вода символизирует жизнь и очищение, а обитателям водной стихии приписывались магические свойства. Удачный лов рыбы, как считали люди, зависит от мира духов и силы, управляющей животным миром. Её олицетворением в мифологии казымских хантов стало божество Хоймас. Он «безвыходно сидит в своем уютном доме из водяных столбов-балок и строгает бесконечную деревянную заготовку». В летнее время он выстругивает рыбу, а зимой – лесных зверей [3, с. 61]. Для удачи в рыбном промысле проводились обряды, а при добыче крупных видов рыб ставили

приготовленное из неё угощение духам. Добытой рыбой было принято делиться с окружающими, не отказывая в помощи нуждающимся.

Отдельные виды рыб находились в ранге священных. Именно они получили первоочередное применение и в народной медицине. В фольклоре рыболовов Оби представители разных пород состоят между собой в родственных отношениях. В представлениях тегинских хантов, особо почитающих налима, осетр и стерлядь – это его зятья, нельма – племянник, муксун и щекур – племянницы, поэтому существовало поверье: нельзя варить осетра и стерлядь в одном котле вместе с налимом [2, с. 26, 70]. Этими же принципами руководствовались и в лечебной практике.

Центральное место в мировоззрении коренных народов Югры занимает щука. В сказаниях она нередко отождествлялась с медведем или мифическим водным чудовищем *мӯвхор*. Её считают и олицетворением одного из духов-покровителей ненцев, а также особо почитают в некоторых обско-угорских родах, имевших ненецкое происхождение. Например, хантам на р. Сыня и Куноват (ЯНАО) нельзя разделывать и есть в сыром виде эту рыбу, это могли делать только мужчины. В других местах эти табу касались язя, стерляди и т. д. Подобный запрет был предписан женщинам, живущим в с. Теги, в отношении налима, где он занимал такое же положение, как и щука у сынских хантов. Повсеместно особым почтением пользовался осетр, разделывать его могут только мужчины, а в периоды регул женщины не могли употреблять эту рыбу в пищу [2, с. 21, 26, 30]. Нарушение установленных запретов, как считалось, могло вызвать заболевание. Например, если в роду наложен запрет на разделку налима, то считается, что у нарушившей табу заболит горло, и она может даже задохнуться [10, с. 160].

Почитание определенных пород обитателей вод связывалось не только с культом предков, в образе которых он представал. В низовьях Казыма женщинам нельзя было есть налима во время беременности, так как его образ связывали с божеством нижнего потустороннего мира. Чтобы снять с себя наказание, в случае нарушения табу женщинами проводился обряд поры с угощением водных духов.

Способы лечения с помощью рыбы и её частей

В ихтиотерапии хантов от щуки использовались желчь, чешуя, кожа, «щучья кровь», кости, зубы и др. части этой почитаемой хищницы; с помощью них лечили воспаление мышц и гнойные раны, боли в суставах, ночное недержание мочи у ребенка и желтуху, боролись с гельминтами. Рассмотрим применение этих средств более детально.

Щучьей челюсти приписываются магические свойства. Неслучайно её изображали в качестве защитного орнамента на одежде и украшениях, а в одной из обско-угорских сказок с помощью неё героиня спаслась от болотного духа [1]. Проходить со стороны спины, особенно мужчин и пожилых, признавалось неэтичным. Но если обойти человека с передней стороны было невозможно, проходящий пальцем рисовал на его спине решетчатый знак и произносил: «*Сорт пєӈк*» («Щучий зуб»), ставя ему таким образом символическую защиту [4].

При помощи щучьей челюсти, которую предварительно необходимо было промыть и просушить, лечили сосудистые заболевания ног; а также применяли её в качестве обезболивающего средства при миозитах (воспалении мышц) в качестве инструмента для выпускания «дурной крови», а также от варикоза. Обычно эта процедура производилась в бане. В одном из описаний это выглядело так: «…В хорошо нагретой бане пожилые люди (чаще женщины) парили свои ноги щучьим зубом. Брали зубы больших щук, сушили в тени. Перед тем как парить свои ноги, щучьи зубы клали на хорошо нагретые камни или опускали на несколько секунд в кипящую воду для дезинфекции» [7, с. 180]. Для удобства челюсть щуки иногда привязывали к небольшой палке и постукивали по больному месту на плече, руке,

ноге, стараясь попасть в вену до появления крови, затем кровоточащее место присыпали пеплом. На месте такого лечения оставалась татуировка, представляющая собой ряды полос из синих точек. При головных болях подобное накалывание зубами щуки производилось в височных областях. При лечении гнойного конъюнктивита твердыми, хорошо высушенными рыбьими костями делались проколы по краям внутренних поверхностей век [4; 11, с. 263, 267, 270;].

Из сваренной и засушенной на печке до хрупкого состояния щучьей челюсти приуральские ханты изготавливали порошок, которым присыпали ранки, например, при порезах пальца. Порошок залеплял ранку, а при её заживлении корочка отпадала. Но в случае нарыва использовали другое средство: на него накладывали тщательно очищенную кожу соленой щуки [11, с. 272]. В случае ночного недержания мочи ребенка кормили неочищенной от чешуи вареной щукой [4; 5; 11, с. 270].

Две красные полоски, расположенные под воздушным пузырем рыбы, называют *щучьей кровью* (*сорт кӑлы*). Для лечения желтухи такую кровь брали от 2–3 щук и принимали ежедневно до улучшения состояния. Это же заболевание лечили с помощью замороженной щучьей желчи, небольшой кусочек которой измельчали в порошок и в течение недели настаивали на спирту. Такую настойку пили каплями до полного выздоровления. Щучья желчь признавалась также лучшим средством от кишечных паразитов и от желудочных болей. Люди считали, что у хищной рыбы она самая сильная. Для этих целей её брали при разделке свежей рыбы и проглатывали, но могли использовать и высушенную желчь щуки [4; 11, с. 270, 272].

В народной медицине хантов использовалась желчь и от других пород рыб. Например, при заболеваниях желудка употребляли сырую желчь карася; а желчь осетра накладывали в виде компресса на гнойные раны для очищения и регенерации поврежденной ткани [11, с. 260, 273].

Из внутренностей рыбы ханты готовили так называемую варку и в больших количествах заготавливали вытопленный рыбий жир, который использовали «во всяком удобном случае» [4; 5; 6, с. 342;]. По данным Е. Г. Федоровой, на зиму семье из пяти человек требовалось около 10 кг (ведро) этого особого рыбного продукта [10, с. 163]. Это универсальное средство применяли при болях в животе, им лечили язвенную болезнь, применяли в качестве легкого слабительного, при педикулезе, воспалении уха, а также для лечения ран. Рассмотрим некоторые из вариантов применения этого средства.

Жир мелкой рыбы, в котором вываривали ядра кедровых орешков, использовался для лечения болей в животе. Чайную ложку такой смеси растворяли в чашке горячего чая, принимая его утром и вечером. При заболеваниях пищеварительного тракта использовали также жирные брюшки чира (щокура), ими кормили тяжелобольных, стариков, детей, женщин перед родами [11, с. 269; 8, с. 151].

При воспалительном заболевании уха в него закапывали подогретый рыбий жир из осеннего окуня. На Агане окуневым жиром смазывали также раздражения на коже, покраснения, комариные укусы, коросты. Рыбий жир использовался также при обморожениях и ожогах. В зимнее время при длительных переездах им смазывали открытые участки лица для профилактики обморожения [5; 6, с. 342; 8, с. 93, 151; 11, с. 269].

Раны на ногах рыбаков, появлявшиеся от долгого нахождения в воде, лечили снадобьем, представлявшим собой рыбий жир с характерным тухловатым запахом. Его получали при долгом кипячении в воде подквашенных на солнце внутренностей рыбы. Этим средством смазывали поврежденные места до полного излечения [11, с. 269].

Многие из приведенных народных рецептов используются и в наши дни в качестве профилактического или дополнительного средства к основному лечению

в учреждениях официальной медицины. Например, кормящим мамам рекомендуют пить наваристую уху для увеличения грудного молока. А старожилы с. Полноват рассказали о своем земляке, болевшем язвенной болезнью, которую он долго и безрезультатно «лечил у врачей»: «Тогда он уехал в лесную избушку и стал питаться только рыбой в разных видах, в том числе сырой, пил рыбий жир. К очередному медицинскому обследованию болезнь уже прошла» [4].

Заключение

Разнообразие промысловых рыб бассейна Средней и Нижней Оби послужило основой для развития рыболовецкой культуры хантов. Эти многовековые традиции сформировали одну из областей их народной медицины, где нашли применение знания о полезных свойствах продуктов из рыбы. Центральное место среди средств хантыйской ихтиотерапии занимают различные части самой хищной рыбы – щуки, являющейся также объектом почитания. В лечебных целях использовали также окуня, осетра, карася. Универсальным средством является рыбий жир. В прошлом с помощью рыбных снадобий лечили широкий круг заболеваний, включая простые порезы, воспаление мышц и суставов и заболевания желудочно-кишечного тракта; в настоящее время ихтиотерапия рассматривается в основном как дополнительная или профилактическая мера в сохранении здоровья людей.

Список источников и литературы

1. *Конькова А. М.* Сказки бабушки Аннэ: сказки, легенды. Вена: Гистел Друк, 1993. 117 с.
2. *Лапина М. А.* Этика и этикет хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 115 с.
3. *Молданов Т. А., Молданова Т. А.* Боги земли казымской. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 114 с.
4. ПМА-1 – полевые материалы автора 2008 г. в г. Белоярский и п. Полноват Белоярского района, сведения о народной медицине казымских ханты записаны от Е. А. Артемьевой, 1947 г.р.; Е. П. Вагатовой, 1951 г.р.; Т. В. Дивеевой, 1970 г.р.; Е. Н. Куриковой, 1935 г.р.; Г. А. Кытмановой, 1962 г.р.; Е. Е. Лельховой, 1936 г.р.; Р. М. Масленниковой, 1954 г.р.; Е. В. Молдановой, 1930 г.р.; Г. П. Никишкина; А. Д. Обатина, 1939 г.р.; Е. Д. Обатиной, 1939 г.р.; Д. П. Пендыхова, 1932 г.р.; И. Н. Собяниной, 1935 г.р.; С. А. Фатхулиной, 1968 г.р.; А. М. Фирсовой, 1949 г.р.; П. И. Юхлымова, 1935 г.р. и др.
5. ПМА-2 – полевые материалы автора 2025 г. в п. Тром-Аган Сургутского района, сведения о народной медицине сургутских хантов записаны от А. Н. Ачимова, 1961 г.р.; Г. Н. Киняминой (Ачимовой), 1969 г.р.; М. Я. Сенгеповой, 1947 г.р. и др.
6. *Сирелиус У. Т.* Путешествие к хантам / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 344 с.
7. *Слепенкова Р. К.* Обряды и обычаи, связанные со здоровьем ханты Полноватского Приобья // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы дистанц. науч.-практ. конф. X Югорские чтения. Ханты-Мансийск: Информ.-изд. центр, 2012. С. 177–186.
8. *Сподина В. И.* Не только олени: рыболовная культура лесных ненцев бассейна реки Аган. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2022. 170 с.
9. *Стекольников Л. И., Мурох В. И.* Спасибо зверю, птице, рыбе. Минск: Ураджай, 1982. 190 с.
10. *Федорова Е. Г.* Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европ. дом, 2000. 367 с.
11. *Хаснулин В. И., Вильгельм В. Д., Скосырева Г. А., Поворознюк Е. П.* Современный взгляд на народную медицину Севера. Новосибирск: СО РАМН, 1999. 281 с.

References

1. Konkova, AM 1993, *Skazki babushki Anne: skazki, legendy* (Grandmother Anne's fairy tales. Fairy tales. Legends), Gistel Druk publ,Vienna. (In Russ.)
2. Lapina, MA 1998, *Etika i etiket khantov* (Ethics and etiquette of the Khanty), Izd-vo Tom. un-ta publ, Tomsk. (In Russ.)
3. Moldanov, TA & Moldanova, TA 2000, *Bogi zemli kazymskoy* (Gods of the Kazym land), Izd-vo Tom. un-ta publ, Tomsk. (In Russ.)
4. *Polevyye materialy avtora - 1 2008 g. v g. Beloyarskiy i p. Polnovat Beloyarskogo rayona, svedeniya o narodnoy meditsine kazymskikh khanty zapisany ot E. A. Artemyevoy, 1947 g.r.; E.P. Vagatovoy, 1951 g.r.; T.V. Diveevoy, 1970 g.r.; E.N. Kurikovoy, 1935 g.r.; G.A. Kytmanovoy, 1962 g.r.; E.E. Lelkhovoy, 1936 g.r.; R. M. Maslennikovoy, 1954 g.r.; E.V. Moldanovoy, 1930 g.r.; G.P. Nikishkina; A.D. Obatina, 1939 g.r.; E. D. Obatinoy, 1939 g.r.; D.P. Pendykhova, 1932 g.r.; I.N. Sobyaninoy, 1935 g.r.; S.A. Fatkhulinoy, 1968 g.r.; A. M. Firsovoy, 1949 g.r.; P.I. Yukhlymova, 1935 g.r. i dr.* (The author's field data from 2008 in the town of Beloyarsky and the village of Polnovat in the Beloyarsky district, information on the folk medicine of the Kazym Khanty was recorded from E. A. Artemyeva, born in 1947; E. P. Vagatova, born in 1951; T. V. Diveeva, born in 1970; E. N. Kurikova, born in 1935; G. A. Kytmanova, born in 1962; E. E. Lelkhova, born in 1936; R. M. Maslennikova, born in 1954; E. V. Moldanova, born in 1930; G. P. Nikishkin; A. D. Obatin, born in 1939; E. D. Obatin, born in 1939; D. P. Pendykhova, born in 1932; I. N. Sobyanina, born in 1935; S. A. Fatkhulina, born in 1968; A. M. Firsova, born in 1949; P. I. Yukhlymova, born in 1935 etc.) 2008. (In Russ.)
5. *Polevyye materialy avtora - 2 2025 g. v p. Trom-Agan Surgutskogo rayona, svedeniya o narodnoy meditsine surgutskikh khantov zapisany ot A.N. Achimova, 1961 g.r.; G. N. Kinyaminoy (Achimovoy), 1969 g.r.; M.Ya. Sengepovoy, 1947 g.r. i dr.* (The author's field data from 2025 in the village of Trom-Agan, Surgut region, information about the folk medicine of the Surgut Khanty was recorded from A. N. Achimov, born in 1961; G. N. Kinyamina (Achimova), born in 1969; M. Ya. Sengepova, born in 1947 etc.) 2025. (In Russ.)
6. Sirelius, UT 2001, *Puteshestviye k khantam* (Journey to the Khanty), trans. N. V. Lukina, Izd-vo Tom. un-ta, Tomsk. (In Russ.)
7. Slepenkova, RK 2012, 'Obryady i obychai, svyazannyye so zdorovyem khanty Polnovatskogo Priobya' (Rites and Customs Associated with the Health of the Khanty of the Polnovatskoye Ob Region), *Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka: traditsii i innovatsii: Materialy distantsionnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii X Yugorskiye chteniya* (Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East. Traditions and Innovations. Proceedings of the Distance Research and Practical Conference. 10th Yugra Readings), Informatsionno-izdatelskiy tsentr publ, Khanty-Mansiysk, pp. 177-186. (In Russ.)
8. Spodina, VI 2022, *Ne tolko oleni: rybolovnaya kultura lesnykh nentsev basseyna reki Agan* (Not Only Reindeer: The Fishing Culture of the Forest Nenets of the Agan River Basin), Pechatnyy mir publ, Khanty-Mansiysk. (In Russ.)
9. Stekolnikov, LI & Murokh, VI 1982, *Spasibo zveryu, ptitse, rybe* (Thank the wild animals, birds, and fish), Uradzhay publ, Minsk. (In Russ.)
10. Fedorova, EG 2000, *Rybolovy i okhotniki basseyna Obi: problemy formirovaniya kultury khantov i mansi* (Fishermen and hunters of the Ob Basin: problems of the formation of the Khanty and Mansi culture), Evropeyskiy dom publ, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Khasnulin, VI, Vilgelm, VD, Skosyreva, GA & Povoroznyuk, EP 1999, *Sovremennyy vzglyad na narodnuyu meditsinu Severa* (Modern view of folk medicine of the North), SO RAMN publ, Novosibirsk. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 31.07.2026
Одобрена после рецензирования: 27.08.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 31.07.2026
Approved after reviewing: 27.08.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 175–191.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 175–191.

Научная статья
УДК 39+314.7+316.347(470.312)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-175-191

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАЦИИ И МИГРАНТАМ ЖИТЕЛЕЙ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО ДАННЫМ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА И АНАЛИЗА ИНТЕРНЕТ-ЗАПРОСОВ)

Елена Петровна Мартынова [1]

Ольга Игоревна Секенова [2]

[1,2] Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
[1,2] Москва, Россия,
[1] Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
[1] Тула, Россия
[1] ep_martynova@mail.ru
[1] https://orcid.org/0000-0003-1132-2286
[2] jkzkray@mail.ru
[2] https://orcid.org/0000-0002-9908-2039

Аннотация. Статья подготовлена по материалам этнологического мониторинга, проводившегося в октябре-ноябре 2025 г. в Тульской области (город Тула) с целью изучения отношения населения региона к трудовым мигрантам. Опрашивались представители трех категорий населения –исполнительной и законодательной власти разных уровней, члены общественных организаций, преподаватели вузов. Дополняющим источником выступил анализ онлайн-запросов жителей Тульской области, относящихся к тезаурусу миграции и межэтнических отношений (2025 – первая половина 2026 г.). Результаты этномониторинга показали, что туляки озадачены рисками межнациональных и религиозных конфликтов в связи с присутствием в регионе мигрантов. Авторы отмечают большее неприятие мигрантов в регионе по сравнению с опросом 2017 г.; фиксируют связь негативных установок местного населения с угрозами общественной безопасности и ухудшением социально-экономической обстановки. Ксенофобский дискурс направлен преимущественно на представителей среднеазиатских трудовых мигрантов и определяется, прежде всего, языковой и культурно-бытовой отличительностью приезжих. В гораздо меньшей степени антимиграционные настроения жители Тульской области проявляют по отношению к иностранным студентам и переселенцам из других регионов России. В условиях ухудшения демографической ситуации в Тульской области, продолжающегося сокращения и старения населения приток мигрантов оценивается респондентами как источник пополнения рабочей силы, особенно в непривлекательных для россиян сферах труда. Анализ интернет-запросов населения Тульской области отражает острую реакцию пользователей на информационные поводы, связанные с межнациональными отношениями, а также подтверждает повышенный интерес к миграционной проблематике, особенно в связи с последовательным ужесточением политики регулирования трудовой деятельности иностранцев в регионе.

Ключевые слова: Тульская область, этнологический мониторинг, трудовые мигранты, общественное мнение, принимающее сообщество.

Для цитирования: Мартынова Е. П., Секенова О. И. Отношение к миграции и мигрантам жителей Тульской области (по данным этнологического мониторинга и анализа интернет-запросов) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 175–191. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-175-191

Сведения об авторах: *Е. П. Мартынова* – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник распределенного научного Центра межнациональных и религиозных проблем, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А; профессор кафедры истории России и туризма, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Российская Федерация, Тула, пр. Ленина, 125
О. И. Секенова – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела русского народа, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А

© Мартынова Е. П., Секенова О. И. 2026

Scientific Article
UDC 39+314.7+316.347(470.312)
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-175-191

ATTITUDES OF TULA REGION INHABITANTS TOWARD MIGRATION AND MIGRANTS (BASED ON ETHNOLOGICAL MONITORING AND ANALYSIS OF WEB QUERIES)

Elena P. Martynova [1]

Olga I. Sekenova [2]

[1,2] Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
[1,2] Moscow, Russia,
[1] Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
[1] Tula, Russia
[1] ep_martynova@mail.ru
[1] https://orcid.org/0000-0003-1132-2286
[2] jkzkray@mail.ru
[2] https://orcid.org/0000-0002-9908-2039

Abstract. The article is based on data from ethnological monitoring conducted in October–November 2025 in the Tula region (Tula) to examine the local population's attitudes towards labor migrants. The authors surveyed representatives of three categories: executive officials and lawmakers at various levels, members of public interest organizations, and university faculty. The complementary source was an analysis of web queries from Tula region residents related to the thesaurus of migration and interethnic relations (2025 – first half of 2026). The results of the ethnological monitoring showed that Tula residents are concerned about the risks of interethnic and religious conflicts due to the presence of migrants in the region. The authors conclude that there has been an increase in the rejection of migrants in the region compared to the 2017 survey; they associate the locals' negative attitudes with threats to public safety and the deterioration of the socio-economic situation. In the context of the deteriorating demographic situation in the Tula region, with ongoing population decline and aging, the respondents view the influx of migrants as a source of labor, particularly in sectors of employment that are unattractive to Russians. The analysis of web queries from the Tula region population reflects the user's sharp reaction to information related to interethnic relations as well as confirms increased interest in migration issues, especially in connection with the consistent tightening of policies regulating the foreigners' labor activities in the region.

Keywords: Tula region, ethnological monitoring, labor migrants, public opinion, host community.

For citation: Martynova EP, Sekenova OI, 2026, 'Attitudes of Tula Region Inhabitants Toward Migration and Migrants (Based on Ethnological Monitoring and Analysis of Web Queries)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 175–191, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-175-191 (in Russ.)

Information about the Author: *Elena P. Martynova* – Doctor of Sciences in Historical Sciences, Professor, Senior Researcher of the Distributed Scientific Center for Interethnic and Religious Problems, The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, 32A, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russia; Chair of Russian History and Tourism, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenina pr-t, Tula, 300026, Russia;
Olga I. Sekenova – PhD in Historical Sciences, Research Fellow, The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, 32A, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russia

© Martynova E. P., Sekenova O. I. 2026

Введение

Поток литературы, посвященной разным аспектам миграций, миграционной политики, отношения к мигрантам огромен. Проблема актуальна для социологов, экономистов, политологов, философов, историков, этнологов. Отечественные этнологи на протяжении длительного времени ведут мониторинг миграционных процессов и связанных с ними межэтнических отношений. Особо следует отметить значимость исследований сотрудников Института этнологии и антропологии РАН и сети этнологического мониторинга [9; 10]. Много внимания уделяется изучению социальных практик, используемых мигрантами и принимающим населением в процессе интеграции [3; 13]. Не ослабевает интерес к тематике восприятия мигрантов принимающим сообществом в России в целом и регионах, анализируются ожидания и установки местных жителей относительно включения мигрантов в российский социум [4; 5; 6; 11; 17; 19]. В данном контексте кейс Тульской области интересен тем, что в ней, как и других регионах Центральной России, доля русского населения превышает 90 %, что порождает, с одной стороны представления о бесконфликтном характере межэтнических отношений при безусловном доминировании русских, а, с другой – выявляет эмоциональные реакции на присутствие иноэтничных групп.

Исследование реакций местного населения на интеграцию мигрантов в Тульской области проводилось ранее в 2017 г. [8], тем не менее изменившиеся за прошедшие девять лет общественно-политические условия требуют продолжения изучения вопроса. Целью статьи является анализ мнений и реакций представителей принимающей стороны (жители Тульской области) в отношении мигрантов в 2025 – первой половине 2026 г. Исследование проводилось в два этапа: в ходе первого, проходившего в рамках этномониторинга, исследовались представления о миграции и мигрантах методом этносоциологического анкетирования, в ходе второго сделан анализ поисковых запросов региональной аудитории методами интернет-аналитики.

Материалы и методы

Основной массив эмпирических данных по статье получен в ходе анкетирования, которое проводилось в Тульской области в октябре-ноябре 2025 г. в рамках исследований Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов по теме «Изучение общественного мнения о миграционной ситуации и состоянии межнациональных отношений в регионах РФ». В области, как и других регионах, было опрошено 30 респондентов. Они выступили как эксперты, поскольку в ходе своей основной деятельности сталкиваются с мигрантской проблемой и могут высказать по ней профессиональное мнение. Основной базой исследования был г. Тула. Опрашивались представители трех категорий населения – исполнительной и законодательной власти разных уровней, члены общественных организаций, преподаватели вузов. Анкета включала 21 вопрос, которые условно можно разделить на блоки: общая оценка миграции в регионе, отношение местных жителей к приезжим, отношение к тестированию иностранных граждан, перспективы адаптации иностранных мигрантов через образование, отношение к миграционной политике.

Дополняющим опрос источником выступили онлайн-запросы жителей Тульской области, относящиеся к тезаурусу миграции и межэтнических отношений. Если контент-анализ информационных сообщений и фотоматериалов СМИ остается распространенной методикой, позволяющей оценить социальные образы миграции и способы их конструирования [2; 14], то подходы цифровой этнографии с использованием инструментов интернет-аналитики чаще используются для прогнозирования миграционных процессов [24]. Тем не менее анализ интернет-запросов региональной аудитории может стать эффективным инструментом, расширяющим возможности этнологических мониторингов, исследующих общественное мнение о миграции.

В данной статье мы использовали сервис «Яндекс Wordstat», позволяющий анализировать статистику ключевых запросов интернет-аудитории на территории выбранного региона через поисковую систему «Яндекс» (самую распространенную в России – не менее 66 % пользователей в 2025 – первой половине 2026 г. использовали именно ее) [16]. Ключевые запросы – это слова и сочетания, по которым люди ищут информацию в интернете, чем больше запросов – тем больше интерес к предмету поиска [21]. С помощью сервиса возможно оценить, как от месяца к месяцу меняется интерес к общественным явлениям, связанным с внутренней и внешней миграцией, посчитать количество запросов по индикаторам – ключевым словам, проанализировать влияние политических и социальных перемен, изменений в законодательстве и новостных поводов на общественный интерес к миграционным процессам. С помощью детализации по регионам становится возможным увидеть статистику по ключевым словам и наиболее популярные запросы на территории Тульской области. Необходимо отметить, что инструмент не дает данных о половозрастном составе интернет-аудитории, составлявшей запросы, также мы не использовали данные о доле запроса ключевого слова от всех запросов в % – анализировали только общее число запросов ключевого слова с января 2025 по июнь 2026 г. В ходе исследования нами были выделены и проанализированы кластеры ключевых слов по двум темам: мигранты и миграционное законодательство; этнический состав региона. Для более точной выборки ключевых слов в кластер использовался инструмент «похожие» в разделе «топы запросов» – с помощью этого инструмента становится понятен контекст использования ключевых слов и близкие по смыслу формулировки.

Аналитические итоги опроса экспертов

Из официальных каналов известно, что после 2020 г. приток трудовых мигрантов в РФ ежегодно сокращается. Сначала отток был вызван пандемией коронавируса, затем введенными ограничениями на работу иностранцев. В ходе опроса экспертам предлагалось оценить изменения миграционного присутствия в регионе за последние год-два. Мнения разошлись: больше всего тех, кто посчитал приток ослабевшим (38 %), около четверти указали на его усиление, а почти треть затруднились дать ответ. Очевидно, что эксперты осведомлены о принимаемых мерах по сокращению притока мигрантов, кроме того, СМИ периодически сообщают об их депортации из РФ. Воздержавшиеся от оценки ссылались на отсутствие точных статистических данных. В то же время на улицах туляки по-прежнему видят значительное присутствие тех, кто по внешнему виду не похож на местных жителей, поэтому не соглашаются с официальным мнением: «Сложилось впечатление, что за последнее время приток мигрантов из других государств увеличился, так как чаще приходится сталкиваться с ними в повседневной жизни в разных сферах».

Вопрос о привлечении трудовых мигрантов в РФ и Тульскую область является принципиальным. Оценка необходимости миграции важна для противодействия демографическим и социально-экономическим вызовам современности. С одной стороны, сейчас многие сферы экономики испытывают острую нехватку рабочей силы, с другой – приезжают в большинстве неквалифицированные работники с низким уровнем образования, незнанием русского языка, российских традиций, что способствует формированию непривлекательного образа приезжих. К тому же громкие дела, связанные с преступлениями мигрантов, особенно после теракта в «Крокус Сити Холле», способствуют негативным оценкам трудового потенциала приезжих. Об изменениях в оценках отношения к миграции и усилении среди россиян антимигрантских настроений в связи с этим трагическим событием говорил директор ВЦИОМ В. В. Федоров [7].

Эксперты показали осведомленность о сферах занятости приезжих в Тульской области: больше половины отметили, что чаще всего потребности в труде гастарбайтеров испытывают сферы строительства, ремонта дорог, транспорта, ЖКХ, услуг. Для многих кажется очевидным, что в них целесообразно заменить иностранцев местными тружениками, особенно на стройках, на уборке улиц, ремонтных работах. Только десятая честь респондентов готова видеть переселенцев в медицине, в других сферах – и того меньше. Как видим, экспертное сообщество предпочитает занятость гастарбайтеров в непрестижных профессиях, там, где дефицит рабсилы нельзя восполнить туляками. Довольно много оказалось таких, кто считает, что в области отсутствует острая потребность в мигрантах – так думает каждый третий респондент.

В формировании общественного мнения по отношению к миграции большую роль играют СМИ, которые не так часто поднимают данную тематику. А если и поднимают, то в связи с «резиновыми квартирами», незаконной регистрацией и т.п. Никто из опрошенных не указал, что СМИ пишут о мигрантах положительно. Мнения о том, отрицательный или нейтральный образ мигрантов рисуют СМИ, разделились поровну (по 40 %). В комментариях респонденты отмечали, что СМИ не пишут ничего положительного о мигрантах из-за рубежа, а пишут только «о разного рода происшествиях, преступлениях, в которых фигурируют мигранты». Приведем типичные слова респондентов: «В СМИ мы чаще видим негативный образ мигрантов: в новостях о кражах, убийствах, изнасилованиях всегда особый акцент делается на информацию о происхождении преступника. Это провоцирует яркую реакцию общественности и активное обсуждение вопроса о мигрантах». «О мигрантах пишут либо плохо, либо никак».«Если мигрантом совершено правонарушение, то обязательно будет подчеркнуто, что преступник – мигрант». Отметим, что похожая ситуация отмечается в других регионах Центральной России [1, с. 256–257].

В Тульскую область приезжают не только гастарбайтеры из Средней Азии. В вузах учится много иностранных студентов, за последние четыре года возрос приток рабочей силы из соседних регионов страны: едут работать на оборонные предприятия, на крупный склад «Валдберис» в Алексинском районе. Поэтому интересно узнать, расходятся ли оценки туляков в восприятии разных категорий приезжих? Результаты опроса экспертов показали, что туляки не воспринимают всех приехавших одинаково, уровень толерантности разнится. Больше всего симпатий отмечается по отношению к студентам из других регионов: абсолютное большинство респондентов оценивают отношение туляков к ним как положительное (80 %), остальные – как нейтральное (17 %). Заметим, что несколько иную позицию высказали вузовские преподаватели: только 60 % оценили отношения местных к иногородним как положительные, 40 % – как нейтральные. Это можно объяснить тем, что в последние годы число поступивших в тульские вузы из других регионов растет, что повышает конкуренцию за бюджетные места.

Чуть менее доброжелательно, по сравнению со студентами, воспринимаются туляками россияне из других российских регионов: три четверти оценили отношение к ним как положительное, четверть – как нейтральное. Во многом такое позитивное восприятие связано с тем, что приезжающие из других областей РФ не выделяются среди местных жителей ни внешним видом, ни языком, ни повседневными привычками. Совершенно другая картина вырисовывается при оценке отношения туляков к иностранным трудовым мигрантам: три четверти экспертов охарактеризовали их как отрицательные, четверть – как нейтральные. Положительную оценку не дал никто. Приведем одно из высказанных мнений: «К трудовым мигрантам многие относятся крайне негативно, часто слышу высказывания по типу “пусть уезжают домой”, “зачем понаехали?”». Существенно мягче эксперты оценили восприятие иностранных студентов: половина – нейтрально, треть – положительно, десятая

часть – отрицательно. Одно из объяснений респондентов: «Студенты никого особо не смущают. Хотя периодически они и становятся трудовыми мигрантами». Другой объяснил: «К иностранным студентам относятся нейтрально, т. к. во время учебы завязываются межличностные отношения, человек воспринимается как личность». Видимо, нужно учитывать и факт того, что в Тулу едут учиться издалека, повышает рейтинг местных учебных заведений в глазах окружающих.

Ответы на следующий вопрос подтвердили предыдущий вывод, что туляки нетерпимы по отношению к приехавшим, имеющим расовые и культурно-бытовые отличия. Приезжие из российских регионов вызывают неприязнь только у половины местных жителей, а иностранцы – практически у всех. Половинный результат по отношению к приезжим россиянам связан, скорее всего, с переселенцами из регионов Северного Кавказа, по отношению к которым довольно часто можно услышать нелестные комментарии в общественном транспорте. С иностранными мигрантами население связывает, прежде всего, гастарбайтеров из государств Средней Азии, на которых направлена основная неприязнь. Среди причин негативного отношения к мигрантам туляки указывают, прежде всего, на проблемы правопорядка. Так считает огромное большинство. Это объяснимо, особенно после трагических событий в «Крокус Сити Холле». Помимо среднеазиатских гастарбайтеров, неприязнь у туляков вызывают выходцы из Афганистана, Пакистана, которых довольно много обучается в ТулГУ.

Более четырех пятых опрошенных указали, что туляки недовольны поведением мигрантов в общественных местах. По мнению трех четвертей экспертов, местные не воспринимают культурные особенности и язык мигрантов. Часто высказываются нарекания по поводу одежды, особенно большое недовольство вызывает ношение женщинами мусульманских головных уборов. Иную религию эксперты не считают большим раздражителем – только половина отметили ее как значимый фактор, вызывающий неприязнь. Эксперты дали такие комментарии: «Есть стереотип о том, что мигранты приезжают, чтобы распространить в России свои порядки». «В силу отсутствия постоянной и хорошо оплачиваемой работы приезжие жители чаще других совершают преступления». Неприязнь у местных вызывает другая вера приезжих, иная система ценностей и общественных отношений (например, отношение к женщинам). Есть даже такое замечание: «Группы мигрантов с детьми на детских площадках вызывают неприязнь со стороны местных жителей». Как видно, в первую очередь неприязнь к мигрантам вызывают культурные различия, также, крайне негативно жители региона относятся к общению мигрантов в общественных местах на родном языке, а не на русском, что порождает опасения о коварных замыслах против местных. Исследования в других регионах РФ подтверждают, что приток населения из среднеазиатских государств расценивается местными как разрушение культурного поля России [17, с. 350–351]. Гораздо сдержаннее респонденты оценивали приезжих с точки зрения конкуренции на рынке труда и при распределении социальных благ. Треть высказала обеспокоенность, что мигранты создают дополнительную нагрузку на социальную инфраструктуру, четверть – что они займут рабочие места местных жителей. Хотя и было высказано опасение: трудовые мигранты приезжают целыми семьями и садятся на шею российским налогоплательщикам.

Особую тревогу вызывает концентрация переселенцев в тех или иных местах Тулы. Это отметили две трети опрошенных. Приведем примеры: «В некоторых районах Тулы есть концентрации мигрантов, не говорящих на русском языке, их число вызывает напряженность». «В таких местах остутствует какой-либо порядок, грязно, они потенциально опасны как рассадник преступности». Речь идет о недавно построенных микрорайонах (Левобережный, Петровский), где проживают выходцы из Узбекистана, Таджикистана, получившие российское гражданство не так давно.

Есть среди них арендующие жилье, есть купившие квартиры. Эксперты отметили и наличие такого места в центре города: «У нас в городе есть места особой концентрации мигрантов (например, бывший рынок на Пирогова). Я знаю, что многие местные жители крайне негативно относятся к такому и стараются избегать посещать это место без крайней необходимости. Многие девушки опасаются ходить в одиночку и ищут альтернативный путь к объектам городской инфраструктуры». Негативную реакцию туляков вызывает чрезмерная скученность людей азиатской внешности у здания миграционного центра на ул. Рязанская: «Как и любое массовое скопление, толпа мигрантов порождает неосознанную психологическую реакцию». К мнению экспертов можно добавить, что анклавизация мигрантов минимизирует возможности для установления контаков с местным населением, тормозит их адаптацию и интеграцию. Тема нагативных последствий оразования анклавов будоражит общественный дискурс.

За последний год в регионе не было слышно о конфликтах между местными и приезжими. Во всяком случае, информация о них не была публичной. Поэтому треть опрошенных с уверенностью заявила об отсутствии подобных конфликтов, четверть – о том, что они случались. В то же время более половины опрошенных допускают возможность возникновения конфликтов между местными и приезжими в ближайшее время. Такой результат свидетельствует об оценке респондентами ситуации с мигрантами как конфликтогенной. Во многом опасения связаны с ожиданием увеличения наплыва мигрантов, какого-либо громкого дела с их участием, а также анклавизации приезжих. Приведем высказывания экспертов: «После какой-либо громкой истории с мигрантами все может произойти». «Конфликты возможны только в случае обособления мигрантских сообществ и противопоставления их местному населению на уровне улиц и общественных мест». Некоторые настроены более пессимистично: «Думаю, такие конфликты будут всегда в связи с различиями в культурной и духовной сферах, а также в связи со стереотипами, сложившимися в нашем обществе в отношении мигрантов».

Особый блок вопросов анкеты был посвящен вопросам о тестировании иностранных граждан на знание русского языка, которое они проходят после приезда в РФ. Половина респондентов считает, что тестирование улучшило миграционную ситуацию в регионе, другая половина сомневается, так как вовсе не все въехавшие в страну трудовые мигранты освоили русский язык. Напрямую в эффективности тестирования усомнилась четверть экспертов. Респонденты замечали, что сдача экзаменов реально не изменяет уровень владения русским языком иностранцами. Один из опрошенных упомянул о скандалах, связанных с тестированием иностранных граждан, по итогам которых в регионе остался единственный центр для сдачи экзаменов, остальные были закрыты. Многие высказали обеспокоенность коррупционной составляющей в этом деле.

Выше отмечалось, что одна из основных претензий к мигрантам – разговор на родном языке в публичных местах, что не приветствуется туляками, более того, вызывает раздражение. Поэтому две трети экспертов весьма оптимистично поддержали введение экзамена по русскому языку в устной форме. Один из комментариев: «Думаю, что улучшит, так как это понижает вероятность списывания, устная речь намного важнее для повседневной жизни и трудовой деятельности. Однако нужно искоренять коррупционную составляющую». Вопрос, прежде всего, возникает с качеством проведения такого экзамена, где доля субъективного подхода к оцениванию гораздо выше, чем на письменном экзамене. Стоит опасаться и коррупционной составляющей в этом деле. Есть опасение, что приезжие будут «вызубривать заученные фразы». Вопрос об уровне владения русским языком (устным и письменным)

далеко не праздный, ибо его знание – одно из важных условий адаптации мигрантов в российском социуме. Изменения в экзаменационной практике давно назрели.

Не менее тревожный, чем с русским языком, вопрос о законности пребывания иностранных работников в РФ. Ситуация обострилась, когда дети мигрантов пришли в российские образовательные учреждения. Многие рядовые туляки сомневаются, что дети мигрантов правомерно учатся в школах и ходят в детские сады. Не случайно две трети опрошенных считают, что наличие документов о законности пребывания в РФ при посещении детьми мигрантов образовательных учреждений изменит миграционную ситуацию к лучшему. Не согласна с этим только четверть. Безусловно, прием детей иностранных граждан в сады и школы важен с точки зрения правовой составляющей: местные жители должны понимать, что государственные органы контролируют миграционную ситуацию.

Беспокоит туляков совместное обучение детей мигрантов и местных, поскольку иностранные учащиеся плохо знают русский язык, не подготовлены к школе. Одно из замечаний: «Работать в классах, где есть дети-инофоны, сложно. Работа с конкретными учениками невозможна. Падает успеваемость, общий уровень образованности, что вызывает напряженность со стороны родителей, руководства школы и т.д. по цепочке заинтересованных лиц». Не случайно две трети опрошенных респондентов одобрительно относятся к введению тестов по русскому языку для детей мигрантов, поступающих в школу. С одной стороны, прохождение теста гарантирует наличие хоть каких-то базовых знаний по русскому языку, что необходимо для обучения в школе. С другой стороны, нужно опасаться того, что оставшиеся за порогом школы дети будут без присмотра родителей, могут попасть под влияние деструктивных групп, а в будущем стать основой для формирования этнических молодежных преступных группировок. Один из экспертов написал: «Тестирование улучшит ситуацию, только если будет продуман механизм, что делать с теми, кто данное тестирование не пройдет. Они пойдут на улицу или для них будут разработаны какие-то отдельные институты социализации и интеграции в российское общество».

Среди опрошенных более двух третей выразили опасения по поводу того, что после введения тестирования при поступлении в школу в регионе может вырасти число детей-подростков мигрантов, не посещающих школы. Эксперты задают резонные вопросы: «Как они тогда научатся русскому языку и смогут ли вообще продолжить существование на территории РФ? У них ведь не будет не только знания языка, правовых основ российской государственности и законов, но и соответствующего документа об образовании, с которым они смогли бы устроиться на официальную хорошо оплачиваемую работу. Получается, эта мера может привести к обратным последствиям, когда мы будем плодить бедность, незнание языка, необразованность в целом».

Затруднение доступа в школы для детей мигрантов может подтолкнуть к появлению в области полулегальных и неформальных учебных заведений для мигрантов школьного возраста. Половина экспертов считает, что такое возможно, не согласны с этим чуть меньше – 40 %. Как видим, мнения разошлись почти полярно. В комментариях респонденты высказали озабоченность ситуацией. «Если эта проблема не будет решена на государственном уровне, то начнет решаться на низовом уровне – уровне общин, культурных автономий и религиозных организаций. Сразу возникает вопрос о качестве подобного образования, а также об идеологических позициях и вопросах морали, которые будут воспитываться в детях в подобных организациях». «Если ребенка будет социализировать не школа, он все равно социализируется. Вопрос только, как? Религиозные институты и диаспоры могут заменить в вопросах социализации школу, подобные риски, на мой взгляд, не иллюзорны».

Следует отметить, что по вопросам образования эксперты оставили больше всего комментариев. В целом их настрой за обучение, ибо именно через образование лежит путь интеграции в российский социум. Приведем примеры высказываний: «Скорее следует, особенно если цель – обеспечить реальный доступ к обучению в школах. Если речь идет о масштабной системе для взаимодействия на перспективу, то можно ответить положительно лишь при тщательно проработанном комплексе мер и условий». «Безусловно следует, т.к. если мы хотим избежать (или хотя бы уменьшить) конфликты, детей мигрантов нужно интегрировать в российское общество, прививать ценности и знакомить с культурой, законодательными и социальными нормами».

Обсуждение тематики мигрантов и миграций затрагивает не только вопрос об обучении детей в школах. Проблема гораздо шире – в стране дефицит рабочей силы, в том числе и по специальностям, требующим профессионального образования. Среди экспертов есть понимание ситуации: «Современная экономика региона уже не сможет отказаться от труда мигрантов, в противном случае это приведет к кризисам, поэтому необходимо искать компромиссные решения мигрантского вопроса». Давно назрел вопрос о том, нужно ли привлекать мигрантов в российские колледжи и вузы? Ответы экспертов показали, что подавляющее большинство (две трети) поддерживает разработку мер по привлечению детей мигрантов в российские учебные заведения. «Вовлекать детей иностранцев в систему образования значит воспитывать будущих граждан России и помогать им интегрироваться в это общество», – заметил один из экспертов. Речь о вовлечении в российскую образовательную систему нужно вести по отношению к тем мигрантам, которые настроены интегрироваться в российский социум. Один из респондентов обратил внимание на значимость такой интеграции с демографической позиции: «С нашей низкой рождаемостью без мигрантов (интегрированных) мы не решим социально-экономические проблемы». С другой стороны, есть среди экспертов вопросы к мигрантам в связи с тем, что отнюдь не все они настроены на интеграцию. Одна из наболевших проблем: «Видно, прежде всего, открытое нежелание социализироваться, ко всему корыстное и рваческое отношение, абсолютное неприкрытое использование всех социальных благ, всевозможный уход от налогообложения».

Заключительная часть опроса касалась оценки экспертами миграционной политики в регионе. Больше половины респондентов оценили ее негативно, положительно – только четверть. Опасение экспертов вызвали запретительные меры: «Запреты на некоторые виды работ нанесли удар по экономике и потенциально – безопасности населения. Люди находятся в ситуации экономической неопределенности, только за то, что они другие, это может привести к их радикализации». Высказывались и противоположные идеи: «Учитывая широкую неудовлетворенность жителей региона миграционной политикой, считаю, что существующие меры нужно ужесточить». «Население не против мигрантов, но только если мигранты находятся на территории России законно и делают все необходимое для ассимиляции».

По вопросу о необходимости миграционного регулирования и его целях мнения экспертов разделились. Половина считает правильным усиление ограничительных мер по отношению к иностранным мигрантам, ибо это предотвратит риск межнациональной и религиозной напряженности. За привлечение иностранных мигрантов для восполнения дефицита кадров в экономике высказалась четвертая часть экспертов. Еще четверть либо затруднилась с ответом, либо высказала иное суждение. Многие из них отметили, что возможно сочетание двух подходов.

В заключение опроса экспертам нужно было предложить меры для нормализации ситуации в миграционной сфере. Оказалось, что они почти поровну разделились на сторонников и противников интеграции. Часть поддерживает идею адапта-

ции и интеграции иностранных мигрантов в российское общество. Для этого нужно не допускать изолированности мигрантов, вовлекать их в жизнь региона, приняв в том числе меры по формированию уважительного отношения российского населения к внутренним и внешним мигрантам. Противники интеграции предлагают ограничить и поставить под контроль приток иностранной рабочей силы в регион. По их мнению, мигранты должны приезжать по конкретному запросу фирмы, без семей, а потом возвращаться на родину. Во избежание коррупции следует установить контроль всех мест работы мигрантов, требуется честная отчетность их работодателей, привлечение общественности для контроля за нелегалами и профилактикой правонарушений.

Результаты анализа интернет-запросов

На протяжении 2025 – первой половины 2026 г. продолжилось ужесточение миграционного законодательства Тульской области. Иностранным гражданам, работающим на основании патентов, запретили производить детское питание и диетические продукты, торговать алкогольными напитками, табачными изделиями, косметикой и товарами личной гигиены, работать в сфере перевозок (в том числе такси), охранных службах, парикмахерских и салонах красоты [23]. С 1 января 2026 г. стоимость патента – документа, подтверждающего право иностранца на работу в регионе России, – в Тульской области составила 25 000 рублей в месяц (выше только стоимость патента в Краснодарском крае – 27 283 рублей, в Москве аналогичный патент стоит 10 000 рублей) [20]. Сократился перечень медицинских организаций, уполномоченных на проведение медицинского освидетельствования иностранных граждан (употребление наркотических средств, наличие или отсутствие инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих) [22]. Эти обстоятельства отразились на картине поисковых запросов интернет-аудитории Тульской области в 2025 – первой половине 2026 г.

Первый кластер ключевых слов был составлен по теме «мигранты и миграционное законодательство» и включил термины: «диаспора», «миграция», «мигранты», «миграционное законодательство», «патент», «экзамен для мигрантов», «разрешение на работу» (рис. 1).

Наиболее высокочастотными (от 1000 показов в месяц) в Тульской области были ключевые слова «миграция», «мигранты», «патент». Хотя последний термин является «зашумленным» (т. е. может использоваться в иных контекстах, связанных не с миграцией, а с системой налогообложения), пиковое значение запросы термина достигают в декабре 2025 г. – в месяц, когда стало известно о повышении стоимости патента для иностранных граждан более чем в два раза. Ключевые слова «диаспора», «экзамен для мигрантов», «миграционное законодательство», «разрешение на работу» в Тульской области относятся к среднечастотным (от 100 до 1000 показов в месяц). Частотность запросов «экзамен для мигрантов» была выше в первой половине 2025 г. – после изменений декабря 2024 г., связанных с сокращением числа государственных учреждений, проводящих экзамены по русскому языку как иностранному, истории России и основам российского законодательства [18] (с этого момента только ТГПУ им. Л. Н. Толстого имеет право проводить тестирование в Тульской области). Интерес интернет-аудитории к поиску информации о «разрешении на работу» стабилен, меняется в пределах 50–100 единиц в месяц (пикового значения достиг в октябре 2025 г.). Запрос «миграционное законодательство» показывает наименьшую частотность из приведенных терминов.

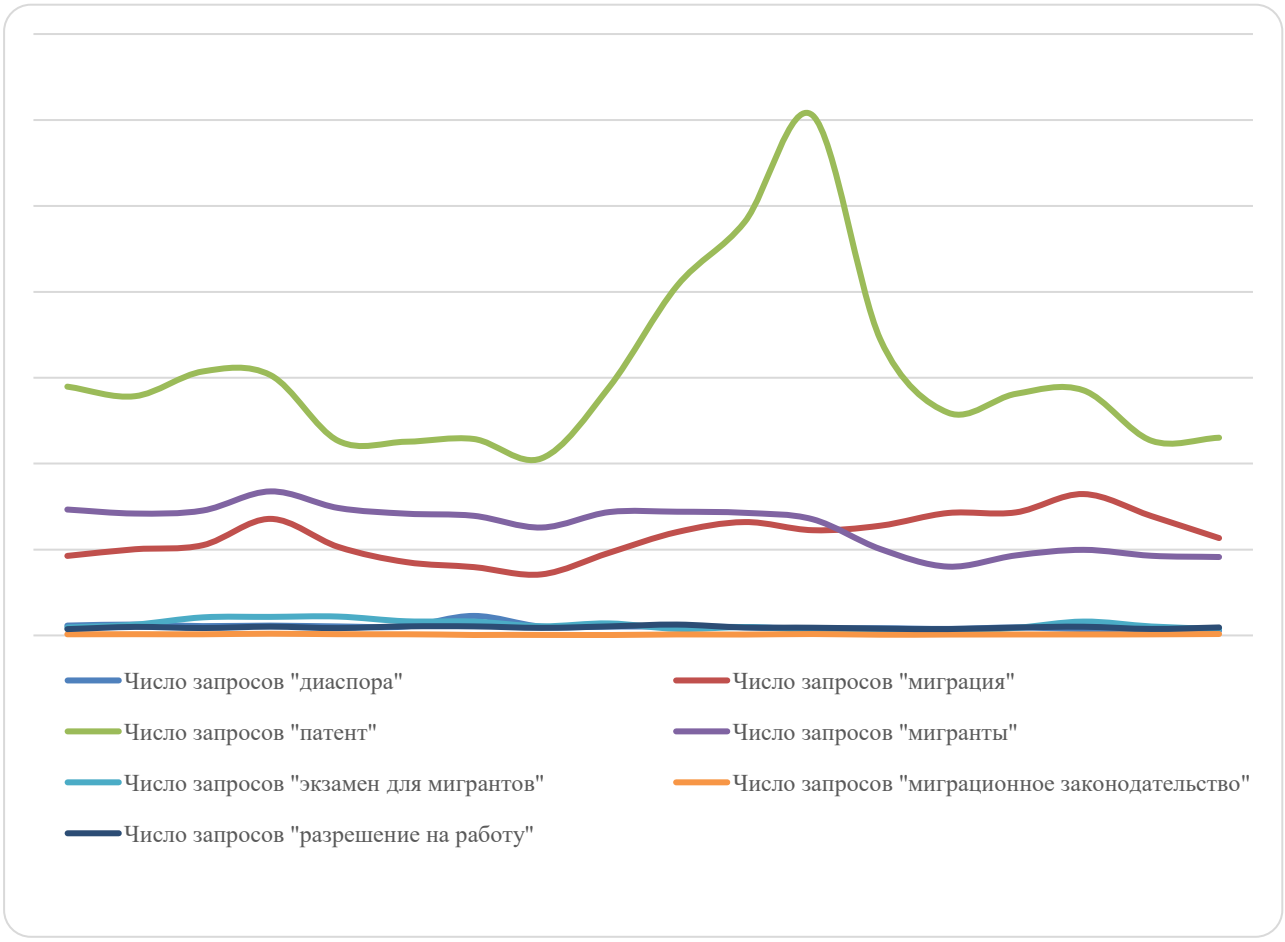


Рис. 1. Частотность употребления в поисковых запросах «Яндекс»
(январь 2025 – июнь 2026 г.; Тульская область; декстопы, смартфоны, планшеты)
– составлено с помощью сервиса «Яндекс Wordstat»

Второй кластер ключевых слов был составлен по теме «этнический состав региона» и включил этнонимы, связанные с наиболее часто встречающимися образами внешней и внутрироссийской трудовой миграции в регионе (при этом примеры «языка вражды», оскорбительной и обсценной лексики, обозначающие этническую принадлежность, в исследовании не использовались). Кластер включил этнонимы «армяне», «азербайджанцы», «грузины», «узбеки», «таджики», «казахи», «киргизы», «туркмены», а также условно-обобщающие «кавказцы» (просторечия «закавказцы» и «среднеазиаты» в поисковых запросах встречаются в единичных случаях). Также в данный кластер включен этноним «цыгане», не относящийся к трудовой миграции, но ассоциирующийся с межнациональной напряженностью в регионе (рис. 2).

Наиболее высокочастотным (с большим отрывом от остальных этнонимов) запросом является ключевое слово «узбеки» (не менее 12 000 запросов в регионе ежемесячно). На втором месте по запросам – «цыгане» (от 5000 до 10 000 запросов ежемесячно), на третьем – «армяне» (от 2900 до 5000). К низкочастотным относятся этнонимы «туркмены», «киргизы» и «азербайджанцы». Часть поисковых запросов по данным ключевым словам связана, в первую очередь, с международными политическими новостями (например, всплеск интереса к казахам в ноябре 2025 г. может быть связан, в том числе, и с визитом президента Казахстана в Россию; а увеличение

частотности запроса «азербайджанцы» – с обострением отношений России и Азербайджана в июле 2025 г.). Заметна связь роста интереса к этнической группе с информационными поводами, отражающимися в региональных новостях. Так, рейды УМВД России по Тульской области, Управления Федеральной службы судебных приставов по Тульской области, Росгвардии в поселке Плеханово (компактном месте жительства цыган) в марте-апреле 2025 г. отразились всплеском частотности ключевых слов в поисковиках [15].

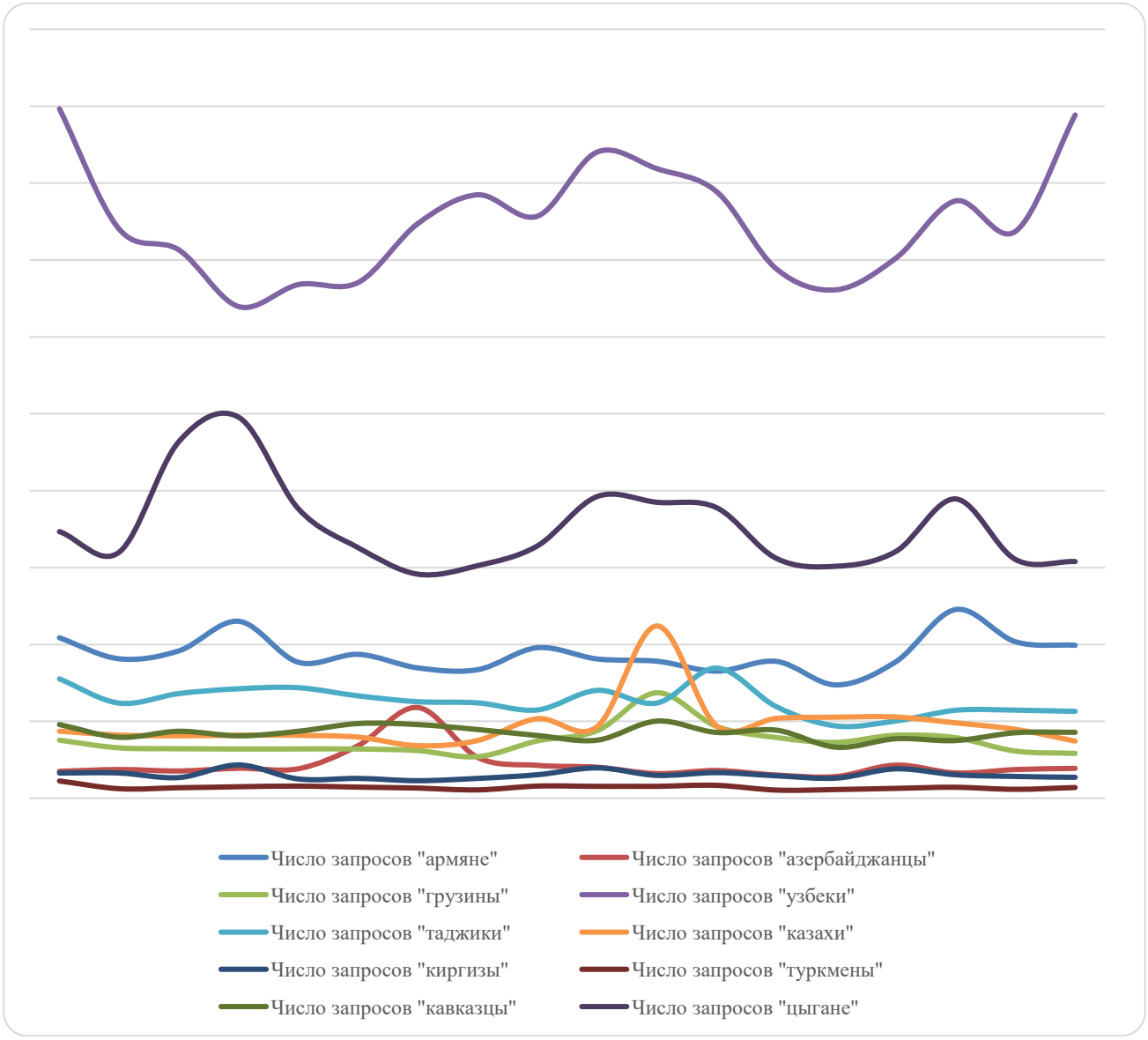


Рис. 2. Частотность употребления в поисковых запросах «Яндекс»
(январь 2025 – июнь 2026; Тульская область; декстопы, смартфоны, планшеты)
– составлено с помощью сервиса «Яндекс Wordstat»

Заключение

Эксперты констатировали, что у населения Тульской области распространены негативные установки относительно иностранных трудовых мигрантов. Известно, что «мигрантофобии волатильны, ситуативны и в значительной степени зависят от информационного поля» [12, с. 54]. По сравнению с опросом 2017 г. неприятие мигрантов в регионе усилилось, что, очевидно, связано с громким терактом марта

2024 г. в Красногорске и ухудшением социально-экономической ситуации. Ксенофобский дискурс туляков направлен преимущественно на представителей среднеазитаских трудовых мигрантов и определяется, прежде всего, языковой и культурно-бытовой отличительностью приезжих. Такое неприятие имеет социально-культурную, ценностную природу и поддерживается предрассудками. Исследования по другим региона РФ и другим странам также фиксируют сильные связи между отношением к мигрантам и социокультурными факторами. Предубеждения местных жителей коррелируют с восприятием мигрантов заметнее, чем их социально-экономическое положение [11, с. 441, 442]. Наибольшую обеспокоенность эксперты высказали по поводу сегрегации азиатских мигрантов в тех или иных местах. В гораздо меньшей степени антимиграционные настроения туляки проявляют по отношению к иностранным студентам и переселенцам из других регионов России.

За поддержку приезда внешних мигрантов в Россию и Тульскую область эксперты высказали демографический довод. В условиях ухудшения демографической ситуации в Тульской области, продолжающегося сокращения и старения населения приток мигрантов оценивается как источник пополнения рабочей силы, особенно в непривлекательных для россиян сферах труда. Демографической фактор в таком случае увязывается с экономическим.

В целом результаты опроса показали, что туляки озадачены рисками межнациональных и религиозных конфликтов в связи с присутствием в регионе мигрантов. Анализ интернет-запросов населения Тульской области отражает острую реакцию пользователей на информационные поводы, связанные с межнациональными отношениями, а также подтверждает повышенный интерес к миграционной проблематике, особенно в связи с последовательным ужесточением политики регулирования трудовой деятельности иностранцев в регионе.

Список источников и литературы

1. *Белова Н. А., Белов А. М.* Миграционные процессы и их влияние на социально-экономическое развитие Центральной России на примере Костромской области // Вестник антропологии. 2022. № 1. С. 243–263.
2. *Варганова О. Ф.* Образ трудового мигранта в федеральных и региональных СМИ (по результатам контент-анализа) // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3 (11). С. 81–93.
3. *Варшавер Е. А.* Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 2. С. 377–396.
4. *Деханова Н. Г., Лебедева В. Ю., Сушко В. А.* Внешняя миграция и социальные стереотипы россиян: социологический анализ социального восприятия миграционных процессов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2025. Т. 18, вып. 2. С. 215–228.
5. *Иванова Н. С., Варшавер Е. А., Егорова Т. Д., Орлова А. А.* «Ну, будь человеком, вот и все!»: интеграция мигрантов в представлениях местных жителей // Журнал Фронтирных Исследований. 2026. Т. 11, № 1 (41). С. 271–295. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nu-bud-chelovekom-vot-i-vse-integratsiya-migrantov-v-predstavleniyah-mestnyh-zhiteley (дата обращения: 16.01.2026).
6. *Иванова Н. С., Егорова Т. Д., Варшавер Е. А., Савин И. С.* «Жить так же, как мы живем»: представления жителей России об интеграции мигрантов // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 3 (123). С. 245–265.
7. *Рысин С.* Как в России меняется отношение к миграции // Русские в Казахстане. 2024. 24 апр. URL: https://russianskz.info/compatriot/14352-kak-v-rossii-menjaetsja-otnoshenie-k-migracii.html (дата обращения: 16.01.2026).
8. *Мартынова Е. П.* Трудовые мигранты в Тульской области: реакции местного

населения и перспективы интеграции // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2020. № 4 (4). С. 46–55. URL: https://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_4/46/ (дата обращения: 16.01.2026).
9. Миграции и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / отв. ред. В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2015–2016. 412 с.
10. Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России / отв. ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. 340 с.
11. *Монусова Г. А.* Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 436–458.
12. *Мукомель В.* Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. 2021. № 1-2. С. 53–68.
13. *Мукомель В. И.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. Т. 20, № 1. С. 34–50.
14. *Нам И. В., Карагеоргий Е. М., Ермолова А. И., Никитина Е. В.* Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 166–192.
15. Очередной рейд силовиков в Плеханово: восемь изъятых автомобилей и долги на миллион // Myslo : информ. портал. 2025. 18 апр. URL: https://myslo.ru/news/tula/2025-04-18-ocherednoj-rejd-silovikov-v-plehanovo-vosem-iz-yatyh-avtomobilej-i-dolgi-na-million (дата обращения: 08.08.2026).
16. Поисковые системы в России: Доля визитов по данным Яндекс.Метрики с задержкой 14 дней // Яндекс.Радар : [информ. сервис] / ООО «Яндекс». 2017–2026. URL: https://radar.yandex.ru/search?period=2025-01-01%3A2026-06-01 (дата обращения: 08.08.2026).
17. *Прохода В. В.* Отношение к мигрантам в современной России // Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. ст. VIII Уральского демографического форума / отв. ред. А. И. Кузьмин. Т. 2. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2017. С. 349–352.
18. Распоряжение Правительства РФ от 10 дек. 2024 г. № 3641-р «Об утверждении перечня государственных учреждений, проводящих экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации» // Гарант.ру: информ.-прав. портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410984682/. Дата публикации: 18.12.2024.
19. *Спирина А. С.* Отношение местного населения к мигрантам (на примере Новосибирской области) // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2021. Т. 2, № 10. С. 203–207.
20. Справочная информация: «Стоимость патента для иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в субъектах Российской Федерации» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) // КонсультантПлюс: офиц. сайт. М., 1997–2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286167/ (дата обращения: 08.08.2026).
21. Статистика запросов в Яндекс Wordstat: узнать, что спрашивают люди, и подстроиться под спрос / подгот. Д. Лихач // Яндекс.Практикум / АНО ДПО «Образовательные технологии Яндекса». URL: https://practicum.yandex.ru/blog/statistika-zaprosov-yandex-wordstat/. Дата публикации: 09.10.2025.
22. Указ Губернатора Тульской области от 21.08.2026 г. № 121 «Об установлении Перечня медицинских организаций, уполномоченных на проведение на территории Тульской области медицинского освидетельствования иностранных граждан» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/7100202608240004. Дата публикации: 24.08.2026.
23. Указ Губернатора Тульской области от 26.09.2025 г. № 152 «Об установлении запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Тульской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности, на 2026 год» // Официальный интернет-портал правовой

информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/7100202509290001. Дата публикации: 29.09.2026.

24. *Цапенко И. П., Юревич М. А.* Статистика онлайн-запросов в наукастинге миграции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 1. С. 74–89.

References

1. Belova, NA & Belov, AM 2022, 'Migratsionnyye protsessy i ikh vliyaniye na sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye Tsentralnoy Rossii na primere Kostromskoy oblasti' (The impact of migration on the socio-economic development in Central Russia (the case of the Kostroma Region)), *Vestnik antropologii* (Herald of Anthropology), no. 1, pp. 243-263. (In Russ.)
2. Varganova, OF 2015, 'Obraz trudovogo migranta v federalnykh i regionalnykh SMI (po rezultatam kontent-analiza)' (The image of migrant workers in federal and regional mass media (results of content analysis)), *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* (The journal Sociological Science and Social Practice), no. 3(11), pp. 81-93. (In Russ.)
3. Varshaver, EA 2023, 'Integratsiya migrantov cherez prizmu konstruktivistskogo podkhoda k etnichnosti' (Integration of migrants through the lens of a constructivist approach to ethnicity), *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* (RUDN Journal of Political Science), vol. 25, no. 2, pp. 377-396. (In Russ.)
4. Dekhanova, NG, Lebedeva, VYu & Sushko, VA 2025, 'Vneshnyaya migratsiya i sotsialnyye stereotypy rossiyan: sotsiologicheskiy analiz sotsialnogo vospriyatiya migratsionnykh protsessov' (External migration and social stereotypes among Russians: A sociological analysis of public perceptions of migration processes), *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya* (Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology), vol. 18, no. 2, pp. 215-228. (In Russ.)
5. Ivanova, NS, Varshaver, EA, Egorova, TD & Orlova, AA 2026, "Nu, bud chelovekom, votivse!": integratsiya migrantov v predstavleniyakh mestnykh zhitelei' ("Just e Human, That's All!": Local Residents Concepts of Migrant Integration), *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* (Journal of Frontier Studies), vol. 11, no. 1(41), pp. 271-295, viewed 16 January 2026, https://cyberleninka.ru/article/n/nu-bud-chelovekom-vot-i-vse-integratsiya-migrantov-v-predstavleniyah-mestnyh-zhiteley (In Russ.)
6. Ivanova, NS, Egorova, TD, Varshaver, EA & Savin, IS 2024, "Zhit' tak zhe, kak my zhivyom": predstavleniya zhiteley Rossii ob integratsii migrantov' ("To live just like we do": Russian residents' perceptions of migrant integration), *Aktualnyye problemy Evropy* (Current problems of Europe), no.3(123), pp. 245-265 (In Russ.)
7. Rysin, S 2024, 'Kak v Rossii menyaetsya otnosheniye k migratsii' (How attitudes toward migration are changing in Russia), *Russkiye v Kazakhstane*, viewed 16 January 2026, https://russianskz.info/compatriot/14352-kak-v-rossii-menjaetsja-otnoshenie-k-migracii.html (In Russ.)
8. Martynova, EP 2020, 'Trudovye migranty v Tulskoy oblasti: reaktsii mestnogo naseleniya i perspektivy integratsii' (Migrant workers in the Tula region: responses of the local population and prospects of integration), *Tulskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Istoriya. Yazykoznaniye* (Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics), no. 4(4), pp. 46-55, viewed 16 January 2026, https://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_4/46/ (In Russ.)
9. Stepanov, VV (ed.) 2015-2016, *Migratsii i migranty v Rossii i mire: opyt sotsialno-antropologicheskikh i etnograficheskikh nablyudeniy* (Migrations and migrants in Russia and the world: the experience of socio-anthropological and ethnographic observations), IEA RAN publ, Moscow (In Russ.)
10. Tishkov, VA & Stepanov, VV (eds.) 2019, *Migratsiya i mezhnatsionalnyye otnosheniya: resurs gosudarstvenno-obshchestvennogo partnerstva v Rossii* (Migration and interethnic relations: the resource of state-public partnership in Russia), IEA RAN publ, Moscow (In Russ.)
11. Monusova, GA 2021, 'Otnosheniye k migrantam: mneniya i somneniya rossiyan' (Russians' Attitudes towards Migrants: Opinions and Doubts), *Monitoring obshchestvennogo mneniya:*

ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny (Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes), no. 6, pp. 436-458. (In Russ.)
12. Mukomel, V 2021, 'Migratsionnaya situatsiya i migranty v vospriyatii rossiyan' (Migration situation and migrants in the perception of Russians), *Vestnik Rossiiskoy natsii* (Bulletin of Russian nation), no. 1-2, pp. 53-68 (In Russ.)
13. Mukomel, VI 2011, 'Integratsiya migrantov: vyzovy, politika, sotsialnyye praktiki' (Integration of migrants: challenges, policy, social practices), *Mir Rossii* (Universe of Russia), vol. 20, no. 1, pp. 34-50 (In Russ.)
14. Nam, IV, Karageorgiy, EM, Ermolova, AI & Nikitina, EV 2017, 'Konstruirovaniye obraza trudovogo migranta v regionalnykh SMI (na primere Tomska)' (The image of labour migrants constructed by the mass media: the case of Tomsk), *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* (Siberian Historical Research), no. 1, pp. 166-192. (In Russ.)
15. 'Ocherednoy reyd silovikov v Plekhanovo: vosem izyatykh avtomobiley i dolgi na million' (Another raid by law enforcement in Plekhanovo: eight seized cars and debts totalling millions) 2025, *Myslo*, 18 April, viewed 8 August 2026, https://myslo.ru/news/tula/2025-04-18-ocherednoj-rejd-silovikov-v-plehanovo-vosem-iz-yatyh-avtomobilej-i-dolgi-na-million (In Russ.)
16. 'Poiskovyye sistemy v Rossii. Dolya vizitov po dannym Yandeks. Metriki s zaderzhkoy 14 dney' (Search engines in Russia. Share of visits according to Yandex. Metrica data. 14-Day Lag) 2026, *Yandex. Radar*, viewed 8 August 2026, https://radar.yandex.ru/search?period=2025-01-01%3A2026-06-01 (In Russ.)
17. Prokhoda, VV 2017, 'Otnosheniye k migrantam v sovremennoy Rossii' (Attitude to migrants in modern Russia), *Demograficheskiy potentsial stran EAES: VIII Uralskiy demograficheskiy forum* (Demographic potential of the EAEU countries: VIII Ural Demographic Forum), ed. A. I. Kuzmin, vol. 2, In-t ekonomiki UrO RAN publ, Yekaterinburg, pp. 349-352. (In Russ.)
18. 'Rasporazhenie Pravitelstva RF ot 10 dekabrya 2024 g. № 3641-r "Ob utverzhdenii perechnya gosudarstvennykh uchrezhdenii, provodyashchikh ekzamen po russkomu yazyku kak inostrannomu, istorii Rossii i osnovam zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii" (Order of the Government of the Russian Federation of December 10, 2024, No. 3641-r 'On approval of the list of state institutions conducting examinations in Russian as a foreign language, history of Russia, and fundamentals of the legislation of the Russian Federation') 2024, *Garant.ru*, https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410984682/ (In Russ.)
19. Spirina, AS 2021, 'Otnosheniye mestnogo naseleniya k migrantam (na primere Novosibirskoi oblasti)' (Attitude of the local population towards migrants: the case of the Novosibirsk Region), *Sotsialnaya integratsiya i razvitie etnokultur v yevraziyskom prostranstve* (Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space), vol. 2, no. 10, pp. 203-207. (In Russ.)
20. 'Spravochnaya informatsiya: "Stoimost patenta dlya inostrannykh grazhdan, osushchestvlyayushchikh trudovuyu deyatelnost v subyektakh Rossiiskoy Federatsii" (Reference information: "The cost of a patent for foreign citizens engaged in labor activities in the constituent entities of the Russian Federation") 2026, *Konsultant Plyus*, viewed 8 August 2026, https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286167/ (In Russ.)
21. 'Statistika zaprosov v Yandeks Wordstat: uznat, chto sprashivayut lyudi, i podstroitsya pod spros (Statistics of queries in Yandex Wordstat: find out what people ask and adapt to demand) 2025, *Yandex. Praktikum*, 9 October, viewed 8 August 2026, clck.ru/3Vhawy (In Russ.)
22. 'Ukaz Gubernatora Tulskoy oblasti ot 21 avgusta 2026 g. № 121 "Ob ustanovlenii Perechnya meditsinskikh organizatsii, upolnomochennykh na provedeniye na territorii Tulskoy oblasti meditsinskogo osvidetelstvovaniya inostrannykh grazhdan" (Decree of the Governor of the Tula Region of August 21, 2026, No. 121 "On establishing the List of medical organizations authorized to conduct medical examination of foreign citizens on the territory of the Tula Region") 2026, *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii*, http://publication.pravo.gov.ru/document/7100202608240004 (In Russ.)
23. 'Ukaz Gubernatora Tulskoy oblasti ot 26 sentyabrya 2025 g. № 152 "Ob ustanovlenii zapreta na privlechenie khozyaistvuyushchimi sub"ektami, osushchestvlyayushchimi deyatelnost na

territorii Tulskoy oblasti, inostrannykh grazhdan, osushchestvlyayushchikh trudovuyu deyatelnost na osnovanii patentov, po otdelnym vidam ekonomicheskoy deyatelnosti, na 2026 god" (Decree of the Governor of the Tula Region of September 26, 2025, No. 152 "On establishing a ban on the engagement by business entities operating in the territory of the Tula Region of foreign citizens carrying out labor activities on the basis of patents, in certain types of economic activities, for the year 2026") 2026, *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii*, http://publication.pravo.gov.ru/document/7100202509290001 (In Russ.)

24. Tsapenko, IP & Yurevich, MA 2022, 'Statistika onlayn-zaprosov v naukastinge migratsii' (Nowcasting migration using statistics of online queries), *Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* (Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast), no. 1, pp. 74-89 (In Russ.)

Вклад авторов:
Мартынова Е. П.– идея, обработка материала, интерпретация результатов, написание текста статьи.
Секенова О. И. – идея, обработка материала, интерпретация результатов, написание текста статьи.

Contribution of the authors:
Elena. P. Martynova – idea; data processing; interpretation of results; writing an article.
Olga I. Sekenova – idea; data processing; interpretation of results; writing an article.

Статья поступила в редакцию: 30.07.2026
Одобрена после рецензирования: 27.08.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 30.07.2026
Approved after reviewing: 27.08.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Прагматическое измерения языка

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 192–205.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 192–205.

Научная статья
УДК 81
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-192–205

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ESG-ТРАНСФОРМАЦИИ

Светлана Вениаминовна Лебедева

Курский государственный университет
Курск, Россия,
lebedeva15sv@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается гендерная специфика восприятия ESG-трансформации. В ходе анализа результатов многоэтапного междисциплинарного исследования определяется степень влияния гендерной принадлежности на субъективную оценку организаций, деятельность которых характеризуется устойчивостью и социальной ответственностью. Автор заявляет о прагматическом потенциале Отчета об устойчивом развитии, который может выступать средством коммуникации компании со стейкхолдерами. Выводы основываются на разборе вербальной интерпретации ESG-портрета компании «Сбербанк», являющейся одной из лидеров в области устойчивого развития. Подчеркивается, что в современных реалиях знание дискурса ESG-трансформации и умение профессионально осуществлять деловую коммуникацию со стейкхолдерами может стать фундаментом крепкого бизнеса, обеспечит привлечение клиентов, партнеров, инвесторов и позволит устанавливать и поддерживать продуктивные деловые отношения. В статье отмечается, что индивидуальное сознание хранит отпечатки опыта нашего взаимодействия с окружающей действительностью, при этом слова в речи человека обладают огромным многогранным потенциалом, знание и правильное использование которого расширяет границы и возможности межличностного и социального взаимодействия в рамках устной и письменной, непосредственной и опосредованной коммуникации. Поэтому, компании, ставшие частью ESG-трансформации, открыто заявляют о своих ESG-инициативах и реализуемых ЦУР в ежегодных Отчетах об устойчивом развитии. Представленное в статье экспериментальное исследование показало, что гендер является значимым параметром, без учета которого значительно снижаются прагматический потенциал и эффект Отчетов об устойчивом развитии и его корректное вербальное наполнение позволит компании правильно выстроить отношения со всеми, кто входит в сферу ее профессиональных интересов.

Ключевые слова: психолингвистика, устойчивое развитие, ESG-отчет, дискурс ESG-трансформации, гендер, вербальная репрезентация, Сбербанк.

Для цитирования: Лебедева С. В. Гендерная специфика восприятия ESG-трансформации // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 192–205. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-192–205

Сведения об авторе: *С. В. Лебедева* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации, Курский государственный университет, 305000, Россия, Курск, ул. Радищева, д.33

© Лебедева С. В., 2026

Scientific Article
UDC 81
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-192–205

THE PERCEPTION OF ESG TRANSFORMATION: GENDER ASPECT

Svetlana V. Lebedeva

Kursk State University
Kursk, Russia,
lebedeva15sv@yandex.ru

Abstract. The analysis of the results of a multi-stage, interdisciplinary study reveals the influence of gender on the subjective assessment of organizations whose activities are characterized by sustainability and social responsibility. The author emphasizes the pragmatic potential of ESG Report being a means of communication between a company and its stakeholders. The findings are based on the analysis of the verbal interpretation of the ESG profile of Sberbank, a Russian leader in sustainable development. The conclusions are based on an analysis of the verbal interpretation of the ESG portrait of Sberbank, one of the leaders in the field of sustainable development. It is emphasized that in today's reality, knowledge of the ESG transformation discourse and the ability to professionally communicate with stakeholders can become the foundation of a strong business, attract customers, partners, and investors, and enable the establishment and maintenance of productive business relationships. The article notes that the individual consciousness stores the imprints of our experience of interaction with the surrounding reality, while words in a person's speech have a huge multifaceted potential, the knowledge and correct use of which expands the boundaries and possibilities of interpersonal and social interaction within the framework of oral and written, direct and indirect communication. Therefore, companies that have become part of the ESG transformation openly declare their ESG initiatives and the SDGs they are implementing in their annual reports.

Keywords: psycholinguistics, sustainable development, ESG Report, discourse of ESG transformation, gender, verbal representation, Sberbank

For citation: Lebedeva, SV 2026, 'The Perception of ESG Transformation: Gender Aspect', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 192–205, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-195-205 (in Russ.)

Information about the Author: *Svetlana V. Lebedeva* – Doctor of Philology, professor, head of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Kursk State University, 33, st. Radischeva, Kursk, 305000, Russia.

© Lebedeva S. V., 2026

Введение

Современная картина мира является важным фактором, определяющим формирование индивидуального сознания, что в том числе находит отражение в нашем ментальный лексиконе и проявляется через язык и речь. Общество в глобальном смысле становится более осознанным и социально ответственным и по мере формирования новых убеждений и внедрения новых практик во все сферы его жизни и деятельности расширяется наша концептосфера и обогащается наш лексикон.

На сегодняшний день уже возможно заявлять о возникновении нового самодостаточного информационного контекста, который можно условно определить как «дискурс ESG-трансформации», вызывающего у лингвистов определенный обоснованный интерес.

С каждым годом всё больше компаний, вдохновляясь всемирным трендом устойчивого развития [2], становятся более ответственными в отношении окружающей среды (E – Environment), сотрудников, клиентов и общества в целом (S – Social), а также организации корпоративного управления (G – Governance) [6]. Осознанный бизнес становится частью ESG-трансформации общества, происходящей на всех уровнях и положительно влияющей на индивидуальное и коллективное сознание. Важная роль связующего звена во всех этих процессах отводится языку, посредством которого осуществляется взаимодействие индивидов с внешним миром. Идеи устойчивого развития, зародившись в индивидуальном сознании, были транслированы обществу через язык, восприятие данной вербализированной информации привело к формированию в сознании реципиентов первичного отклика, который впоследствии по мере нарастания опыта когнитивно зафиксировался в виде ментальных образов, устойчиво связывающих определенные реалии с соответствующими языковыми единицами. Идеи устойчивого развития, ESG-повестка и ESG-инициативы, все это, соприкасаясь с индивидуальным сознанием, сформировало определенный пласт языка, который теперь обусловливает межличностное, социальное, профессиональное и все другие виды взаимодействия в данной сфере.

Одним из средств вербального и невербального, прямого и опосредованного взаимодействия осознанных компаний с разными категориями стейкхолдеров (сотрудниками, клиентами, партнерами, конкурентами, инвесторами, государственными и частными организациями, профессиональными сообществами, общественностью в целом) является Отчет об устойчивом развитии. Ежегодную нефинансовую отчетность обычно размещают в открытом доступе с целью предоставить всем заинтересованным лицам и/или объединениям возможность ознакомиться с политикой, практиками и актуальными достижениями организаций в данной сфере. Отчет об устойчивом развитии является важным инструментом коммуникации, обладающим не только практической ценностью, но и значительным прагматическим потенциалом. Специфика вербального наполнения Отчета влияет на образ компании, который она транслирует вовне. Помимо корректности самопозиционирования, демонстрации определенного статуса и подтверждения должной степени осведомленности за счет следования актуальным терминологическим трендам языка нефинансовой отчетности [8], специалисты, занимающиеся составлением ESG-отчетов, могут намеренно использовать в текстах наиболее частотную, узнаваемую и эффективную терминологию, и прочие особые языковые приемы и явления, чтобы помочь своей компании оказать определенное коммуникативное воздействие на целевую аудиторию и правильно привлечь внимание большего числа сторонников устойчивого развития и ESG-трансформации. В современных реалиях знание дискурса ESG-трансформации и умение профессионально осуществлять деловую коммуникацию со стейкхолдерами может стать фундаментом крепкого бизнеса, обеспечит привле-

чение клиентов, партнеров, инвесторов и позволит устанавливать и поддерживать продуктивные деловые отношения.

Многогранность текстов нефинансовой отчетности и их недостаточная изученность с позиции языка обусловила наш интерес и позволила выбрать их объектом своего междисциплинарного исследования.

В данной статье будет освящена одна из стадий проведенного многоэтапного исследования [1; 3; 4], в рамках которого устойчивое развитие рассматривается в ракурсе психолингвистики. В этот раз в фокус внимания попал гендерный аспект.

Большинство гендерных исследований, связанных с устойчивым развитием и ESG-трансформацией, посвящены рассмотрению роли женщин в устойчивом развитии, вопросам гендерного равенства и влияния гендерного разнообразия сотрудников, в особенности в руководящем составе, на бизнес [5].

Исторически сложилось, что женщины являются менее защищенной категорией населения и это нашло отражение в Целях в области устойчивого развития (ЦУР). Цель 5 перечня посвящена обеспечению гендерного равенства и расширению прав и возможностей всех женщин и девочек. Поскольку в достижении данной цели наблюдается очевидный прогресс и женщины постепенно укрепляют свои социальные позиции, растет и их роль в создании устойчивого будущего на глобальном и локальном уровнях. Как следствие возникает прямая необходимость детального изучения их текущего вклада и потенциала, а также принципиальных различий с представителями противоположного пола.

Учеными было выявлено, что гендерная принадлежность влияет на склонность к зеленому потреблению [7]. Женщины по своей природе чаще проявляют заботу об окружающей среде. Для них более характерны приверженность «зеленому» образу жизни и проявление ответственного просоциального поведения. Гендерный разрыв в данном случае обусловлен стереотипом, ассоциирующим экологически ответственное поведение с проявлением женственности, вследствие чего мужчины, стремящиеся к поддержанию маскулинной идентичности, осознанно демонстрируют меньшую вовлеченность в соответствующие практики. Важную роль также играет специфика гендерной самоидентичности: в сознании женщин чаще преобладают ценности самотрансценденции, в то время как представители противоположного пола скорее опираются на ценности самоутверждения.

Нивелирование указанных различий и повышение уровня устойчивого потребления среди мужчин достижимо посредством активации их социальной идентичности (забота о благополучии семьи, ближнего круга или сообщества), либо применения стратегий «маскулинного брендинга», которые снижают влияние гендерных стереотипов [7].

Ввиду ранее установленного учеными гендерного разрыва, нам стало интересно проверить, влияет ли пол индивида на специфику восприятия ESG-трансформации в целом и проявляются ли какие-либо гендерные различия в интерпретации ESG-портрета социально-ответственных «зеленых» компаний, реальные деятельность и достижения которых вербализуются в ежегодной нефинансовой отчетности. В случае выявления гендерной обусловленности полученные данные могут быть использованы компаниями для анализа и усиления прагматического потенциала своих Отчетов об устойчивом развитии посредством их целенаправленной адаптации к особенностям восприятия стейкхолдеров разного пола.

Целью нашего исследования стало определение гендерной специфики восприятия ESG-трансформации, а также определение степени влияния гендерной принадлежности индивида на субъективную оценку компаний, практики которых характеризуются устойчивостью и социальной ответственностью.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели был проведен эксперимент, реализация которого включала несколько этапов. В ходе предыдущих стадий нашего исследования была проведена подготовительная работа: был определен перечень российских компаний, являющихся лидерами в области устойчивого развития; на основе анализа текстов нефинансовой отчетности трех из них («Сбербанк», «Яндекс», «ЛУКОЙЛ») были составлены семантические поля, вербализующие их ESG-портреты; была сформирована подборка полярных оценочных характеристик, необходимых для проведения субъективного шкалирования; был разработан многоступенчатый опросник для испытуемых разных гендеров.

Анализ ранее полученных данных показал, что ESG-отчеты обладают определенным прагматическим потенциалом, а грамотная вербализация достижений в области реализации выбранных ЦУР и следования обозначенным ESG-принципам может не просто ознакомить стейкхолдеров с реальными результатами внедрения актуальных практик, но и значительно улучшить образ компании в глазах общественности [3; 4]. Роль гендера в успешности реализации прагматического потенциала Отчета ранее не рассматривалась.

При подготовке и проведении исследования использовались следующие методы: частотный анализ, семантический дифференциал, свободный ассоциативный эксперимент, концептуальный/когнитивный анализ и психолингвистическая интерпретация, статистический метод обработки данных и др.

Целевым контингентом стали студенты 1-3 курсов, которые являются представителями поколения Z, индивидуальное и социальное сознание которого формировалось в условиях меняющейся реальности и роста значимости заботы об окружающей среде и социальной ответственности. Уже сейчас лица данной возрастной категории являются осознанными личностями, находящимися на финальной стадии становления и самоопределения, и способными обрабатывать сложную информацию, приходя к осознанным выводам. Более того, в ближайшей перспективе данное поколение будет определять реальность нашего общества, в силу чего их выводы имеют определенную ценность.

Также высока вероятность, что зумеры обладают определенными знаниями в области ЦУР и ESG, полученными в семье или из СМИ, в ходе обучения в школе или университете, а возможно в результате участия в различных общественных проектах и инициативах. Исходя из вышесказанного, представители поколения Z отвечают запросам исследования и способны предоставить релевантную обратную связь.

Общее количество испытуемых составило 80 человек, среди которых было равное количество студентов мужского (40) и женского (40) пола. Обеим категориям участников было предложено пройти идентичный опрос, включавший следующие задачи:

- Первичное субъективное оценивание среднестатистических компаний трех типов, таких как «Банк», «IT-компания» и «Нефтяная компания» на основе семибалльной шкалы (-3…+3) и ряда факторов – фактора оценки, фактора силы, фактора состояния/структуры, фактора принадлежности и фактора активности (рис. 1).

Респонденты проводили оценивание по 17 характеристикам с опорой на свои знания и опыт. Со спецификой организации, проведения и интерпретации результатов аналогичного анкетирования предшествующих стадий исследования можно ознакомиться в наших предыдущих работах [3, 4].

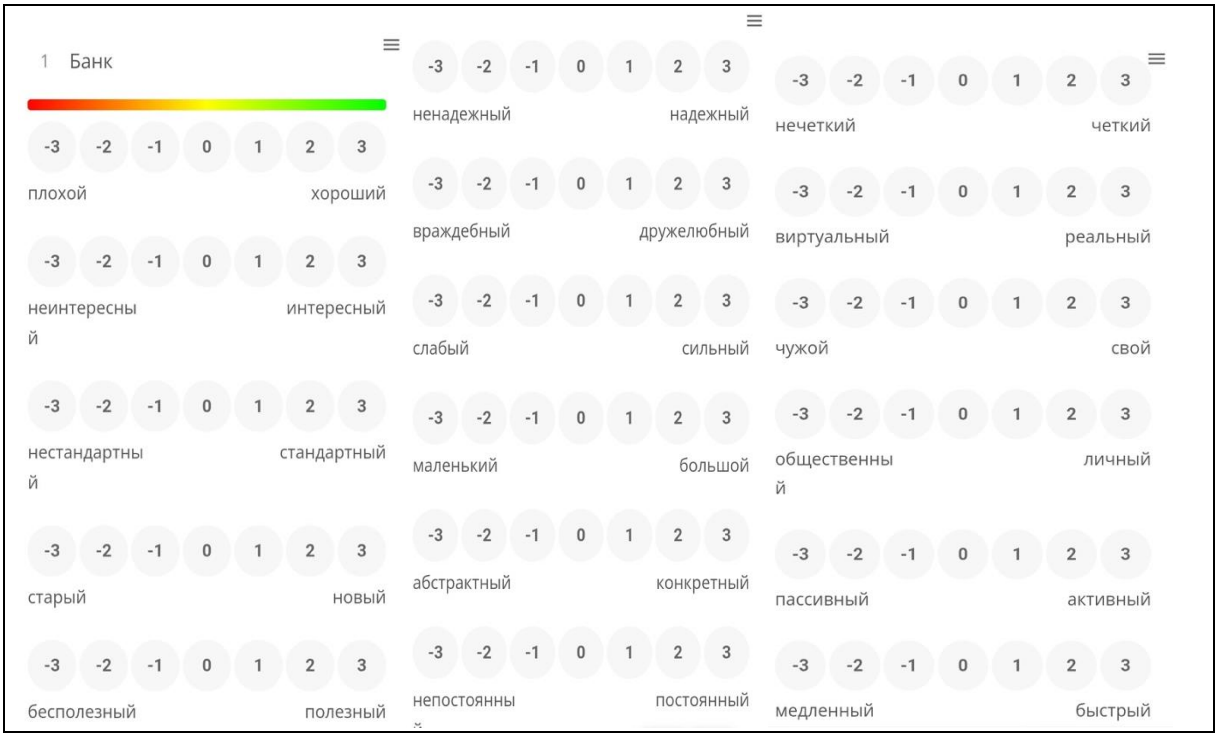


Рис. 1. Фрагмент опроса, посвященный субъективному шкалированию

- Знакомство с информацией об устойчивом развитии, ЦУР и ESG, что гарантировало минимальный необходимый контекст для погружения в проблематику.

- Поочередное знакомство с семантическими полями компаний «Сбербанк», «Яндекс» и «ЛУКОЙЛ» (рис. 2), которое предшествовало направленному субъективному оцениванию указанных организаций по идентичным шкалам в рамках тех же факторов: фактор оценки (хороший-плохой, интересный-неинтересный, стандартный-нестандартный, новый-старый, полезный-бесполезный, надежный-ненадежный, враждебный-дружелюбный), фактор силы (сильный-слабый, большой-маленький), фактор состояния/структуры (конкретный-абстрактный, постоянный-непостоянный, четкий-нечеткий, реальный-виртуальный), фактор принадлежности (свой-чужой, общественный-личный), фактор активности (активный-пассивный, быстрый-медленный).

- Свободный ассоциативный эксперимент, следовавший за изучением семантических полей и шкалированием, в рамках которого нужно было указать первые ассоциации, возникавшие при прочтении слов «Сбербанк», «Яндекс» и «ЛУКОЙЛ». Согласно дизайну исследования, предполагалось, что полученные результаты позволили бы уточнить степень эффективности воздействия семантических полей на сознание испытуемых, а также, в случае выявления коммуникативного эффекта, определить фрагменты полей, которые произвели более сильный эффект и стали потенциально стали опорами при продуцировании ассоциаций.

- Ответ на вопросы с открытым ответом для уточнения общего владения контекстом, что позволило бы интерпретировать полученные данные более глубоко.

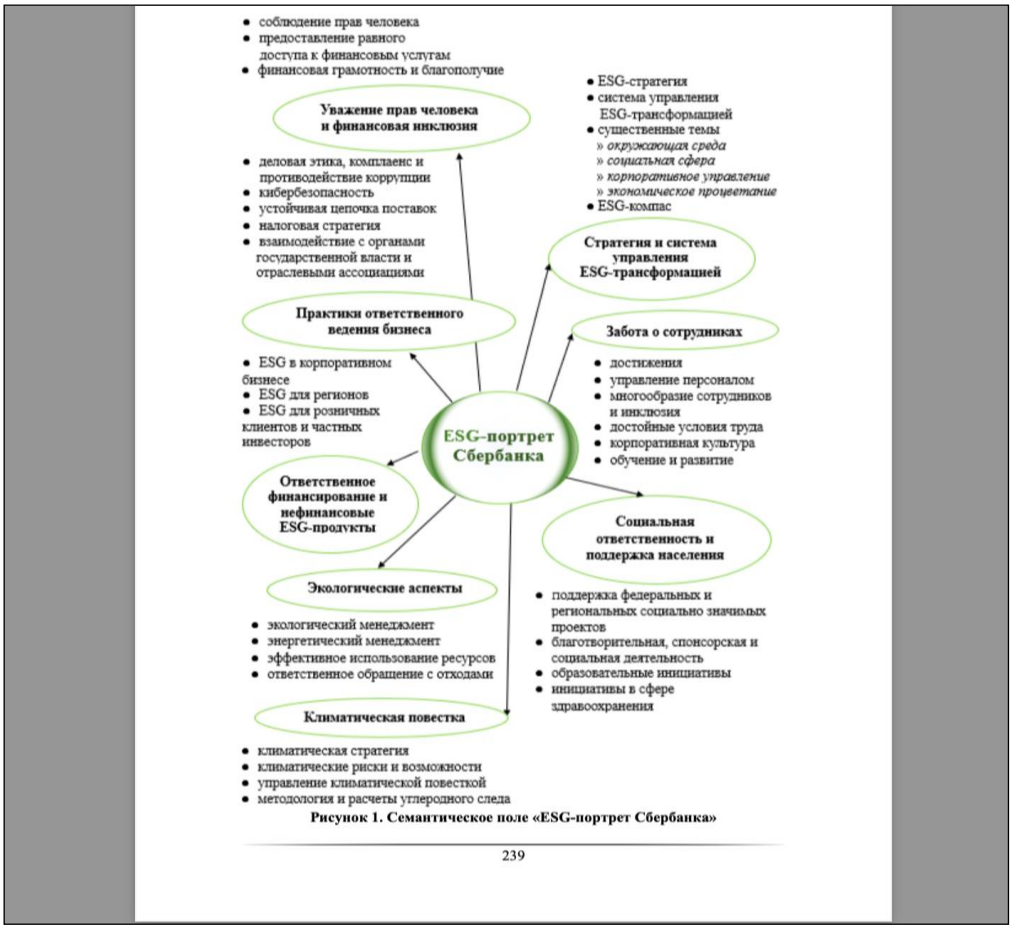


Рис. 2. Пример семантического поля (ESG-портрет компании «Сбербанк»)

Результаты и обсуждение

Далее будет приведена лаконичная выдержка из анализа полученных эмпирических данных, поскольку формат статьи не позволяет рассмотреть все результаты подробно.

Первое, на что хочется обратить внимание, – разница результатов первичного шкалирования и направленного субъективного оценивания, проходившего после знакомства с тематическим контекстом, понятийным аппаратом сферы, а также семантическими полями, раскрывавшими специфику деятельности конкретной компании в области ЦУР и ESG. Сначала будут приведены результаты, продемонстрированные женщинами и мужчинами отдельно, после чего возможно будет перейти к гендерному сопоставлению.

В Таблице 1 выделены наиболее частотные оценочные характеристики, на основе которых возможно составить своего рода портреты среднестатистического «Банка» и компании «Сбербанк» глазами женского контингента. Рассуждая о банках в общем, респонденты полагались на свой предыдущий опыт взаимодействия с такого рода организациями. В целом сложился положительный образ (хороший, интересный, стандартный, новый, полезный, надежный, дружелюбный, сильный, большой, конкретный, постоянный, четкий, реальный, свой, общественный, активный, быстрый). Большинство из положительных характеристик располагались в разделах шкал со значениями «>0». Позицию нейтралитета, выраженную на шкале значением «0», мы также отразили в таблице, поскольку в некоторых случаях

данная оценка являлась пограничной, свидетельствовавшей о неуходе в минусовые значения, а в других нескольких случаях становилась самой частотной.

Стоит отметить, что знакомство с политикой компании в области ЦУР и ESG положительно сказалось на результатах ее оценивания, что нашло проявление в большей частности и устойчивости положительных характеристик. Испытуемые женского пола гораздо чаще склонялись к высшим положительным оценкам шкал. Судя по данным частотной статистики, практически со 100% единством все респонденты оценили «Сбербанк» как сильную (100%), четкую (100%), полезную (99%), большую (97%), хорошую (96%), интересную (96%), надежную (93%), дружелюбную (93%), конкретную (90%), постоянную (90%) и быструю (90%) организацию. Статистика подводит нас к тому, что информация, изученная женщинами перед началом шкалирования (семантические поля), действительно оказала на них планируемый эффект. Слова-стимулы запустили необходимые реакции и активировали глубинные механизмы и связи. В сознании респондентов концепт «Сбербанк» дополнился рядом новых актуальных ментальных единиц, увязавших компанию с реалиями экологичности, устойчивости, социальной ответственности и ESG-трансформации в целом.

Таблица 1

Результаты шкалирования женщин: «Банк» vs «Сбербанк»

Наиболее частотная характеристика шкалы	**«Банк»** % оценок >0, % оценок =0	**«Сбербанк»** % оценок >0, % оценок =0
плохой-**хороший**	>0 - **82%**, =0 - 14%	>0 - **96%**, =0 - 0%
неинтересный-**интересный**	>0 - **65%**, =0 - 28%	>0 - **96%**, =0 - 0%
нестандартный-**стандартный**	>0 - **90%**, =0 - 7%	>0 - **90%**, =0 - 3%
старый-**новый**	>0 - **58%**, =0 - 17%	>0 - **62%**, =0 - 10%
бесполезный-**полезный**	>0 - **97%**, =0 - 3%	>0 - **99%**, =0 - 0%
ненадежный-**надежный**	>0 - **86%**, =0 - 14%	>0 - **93%**, =0 - 3%
враждебный-**дружелюбный**	>0 - **62%**, =0 - **31**%	>0 - **93%**, =0 - 3%
слабый-**сильный**	>0 - **80%**, =0 - 17%	>0 - **100%**, =0 - 0%
маленький-**большой**	>0 - **86%**, =0 - 10%	>0 - **97%**, =0 - 4%
абстрактный-**конкретный**	>0 - **90%**, =0 - 7%	>0 - **93%**, =0 - 7%
непостоянный-**постоянный**	>0 - **90%**, =0 - 3%	>0 - **90%**, =0 - 7%
нечеткий-**четкий**	>0 - **77%**, =0 - 17%	>0 - **100%**, =0 - 0%
виртуальный-**реальный**	>0 - **62%**, =0 - 21%	>0 - **59%**, =0 - 28%
чужой-**свой**	>0 - **48%**, =0 - **38**%	>0 - **54%**, =0 - 29%
общественный-личный	общественный - **65%**,	общественный - **62%**,

	0 - 14%, личный - 20%	0 - 10%, личный - 27%
пассивный-**активный**	>0 - **76%**, =0 - 21%	>0 - **86%**, =0 - 10%
медленный-**быстрый**	>0 - **69%**, =0 - 24%	>0 - **90%**, =0 - 7%

Обратившись к результатам свободного ассоциативного эксперимента, можно увидеть, что респонденты изначально отчетливо понимали специфику банковской деятельности данной компании и имели определенные знания и опыт взаимодействия с ней (реакции, связанные с финансовой стороной деятельности банка). Ввиду относительно небольшой выборки испытуемых и как результат ограниченного количества полученных ассоциаций, сложно сделать однозначные умозаключения о проявленности прагматического потенциала и коммуникативного эффекта семантического поля. Некоторые свидетельства имеются, однако, для более надежных выводов, в будущем стоит расширить выборку. На данном этапе можно утверждать, что в сознании женской половины респондентов сформирован положительный образ компании и положительное отношение к «Сбербанку», которое в том числе может быть вызвано активной нефинансовой деятельностью, отраженной в семантическом поле (см. Рис. 2). Помимо прочих были отмечены такие реакции, как «зеленый; зеленый цвет; банк, спасибо, зеленый; надежный банк; надежность, безопасность; зеленый цвет, образовательный кредит, первая карта; вклады, накопительные счета, стипендия; СберКот». Они разнородны, но могут быть непосредственно или опосредованно связаны с темами экологичности, устойчивости и социальной ответственности.

Таблица 2 демонстрирует оценочные показатели респондентов мужского пола («Банк» vs «Сбербанк»). При рассмотрении материала сразу становятся очевидны различия в подходе и восприятии.

Образ банка как такового складывается положительным.

Его рассматривают как организацию хорошую, интересную, стандартную, знакомую (ни очень старую, ни слишком новую), полезную, надежную, скорее дружелюбную, конкретную, четкую, постоянную, большую и сильную, активную и быструю, в чем-то свою, в чем-то чужую, частично общественную, в чем-то личную, свозможностью осуществлять банковские операции как в офисе, так и удаленно.

При этом хочется отметить отсутствие единства во мнении и как результат очевидное снижение значений при переходе к рассмотрению конкретной компании «Сбербанк». Это произошло с оценками по большинству шкал (см. Табл. 2). Также в большинстве случаев помимо значения «0» и значений «>0» (положительная коннотация), появляются оценки в негативном ключе. В данном случае мы можем сказать, что само упоминание названия компании уже стало триггером для некоторых испытуемых. Возможно, на кого-то из них могли оказать влияние личный или семейный неудачный опыт взаимодействия с компанией, общественное мнение, негативное отношение к навязываемому бренду, возможно просто желание выразить свое личное мнение, основанное на критическом анализе ситуации. Быть может, показатели обусловлены мужским более критичным и осознанным подходом, мнением, чтобы повлиять на которое недостаточно простой демонстрации семантического поля, необходимы факты и подтверждение. Также не все мужчины, как ранее было выяснено учеными, придают большое значение вопросам ESG-трансформации. В ходе ассоциативного эксперимента также наблюдалась более объективная, четкая и иногда категоричная позиция. Вновь хочется отметить, что текущие выводы носят

гипотетический характер и открывают перспективы для дальнейшего более детального изучения данного аспекта с усилением статистики путем расширения круга участников обоих гендеров.

Таблица 2

Результаты шкалирования мужчин: «Банк» vs «Сбербанк»

Наиболее частотная характеристика шкалы	**«Банк»** % оценок >0, % оценок =0	**«Сбербанк»** % оценок >0, % оценок =0
плохой-**хороший**	>0 - **69%**, =0 - 15%	**хороший - 50%**, 0 - 17%, плохой - 33%
неинтересный-**интересный**	>0 - **68%**, =0 - 15%	**интересный - 58%**, 0 - 17%, неинтер. - 25%
нестандартный-**стандартный**	>0 - **69%**, =0 - 23%	**стандартный - 58%**, 0 - 17%, нестанд. - 25%
старый-новый	старый - **31%**, 0 - **38%**, новый - **31%**	**старый - 42%**, 0 - 17%, **новый - 42%**
бесполезный-**полезный**	>0 - **77%**, =0 - 15%	бесполезный - 17%, 0 - 17%, **полезный - 67%**
ненадежный-**надежный**	>0 - **85%**, =0 - 15%	ненадежный - 17%, 0 - 8%, **надежный - 75%**
враждебный-**дружелюбный**	враждебный - 17%, 0 - 33%, дружел. - **50%**	враждебный - 25%, 0 - **25%**, **дружел**. - **50%**
слабый-**сильный**	>0 - **83%**, =0 - 17%	слабый - 17%, 0 - 17%, **сильный - 66%**
маленький-**большой**	маленький - 15%, 0 - 23%, большой - **61%**	маленький - 17%, 0 - 17%, **большой - 66%**
абстрактный-**конкретный**	>0 - **83%**, =0 - 8%	абстрактный - 17%, 0 - 17%, **конкр. - 66%**
непостоянный-**постоянный**	>0 - **77%**, =0 - 23%	непостоянный - 17%, 0 - 17%, **пост. - 67%**
нечеткий-**четкий**	>0 - **59%**, =0 - **33%**	нечеткий - 17%, 0 - 17%, **четкий - 67%**
виртуальный-реальный	>0 - **42%**, =0 - **58%**	виртуальный - 17%, 0 - 17%, **реал. - 67%**
чужой-**свой**	>0 - **46%**, =0 - **38%**	чужой - 17%, **0 - 42%, свой - 42%**
общественный-личный	общественный - 31%, 0 - **46%,** личный - 23%	**общественный - 41%**, 0 - 33%, личный - 25%
пассивный-**активный**	>0 - **68%**, =0 - 23%	пассивный - 33%, 0 - 25%, **активный - 41%**
медленный-**быстрый**	>0 - **69%**, =0 - 15%	медленный - 17%, 0 - 8%, **быстрый - 66%**

Для выявления возможных гендерных различий в восприятии ESG-трансформации и деятельности компаний в этот процесс вовлеченных, обратимся к Таблице 3, в которой в качестве примера рассмотрены данные по субъективному оцениванию компании «Сбербанк».

Таблица 3

Направленное субъективное оценивание компании «Сбербанк»: женщины vs мужчины

Наиболее частотная характеристика шкалы	**женщины** % оценок >0, % оценок =0	**мужчины** % оценок >0, % оценок =0
плохой-хороший	>0 - **96%**, =0 - 0% **хороший**	**хороший - 50%**, 0 - 17%, плохой - 33%
неинтересный-интересный	>0 - **96%**, =0 - 0% **интересный**	**интересный - 58%**, 0 - 17%, неинтер. - 25%
нестандартный-стандартный	>0 - **90%**, =0 - 3% **стандартный**	**стандартный - 58%**, 0 - 17%, нестанд. - 25%
старый-новый	>0 - **62%**, =0 - 10% **новый**	**старый - 42%**, 0 - 17%, **новый - 42%**
бесполезный-полезный	>0 - **99%**, =0 - 0% **полезный**	бесполезный - 17%, 0 - 17%, **полезный - 67%**
ненадежный-надежный	>0 - **93%**, =0 - 3% **надежный**	ненадежный - 17%, 0 - 8%, **надежный - 75%**
враждебный-дружелюбный	>0 - **93%**, =0 - 3% **дружелюбный**	враждебный - 25%, 0 - **25%**, **дружел**. - **50%**
слабый-сильный	>0 - **100%**, =0 - 0% **сильный**	слабый - 17%, 0 - 17%, **сильный - 66%**
маленький-большой	>0 - **97%**, =0 - 4% **большой**	маленький - 17%, 0 - 17%, **большой - 66%**
абстрактный-конкретный	>0 - **93%**, =0 - 7% **конкретный**	абстрактный - 17%, 0 - 17%, **конкр. - 66%**
непостоянный-постоянный	>0 - **90%**, =0 - 7% **постоянный**	непостоянный - 17%, 0 - 17%, **пост. - 67%**
нечеткий-четкий	>0 - **100%**, =0 - 0% **четкий**	нечеткий - 17%, 0 - 17%, **четкий - 67%**
виртуальный-реальный	>0 - **59%**, =0 - 28% **реальный**	виртуальный - 17%, 0 - 17%, **реал. - 67%**
чужой-свой	>0 - **54%**, =0 - 29% **свой**	чужой - 17%, **0 - 42%, свой - 42%**
общественный-личный	**общественный - 62%**, 0 - 10%, личный - 27%	**общественный - 41%**, 0 - 33%, личный - 25%
пассивный-активный	>0 - **86%**, =0 - 10% **активный**	пассивный - 33%, 0 - 25%, **активный - 41%**
медленный-быстрый	>0 - **90%**, =0 - 7% **быстрый**	медленный - 17%, 0 - 8%, **быстрый - 66%**

Данная сводная таблица позволяет выявить следующие гендерные особенности:

- Женщины скорее склонны к единому мнению, при этом в мужской аудитории наблюдается раскол. Следовательно, женская целевая аудитория когнитивно более гомогенна и благоприятна для прагматического воздействия. Стейкхолдеры-мужчины требуют более многогранного подхода.

- Женщины в силу большей природной гибкости, эмпатичности и восприимчивости активнее включаются в процесс ESG-трансформации, придают ему больше значимости и более склонны проявлять лояльность осознанным и ответственным индивидам и компаниям.

- Мужчины проявляют отличный подход к самопозиционированию, интерпретации картины мира и взаимодействию с социумом на разных уровнях и это также обусловливает вариативность и большую критичность их оценок. Различие систем ценностей и приоритетов представителей разных гендеров также нужно принимать в расчет.

Заключение

Индивидуальное сознание хранит отпечатки опыта нашего взаимодействия с окружающей действительностью. Сливаясь воедино, эти фрагменты образуют нашу концептосферу, которая меняется по мере приобретения нового жизненного опыта. Как известно, связь сознания с внешним миром происходит посредством языка и речи. Слова нашей речи обладают огромным многогранным потенциалом, знание и правильное использование которого расширяет границы и возможности межличностного и социального взаимодействия в рамках устной и письменной, непосредственной и опосредованной коммуникации.

Корректно выстроенная коммуникация важна в любой сфере и сфера бизнеса не является исключением. На сегодняшний день осознанный бизнес погружается в контекст ESG-трансформации, ввиду чего все члены бизнес-сообщества должны научиться не просто следовать основным принципам данной концепции, но и налаживать эффективную коммуникацию с разными категориями стейкхолдеров.

Компании, ставшие частью ESG-трансформации, открыто заявляют о своих ESG-инициативах и реализуемых ЦУР в ежегодных Отчетах об устойчивом развитии. Отчет – это не просто документ, отражающий результаты проведенной деятельности. В современной цифровой среде он является важным средством коммуникации, от которого напрямую может зависеть успех компании и ее будущее.

С позиции психолингвистики Отчет об устойчивом развитии обладает мощным прагматическим потенциалом. Следовательно его корректное вербальное наполнение с учетом индивидуальных особенностей всех реципиентов позволит компании правильно выстроить отношения со всеми, кто входит в сферу ее профессиональных интересов.

Индивидуальное восприятие всегда обусловлено рядом факторов, одним из которых является гендер. Проведенное нами исследование показало, что гендер является действительно значимым параметром, без учета которого значительно снижаются прагматический потенциал и эффект Отчетов об устойчивом развитии. Экспериментальным путем было доказано, что мужчины и женщины склонны проявлять определенную гендерную специфику в восприятии информации, связанной с устойчивым развитием и ESG-повесткой. Испытуемые женского пола проявили своего рода единство и в целом выше оценили вовлеченность компании «Сбербанк»

в глобальный процесс ESG-трансформации, поскольку данная тема в том числе является гармоничной частью ценностно-смысловой сферы женщины. Испытуемые мужского пола, во-первых, разошлись во мнениях, а во-вторых, в целом были менее восприимчивы к ESG-достижениям «Сбербанка». Оценки мужчин были более разнородны и категоричны.

Полученные первичные выводы задают тон дальнейшим исследованиям. Данная тема видится нам интересной, перспективной и требующей более глубокого изучения с позиции теории и практики, а также необходимости расширения контингента испытуемых.

Список источников и литературы

1. *Денисова В. В.* Специфика вербальной репрезентации ESG-принципов компании // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 3 (50). С. 48–57. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4999/ (дата обращения: 24.01.2026).
2. Экологическая повестка как стратегический ориентир российской экономики и общества: [доклад] / сост. при участии НАФИ; эксперты: Р. Валиулина [и др.]. М., 2022. 56 с. Электрон. публ. URL: https://национальныепроекты.рф /upload/Ecology/Doklad_Ecology_16.01.2023.pdf (дата обращения: 24.01.2026). Доступ на сайте Национальные проекты России.
3. *Лебедева С. В., Денисова В. В.* Отчет об устойчивом развитии компаний «Сбербанк», «Яндекс» и «ЛУКОЙЛ» в ракурсе психолингвистики // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 4 (51). С. 223–243. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5065/ (дата обращения: 24.01.2026).
4. *Лебедева С. В., Денисова В. В.* Психолингвистическая интерпретация отчета об устойчивом развитии компаний «Сбербанк», «Яндекс» и «ЛУКОЙЛ» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2025. № 4 (59). С. 168–192. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5925/ (дата обращения: 24.01.2026).
5. *Липовка А. В., Ерипашева А. Т., Таракбаева Р. Е., Бузады З.* Эволюция лидерства: новые перспективы и роль женщин в современном управлении // Вестник университета «Туран». 2024. № 1. С. 40–53. URL: https://doi.org/10.46914/1562-2959-2024-1-1-40-53 (дата обращения: 24.01.2026).
6. *Валерия*. Принципы ESG: что это такое и как внедрить в бизнес // СБЕР Бизнес: сайт / ПАО Сбербанк. М., 1997–2026. URL: https://www.sberbank.ru /ru/s_m_business/pro_business/principy-esg-chto-eto-takoe-i-kak-vnedrit-v-biznes. Дата публикации: 14.05.2025.
7. *Пряжникова О. Н.* Гендерные особенности зеленого потребления // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2022. № 1. С. 47–55.
8. Пять ключевых ESG-трендов в России: ИИ-анализ от Школы СКОЛКОВО / Е. Дубовицкая [и др.] // Школа управления СКОЛКОВО: офиц. сайт. URL: https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/pyat-klyuchevyh-esg-trendov-v-rossii-ii-analiz-ot-shkoly-skolkovo. Дата публикации: 08.10.2025.

References

1. Denisova, VV 2023, ‘Spetsifika verbalnoy reprezentatsii ESG-printsipov kompanii’ (The specifics of the verbal representation of the company's ESG principles), *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya (Theory of Language and Intercultural Communication)*, vol. 50, no. 3, pp. 48-57, viewed 24 January 2026, https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4999/ (In Russ.)
2. Valiullina, R, Mulin, A, Palagina, A, Zhigulskaya, A, Abelinskaite, V, Irz, R, Pochtarev, S, Shkabardnya, O, Bobrova, A, Saveleva, A, Kuzmina, E, Sharonov, A, Kiselev, A, Ismailov, R, Laktionov, I, Rybina, AV, Saar, V, Sinitsyn, L, Gromova, V, Bakhtina, I, Kuznetsova,

E, Trudkova, Ya, Kolobov, O, Elizarov, S, Komkova, M, Ulyanova, O, Vishnyakova, E, Budatarov, S, Ryazanova, N, Gerasimova, S & Dudareva, A (eds) 2022, 'Ekologicheskaya povestka kak strategicheskiy oriyentir rossiyskoy ekonomiki i obshchestva' (The environmental agenda as a strategic guideline for the Russian economy and society), *Natsionalnyye proekty Rossii*, viewed 24 January 2026, https://nacional`ny`eproekty`.rf/upload/Ecology/Doklad_Ecology_16.01.2023.pdf (In Russ.)

3. Lebedeva, SV & Denisova, VV 2023, 'Otchet ob ustoychivom razvitii kompaniy «Sberbank», «Yandeks» i «LUKOYL» v rakurse psikholingvistiki' (Report on the sustainable development of Sberbank, Yandex and LUKOIL companies from the perspective of psycholinguistics), *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya (Theory of Language and Intercultural Communication)*, vol. 51, no. 4, pp. 223-243, viewed 24 January 2026, https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5065/(In Russ.)
4. Lebedeva, SV & Denisova, VV 2025, 'Psikholingvisticheskaya interpretatsiya otcheta ob ustoychivom razvitii kompaniy «Sberbank», «Yandeks» i «LUKOYL»' (Psycholinguistic interpretation of the report on the sustainable development of Sberbank, Yandex and LUKOIL companies), *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya (Theory of Language and Intercultural Communication)*, vol. 59, no. 4, pp. 168-192, viewed 24 January 2026, https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5925/(In Russ.)
5. Lipovka, AV, Yerimpasheva, AT, Tarakbayeva, RE & Buzady, Z 2024, 'Evolyutsiya liderstva: novyye perspektivy i rol zhenshchin v sovremennom upravlenii' (The evolution of leadership: new perspectives and the role of women in modern management), *Vestnik universiteta «Turan» (Bulletin of "Turan" University)*, no. 1, pp. 40-53, viewed 24 January 2026, https://doi.org/10.46914/1562-2959-2024-1-1-40-53 (In Russ.)
6. Valeriya 2025, 'Printsipy ESG: chto eto takoye i kak vnedrit' v biznes' (ESG Principles: what it is and how to implement it in business), *Sber Biznes*, viewed 24 January 2026, https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/principy-esg-chto-eto-takoe-i-kak-vnedrit-v-biznes (In Russ.)
7. Pryazhnikova, ON 2022, 'Gendernyye osobennosti zelenogo potrebleniya' (Gender-specific features of green consumption), *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11: Sotsiologiya (Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology)*, no. 1, pp. 47-55, doi 10.31249/rsoc/2022.01.04 (In Russ.)
8. Dubovitskaya, E, Didenko, A, Opanasenko, A, Klenina, N, Sergeeva, E, Antipov, A, Zapylikhin, V, Raemgulova, R, Shabanova, A & Maslov, G (eds.) 2025, 'Pyat klyuchevykh ESG-trendov v Rossii: II-analiz ot Shkoly SKOLKOVO' (Five key ESG trends in Russia: AI analysis from the SKOLKOVO School), *Shkola upravleniya SKOLKOVO (SKOLKOVO Moscow School of Management)*, viewed 24 January 2026, https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/pyat-klyuchevyh-esg-trendov-v-rossii-ii-analiz-ot-shkoly-skolkovo/ (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 25.06.2026
Одобрена после рецензирования:20.07.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 25.06.2026
Approved after reviewing: 20.07.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 206–219.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 206–219.

Научная статья
УДК 81’42:316.77
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-206-219

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ РОСТОВА-НА-ДОНУ И ГОРОДОВ ЮФО: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Надежда Петровна Ревякина

Донской государственный
технический университет
Ростов-на-Дону, Россия, nadinrev@ya.ru
https://orcid.org/0000-0001-5158-6118

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению процесса прагмалингвистической гибридизации, активно проявляющегося в Ростове-на-Дону и Ростовской области, а также в регионах Волгоградской области, Краснодарского края и городе-курорте Сочи, входящими в Южный федеральный округ (ЮФО). Этот процесс заключается в формировании новых интегративных форм коммуникации, возникающих вследствие воздействия множества факторов, среди которых – динамичная миграция населения, изменения социальной структуры и экономики, быстрое развитие городских территорий. Каждый из данных регионов имеет собственные особенности речевого поведения жителей, вписанные в общий контекст трансформаций языковой картины территорий.

В парадигме лингвопрагматической и культурной гибридности автор выдвигает и обосновывает тезис о том, что Ростов-на-Дону и города ЮФО представляют собой не просто поликультурную среду, а целостный гибридный феномен, в котором синтез разнородных культурных и языковых элементов (русских, украинских, донских казачьих, армянских, кавказских и др.) порождает уникальную коммуникативную систему и локальную идентичность. На основе прагмалингвистического, историко-культурологического и социолингвистического анализа выявляются ключевые этапы формирования гибридности. В Ростове-на-Дону, например, – от основания Темерницкой таможни до статуса «Ворот Кавказа» и современного южнороссийского мегаполиса. Делается вывод о том, что лингвокультурный гибрид Ростова-на-Дону и других городов ЮФО обладает высокой адаптивностью и служит моделью для изучения процессов межэтнической интеграции в пограничных регионах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления культурного ландшафта современных российских регионов в терминах динамичной интеграции, а не статичного многообразия. Материалом исследования послужили исторические документы, топонимика, тексты локальных СМИ социальных сетей, городской фольклор, современные речевые практики в публичном пространстве городов. Гипотеза заключается в том, что прагмалингвистическая гибридность Ростова-на-Дону и городов ЮФО является не побочным продуктом их истории, а системообразующим принципом, определяющим их уникальную региональную специфику и адаптивный потенциал.

Ключевые слова: Ростов-на-Дону, города ЮФО, лингвокультурный гибрид, прагмалингвистика, языковой контакт, региональная идентичность, коммуникативные практики, поликультурная среда

Для цитирования: Ревякина Н. П. Прагмалингвистическая гибридизация Ростова-на-Дону и городов ЮФО: исторические предпосылки и современные коммуникативные практики // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 206–219. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-206–219

Сведения об авторе: *Н. П. Ревякина* – кандидат филологических наук, доцент кафедры Интегративная и цифровая лингвистика, Донской государственный технический университет, 344003, Россия, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1.

© Ревякина Н. П., 2026

Scientific Article
UDC 81'42:316.77
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-206-219

PRAGMALINGUISTIC HYBRIDIZATION OF ROSTOV-ON-DON AND THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT CITIES: HISTORICAL BACKGROUND AND MODERN COMMUNICATIVE PRACTICES

Nadezhda P. Revyakina

Don State Technical University
Rostov-on-Don, Russia, nadinrev@ya.ru
https://orcid.org/0000-0001-5158-6118

Abstract. This paper examines the process of pragmalinguistic hybridization, which is actively taking place in Rostov-on-Don and the Rostov Region, as well as in the Volgograd Region, Krasnodar Krai, and the re-sort city of Sochi. All territories under consideration are part of the Southern Federal District. The pragmalinguistic hybridization process involves the emergence of new integrative forms of communica-tion due to the influence of multiple factors, including active population migration, changes in social structure and economy, and rapid urban development. Each of these regions has its own distinctive characteristics of the residents' speech behavior, embedded in the overall context of transformations in the linguistic landscape of these territories.

Using the paradigm of linguopragmatic and cultural hybridity, the author advances and substantiates the thesis that Rostov-on-Don and the cities of the Southern Federal District represent not only a multi-cultural environment, but a holistic hybrid phenomenon in which the synthesis of diverse cultural and linguistic elements (Russian, Ukrainian, Don Cossack, Armenian, Caucasian, and others) generates a unique communication system and local identity. Based on pragmalinguistic, historical-cultural, and sociolinguistic analysis, the author identifies key stages in the formation of hybridity. In Rostov-on-Don, for example, such stages include the period from the founding of the Temernitskaya Customs House to its status as the 'Gateway to the Caucasus' and the modern southern Russian metropolis. The author concludes that the linguocultural hybrid of Rostov-on-Don and other cities of the Southern Federal Dis-trict is highly adaptable and serves as a model for studying interethnic integration processes in border regions. The relevance of this study stems from the need to rethink the cultural landscape of modern Russian regions in terms of dynamic integration rather than static diversity. The research materials in-clude historical documents, toponymy, local social media texts, urban folklore, and contemporary speech practices in urban public spaces. The hypothesis is that the pragmalinguistic hybridity of Ros-tov-on-Don and the cities of the Southern Federal District is not a byproduct of their history, but a sys-tem-forming principle that defines their unique regional characteristics and adaptive potential.

Keywords: Rostov-on-Don, the SFR cities, linguocultural hybrid, pragmalinguistics, language contact, regional identity, communicative practices, multicultural environment.

For citation: Revyakina, NP 2026, 'Pragmalinguistic Hybridization of Rostov-on-Don and the Southern Federal District Cities: Historical Background and Modern Communicative Practices', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics,* issue 3 (27), pp. 206–219, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-206-219 (in Russ.)

Information about the Author: Nadezhda P. Revyakina – PhD in Philology, Associate Professor of the Department "Integrative and Digital Linguistics", Don State Technical University, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344003, Russia

© Revyakina N. P., 2026

Введение

Понятие гибридности, заимствованное из биологии и активно разрабатываемое в культурологических исследованиях (Х. Баба [1, с. 93], Н.Б. Мечковская [5, с.11]) становится ключевым для анализа сложных поликультурных пространств, в которых происходит не просто сосуществование, а глубинное взаимопроникновение и синтез различных культурных кодов. Крупные города-порты и транспортные узлы часто выступают естественными лабораториями такого синтеза. Ростов-на-Дону, исторически известный как «Ворота Кавказа», представляет собой яркий пример подобного лингвокультурного гибрида. Такие города Южного Федерального округа, как Волгоград, Краснодар, Сочи, не остаются в стороне от прагмалингвистической гибридизации.

Материалы и методы

Исследование построено на междисциплинарном подходе, сочетающем методы историко-культурологического, прагмалингвистического анализа, социолингвистики и дискурс-анализа. Материалом послужили:

1. Исторические документы и исследования, касающиеся заселения Нижнего Дона, Волгоградского, Краснодарского регионов, Сочи.
2. Данные топонимики и городской ономастики (названия районов, улиц, микротопонимы).
3. Корпус текстов локальных СМИ и пабликов в социальных сетях (паблики «Типичный Ростов», «Rostov Life», «СпецPRоект» «Кубанские новости», «Черноморье сегодня» и др.), а также тексты городского фольклора (анекдоты, мемы).
4. Наблюдения за современными речевыми практиками в публичном пространстве городов.

Методологическую основу составили теория языковых контактов (У. Вайнрайх) [3, с. 68], концепция лингвокультурного гибрида (Н. Б. Мечковская) [5, с. 97] и подходы к изучению региональной идентичности.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим исторические предпосылки гибридизации. В Ростове-на-Дону зарождение гибридности связано с самой функцией места: с 1749 года Темерницкая таможня, а затем крепость Святого Димитрия Ростовского, были точкой притяжения для русских и украинских (черкес) переселенцев, армян (основавших близлежащий Нахичевань-на-Дону), греков, евреев. К XIX веку, с развитием торговли, Ростов-на-Дону становится ключевым узлом между Россией и Кавказом, что ведет к массовому притоку армянского, грузинского, азербайджанского населения. Город не имел доминирующей титульной этнической группы, что создавало предпосылки не для ассимиляции, а для культурного компромисса и синтеза [6, с. 101].

Рассмотрим историко-демографические основания гибридности в цифровом срезе. Данный срез отчетливо проявляет процесс формирования уникального лингвокультурного ландшафта Ростова-на-Дону, детерминированного объективными демографическими процессами. Согласно данным переписи населения 1897 года, в Ростовском-на-Дону градоначальстве русские составляли лишь 49.2%, евреи — 18.7%, украинцы — 16.5%, армяне — 8.1% [15]. Такой этнический баланс исключал доминирование одной культурно-языковой модели, закладывая основы для коммуникативного компромисса. В советский и постсоветский периоды Ростов как столица ЮФО продолжал выполнять роль миграционного хаба.

В нынешнем Волгограде (бывшем Царицыне, затем Сталинграде) интерес туристического и миграционного потоков связан с памятными местами, в частности,

с крепостью и домом Павлова – оплотами победы над фашистской Германией — и памятным комплексом «Мамаев курган»). В Краснодаре прагмалингвистическая гибридность формировалась под влиянием как миграционных потоков, так и исторически. Эмпирической основой исследования послужили анализ локальных медиатекстов, городского фольклора, топонимики и современных речевых практик в социальных сетях. Сочи демонстрируют особую форму прагмалингвистической гибридизации, связанную с обслуживанием туристов. Использование многоязычных интерфейсов, цифровых гидов и мобильных приложений обеспечивает комфортное пребывание гостей из разных стран, повышая привлекательность региона для международного туризма.

Таким образом, прагмалингвистическая гибридизация городов ЮФО отражает динамичное развитие современных коммуникативных практик, интегрирующих традиционные и инновационные подходы к взаимодействию в городской среде.

Перейдем к рассмотрению языковых и коммуникативных проявлений гибридности материализующейся на нескольких уровнях:

1) Лексический уровень: в ростовский обиход прочно вошли элементы украинского языка («*балаган*» в значении ларек, «*поребрик*»), арменизмы («*кахе*» — чашка кофе, вошедшее в местный сленг), а также многочисленные заимствования из языков Кавказа, связанные с едой и торговлей («*шаурма», «лаваш», «хачапури*» как неотъемлемая часть уличного фуд-корта). Для подтверждения того, что лингвопрагматика Ростова-на-Дону и городов ЮФО носит характер гибридизации, можно привести ряд слов и выражений, отражающих смешение культурных, социальных и исторических факторов, влияющих на речь жителей городов. Ростов-на-Дону расположен на юге России, рядом с Доном, и донская культура оказывает значительное влияние на местный диалект. Вот некоторые слова и выражения, характерные именно для Ростова-на-Дону и донского региона: «*чащак*» — густые заросли кустарника или леса, «*небоявый*» — спокойный, уравновешенный человек, «*кутья*» — традиционное блюдо русской кухни, сладкая кутья из риса или пшеницы, «*кабак» («винный погреб*») — трактир или винная лавка, «*быть в ходу*» — пользоваться популярностью, иметь успех среди окружающих, «*жалобица*» — птица небольших размеров, символ охотничьей удачи в регионе, «*пущённый*» —утративший бдительность или внимание, «*донская синь*» — яркое голубое небо, характерное для юга России, «*алаша*»— направление, сторона света, «*серёдочка» («полоска*») — центральная часть чего-либо и др. Эти и многие другие слова и выражения отражают уникальность культуры и истории жителей Дона и Ростовской области, придавая языку особую колоритность и узнаваемость [13]. Это создает уникальный городской сленг, понятный жителям, но маркированный для приезжих:

2) Топонимический уровень: карты городов являются палимпсестом культур: район Нахичевань (армянское наследие), Армянское кладбище, улицы имени армянского просветителя Мирасьяна, грузинского писателя Чавчавадзе, общее название «Задонье» для левобережной части, отсылающее к казачьей традиции в Ростове на-Дону; «танцующий мост», «дом с глазками», «набка» в Волгограде; тупик Круглика, улица МОПР в Краснодаре; Бытха, Мамайка – в Сочи.

3) Прагматический уровень: для ростовской и краснодарской коммуникативных культур характерно сочетание южнорусской/казачьей «раскованности», эмоциональности (использование уменьшительно-ласкательных форм, яркой инвективы) с кавказскими нормами гостеприимства и публичного поведения, что формирует

особый стиль общения – «*ростовча́нский*», «*кубанский*» активно обыгрываемый в локальных медиа и мемах.

Прагмалингвистические проявления гибридности в современных коммуникативных практиках показывают, что гибридность наиболее динамично проявляется не только на уровне словаря, но и на уровне использования языка.

Анализ корпуса текстов локальных пабликов, расшифровок интервью и живых дискуссий выявил устойчивые прагмалингвистические паттерны:

- Стратегия «прагматического калькирования» в речевых актах. В ситуациях конфликта, торга или установления статуса часто наблюдается перенос прагматических схем с кавказских языков на русскую языковую базу. Например, широко распространенная в азербайджанском и армянском коммуникативном этикете ритуализированная форма настойчивого предложения/угощения («*Ну что ты, ты должен попробовать!», «Я не приму никаких отговорок!*») стала маркером ростовского, краснодарского и сочинского гостеприимства в противоположность более сдержанной северорусской модели. Анализ 150 комментариев в пабликах, посвященных встречам гостей, показал, что подобные формулы используются в 67 % случаев как уместная и ожидаемая речевая тактика, а не как нарушение норм.

- Смешивание кодов (код-миксинг) как тактика солидаризации и смягчения. Наиболее убедительным доказательством живого гибрида является не заимствование отдельных слов, а ситуативное внутрифразовое переключение кодов с прагматическими целями.

- Прагматика публичного юмора и инвективы. Юмор в локальных медиа строится на обязательном узнавании гибридного кода. Например, мем «Ростовский Count» (отсылка к графу Знаку из «Улицы Сезам»), который представляет собой вампира, помешанного на подсчёте предметов [10]. Он вместе с цифрами считает слова: *«шаурма», «кахе», «платка»* (от *«платок»* в значении женский головной убор), «*плов*», получил более 2000 репостов в локальных сообществах, что свидетельствует о его успешности как внутригруппового идентификатора. Инвектива также гибридизирована: ругательства на русском часто комбинируются с эмоционально окрашенными заимствованиями («*ахперджан», «джан*» от армянского и персидского как обращение, используемое и в положительном, и в иронично-негативном контексте).

- Дискурсивные маркеры территориальной идентичности. Устойчивым прагматическим маркером является использование в дискурсе концепта «*наш*» по отношению к явлениям, связанным с Кавказом, этнически русскими говорящими. Фразы типа «*У нас на рынке лучшая чурчхела*» или «*По-нашему, по-ростовски, это надо решать за столом*» демонстрируют инкорпорацию «кавказских» практик в ядро локальной идентичности. Контент-анализ 300 постов о еде в паблике «Rostov Life» показал, что в 68% случаев блюда кавказской кухни описываются с местоимением «*наш*» и эпитетами, утверждающими их аутентичность именно в ростовском исполнении.

- Фольклористика в создании образа «Ростов-папа», возникший в криминальном фольклоре 1990-х годов, сам по себе является гибридным: с одной стороны, отсылает к патриархальной фигуре «*отца*» (как в итальянской или кавказской традиции), с другой – к специфической городской мифологии, объединяющей всех жителей поверх этнических различий [7, с.111]. Современные локальные паблики активно используют этот гибридный код, создавая контент на стыке русской, украинской и кавказской юмористических традиций.

Следует отметить тот факт, что гибридность поддерживается на институциональном уровне. В городском пространстве сосуществуют православные храмы, армянская апостольская церковь, мечеть и синагога. Учебные программы ведущих вузов (ЮФУ, ДГТУ) включают курсы по культуре и языкам народов Кавказа. Ярким примером является ежегодный фестиваль «Многонациональный Ростов», где языком коммуникации между участниками и зрителями де-факто выступает гибридный русский, насыщенный вышеописанными прагматическими и лексическими вкраплениями. Это не просто праздник других культур, а демонстрация собственной, синтезированной городской культуры.

Данные результаты, подкрепленные цифрами и анализом конкретных речевых актов, показывают, что гибридность Ростова-на-Дону и городов ЮФО — это не теоретическая абстракция, а функционирующая прагмалингвистическая система, регулирующая повседневное общение и конструирующая уникальную коммуникативную общность «ростовчане», «краснодарцы», «сочинцы», «волгоградцы».

Полученные результаты подтверждают гипотезу о системообразующем характере лингвокультурной гибридности Ростова-на-Дону, Волгограда, Краснодара, Сочи. Следует, однако, признать, что в отличие от классических двуязычных или диаспоральных моделей, ростовский гибрид представляет собой третий, синтезированный продукт, в котором отдельные элементы уже не отсылают жестко к исходным культурам, а образуют новую целостность [6, с. 94]. «Ростовчанин» как идентичность – это именно продукт такого синтеза, а не представитель одной из составляющих культур. Этот гибрид обладает высокой адаптивностью: он позволил городу исторически эффективно выполнять посредническую функцию и смягчать потенциальные межэтнические конфликты. В современном контексте гибридность становится основой для формирования привлекательного и узнаваемого городского бренда, что ярко проявляется в маркетинге, туризме и самопрезентации города (например, в фестивалях еды, объединяющих кухни разных народов).

Однако гибридность также порождает внутренние напряжения: между ностальгией по «казачьему» прошлому и реальностью глобализированного мегаполиса, между региональной идентичностью и общероссийским политическим дискурсом. Тем не менее, эти напряжения являются двигателем дальнейшей динамики гибридной системы.

Попытаемся дать оценку прагмалингвистической гибридизации в Ростове-на-Дону и городах ЮФО по принципу диалектики эффективности /неэффективности. Начнем с того, что прагматическая гибридизация, наблюдаемая в Ростове-на-Дону и городах ЮФО, не может быть оценена однозначно как «положительная» или «неэффективная». Это сложный, диалектический процесс, обладающий значительным адаптивным потенциалом, но одновременно несущий в себе внутренние противоречия и риски. Его оценка зависит от выбранного ракурса: социальной стабильности, культурного развития, лингвистической чистоты и экономической эффективности [2, с.86].

Приведем ряд аргументов в пользу положительной и эффективной тенденции:

1. Функция социального «буфера» и медиатора. Проявляется в том, что прагматический гибрид выступает как мощный механизм бесконфликтной интеграции. Способность ростовчан, краснодарцев, жителей Сочи интуитивно выбирать и смешивать коды (русский, украинский, кавказские) в зависимости от собеседника

и ситуации снижает коммуникативный барьер и уровень межэтнической напряженности. Городской сленг, понятный «своим», выполняет роль социального «клея», создавая общее символическое поле поверх этнических различий. Эффективность этой системы доказана исторически: Ростов-на-Дону, будучи пограничным и сверхполиэтничным городом, избежал крупных межнациональных конфликтов, что во многом является заслугой сложившейся культуры коммуникативного компромисса.

2. Формирование конкурентной региональной идентичности. Прагматическая гибридность стала основой для сильного, узнаваемого бренда «Ростов-папа» и «Ворот Кавказа». Эта идентичность, построенная на синтезе, является привлекательной для туризма, инвестиций и культурного производства. Умение вести переговоры в «гибридном» ключе — это «soft power», конкурентное преимущество ростовских бизнесменов и дипломатов в отношениях с регионами Кавказа и Юга России. Таким образом, гибридизация эффективна экономически и имиджево.

3. Адаптивность и инновационный потенциал языка. Язык городов ЮФО демонстрирует высокую витальность и способность к неологизации. Прагматическое калькирование и код-миксинг — это не признак упадка, а свидетельство живого, развивающегося идиома, оперативно реагирующего на потребности коммуникантов. Он создает емкие, эмоционально окрашенные формы выражения, отсутствующие в стандартном русском языке. С лингвистической точки зрения, это процесс естественной и продуктивной языковой эволюции.

Аргументы, указывающие на риски и потенциальную неэффективность, проявляются в следующих факторах:

1. Риск маргинализации и «геттоизации» коммуникации. Гибридный код, будучи эффективным внутри группы, может работать как барьер для внешних агентов. Приезжий из Центральной России или чиновник из Федерального центра может воспринимать эту речь как неполноценную, неправильную или даже намеренно закрытую. Это может приводить к коммуникативным сбоям на официальном уровне и способствовать формированию ощущения отчужденности региона от «общепринятой» нормы. Гибрид рискует стать маркером периферийности. Вот почему особенно важно ввести проблему синтеза культур в научный оборот.

2. Конфликт кодов и прагматические неудачи. Не все попытки гибридизации успешны. В ситуации стресса или конфликта прагматические схемы, заимствованные из культур с разными концептами чести, достоинства и способа ведения спора, могут приводить к эскалации, а не к разрешению. То, что в одной культуре воспринимается как допустимая эмоциональная аргументация, в другой может быть истолковано как недопустимое оскорбление. Гибридная среда требует от носителей высочайшей мета-прагматической компетенции (умения размышлять над уместностью речевых актов), которой обладает не каждый.

3. Угроза культурному и лингвистическому упрощению («пиджинизация»). Существует опасность, что глубинная гибридизация может привести не к синтезу богатства культур, а к созданию упрощенного, сугубо утилитарного кода для базового взаимодействия. Вместо взаимного обогащения может происходить эрозия сложных пластов исходных культур (казачьей, армянской) и их замещение поверхностными, коммерциализированными символами (еда, отдельные слова). Такой «пиджин» эффективен для рынка и быта, но неспособен передавать сложные философские, литературные или исторические концепты.

Важно следовать направлению динамического баланса, расматривая прагматическую гибридизацию в Ростове-на-Дону и городах ЮФО как адаптивно положительную, но внутренне противоречивую тенденция. Её положительный эффект (социальная стабильность, уникальная идентичность, коммуникативная гибкость) максимально проявляется в условиях высокой внутренней мета-культурной рефлексии и открытости внешнему миру.

Она становится неэффективной (или даже опасной) в условиях:

- культурной изоляции регионов;
- снижения общего уровня образования и языковой культуры;
- политики жесткой унификации, которая заставляет гибридный код уйти в глухую, непонятную внешнему наблюдателю оппозицию.

Ценность прагматической гибридизации определяется тем, как ею управляет само сообщество. Осознанное культивирование гибридности как ресурса, параллельное сохранение чистых языковых и культурных источников (литературный русский, изучение языков и традиций народов-доноров) и развитие медиационной экспертизы — вот условия, при которых прагматическая гибридизация Ростова-на-Дону останется позитивной и эффективной моделью для всей полиэтничной России.

Перейдем к анализу прагмалингвистической гибридизация в городской среде Южного федерального округа как отражению социокультурной динамики.

В условиях глобализации и интенсивных миграционных процессов урбанизированные пространства становятся полигоном для языковых контактов и формирования новых лингвистических кодов [4, с.101]. Прагмалингвистическая гибридизация понимается нами как процесс и результат создания устойчивых речевых единиц (от высказываний до дискурсивных практик), совмещающих в одной структуре элементы разных языковых систем (русского, украинского, языков Кавказа) с чёткой коммуникативной установкой [8, с. 13]. Этот процесс выходит за рамки простого заимствования, приобретая прагматическую специализацию: гибриды служат инструментом для выражения поликультурной идентичности, маркирования «свой-чужой», создания юмористического или экспрессивного эффекта, а также адаптации коммерческого и публичного дискурса к локальному потребителю.

Города ЮФО (Волгоград, Краснодар, Сочи, Ростов-на-Дону), исторически находившиеся на перекрёстке культур (русской, украинской, армянской, грузинской, адыгской и др.) и являющиеся центрами притяжения трудовой миграции, демонстрируют особую интенсивность этого процесса. Их лингвистический ландшафт — это реакция на прагматические потребности мультикультурного социума.

Исследуемый материал позволяет выделить ключевые векторы гибридизации на примерах городов ЮФО. Намечаются два основных вектора гибридизации:

1. Славянский (русско-украинский) вектор, наиболее характерный для Ростова-на-Дону, Краснодарского края и Волгоградской области, где исторически силён суржик.
2. Русско-кавказский вектор, актуальный для многонациональных городов-курортов (Сочи) и столицы округа (Ростова-на-Дону) как общего южного мегаполиса.

Приведем ряд примеров, подтверждающих данное разделение в рамках гибридизации в Ростове-на-Дону и городах ЮФО:

1. Номинативная гибридизация в коммерческом дискурсе:

- Кафе/магазины: *«ШашЛЫЧНАЯ»* (Ростов-на-Дону, Волгоград) — гибрид русского «*шашлычная*» и суффикса *-ЧН*, фонетически и графически отсылающего к украинскому языку («*варенична*», «пивна»). Это создаёт образ аутентичного, «народного» заведения.

- Вывески: «*ФРУКТЫ/ОВОЧИ*» (повсеместно в Краснодарском крае). Использование украинского «*овочи*» вместо русского «*овощи*» — сознательная маркировка региона как «кубанского», актуализация сельскохозяйственного и исторического имиджа.

- Сочи: «АджапСАНДАЛИЧ» (название блюда в меню) — гибрид, где русский суффикс *-ич* добавлен к грузинскому «аджапсандали». Это стратегия «одомашнивания» экзотического понятия для русскоязычного туриста, придания ему формальной похожести на знакомые слова (например, «*похмельич*»).

2. Фразеологическая и дискурсивная гибридизация в устной речи:

- Ростов-на-Дону: характерно использование калькированных конструкций и междометий с восточным прагматическим колоритом. Например, риторический вопрос-опровержение «*Я тебе кто?»* (калька с армянского/грузинского речевого паттерна) используется для усиленного подчёркивания собственной правоты или статуса. Или восклицание «*Ва́й, да ладно!*», где кавказское эмоциональное междометие «*вай»* интегрировано в русскую скептическую реплику, усиливая экспрессию [10].

- Краснодар/Кубань: в бытовой речи устойчивы гибридные формы глаголов: «*спишаю*» (вместо «*спешу*», под влиянием украинского «*спішу*»), «*ходьте*» (повелительное наклонение от «*ходить*», по аналогии с укр. «*ходіть*»). Это маркер не столько этнической, сколько региональной, «кубанской» идентичности в неформальном общении.

- Волгоград: под влиянием украинского субстрата и сельских говоров можно встретить гибриды в сфере бытовой лексики: «*катить бочку*» (в значении «*катать*»), «сядь на стул» (вместо «*сядьте*», распространённая форма вежливости в городском просторечии).

3. Гибридизация в публичном пространстве и СМИ:

- Слоганы и реклама: использование слова «*зара*» (от груз. «ზარა» — крик, возглас, шум) в контексте мероприятий в Сочи («*Фестиваль кавказской кухни — это настоящая зара!*») [16]. Слово встраивается в русский синтаксис как яркий эмоциональный маркер, понятный целевой аудитории.

- Региональные медиа: в текстах ростовских или краснодарских пабликов часто встречается стилизация под «местный колорит»: «*Пока гостям нальём, пока чОркаем*» (от укр. «чоркати» — «*потягивать*»). Это создаёт эффект интимности и доверия с местным читателем.

Перейдем к рассмотрению прагматических функций.

Прагмалингвистические гибриды в городах ЮФО выполняют ряд ключевых функций:

1. Идентификационная: конструирование «южной» или «кубанской»/ «донской» городской идентичности, отличной от столичной.

2. Адаптивная: облегчение интеграции заимствованных реалий (кулинарных, культурных) в русскоязычный дискурс.

3. Коммерческо-брендинговая: создание уникального локального товара (в т.ч. языкового) для туристов и горожан.

4. Экспрессивно-юмористическая: придание речи живости, образности, часто с оттенком самоиронии.

Таким образом, прагмалингвистическая гибридизация в Волгограде, Краснодаре, Сочи и Ростове-на-Дону как главном узле коммуникации, является не маргинальным, а системным явлением. Она отражает глубинную социокультурную специфику региона и выступает активным инструментом формирования современного городского дискурса, отвечающего на вызовы полиэтничности и глокализации.

Маркированность «свой-чужой» в поликультурном регионе ЮФО — один из ключевых социальных процессов, напрямую отражающихся в языке. Рассмотрим механизмы и примеры.

Механизмы прагмалингвистической маркированности «свой-чужой» в регионе ЮФО

Этот процесс работает на нескольких уровнях, от явной вербализации до скрытых прагматических паттернов.

1. Уровень лексики и номинаций:

- Самоназвания vs экзоэтнонимы: «свои» используют нейтральные или эндоэтнонимы («*армяне», «чеченцы*»), а для маркировки «чужих» в неформальном дискурсе могут использоваться закрепившиеся, часто стигматизирующие, номинации [11].

Рассмотрим пример: в Ростове-на-Дону можно услышать «*хачик»* (арм.), «*джугут*» (евр.), «*чурка*» (обобщённо для лиц кавказской национальности) как маркер «чужого», «приезжего», «не нашего» [14, с.77]. Ключевое — прагматика употребления: эти слова могут использоваться как нейтральные внутри диаспоры («*Эй, хач, иди сюда!»* между армянами) и как оскорбительные извне [12]. Их использование — быстрый способ установить социальную дистанцию.

- Топонимика и ориентация: «свои» используют локальные, исторически сложившиеся названия районов, не всегда отражённые на картах.

Например: в Волгограде «свой» скажет «*иду на Баррикады*» («рынок»), а не «*на рынок Центрального района*». В Ростове — «*в Нахаловке*», «*на Сельмаше*». Незнание этих топонимов сразу маркирует «чужого» (новоприбывшего или туриста) [13].

2. Уровень фонетики и просодии (самый сильный маркер):

Акцент и интонация — главные идентификаторы. «Свой» для Ростова, Краснодара — это не обязательно определённая этническая принадлежность, а носитель регионолекта, «южного говора», который сам по себе является гибридом:

- Фрикативное «Г» ([ɣ]) — так называемое «г украинское» или «г южное». Его наличие или отсутствие — один из главных маркеров. Его могут имитировать, чтобы казаться «своим» в определённой среде.

- Особая «певучая» или «рвущаяся» интонация, заимствованная из языков Кавказа (особенно в речи молодёжи в многонациональных районах). «Свой» может её воспроизводить, «чужой» (например, приезжий из центра России) — будет говорить с «ровной» московской интонацией.

Фраза «*Да что ты говоришь!*», произнесённая с резким повышением тона на «*го-*» и растягиванием гласных, будет воспринята как речь «своего» (возможно, с кавказским влиянием). Та же фраза в нейтральной московской манере выдаст «чужака».

3. Уровень коммуникативных стратегий и речевого поведения:

- Прямота/ уклончивость, громкость, дистанция: в регионе исторически смешаны коммуникативные культуры: южнорусская/украинская (более прямая, эмоциональная) и кавказская (с высокой значимостью статуса, ритуализованностью, гостеприимством, но также возможной конфликтностью при нарушении норм).

- «Свой» знает, как вести себя в ситуации конфликта или торга на рынке: какие формулы использовать, когда повысить тон, а когда — перейти на уважительные обращения («*брат, земляк*»). «Чужой» либо грузит, либо пугается, либо ведёт себя «неадекватно» с точки зрения местных норм.

- Использование гибридных формул для установления контакта: обращение «*братан*» (от рус. «*брат*» с кавказским суффиксальным колоритом) может быть как маркером «своего» (обращение к равному), так и инструментом для сокращения дистанции с потенциальным «чужим».

4. Уровень дискурса и метафор:

Концептуальные метафоры: «свои» оперируют общими для региона метафорами.

Например: регион часто метафорически осмысляется как «плавильный котёл», «перекрёсток», а иногда и как «пороховая бочка». Упоминание этих метафор в разговоре показывает понимание локального контекста.

- Дискурс «понаехавших»: один из самых острых дискурсов в крупных городах ЮФО (Ростов, Краснодар). «Свой» (часто коренной горожанин) может использовать этот дискурс для маркировки «чужих» — внутренних мигрантов из республик Северного Кавказа или соседних областей, обвиняя их в изменении городской среды [11].

Заключение

Анализ историко-демографического положения рассматриваемых регионов выявляет устойчивые тенденции формирования поликультурного пространства. Этническое и культурное разнообразие местных сообществ привело к возникновению уникального лингвокультурного ландшафта, объединяющего особенности современного русского литературного языка, характерные признаки южнорусского говора, разнообразные социальные диалекты и многочисленные явления интерференции, обусловленные контактом представителей различных этнических групп.

Отображение современных интеграционных процессов в фокусе взаимопроникновения языков и культур в условиях интенсивной социальной динамики и культурного многообразия современной России имеет важное значение в настоящее время. В работе продемонстрирован синтез языковых и культурных феноменов, сложившихся в сложную картину эволюции русской речи в условиях постоянных социально-культурных взаимодействий и многоэтничной среды обитания.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что Ростов-на-Дону и города ЮФО являются органичными исторически сложившимися прагмалингвистическими и культурными гибридами. Их уникальность определяется не количеством этнических групп, а глубиной их взаимодействия, результатом которого стало формирование новой, синкретичной культурной и коммуникативной системы. Эта система проявляется на всех уровнях – от исторического нарратива и топонимики до повседневного общения и цифрового фольклора. Изучение Ростова-на-Дону и городов ЮФО в этой парадигме открывает новые возможности для понимания механизмов интеграции в поликультурных регионах и роли языка как ключевого агента гибридизации. Ростовская модель, в частности, демонстрирует, что гибридность может

быть не источником раздора, а ресурсом устойчивости и развития городского сообщества.

Маркированность «свой-чужой» в регионе ЮФО — это не статичная бинарная оппозиция, а динамичный прагмалингвистический инструмент, который постоянно актуализируется в речи. Он зависит от контекста: в одной ситуации маркером будет акцент, в другой — знание локального топонима, в третьей — умение использовать гибридную формулу для снятия напряжения.

Список источников и литературы

1. *Баба Х.К.* Местоположение культуры. Лондон: Рутледж, 1994. - 285 с.
2. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика: Учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 315 с
3. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
4. *Крючкова О. Ю.* Специфика речевого поведения в поликультурном регионе (на материале Ростова-на-Дону) // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2014. — № 1 (47). — С. 212–218.
5. *Мечковская Н. Б.* Язык и религия Лекции по филологии и истории религий: учеб. пособие для студентов гуманитарных вузов. — М.: Агентство «ФАИР», 1998.— 352 с.
6. *Бронштейн А. П., Агаев Г.Х.* Ростов-на-Дону: 250 лет истории. - Гуманитарий Юга России. 2019., Т. 8, № 3 (37). - 2019. - 263 с.
7. *Седов К.Ф.* Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. — 320 с.: ил.
8. *Сущий С. Я.* Представители народов Кавказа в статусных социопрофессиональных сообществах Юга России: тенденции постсоветского периода. Социологические исследования. – 2017. № 5. С. 3-16
9. *Тхагапсоев Х. Г, Кумыков.А.М.* Кавказская идентичность в современных процессах российской социально-культурной трансформации. Философские науки. Спецвыпуск. 2011; (1 Suppl.): 61-77 https://www.phisci.info/jour/article/view/1768

Эмпирический материал:

10. Типичный Ростов: [сообщество в соц. сети] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/tipichniy_rostov (дата обращения: 25.05.2026).
11. Ростов-на-Дону онлайн: информ. портал. URL: https://www.161.ru (дата обращения: 26.07.2026).
12. Вольный Дон: Добро пожаловать в Ростовскую область! / АНО "Агентство по туризму и деловым коммуникациям Ростовской области". Ростов-н/Д, 2026. URL: https://visitdon.ru/ (дата обращения: 08.07.2026).
13. Самые смешные мемы и шутки про Ростов. URL: https://www.yapokupayu.ru/blogs/post/tyutina-kulek-i-svet-pontov-sobrali-vse-shutki-memy-i-lokalnye-slovechki-rostova. (дата обращения 22.07.26)
14. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Л. Л. Касаткин [и др.]; под ред. Р. Ф. Касаткина; Академия наук СССР Институт русского языка им. В.В. Виноградова. - Москва: Наука, 1999. - 207 с. -
15. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., - 349 с.

Практические примеры и медиа:

16. Региональные паблики и СМИ: Ростов-на-Дону Онлайн [сообщество в соц. сети] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/rnd.online (дата обращения: 25.11.2025); Блокнот Краснодар: сетевое издание. Краснодар, 2026. URL: https://bloknot-krasnodar.ru/ (дата обращения: 08.07.2026).

References

1. Bhabha, HK 1994, *Mestopolozheniye kultury* (The Location of Culture), Rutledzh publ, London. (In Russ.)
2. Belikov, VI & Krysin, LP 2001, *Sotsiolingvistika (Sociolinguistics)*, Ros. gos. gumanit. un-t publ, Moscow. (In Russ.)
3. Weinreich, U 1979, *Yazykovyye kontakty. Sostoyaniye i problemy issledovaniya* (Language in Contacts), Vishcha Shkola publ, Kyiv. (In Russ.)
4. Kryuchkova, OYu 2014, 'Spetsifika rechevogo povedeniya v polikulturnom regione (na materiale Rostova-na-Donu)' (Specifics of Speech Behavior in a Multicultural Region (Based on Rostov-on-Don)), *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH)* (Vestnik of Rostov State University of Economics), no. 1 (47), pp. 212–218. (In Russ.)
5. Mechkovskaya, NB 1998, *Yazyk i religiya: lektsii po filologii i istorii religiy* (Language and Religion: Lectures on Philology and History of Religions), Agentstvo "FAIR" publ, Moscow. (In Russ.)
6. Bronshteyn, AP & Agayev, GKh 2019, 'Rostov-na-Donu: 250 let istorii' (Rostov-on-Don: 250 Years of History), *Gumanitariy Yuga Rossii*, vol. 8, no. 3 (37). (In Russ.)
7. Sedov, KF 2004, *Diskurs i lichnost: evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* (Discourse and Personality: The Evolution of Communicative Competence), Labirint publ, Moscow. (In Russ.)
8. Sushchiy, SYa 2017, 'Predstaviteli narodov Kavkaza v statusnykh sotsioprofession-al'nykh soobshchestvakh Yuga Rossii: tendentsii postsovetskogo perioda' (Representatives of the Caucasian peoples in socio-professional status communities of the South of Russia: trends of Post-Soviet period), *Sotsiologicheskiye issledovaniya* (Sociological Studies), no. 5, pp. 3-16. (In Russ.)
9. Tkhagapsoyev, KhG & Kumykov, AM 2011, 'Kavkazskaya identichnost v sovremen-nykh protsessakh rossiyskoy sotsialno-kulturnoy transformatsii' (Caucasian Identity in the Contemporary Processes of Russian Socio-Cultural Transformation), *Filosofskiye nauki. Spetsvypusk* (Russian Journal of Philosophical Sciences), suppl. 1, pp. 61-77 https://www.phisci.info/jour/article/view/1768 (In Russ.)

Empiric material

10. 'Tipichnyy Rostov' (Typical Rostov), VK, viewed 25 May 2026, https://vk.com/tipichniy_rostov (In Russ.)
11. *Rostov-na-Donu onlayn* (Rostov-on-Don online), viewed 26 July 2026, https://www.161.ru (In Russ.)
12. 'Volnyy Don: Dobro pozhalovat v Rostovskuyu oblast!' (Free Don: Welcome to the Rostov Region!) 2026, ANO "*Agentstvo po turizmu i delovym kommunikatsiyam Rostovskoy oblasti"* (Agency for Tourism and Business Communications of the Rostov Region), Rostov-on-Don, viewed 08 July 2026, https://visitdon.ru/ (In Russ.)
13. *Samyye smeshnyye memy i shutki pro Rostov* (The Funniest Memes and Jokes about Rostov), viewed 22 July 2026, https://www.yapokupayu.ru/blogs/post/tyutina-kulek-i-svet-pontov-sobrali-vse-shutki-memy-i-lokalnye-slovechki-rostova. (In Russ.)
14. Kasatkin, LL 1999, *Russkiye narodnyye govory: Zvuchashchaya khrestomatiya. Yuzhnorusskoye narechiye* (Russian Folk Dialects: A Sounding Reader. Southern Russian Dialect), ed. R. F. Kasatkina, Nauka publ, Moscow. (In Russ)
15. *Pervaya Vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii* (First general census of the population of the Russian Empire) 1897. (In Russ.)

Practical examples and media:

16. *Rostov-na-Donu.Onlayn, Bloknot Krasnodar* (Rostov-on-Don. Online, Bloknot Krasnodar) 2026, viewed 25 November 2025, https://vk.com/rnd.online, viewed 08 July 2026, https://bloknot-krasnodar.ru/ (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026
Одобрена после рецензирования:02.03.2026
Принята к публикации: 02.04.2026

The article was submitted: 02.02.2026
Approved after reviewing: 02.03.2026
Accepted for publication: 02.04.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 220–230.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 220–230.

Научная статья
УДК 81'42:81'38
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-220-230

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРОПОВ В ЯЗЫКЕ МАСС-МЕДИА

Елена Юрьевна Сорочинская

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Волгоград, Россия, elena.sorochinskaya@bk.ru
https://orcid.org/0009-0006-1072-2498

Аннотация. Статья исследует функционирование тропов в речи современных блогеров в масс-медиа, исходя из положения, что в основе любого тропа лежит сопоставление двух понятий, представляющихся сознанию близкими, при этом данное сопоставление не сводится к простой замене одного слова другим, а предполагает глубинное переосмысление и концептуализацию действительности. Доказывается, что данный языковой механизм является ключевым для создания выразительной, яркой и запоминающейся речи, передающей индивидуальность коммуникатора, поскольку тропы не только украшают высказывание, но и структурируют восприятие информации слушателем, формируя у него определённые ассоциативные связи. Без использования тропов речь приобретает «сухой», информационно-нейтральный характер, что снижает её эффективность в привлечении и удержании аудитории, особенно в условиях переизбытка контента, где внимание зрителя становится главным ресурсом. Проведённый в рамках исследования количественный анализ показал, что метафоры и эпитеты занимают почти 40% всех тропических средств в речи блогеров, что подтверждает их доминирующую роль в создании эмоционального фона и субъективной оценки событий.

Особое внимание уделяется роли тропов в создании юмора как ключевого элемента успешного воздействия на зрителя. Анализируется, как метафора, ирония, гипербола и сарказм используются для усиления комического или саркастического эффекта высказываний, причём гипербола зачастую служит инструментом гротеска, а литота – для иронического преуменьшения, что позволяет авторам тонко балансировать между серьёзным содержанием и игровой подачей. Показывается, что тропы позволяют блогерам не только быть понятыми широкой аудиторией через узнаваемые сопоставления, но и формировать уникальный, эмоционально окрашенный стиль общения, который становится их визитной карточкой и способствует выстраиванию долгосрочного доверия с подписчиками. Таким образом, тропы рассматриваются как основной инструмент для превращения стандартного сообщения в персонализированное и воздействующее высказывание в цифровой среде, где борьба за внимание требует не только фактологической точности, но и умения говорить с аудиторией на её языке, использовать общие культурные коды и превращать информационный посыл в эмоциональное событие.

Ключевые слова: медиадискурс, масс-медиа, средства выразительности, тропы, разговорная речь, метафора, сравнение, эпитет.

Для цитирования: Сорочинская Е. Ю. Особенности функционирования тропов в языке масс-медиа // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 220–230. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-220–230

Сведения об авторе: *Е. Ю. Сорочинская* – аспирант кафедры русского языка, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400005, Россия, Волгоград, проспект им. Ленина, 27.

© Сорочинская Е.Ю., 2026

Scientific Article
UDC 81'42:81'38
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-220-230

THE USE OF TROPES IN MEDIA DISCOURSE

Elena Yu. Sorochinskaya

Volgograd State Socio-Pedagogical University
Volgograd, Russia, elena.sorochinskaya@bk.ru
https://orcid.org/0009-0006-1072-2498

Abstract. The article examines how tropes function in the media discourse of contemporary vloggers and bloggers. It states that every trope builds on a juxtaposition between two conceptually close notions. Rather than merely replacing one word with another, this juxtaposition entails a deep reimagining and conceptualisation of reality. The author demonstrates that this linguistic mechanism remains crucial for crafting expressive, vivid, and memorable linguistic behaviour that reflects the communicator's individuali-ty. Beyond decorating a discourse unit, tropes structure how addressees process information and shape distinct associative links. Without tropes, communication becomes "dry" and informationally neutral, which reduces its capacity to attract and retain recipients, especially in an oversaturated content mar-ket where viewer's attention serves as the primary resource. A quantitative analysis reveals that meta-phors and epithets constitute nearly 40% of all figurative devices in influencers' discourse, confirming their dominant role in establishing an emotional backdrop and subjective evaluation of events.

The study pays special attention to the role of tropes in generating humour as a key element for successful viewer engagement. It analyzes how creators employ metaphor, irony, hyperbole, and sarcasm to amplify comic or sarcastic effects. Here, hyperbole often serves as a tool for the grotesque, while litotes provides ironic understatement, allowing authors to strike a fine balance between serious content and playful delivery. The findings show that tropes enable bloggers not only to reach a broad audience through recognisable comparisons but also to forge a unique, emotionally charged communi-cation style that becomes their trademark and builds long-term trust with subscribers. Thus, the paper views tropes as the primary instrument for transforming a standard message into a personalised, im-pactful communicative unit in the digital environment, where the battle for attention demands both factual accuracy and the ability to speak the audience's language, utilise shared cultural codes, and turn informational output into an emotional event.

Keywords: media discourse, mass media, expressive means, tropes, colloquial speech, metaphor, simile, epithet.

For citation: Sorochinskaya, EYu 2026, 'The Use of Tropes in Media Discourse', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 220–230, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-220-230 (in Russ.)

Information about the Author *Elena Yu. Sorochinskaya* – Postgraduate student of the Department of the Russian Language, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 27, Prosp. im. Lenina, Volgograd, 400005, Russia

© Sorochinskaya E. Yu., 2026

Введение

С развитием медиатехнологий понятие «масс-медиа» постоянно развивается и усложняется. Медиа-дискурс всегда являлся существенным фактором, влияющим на формирование общественного мнения. Правильно подобранные язык общения, средства коммуникации могут воздействовать на слушателя или читателя. Многие исследователи определяют медиадискурс как полимодальный вид дискурса, существующий в коммуникативном пространстве.

Главная цель масс-медиа – информирующее воздействие. С изменением коммуникативного пространства меняются и формы передачи информации. Новые технологии мгновенной передачи информации изменили и само понятие «масс-медиа». Теперь информацию получают не только от журналистов, но и от блогеров или стримеров.

Современные масс-медиа не поддаются строгой классификации из-за содержательной неоднородности видеоконтента, когда в рамках одного ролика могут сочетаться различные форматы. Обычно выделяют три разновидности дискурса масс-медиа: информационный, аналитический и художественно-публицистический. Все эти разновидности актуальны и для журналистики. Исследователи отмечают, что художественно-публицистический подстиль медиадискурса имеет коммуникационную направленность. Воздействие на адресата происходит не только с помощью информационного содержания, но и благодаря субъективной оценке адресанта. Факты могут переосмысливаться говорящим, что также вызывает интерес у аудитории.

В данной статье мы считаем уместным рассматривать YouTube-каналы как средства распространения массовой информации, ведь содержание понятия медиа гораздо шире, чем СМИ. YouTube-каналы способны распространять ту информацию, которая актуальна и интересна для неограниченного круга лиц и вызывает доверие. Современные медиаресурсы способны подстраиваться под интересы зрителя и слушателя, но в то же время, благодаря рекламе и маркетингу, любой пользователь может видеть тот контент, который рекомендован самой платформой.

Цель работы – выявить, какие языковые средства выразительности (в частности, тропы) используют блогеры для формирования доверия и эмоционального воздействия на широкую аудиторию в период 2025-2026 годов, а также определить их функциональную роль в современном медиадискурсе.

Материалы и методы

Обратившись к данным социологических опросов и научной литературы за 2025-2026 гг., мы отметили, что многие россияне уже не получают информацию из авторитетных СМИ. «ВКонтакте», Telegram, YouTube приобрели не меньшую популярность, чем поисковые сети, такие как Google или «Яндекс». Если «ВКонтакте» и Telegram используются в качестве средств коммуникации, то YouTube в современном мире заменяет для большинства россиян телевидение и печатные новостные издания. Несмотря на замедление, данная платформа остается актуальной, так как все привычные телевизионные передачи, которые зачастую смотрит старшее поколение, публиковались или продолжают публиковаться на ней, а современное поколение уже не нуждается в телевизоре и газетах, так как с детства привыкло к просмотру роликов на видеохостинговых площадках.

За последние два десятилетия YouTube трансформировался в ключевую медиаплатформу, став для значительной части аудитории основным источником видеоконтента и новостей. На платформе сформировался новый класс блогеров-профессионалов, чей уровень производства контента сопоставим с телевизионными стандартами. Параллельно традиционные журналисты активно осваивают цифровое

пространство, успешно интегрируя телевизионные форматы в YouTube и тем самым объединяя телевизионную и интернет-аудиторию.

Традиционные средства массовой информации претерпевают значительную трансформацию, адаптируясь к изменившимся медиареалиям. Стремясь охватить аудиторию, воспитанную в цифровой среде и не воспринимающую традиционные газетные или телевизионные форматы, медиаиндустрия трансформирует как способы подачи информации, так и сам язык массовой коммуникации.

Материалом для настоящего исследования послужили видеоролики популярных YouTube-каналов, отобранные на основе следующих критериев: алгоритмические рекомендации платформы YouTube; количественные показатели просмотров (порог отбора – не менее 100 000 просмотров на видео); регулярность публикаций (не реже 1 раза в месяц). Понятие массовости неоднозначно, в связи с этим определение того, при каких показателях медиаконтент становится массовым, представляет собой методологическую сложность. Эта проблема усугубляется спецификой платформы YouTube, где количественные показатели подписчиков далеко не всегда равны показателям просмотров, поэтому требуется разработать дополнительные критерии оценки медийного охвата.

В рамках настоящего анализа не рассматриваются локальные новостные каналы, поскольку их лингвистическое влияние на пользовательскую аудиторию существенно уступает медиаресурсам с регулярно высоким количеством просмотров (часто превышающим 1 миллион). Данное ограничение обусловлено необходимостью концентрации на наиболее репрезентативных образцах медиаконтента. Выбор наиболее просматриваемого контента позволяет анализировать действительно влиятельные медиа-единицы, формирующие современный медиадискурс. Так как масс-медиа имеет цель информировать пользователя, формировать общественное мнение, данная выборка позволяет рассмотреть и проанализировать, какие средства выразительности помогают авторам достичь этой цели.

Для анализа речевого материала применялся метод контекстуального анализа с последующей количественной и качественной интерпретацией тропов (метафор, эпитетов, сравнений, гипербол, олицетворений, метонимий, литот и др.).

Результаты и обсуждение

Изучив популярный и актуальный в 2025-2026 годах новостной контент, представленный на платформе YouTube, мы заметили, что каналы имеют разную направленность. Нами выделены следующие направления популярного на данный момент новостного контента на платформе: развлекательный, общественно-политический, образовательный и научно-популярный, а также контент, связанный с увлечениями человека (новости в сфере красоты, здоровья, авто, игр, спорта, техники, косметики, музыки и т.д.). Блогер может менять направление контента или создавать различные рубрики, что также усложняет задачу классификации направлений YouTube-контента. Следует учитывать и то, что любой канал может включать в себя развлекательную составляющую, чтобы удержать внимание зрителя. Но это не значит, что автор ставит перед собой единственную цель – развлечь зрителя. Часто в таких случаях юмор является лишь дополнением к основному содержанию видеоролика. Например, авторы научно-популярных каналов используют ряд фигур речи и стилистических приемов, придающих их контенту юмористическую окраску, благодаря которой многим зрителям, не имеющим специального образования, легче воспринимать серьезное фактическое содержание текстов.

При изучении контента YouTube-каналов, которые, на наш взгляд, имеют признаки масс-медиа, мы выделили три наиболее популярных вида видео-контента: интернет-СМИ, подкастинг, видеоблогинг.

Проанализировав речевой материал из видеороликов блогеров, чей контент распространяется на массовую аудиторию на платформе YouTube (с учетом указанных нами ранее критериев отбора), мы выявили процентное соотношение тропов, встречающихся в речи YouTube-блогеров за исследуемый период: метафоры и эпитеты – 39%, сравнения – 21%, гиперболы – 15%, олицетворения – 10%, метонимии – 7%, литоты – 5%, другие тропы – 2%.

Полученные данные подтверждают, что в современном медиапространстве 2025-2026 годов формируется новый тип контента, где автор не только сообщает актуальные новости, но и открыто выражает свою точку зрения. Такая модель, характерная для персональных блогов и видеоканалов, сочетает факты и субъективные оценки, что влияет на восприятие информации аудиторией.

«Выразительность – это коммуникативная категория, которая используется для воздействия на адресата, привлечения внимания к своей речи, выражения личности человека в речи и его субъективного отношения к сказанному посредством языковых средств» [4, с. 131]. Для воздействия на адресата нужно владеть речью, иметь отличительный стиль, узнаваемость. Средства выразительности способствуют тому, чтобы текст запоминался, был эмоционально окрашенным, ярким. Богатство словарного запаса, нормированная речь, способность точно и ярко донести до слушателей свою мысль являются теми условиями, которым должны отвечать блогеры или журналисты или по крайней мере стремиться к этому.

Профессиональный ведущий должен обладать развитыми коммуникативными навыками, включающими как межличностное взаимодействие, так и управление массовой аудиторией. Важнейшими составляющими являются вербальное мастерство и невербальная выразительность, позволяющие эффективно работать в различных форматах – от камерных бесед до публичных дискуссий. Блогеры, которые ведут каналы, ориентированные на многочисленную аудиторию, стараются соответствовать данным требованиям. Это проявляется в том, как они адаптируют стиль речи под специфику аудитории, меняют модели ведения дискуссии в зависимости от формата видео.

Основа любого масс-медиа – убедительная речь автора канала или ведущего. Убеждение, построенное только на логических доводах, не сможет быть высокоэффективным. Экспрессия усиливает воздействие. Для создания яркого и запоминающегося образа блогеры используют в своей речи различные средства выразительности, в том числе тропы.

Главным тропом является метафора. В настоящее время ее рассматривают более глубоко, чем раньше – как способ мышления, национального видения мира, а не просто как троп, создающий образность и выразительность [9]. Многие метафоры сочетаются для большего эффекта с другими тропами. Изучение комического тесно связано с теорией метафоры, предстающей незаменимым средством достижения комического эффекта, а также инструментом познания, представления, упорядочения знания и опыта, способом концептуализации окружающего нас мира [10, с. 226].

Рассмотрим примеры из речи популярных YouTube-блогеров. *Если деньги так и не пришли, то вам нужно записаться к Лерчек на прочистку финансового потока угольком [ЮТУБНАЯ | Лерчек ЧУДИТ В ПОЛЕ / Аяз во всём ПРИЗНАЛСЯ / Дело НУМЕРОЛОГА Косенко / СКАНДАЛ В ГОСДУМЕ].* Данная фраза описывает извест-

ного блогера Лерчек, которая обещает людям прочистить их финансовые потоки. Автор YouTube-ролика (Ютубная) использует метафору, чтобы раскрыть простую истину: не стоит доверять обещаниям быстрого обогащения – особенно если за них требуют деньги. На примере абсурдного предложения «купить уголь для богатства» создатель видео показывает, что подобные манипуляции не решают финансовых проблем, а лишь дают ложную надежду. После просмотра зритель может сделать важный вывод: волшебных способов разбогатеть не существует, а любые «гарантированные» методы чаще всего оказываются мошенничеством.

Это всего лишь капля в море массового культа достижений, которая захватила даже тех, кто эти марафоны даже вообще в глаза не видел [katyakonasova | Как Hustle-культура делает нас несчастными?]. В данном примере блогер упоминает марафоны, которые сейчас популярны. Как и автор предыдущей цитаты, Катя Конасова строит свой контент на основе последних новостей о мошенничестве и скрытом обмане аудитории, пытаясь донести аудитории мысль о том, что не нужно поддаваться уловкам мошенников. Метафора «капля в море» довольно частотна в речи многих людей, но здесь мы можем увидеть дополнение «море культа достижений», которое показывает индивидуальное отношение автора к hustle-культуре, которая вынуждает всех людей казаться успешнее, чем они есть на самом деле. Эта культура подобна морю, так как довольно широко распространилась не только среди тех, кто покупает марафоны, обещающие научить добиваться успеха, но и среди тех, которые просто видит идеальную картину жизни других в соцсетях.

В современном медиапространстве наблюдается формирование нового типа контента, где автор не только сообщает актуальные новости, но и открыто выражает свою точку зрения. Такая модель, характерная для персональных блогов и видеоканалов, сочетает факты и субъективные оценки, что влияет на восприятие информации аудиторией. Рассмотрим цитату блогера, который в своем ролике хочет донести до зрителя свое мнение об известном в медиапространстве и шоу-бизнесе человеке. Блогер считает, что в Интернете не все понимают, что собой в действительности представляет этот популярный человек, певец, поэтому приводит факты, которые, по его мнению, показывают его истинное лицо. Выразить отношение и усилить выразительность речи автору видео помогает метафора. *Так дела обстояли раньше, сейчас контракт с рабовладельцами расторгнут, амнистия наступила, а золотые цепи больше не сковывают шею [feanrir | Егор Крид – ЛЕГЕНДАРНОЕ ПОЗОРИЩЕ].* Блогер пытается убедить аудиторию в том, что певец обманывает своих поклонников. По его словам, артист утверждал, что ранее действовал под давлением продюсеров, но, освободившись от их влияния, мог бы выстроить карьеру и контент иначе. Однако автор видео обращает внимание на то, что, несмотря на разрыв контракта, ничего в творчестве и поведении певца не изменилось. Для усиления своей позиции блогер использует метафору, утрируя ситуацию: он сравнивает продюсеров с рабовладельцами, которые якобы лишали артиста воли. Этот приём помогает автору кратко и доходчиво донести до зрителей как свою точку зрения, так и позицию героя ролика. Метафора создаёт яркий и запоминающийся образ, упрощая восприятие сложной темы. Кроме того, в ней присутствует ирония по отношению к певцу и его попыткам ввести аудиторию в заблуждение.

Следующим наиболее часто употребляемым тропом в речи блогеров в медиапространстве является эпитет. Анализируя речевой материал, мы заметили, что эпи-

теты часто повторяются в речи различных блогеров и журналистов, поэтому рассмотрим те, которые, на наш взгляд, являются более оригинальными и выразительными. Приведем фразу из видеоролика: *«За самыми глянцевыми постами скрывался треш» [katyakonasova | КОНЕЦ ПОКАЗУХИ: новая искренность или очередной тренд?]*. Эпитет здесь показывает, что люди в современном мире транслируют не реальную жизнь, а такую, какую бы они хотели. Эпитет «глянцевые» ярко характеризует это. Ведь жизнь людей – это не обложка модного журнала. Автор ролика хочет донести до зрителя мысль о том, что не всегда посты в Интернете отражают реальную действительность.

Следующий пример из интервью популярного актера Марка Эйдельштейна: *«Даня очень крутой. И он крутой в том, что вообще-то он не актер, а суперлайфстайловый, искренний, как будто бы прокачанный и прокачивающийся постоянно чувак, и в этом его фишка» [ВПИСКА | Марк Эйдельштейн – Анора, Юра Борисов и Оскар. От буллинга до Голливуда]*. На примере отрывка из интервью мы можем понять, что автор фразы старается как можно ярче и подробнее описать человека, которым он восхищается. Марк употребляет несколько эпитетов, добавляющих убедительности и красочности его высказыванию.

Следующий по частоте употребления в речи блогеров троп – гипербола. Она встречается реже, чем метафора и эпитет, так как уместна не во всех контекстах. Она не просто уточняет образ, а добавляет новый, что без достаточного разъяснения может привести к недопониманию между говорящим и слушающим. Во фразе *«Несмотря на то, что абонемент в зал у меня закончился еще во времена динозавров, форму я не теряю» [ЮТУБНАЯ | Лерчек ЧУДИТ В ПОЛЕ / Аяз во всём ПРИЗНАЛСЯ / Дело НУМЕРОЛОГА Косенко / СКАНДАЛ В ГОСДУМЕ]* гипербола довольно проста для понимания, доступна каждому человеку. С помощью сопоставления приобретения абонемента в фитнес-зал с образом динозавров, которые жили много веков назад, автор добавляет своей фразе комический эффект и дает зрителю ролика понять, что абонемент приобретался очень давно. В данном контексте образ довольно прост и понятен каждому: *«А если вы меня каждую секунду не будете спрашивать, как меня зовут, то мы вообще до завтра управимся» [Саша Меньшова | Как жена Достоевского погасила его долги? История Анны Сниткиной. Катя Котофеева и Ирина Стрельникова]*. Здесь говорящий преувеличивает, что человека спрашивали каждую секунду о том, как его зовут, хотя на самом деле спрашивали реже, чем каждый день. Гипербола выполняет несколько функций: во-первых, она акцентирует внимание на дисгармонии в коммуникативном процессе, во-вторых, создаёт комический эффект через гротескное преувеличение, и в третьих, служит инструментом субъективной оценки ситуации. В рассматриваемом случае гипербола успешно реализует свою основную задачу – передаёт эмоциональную реакцию говорящего и создаёт выразительный образ, легко декодируемый адресатом.

Приведем похожий пример, где автор использует не преувеличение, а преуменьшение: *«Мамикса сразу стали обвинять в том, что он, видите ли, пытался опорочить Биста во время парусекундного упоминания Биста на подкасте» [BVS | ЖАЛКАЯ «ЗАВИСТЬ» МАМИКСА К МИСТЕРУ БИСТУ]*. В контексте говорится о том, что один блогер упоминал другого всего лишь две секунды, но в действительности это занимало несколько минут видеоролика. Для того, чтобы доказать аудитории, что Мамикс незначительно акцентировал внимание на Бисте, автор использует литоту.

С целью сопоставления двух образов блогеры часто прибегают к сравнению. Сравнение – это не только способ номинации, но и яркое средство оценки. Оно экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации. Ниже приведем несколько примеров из языка масс-медиа. *Представьте себе, первый век нашей эры, вы подходите к храму, а двери открываются перед вами как сейчас в супермаркете, и как будто бы боги приветствуют вас [МИНАЕВ LIVE | Роботы: Прогресс человечества или восстание машин? / История науки @MINAEVLIVE]. В каком-то смысле Распе был персонажем не менее эпичным, чем его Мюнхгаузен [MrGEO | Мифы в реальности. Человек, которого не было]. Какой джентльмен будет расхаживать по Лондону в кепке для охоты? Это все равно что ходить по улицам в камуфляже [MrGEO | Мифы в реальности. Человек, которого не было].* Основной коммуникативной целью использования сравнений в речи является желание говорящего ярко оценить то, что выходит за рамки общепринятых норм, является нестандартным и нетипичным в современном обществе. Образная оценка может быть дана абсолютно всему, что окружает человека.

Важное место среди тропов в речи блогеров и журналистов занимают олицетворения. Во многих случаях они употребляются совместно с другими средствами выразительности, чаще всего с метафорой. Приведем пример, где в большей степени проявлено олицетворение: *«Поле становится богатым» [ЮТУБНАЯ | Лерчек ЧУДИТ В ПОЛЕ / Аяз во всём ПРИЗНАЛСЯ / Дело НУМЕРОЛОГА Косенко / СКАНДАЛ В ГОСДУМЕ].* В данном контексте подразумевается энергетическое поле человека, которое якобы существует и может разбогатеть. Блогер отражает скептическое отношение к этому с помощью олицетворения. В следующем контексте блогер придает площадке черты человека, будто она может принимать какие-то решения и иметь мнение: *«Эта песня настолько прекрасная, что YouTube считает ее конец самым интересным моментом» [feanrir | Егор Крид].* Отметим, что блогер высмеивает творчество певца, к которому он относится негативно.

Исходя из результатов анализа речевого материала, собранного нами, в речи блогеров практически не используются метонимия или синекдоха. Рассмотрим несколько примеров. *Возрождение – это ведь не только Леонардо. В эту эпоху по всей Европе механики и инженеры разрабатывали автоматы, которые могли двигаться, играть музыку, писать и даже разговаривать [МИНАЕВ LIVE | Роботы: Прогресс человечества или восстание машин? / История науки @MINAEVLIVE].* Имя Леонардо да Винчи используется в данном высказывании как символ эпохи, заменяя всё её многообразие (часть вместо целого). *Однако там случается проблема: новый класс не принимает Стива [МИНАЕВ LIVE | СТИВ ДЖОБС: Гений или американский психопат? / Истории кумиров @MINAEVLIVE].* В приведенном контексте «класс» подразумевает не сам класс как помещение. *Мы были дистрибьютором «Мартини Бакарди» на территории Ростова [Осторожно: Собчак | НИКОЛАЙ ВАСИЛЕНКО: «Умному человеку сложно быть добрым»].* Здесь мы наблюдаем два примера метонимии: «Мартини Бакарди» – название бренда используется вместо продукции компании, а местоимение «мы» заменяет слова «компания» или «фирма».

Часто во фразе может встречаться сразу несколько тропов. *Мир обсуждает еще одно вопиющее лицемерие Дома Мыши во время создания фильмы «Белоснежка» [MovieMaker | Белоснежка упала ниже плинтуса! Disney выбрасывают из кинотеатров…]* – в этой фразе мы можем выделить метонимию («Дом Мыши» вместо

названия корпорации и «мир обсуждает» вместо «общественность», «СМИ» и пр.), метафору («вопиющее лицемерие»), эпитет («вопиющее»), гиперболу (метафора «мир обсуждает» подразумевает под собой преувеличение масштаба влияния). Использование нескольких тропов в одном речевом высказывании помогает говорящему значительно усилить воздействие на слушателя, создать смысловую динамику, постепенно раскрывая смысл фразы.

В основе тропа лежит сопоставление двух понятий, которые представляются нашему сознанию близкими в каком-либо отношении. Речь современных блогеров в масс-медиа должна быть выразительной, яркой, запоминающейся и передавать индивидуальность говорящего. Без тропов речь приобретает «сухой» характер (т. е. лишенный эмоциональной окраски). Современные блогеры стремятся быть понятыми аудиторией, поэтому юмор становится ключевым элементом успешного воздействия на зрителя, а тропы помогают усиливать комический или саркастический эффект юмористических высказываний.

Масс-медиа становятся более доступны: человек может получить обратную связь от автора контента, а речь блогеров и журналистов ориентируется на широкую аудиторию и становится более простой, эмоциональной, «живой», стремится завоевать доверие адресата, в связи с чем используется большое количество разговорных слов и средств выразительности. «Электронная коммуникация делает возможным то, что было немыслимо прежде: активное, одновременное и взаимное установление контакта между отдельными личностями поверх всех границ между странами, религиями и континентами» [1, с. 183].

Заключение

Проведённое исследование, охватывающее материалы 2025-2026 годов, показывает, что YouTube-каналы стали полноценными масс-медиа, формирующими общественное мнение и ценностные ориентиры аудитории. Анализ речевого материала подтвердил, что блогеры активно используют метафоры, эпитеты, сравнения, гиперболы, олицетворения и другие тропы для усиления воздействия, при этом юмор и сарказм служат ключевыми инструментами удержания внимания и создания доверительных отношений со зрителем. Несмотря на методологическую сложность определения «массовости» контента на цифровых платформах, предложенные критерии (просмотры, регулярность публикаций) позволяют выделять действительно влиятельные медиаединицы, формирующие современный медиадискурс.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с изучением динамики тропов в зависимости от жанровой специфики каналов, а также с анализом восприятия этих средств выразительности самой аудиторией. Масс-медиа становятся доступнее, а их язык – проще и эмоциональнее, что требует от исследователей постоянного мониторинга речевых практик в цифровой среде, особенно в условиях стремительного развития платформ в 2025-2026 годах.

Список источников и литературы

1. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем.: А. Григорьев, В. Седельников; авт. послесл. А. Ф. Филиппов; оформл. Г. Ваншенкина. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 302 с.
2. *Грин Н. В.* Метафора и ее классификации // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2018. № 12. С. 245–248.
3. *Гусаров А. А.* Особенности языка интернет-общения // Научный форум. Сибирь. 2016. Т. 2, № 4. С. 81–82.

4. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: теория, методы, направления: [монография]. [Б. м. : б. и.], 2020. 180 с. Электрон. изд. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1600671409_8213.pdf (дата обращения: 07.07.2026). Доступ на сайте Медиалингвистика XXI век.
5. *Кознова Н. Н.* Средства речевой выразительности в современном медиатексте: типология, функции, смысловая насыщенность // Современные СМИ в контексте информационных технологий: сб. науч. трудов 9-ой Всерос. науч.-практ. конф. – 2023. СПб.: СПбГУПТД, 2024. С. 130–136.
6. *Колокольцева Т. Н.* Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка // Грани познания. 2011. № 4. С. 13–17. URL: http://grani.vspu.ru/avtor/30 (дата обращения: 07.07.2026).
7. *Колокольцева Т. Н.* Разговорная речь и разговорный стиль интернет-эпохи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8. С. 102–108.
8. *Крылова М. Н.* Динамика образов сравнения в русском языке // Грани познания. 2012. № 4. С. 97–103. URL: http://grani.vspu.ru/avtor/427 (дата обращения: 05.03.2022).
9. *Кузнецова Н. Н.* Метафора как одно из основных средств создания экспрессивности // Филологические науки. 2009. № 1. С. 101–108.
10. *Стоянова Е. В.* Метафора в контексте комического в медиатексте // Медиалингвистика. 2020. Т. 7, № 2. С. 225–237. URL: https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.206 (дата обращения: 03.05.2026).
11. *Сычева Е. В.* Художественно-публицистическая разновидность дискурса масс-медиа (на материале очерка В. Пескова «В упряжке жизни») // Язык. Текст. Дискурс. 2011. № 9. С. 351–357.
12. *Хамидова А. Х.* Медиалингвистика: новая парадигма в изучении языка СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 293–299.
13. *Шамшин И. В.* Тропы и фигуры речи в языке современной газеты // Актуальные проблемы культуры речи: сб. науч. статей Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 27 апреля 2018 г. / отв. ред. И. С. Папуша. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2018. С. 34–47.
14. *Яхина Д. И.* Образные средства в семейном общении (на материале метафор и сравнений) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 71–82.
15. Mediascope [Исследовательская компания Mediascope]: офиц. сайт. 2025–2026. URL: https://mediascope.net/ (дата обращения: 01.04.2026).

References

1. Bek, U 2001, '*Chto takoye globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu*' (What is globalization? Mistakes of globalism – answers to globalization), Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 302. (In Russ.)
2. Grin, NV 2018, 'Metafora i eye klassifikatsii' (Metaphor and its classifications), *Vestnik Angarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* (Bulletin of Angarsk State Technical University), no. 12, pp. 245-248. (In Russ.)
3. Gusarov, AA 2016, 'Osobennosti yazyka internet-obshcheniya' (Features of the language of Internet communication), *Nauchnyy forum. Sibir* (Scientific Forum. Siberia), no. 4, pp. 81-82. (In Russ.)
4. Dobrosklonskaya, TG 2020, '*Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya*' (Medialinguistics: theory, methods, directions), pp. 180, viewed 07 July 2026, http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1600671409_8213.pdf (In Russ.)
5. Koznova, NN 2024, 'Sredstva rechevoy vyrazitelnosti v sovremennom mediatekste: tipologiya, funktsii, smyslovaya nasyshchennost' (Means of speech expressiveness in modern media text: typology, functions, semantic saturation), in *Sovremennyye SMI v kontekste informatsionnykh tekhnologiy : sbornik nauchnykh trudov 9-oy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* – 2023 (Modern Media in the Context of Information Technologies: collection of scientific papers of the 9th All-Russian scientific-practical conference –

2023), St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, pp. 130-136. (In Russ.)
6. Kolokoltseva, TN 2011, 'Internet-kommunikatsiya kak zerkalo osnovnykh tendentsiy razvitiya i funktsionirovaniya russkogo yazyka' (Internet communication as a mirror of the main trends in the development and functioning of the Russian language), *Grani poznaniya* (Facets of Knowledge), no. 4, pp. 13-17, viewed 07 July 2026, http://grani.vspu.ru/avtor/30 (In Russ.)
7. Kolokoltseva, TN 2016, 'Razgovornaya rech i razgovornyy stil internet-epokhi' (Colloquial speech and colloquial style of the Internet era), *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* (Proceedings of Volgograd State Pedagogical University), no. 8, pp. 102-108. (In Russ.)
8. Krylova, MN 2012, 'Dinamika obrazov sravneniya v russkom yazyke' (Dynamics of comparison images in the Russian language), *Grani poznaniya* (Facets of Knowledge), no. 4, pp. 97-103, viewed 05 March 2022, http://grani.vspu.ru/avtor/427 (In Russ.)
9. Kuznetsova, NN 2009, 'Metafora kak odno iz osnovnykh sredstv sozdaniya ekspressivnosti' (Metaphor as one of the main means of creating expressiveness), *Filologicheskiye nauki* (Philological Sciences), no. 1, pp. 101-108. (In Russ.)
10. Stoyanova, EV 2020, 'Metafora v kontekste komicheskogo v mediatekste' (Metaphor in the context of the comic in media text*), Medialingvistika* (Medialinguistics), vol. 7, no. 2, pp. 225-237, viewed 03 May 2026, https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.206 (In Russ.)
11. Sycheva, EV 2011, 'Khudozhestvenno-publitsisticheskaya raznovidnost diskursa mass-media (na materiale ocherka V. Peskova "V upryazhke zhizni")' (Artistic and journalistic variety of mass media discourse (based on V. Peskov's essay "In the harness of life")), *Yazyk. Tekst. Diskurs* (Language. Text. Discourse), no. 9, pp. 351-357. (In Russ.)
12. Khamidova, AKh 2018, 'Medialingvistika: novaya paradigma v izuchenii yazyka SMI' (Medialinguistics: a new paradigm in the study of media language), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* (Bulletin of Moscow State Linguistic University), no. 1, pp. 293-299. (In Russ.)
13. Shamshin, IV 2018, 'Tropy i figury rechi v yazyke sovremennoy gazety' (Tropes and figures of speech in the language of the modern newspaper), in *Aktualnyye problemy kultury rechi: Sbornik nauchnykh statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Actual problems of speech culture: Collection of scientific articles of the All-Russian scientific-practical conference), Moscow: Moscow State Regional University, pp. 34-47. (In Russ.)
14. Yakhina, DI 2015, 'Obraznyye sredstva v semeynom obshchenii (na materiale metafor i sravneniy)' (Figurative means in family communication (based on metaphors and comparisons)), in *Problemy rechevoy kommunikatsii: mezhvuz.* sb. nauch. tr. (Problems of speech communication: interuniversity collection of scientific works), ed. MA Kormilitsyna, Saratov: Saratov University Press, issue 15, pp. 71-82. (In Russ.)
15. Mediascope 2026, *Mediascope official website*, viewed 01 April 2026, https://mediascope.net/ (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 07.07.2026
Одобрена после рецензирования: 07.08.2026
Принята к публикации: 07.09.2026

The article was submitted: 07.07.2026
Approved after reviewing: 07.08.2026
Accepted for publication: 07.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 231–241.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 231–241.

Научная статья
УДК 811.112.2`36 + 811.111 + 811.113.3
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-231-241

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФУЗИЯ В СИСТЕМЕ ТАКСИСА: МЕХАНИЗМЫ ИНТРАКАТЕГОРИАЛЬНОГО СИНКРЕТИЗМА В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, irarch@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-0685-335X

Аннотация. В центре внимания настоящего исследования находится феномен интракатегориального синкретизма, рассматриваемый как фундаментальное свойство функционально-семантической категории таксиса. В отличие от традиционного подхода, фокусирующегося на межкатегориальном взаимодействии, в работе доказывается, что системная полисемия политаксисных предлогов (нем. bei, mit, durch; нидерл. bij, met, voor; англ. by, with, through, in) приводит к формированию внутри самой категории устойчивых гибридных образований – секундарно-таксисных семантических комплексов. Объектом анализа выступают предложно-девербативные конструкции в немецком, нидерландском и английском языках, в рамках которых ядерное значение хронологической соотнесенности действий (одновременности, разновременности) неразрывно сливается с логико-обстоятельственными смыслами (модальность, инструментальность, кондициональность, каузальность, финальность). Цель работы – моделирование механизмов семантической диффузии и верификация выявленных закономерностей в межъязыковом сопоставлении. Эмпирической базой послужили выборки из электронных корпусов (DWDS, LC). Методология исследования базируется на функционально-семантическом и сопоставительном подходах. В результате исследования выделены и классифицированы основные типы синкретических комплексов, общие для рассматриваемых германских языков: модально-таксисный, инструментально-медиальный, кондиционально-таксисный, каузально-таксисный и финально-таксисный. Установлено, что их актуализация является следствием взаимодействия трех уровней: прототипической семантики предлога, лексико-семантических свойств девербатива и контекстуальных операторов. Сопоставительный анализ выявил как типологическое сходство (общность семантических переходов), так и идиоэтнические различия в степени грамматикализации и таксисной специализации предлогов. Делается вывод о том, что интракатегориальный синкретизм представляет собой системообразующий принцип организации таксиса в германских языках, отражающий глубинные когнитивные механизмы категоризации опыта.

Ключевые слова: интракатегориальный синкретизм, таксис, семантическая диффузия, политаксисные предлоги, предложный девербатив, секундарно-таксисный семантический комплекс, сопоставительная типология, немецкий язык, нидерландский язык, английский язык

Для цитирования: Архипова И. В. Семантическая диффузия в системе таксиса: механизмы интракатегориального синкретизма в германских языках // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 231–241. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-231–241

Сведения об авторе: *И. В. Архипова* – доктор филологических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28.

© Архипова И. В., 2026

Scientific Article
UDC 811.112.2`36 + 811.111 + 811.113.3
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-231-241

SEMANTIC DIFFUSION IN THE TAXIS SYSTEM: MECHANISMS OF INTRACATEGORIAL SYNCRETISM IN GERMAN LANGUAGES

Irina V. Archipova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-0685-335X

Abstract. This study focuses on the phenomenon of intracategorical syncretism, which is considered a fundamental property of the functional-semantic category of taxis. In contrast to the traditional approach, which focuses on intercategorical interaction, the paper proves that the systemic polysemy of polytactic prepositions (German bei, mit, durch; Dutch bij, met, voor; English by, with, through, in) leads to the formation of stable hybrid formations within the category itself – secondary taxis semantic complexes. The object of analysis is prepositional-deverbative constructions in German, Dutch, and English, within which the core meaning of the chronological relationship of actions (simultaneity, heterochrony) is inextricably merged with logical-adverbial meanings (modality, instrumentality, conditionality, causality, finality). The aim of this study is to model the mechanisms of semantic diffusion and verify the identified patterns in cross-linguistic comparison. Samples from electronic corpora (DWDS, LC) served as the empirical basis. The research methodology is based on functional-semantic and comparative approaches. The study identifies and classifies the main types of syncretic complexes common to the Germanic languages under consideration: modal-taxis, instrumental-medial, conditional-taxis, causal-taxis, and final-taxis. The paper demonstrates that their actualization results from the interaction of three levels: the prototypical semantics of the polytaxis prepositions, the lexico-semantic properties of the prepositional deverbative, and contextual operators. The comparative analysis reveals both typological similarities (common semantic shifts) and idioethnic differences in the degree of grammaticalization and taxis specialization of prepositions. The paper concludes that intracategorical syncretism constitutes a systemic organizing principle of taxis, driven by semantic diffusion and reflecting profound cognitive mechanisms of experiential categorization.

Keywords intracategorical syncretism, taxis, semantic diffusion, polytactic prepositions, prepositional deverbative, secondary-tactic semantic complex, comparative typology, German, Dutch, English.

For citation: Archipova, IV 2026, 'Semantic Diffusion in the Taxis System: Mechanisms of Intracategoria; Syncretism in German Languages', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 231–241, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-231-241 (in Russ.)

Information about the Author: *Irina V. Archipova* – PhD of Philology, professor, Novosibirsk State Pedagogical University, 28, st. Vilyuyskaya, Novosibirsk, 630126, Russia

© Archipova I. V., 2026

Введение

Современный этап развития лингвистической теории характеризуется устойчивым интересом к явлениям грамматического синкретизма, под которым понимается способность языковой единицы совмещать в своем значении признаки нескольких категориальных сфер. В русле функционально-грамматических исследований синкретизм рассматривается как проявление фундаментальных свойств языковой системы – ее гибкости, экономичности и способности к интеграции сложных смыслов в компактных формах.

Актуальность настоящего исследования продиктована необходимостью обратиться к анализу интракатегориального синкретизма в таксисе. Данный тип синкретизма проявляется в ситуациях, когда формальный показатель, будучи маркером таксисных отношений, актуализирует не «чистое» хронологическое значение, а семантический комплекс, в котором таксисная семантика служит лишь базой (ядерным компонентом) для выражения более сложных, обстоятельственно-квалификативных смыслов. Иными словами, временная связь между действиями перестает быть самодостаточной и становится носителем информации о способе, причине, условии или средстве.

Особую значимость приобретает сопоставительное изучение данного феномена в родственных языках. Германские языки (немецкий, нидерландский, английский) обладают типологически сходным инвентарем средств для выражения таксисных отношений, в частности, наличием предложно-девербативных конструкций и широкой полисемией предлогов. Это создает уникальную базу для верификации универсальных механизмов семантической диффузии и выявления идиоэтнических черт.

Вопросы таксиса получили достаточно широкое освещение в современных функционально-грамматических и типологических исследованиях [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Комплексное описание интракатегориального синкретизма, в том числе, на сопоставительном материале до сих пор не проводилось.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые интракатегориальный синкретизм рассматривается как системообразующий фактор организации таксиса в германских языках. Предложена классификация секундарно-таксисных семантических комплексов, выявлены универсальные и идиоэтнические механизмы их формирования, а также иерархические отношения между факторами, детерминирующими их актуализацию.

Цель исследования – системное описание механизмов интракатегориального синкретизма в сфере таксиса на материале предложно-девербативных конструкций в немецком, нидерландском и английском языках и выявление универсальных и специфических закономерностей формирования секундарно-таксисных семантических комплексов.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

1. Обосновать понятие «политаксисный предлог» и определить корпус языковых единиц, выступающих основными маркерами внутрикатегориального синкретизма в исследуемых языках.
2. Выделить и классифицировать основные типы секундарно-таксисных семантических комплексов, образуемых данными предлогами.
3. Провести детальный функционально-семантический анализ каждого типа комплекса на материале корпусных данных по трем языкам.
4. Установить иерархию факторов (семантических, лексических, контекстуальных), регулирующих реализацию того или иного типа семантического комплекса.

5. Выявить типологическое сходство и идиоэтнические различия в механизмах интракатегориального синкретизма в немецком, нидерландском и английском языках.

Объектом исследования выступают грамматические конструкции, репрезентирующие интракатегориальный синкретизм – *политаксисный предлог + предложный девербатив* в немецком, нидерландском и английском языках.

Предметом исследования являются семантические механизмы диффузии и кумуляции таксисного значения с логико-обстоятельственными смыслами в рамках данных конструкций, а также закономерности реализации конкретных секундарно-таксисных комплексов в сопоставляемых языках.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили выборки высказываний с предложными девербативами, отобранные методом сплошной и целевой выборки из корпусов: Электронного словаря немецкого языка (DWDS) и Лейпцигского корпуса (LC). Общий объем проанализированного материала –более 7500 контекстов. Методологическую основу составляет комплексный подход, интегрирующий функционально-семантический метод, сопоставительный анализ, метод семантического и контекстуального анализа.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теории грамматического синкретизма и уточнении принципов типологии таксисных систем. Практическая ценность связана с возможностью использования результатов в курсах по теоретической грамматике, типологии и лингводидактике.

Результаты и их обсуждение

Термин «синкретизм» (от греч. Synkretismos – соединение) в лингвистике обозначает совмещение нескольких грамматических или семантических значений в одной форме. Принципиальным для нашего исследования является разграничение синкретизма, полисемии и омонимии. Если полисемия предполагает наличие у единицы ряда связанных, но дискретных значений, актуализируемых в разных контекстах, то синкретизм представляет собой их нерасчлененное, диффузное выражение одновременно [13, с. 45]. Значение синкретичной единицы – это не сумма компонентов, а качественно новое целое. Для его описания мы вводим понятие семантической диффузии — процесса взаимопроникновения и слияния категориальных смыслов, в результате которого границы между ними становятся подвижными и проницаемыми.

В рамках функциональной грамматики синкретизм рассматривается как проявление принципа экономии и одновременно как свидетельство сложной, многослойной структуры языкового сознания [2, с. 78]. Для целей нашего исследования ключевым является разграничение межкатегориального (взаимодействие таксиса с аспектуальностью, модальностью и др.) и интракатегориального (взаимодействие значений внутри поля таксиса) синкретизма.

Вслед за А.В. Бондарко, мы понимаем таксис как функционально-семантическую категорию, характеризующую временные отношения между действиями (событиями, состояниями) в рамках единого временного плана [3]. Центральной для данной работы является оппозиция примарный таксис / секундарный таксис. Примарный таксис выражает «чистые» хронологические значения одновременности, предшествования и следования, не осложненные дополнительными обстоятельственными смыслами [11; 12]. Его маркерами выступают монотаксисные, преимущественно темпоральные предлоги (нем. während, vor, nach; нидерл. tijdens, voor, na; англ. during, before, after). Секундарный таксис представляет собой синкре-

тичное образование, в котором базовое хронологическое значение (чаще всего одновременность) служит семантическим фоном для выражения логико-обстоятельственных отношений – причины, условия, цели, способа действия и т. д. [1; 14]. Именно секундарный таксис является основным полем для проявления интракатегориального синкретизма.

В немецком, нидерландском и английском языках средства выражения таксиса образуют полевую структуру. Дальнюю периферию поля, где наиболее активно протекают процессы семантической диффузии, составляют предложно-девербативные конструкции с политаксисными предлогами.

Понятие «политаксисный предлог» вводится нами для обозначения группы служебных единиц, для которых функция маркирования таксисных отношений является регулярно воспроизводимой, но не единственной. Их ключевая характеристика – системная полисемия, структурированная как радиальная категория с пространственным или конкретно-обстоятельственным центром и периферией из абстрактных темпоральных и логических значений.

В трех рассматриваемых германских языках можно выделить коррелирующие группы таких предлогов, восходящих к общим прагерманским корням и демонстрирующих сходные семантические переходы:

1. Локативный тип (нем. bei, нидерл. bij, англ. by). Прототипическое значение – нахождение вблизи объекта. Отсюда развиваются темпоральные («во время»), кондициональные («при условии»), каузальные («по причине») и инструментальные значения.
2. Комитативный тип (нем. mit, нидерл. met, англ. with). Прототипическое значение – совместность, сопровождение. Это основа для развития инструментального («с помощью»), модального («способом») и темпорального («одновременно с») значений.
3. Транзитивный тип (нем. durch, нидерл. door, англ. through). Прототипическое значение – прохождение сквозь среду. Отсюда развиваются каузальные («благодаря»), инструментальные («посредством») и медиальные значения.
4. Целевой тип (нем. für, нидерл. voor, англ. for). Прототипическое значение – предназначение. Отсюда развиваются финальные и темпоральные значения (ориентация на будущее).

Вводя девербатив, эти предлоги создают семантическую рамку, в которой действие-девербатив служит не просто временным ориентиром, а качественной характеристикой главного действия.

На основе анализа эмпирического материала нами выделены пять базовых типов секундарно-таксисных семантических комплексов, демонстрирующих высокую степень сходства во всех трех исследуемых языках.

1 тип – модально-таксисный семантический комплекс

Данный тип комплекса формируется предлогами комитативной и локативной групп (mit, met, with, by, in) и указывает на характер протекания действия, его внутреннюю форму или эмоционально-психологическое сопровождение. Девербативы относятся к семантическим классам эмоциональных проявлений, интеллектуальных процессов и кинетических актов.

Немецкий язык:

(1) *Sie zeigt mit lautem Schnurren, wie gut ihr diese Zuwendung gefällt. (DWDS). – Она показывает громким мурлыканьем, как ей нравится это внимание.*

(2) *Die Fachwelt hat die Kontroverse mit Schweigen und Kopfschütteln verfolgt. (DWDS)–Научное сообщество следило за полемикой молча и качая головой.*

Нидерландский язык:

(3) *De smaak is in de wielersport met bewondering ontvangen. (LC)–Эта уловка была воспринята в велоспорте с восхищением.*

(4) *Met ongeloof en verontwaardiging heeft de VNC kennisgenomen van de acties. (LC)–С недоверием и возмущением VNC приняла к сведению действия властей.*

Английский язык:

(5) Shelearnedthembyrepetition. (LC)–Она выучила их путем повторения.

(6) I also noticed with bemused admiration the occasional extended technique. (LC)–Я также заметил с озадаченным восхищением «occasional extended technique.

(7) As I stared in admiration, I began to think about all the things I love. (LC)–Когда я смотрел с восхищением, я начал думать о том, что я люблю.

Во всех примерах таксисное значение одновременности является семантической основой, но на первый план выходит модальная квалификация.

2 тип – инструментально-/медиально-таксисный семантический комплекс

Эти комплексы эксплицируются предлогами транзитивной (durch, through) и комитативной (mit, met, with) групп, между которыми существует принципиальное семантическое различие. Инструментальный комплекс кодирует каузативно-инструментальное отношение. Девербатив обозначает физическое действие или технологический процесс как причину или инструмент достижения результата.

Немецкий язык:

(8) *Die Festigkeitszunahme der Drähte durch das Ziehen ermöglicht leistungsfähigere Tragkabel. (DWDS) –Повышение прочности проволоки в результате волочения позволило создать более эффективные тросы.*

(9) Durch das Drehen der Trommel wird der entstehende Luftstrom laufend abgeschnitten. (DWDS)–Вращением барабана возникающий поток воздуха постоянно прерывается.

Английский язык:

(10) The art of mushroom identification is gained by diligent observation and study. (LC)–Искусство определения грибов достигается путем усердного наблюдения и изучения.

(11) His powers give him enhanced intelligence through the stimulation of his brain cells. (LC)–Его способности дают ему повышенный интеллект благодаря стимуляции клеток мозга.

Медиальный комплекс (с mit, met, with) кодирует модусно-комитативное отношение. Девербатив обозначает способ или форму реализации действия, часто в коммуникативной сфере.

Немецкий язык:

(12) *Mit Lachen reagierte der Kanzler auf Proteste. (DWDS)–Канцлер отреагировала на протесты смехом.*

Нидерландский язык:

(13) *Peter G. Meppelink legde een sfeervol accent met het knippen van een prachtig portret. (LC)–Питер Г. Меппелинк создает атмосферный акцент вырезанием прекрасного портрета.*

Английский язык:

(14) He responded with a typical observation. (LC)–Он ответил обычным замечанием.

3 тип – кондиционально-таксисный семантический комплекс

Данный тип комплекса формируется предлогами локативной группы (bei, bij, by, with). Действие-девербатив интерпретируется как условие, при котором главное действие становится релевантным. Наличие кондициональной семантики часто подчеркивается актуализаторами (genau, näher, oberflächlich, nadere и др.).

Немецкий язык:

(15) Beim genauen Hinsehen stellt sich heraus, dass lediglich eine Gewinnchance besteht. (DWDS) – При внимательном рассмотрении оказывается, что существует лишь один шанс.

(16) Bei oberflächlicher Betrachtung scheint ein Brief … zu bestätigen … (DWDS)– При поверхностном рассмотрении письмо, кажется, подтверждает…

Нидерландский язык:

(17) *Bij het nadenken over het mensbeeld is zijn filosofie echter zeer waardevol. (LC)–При размышлении (когда задумываешься) об образе человека, его философия, однако, очень ценна.*

(18) …maar bijnaderebeschouwingvaakgruwelijkzijn. (LC)–…но при ближайшем рассмотрении часто являются ужасающими.

Английский язык:

(19) With repetition comes understanding. (LC)–С повторением (при повторении) приходит понимание.' [17]

(20) …he was just sitting there, seemingly in contemplation. (LC)– …он просто сидел там, по-видимому, в раздумье (погруженный в размышления).

4 тип – каузально-таксисный семантический комплекс

В рамках этого комплекса, актуализируемого предлогами локативной (bei, bij, at, by) и транзитивной (durch, through) групп, перцептивное или эмоциональное событие выступает непосредственной причиной психофизиологической реакции. Временная смежность событий интерпретируется как причинно-следственная связь.

Немецкий язык:

(21) Perseus entbrennt in Liebe beim Anblick der Andromeda. (DWDS)–Персей воспламеняется любовью при виде Андромеды.

(22) Yōzo gerät durch den Anblick dieser grausamen Szene in Angststarre. (DWDS)–Ёдзо впадает в оцепенение от вида этой жестокой сцены.

Английский язык:

(23) *Then I was taken aback by her expectation. (LC)–Тогда я был ошеломлен ее ожиданием.*

(24) I am saddened by the departure of Alex Lavelle. (LC)–Я опечален уходом Алекса Лейвелла.

(25) The walls have become porous with constant intrusion and state surveillance. (LC)–Стены стали пористыми от постоянного вторжения и слежки.

(26) This happens through repetition. (LC)–Это происходит из-за повторения (в результате повторения).

5 тип - финально-таксисный семантический комплекс

Данный тип комплекса, ярко проявляющийся в нидерландском и английском языках (и в меньшей степени в немецком), формируется предлогами целевой группы (voor, for, für). Действие-девербатив обозначает цель, ради достижения которой совершается главное действие.

Нидерландский язык:

(27) Voortdurend heeft De Vries zich normingezet voor de verbreiding van de Nederlandse taal. (LC)–Кроме того, де Врис приложил огромные усилия для распространения нидерландского языка.

(28) Er zijn ook mogelijkheden voor aanwending van zonne-energie. (LC)– 'Существуют также возможности для применения солнечной энергии.

(29Voor het mixen van de verschillende stemmen was een speciaal apparaat nodig. (LC)–Для смешивания разных голосов требовался специальный аппарат.

Английский язык:

Конструкция for + V-ing является стандартным средством выражения цели.

(30) This machine is used for cutting metal. – Этот станок используется для резки металла.

Актуализация того или иного типа комплекса подчиняется единому для всех трех языков иерархическому механизму:

1. Прототипическая семантика предлога (фактор первого уровня) задает вектор интерпретации: локативность (bei/bij/by) → предрасположенность к кондициональности и каузальности; комитативность (mit/met/with) → к модальности и медиальности; транзитивность (durch/through) → к инструментальности и каузальности.

2. Лексико-семантический класс девербатива (фактор второго уровня) наполняет этот вектор конкретным содержанием. Девербативы физического действия тяготеют к инструментальности, девербативы эмоций — к каузальности, девербативы жестов — к модальности.

3. Контекстуальные актуализаторы (фактор третьего уровня) выполняют функцию «тонкой настройки», эксплицитно маркируя тип отношения (напр., genau / nadere для кондициональности).

Сопоставительный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Во всех трех языках наблюдается фундаментальное единство семантических переходов: пространство → время → логические отношения (причина, условие, цель). Инвентарь синкретических комплексов (модальный, инструментальный, кондициональный, каузальный) является общим. Это свидетельствует об общих когнитивных основах категоризации опыта у носителей германских языков.

2. Различия касаются степени грамматикализации и семантической нагрузки конкретных предлогов. Немецкий язык демонстрирует наиболее четкую дифференциацию между mit (модальность/медиальность) и durch (инструментальность/каузальность). Нидерландский язык сохраняет высокую активность предлога voor в финально-таксисных конструкциях. Английский язык шире использует предлог by для инструментальных значений, а также активно задействует предложное наречие in для модальной квалификации (inadmiration, incontemplation).

Заключение

Проведенное сопоставительное исследование позволяет сделать ряд теоретически значимых выводов о природе и механизмах интракатегориального синкретизма в системе таксиса германских языков.

1. Системный характер синкретизма. Интракатегориальный синкретизм не является маргинальным явлением, а представляет собой фундаментальное, системообразующее свойство функционально-семантической категории таксиса. Он закономерно возникает на дальней периферии поля, где таксисные значения тесно переплетаются с логико-обстоятельственными, отражая синкретизм самих ситуаций действительности.

2. Роль политаксисных предлогов. Предлоги bei, mit, durch (нем.), bij, met, voor (нидерл.), by, with, through, in (англ.) выполняют роль универсальных узлов семантической диффузии. Их глубокая, системная полисемия, уходящая корнями в пространственные прототипы, создает необходимые условия для формирования гибридных значений. Межъязыковое сопоставление подтверждает, что эти семантические переходы носят не случайный, а типологически обусловленный характер.

3. Типология секундарно-таксисных комплексов. В работе выделены и описаны пять основных типов секундарно-таксисных семантических комплексов, общих для исследуемых языков: модально-таксисный, инструментально-медиальный, кондиционально-таксисный, каузально-таксисный и финально-таксисный. Каждый комплекс представляет собой устойчивое единство, где таксисное значение (преимущественно одновременность) является обязательным семантическим фоном.

4. Механизм семантической детерминации. Реализация конкретного типа комплекса в речи подчиняется строгой иерархии факторов: прототипическая семантика предлога → лексико-семантический класс девербатива → контекстуальные актуализаторы. Этот механизм является универсальным для всех трех языков, что свидетельствует о единых принципах функционирования языкового сознания.

5. Идиоэтнические черты. При общности инвентаря комплексов, каждый язык демонстрирует специфику в распределении функций между предлогами. Немецкий язык тяготеет к четкой дифференциации, нидерландский сохраняет архаичные финальные конструкции, английский расширяет сферу употребления предлогов by и in. Эти различия требуют дальнейшего изучения в диахроническом и ареальном аспектах.

Итак, интракатегориальный синкретизм предстает как мощный механизм семантической компрессии, позволяющий в рамках простой предложно-именной группы передавать комплексную информацию о временной связи и качественной характеристике действий. Его изучение на сопоставительном материале открывает новые перспективы для типологии грамматических систем и понимания глубинных механизмов языковой категоризации.

Представляется перспективным расширение сопоставительной базы за счет включения скандинавских языков, а также углубленный диахронический анализ путей грамматикализации политаксисных предлогов в каждой из рассматриваемых языковых групп.

Список источников и литературы

1. *Архипова И. В.* Категория таксиса как семантический фокус межкатегориального взаимодействия // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2025. Т. 35. № 2. С. 447–451.
2. *Бондарко А. В.* Категоризация в системе грамматики. М.: Яз. слав. культур, 2011. 488 с.
3. *Бондарко А. В.* Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 234–242.
4. *Донченко Е. В.* Категория таксиса и анализ аспектуально-таксисных ситуаций с атрибутивным придаточным во французском языке // Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (76). С. 45–51.
5. *Недялков В. П., Отаина Т. А.* Типологические и сопоставительные аспекты зависимого таксиса // Теория функциональной грамматики. М., 2017. С. 296–319.

6. *Недялков И. В.* Зависимый таксис в разноструктурных языках // Проблемы функциональной грамматики. СПб.: Наука, 2003. С. 156–173.
7. *Коцкова Я.* Неличные формы глагола как средства выражения таксиса в русском и чешском языках // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. Т. 3, № 15. С. 87–110.
8. *Ивонина М. Ю.* Нефинитные глагольные формы как способ актуализации таксиса в романских языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 75–82.
9. *Макаров И. М.* Причастия прошедшего времени на -ган как средство выражения таксиса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 2. С. 460–464.
10. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschenSprache: [цифровой словарь немецкого языка] / Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. URL: https://www.dwds.de/ (дата обращения: 23.03.2026).
11. Wortschatz Leipzig: [корпус немецкого языка] / Universität Leipzig. Leipzig, 1998–2026. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/ (дата обращения: 23.03.2026).

References

1. Arkhipova, IV 2025, ‘Kategoriya taksisa kak semanticheskiy focus mezhkategorialnogo vzaimodeystviya’ (The category of taxis as a semantic focus of intercategorial interaction), *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya (Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series)*, vol. 35, no. 2, pp. 447–451, doi 10.35634/2412-9534-2025-35-2-447-451 (In Russ.)
2. Bondarko, AV 2011, *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki* (Categorization in the grammar system), Yazyki slavyanskikh kultur publ, Moscow. (In Russ.)
3. Bondarko, AV 2017, ‘Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa’ (General characteristics of the semantics and structure of the taxis field), in AV Bondarko (ed.), *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedeniye, aspektualnost, vremennaya lokalizovannost, taksis* (Functional grammar theory: introduction, aspectuality, temporal localization, taxis), URSS, LENAND publ, Moscow, pp. 234–242. (In Russ.)
4. Donchenko, EV 2020, ‘Kategoriya taksisa i analiz aspektualno-taksisnykh situatsiy s atributivnym pridatochnym vo frantsuzskom yazyke’ (Category of taxis and peculiarities of its expression in the French language), *Gumanitarnye issledovaniya (Humanitarian Researches)*, no. 4 (76), pp. 45–51. (In Russ.)
5. Nedyalkov, VP & Otaina, TA 2017, ‘Tipologicheskiye i sopostavitelnyye aspekty zavisimogo taksisa’ (Typological and Comparative Aspects of Dependent Taxis), in AV Bondarko (ed.), *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedeniye, aspektualnost, vremennaya lokalizovannost, taksis* (Functional grammar theory: introduction, aspectuality, temporal localization, taxis), URSS, LENAND publ, Moscow, pp. 296–319. (In Russ.)
6. Nedyalkov, IV 2003, ‘Zavisimyy taksis v raznostrukturnykh yazykakh’ (Dependent Taxis in Languages with Different Structures: The Meanings of Simultaneity/Antecedence/Succession), in *Problemy funktsionalnoy grammatiki* (Problems of Functional Grammar: Semantic Invariance/Variability), Nauka publ, St. Petersburg, pp. 156–173. (In Russ.)
7. Kocková, J 2019, ‘Nelichnyye formy glagola kak sredstva vyrazheniya taksisa v russkom i cheshskom yazykakh’ (Non-finite forms of verbs as means of expression of the taxis in Russian and Czech), *Acta Linguistica Petropolitana*, vol. 15.3, pp. 87–110, doi 10.30842/alp2306573715304 (In Russ.)
8. Ivonina, MYu 2024, ‘Tipologicheskiye i sopostavitelnyye aspekty zavisimogo taksisa’ (Non-finite verb forms as a means of taxis actualization in Romance languages), *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* (Eurasian Humanitarian Journal), no. 2, pp. 75–82. (In Russ.)
9. Makarov, IM 2025, ‘Prichastiya proshedshego vremeni na -gan kak sredstvo vyrazheniya taksisa (na materiale tatarskogo yazyka)’ (Past participles ending in *-ган* as a means of expressing taxis (based on the material of the Tatar language)), *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki (Philology. Theory & Practice),* vol. 18, no. 2, pp. 460–464, doi 10.30853/phil20250066 (In Russ.)

10. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, viewed 23 March 2026, https://www.dwds.de/ (In German)
11. Wortschatz Leipzig – Leipzig Corpora Collection 1998–2026, Universität Leipzig, Leipzig, viewed 23 March 2026, https://corpora.uni-leipzig.de/ (In German)

Статья поступила в редакцию: 23.03.2026
Одобрена после рецензирования:27.04.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 23.03.2026
Approved after reviewing: 27.04.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 242–248.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 242–248.

Научная статья
УДК 811.512.145’367
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-242-248

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Лениза Газинуровна Хабибуллина

Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия, valievalg@mail.ru

Аннотация. Вставные конструкции представляют собой комментарии говорящего и параллельно передают его отношение к высказыванию. Исследование вставных конструкций, определение их структурно-семантической организации в татарском языке остается актуальным вопросом современного татарского языкознания. Актуальность определяется как недостаточной изученностью данной проблемы, так и тем, что исследования по данной теме связаны с грамматическим, коммуникативным и прагматическим аспектами текста как речевого произведения. По объему и структуре вставные конструкции могут быть от словосочетания до сложного синтаксического целого. Они формируют содержательный план текста, наряду с передачей дополнительной информации, выражают и эмоционально-экспрессивное или оценочное отношение говорящего. Связь между вставными конструкциями и главными предложениями оформляется при помощи союзов и союзных слов, интонации. Благодаря вставным конструкциям появляется возможность моделирования коммуникации говорящего и слушающего. Вставные предложения не выражают модального значения, а формируются в виде попутных пояснений. Они зависят от главного предложения, не выражают законченной мысли, выполняют функцию придаточного предложения. В данной статье также приводится краткая история изучения вставных конструкций в трудах по синтаксису; проводится разграничение вставных конструкций от вводных предложений. Основным методом исследования является метод трансформационного анализа, который подразумевает сохраняющие смысл преобразования и который подобно другим видам семантического анализа изначально проводился в логике.

Ключевые слова: вставные конструкции, вводное предложение, вставка, синтаксис, татарский язык.

Для цитирования: Хабибуллина Л. Г. Вставные конструкции в татарском языке // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 242–248. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-242–248

Сведения об авторе: *Л. Г. Хабибуллина* – доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Россия, 420111, Россия, Казань, ул. К. Маркса, д. 12.

© Хабибуллина Л. Г., 2026

Scientific Article
UDC 811.512.145’36781
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-242-248

PARENTHETICAL CONSTRUCTIONS IN TATAR LANGUAGE

Leniza G. Habibullina

Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Kazan, Russia, valievalg@mail.ru

Abstract. Parenthetical constructions represent the speakers’ comments and simultaneously convey their attitude toward the utterance. The study of parenthetical constructions and their structural and semantic organization in the Tatar language remains a topical issue in contemporary Tatar linguistics. This relevance stems from both the insufficient study of this problem and by the connection of the research with the grammatical, communicative and pragmatic aspects of the text as a speech product. In terms of length and structure parenthetical constructions can range from a simple phrase to a complex syntactic unit. They form the substantive plan of the text, conveying additional information and expressing the speaker’s emotional, expressive, or evaluative attitude. The connection between parenthetical constructions and main clauses is formed through conjunctions and intonation. Parenthetical constructions make it possible to model communication between speaker and listener. Parenthetical constructions do not express modal meaning, but represent explanations. They perform the function of a subordinate clause and do not express a complete thought. This article also provides a brief history of the study of parenthetical constructions in works on syntax, distinguishing parenthetical constructions from parenthesis. The key research method is transformational analysis, which involves meaning-preserving transformations and, like other types of semantic analysis, was originally developed in logic.

Keywords: parenthetical constructions, parenthesis, insertion, syntax, Tatar language.

For citation: Habibullina, LG 2026, ‘Parenthetical Constructions in Tatar Language’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 242–248, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-242-248 (in Russ.)

Information about the Author: *Leniza G. Habibullina* – Doctor of Philology, Senior Researcher of the Department of Areal Linguistics, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 12, K. Marx st., Kazan, 420111, Russia.

© Habibullina L. G., 2026

Введение

В структуре языка встречаются конструкции, которые, хотя и формируются как вводные предложения, не выражают модального значения, вносят в предложение дополнительную информацию, попутные замечания, уточняют, расширяют информационное содержание предложения. Такие вставные конструкции можно легко опустить без ущерба для содержания и структуры предложения.

В отличие от вводных, вставные конструкции могут выражать разнообразные дополнительные сведения: уточнительные, справочные, модальные.

Изучение вставных конструкций

В татарском языкознании впервые на вставные конструкции обращается внимание К. Сабировым при изучении пунктуации татарского языка, который именует их «кыстырылма сүзләр» и рассматривает вместе с вводными словами и предложениями [11, с. 151].

В трудах по синтаксису вставные конструкции изучаются в рамках пояснения и вводных предложений.

Отделение вставных конструкций от вводных произошло в 60-е гг. XX века. «В отличие от вводных слов и предложений, которые функционируют в качестве модально-оценочного компонента предложения и усложняют его смысловую структуру, вставки увеличивают содержательно-информативный объем предложения. При этом вставки представлены в виде простых, реже сложных, предложений и характеризуются самостоятельным объективно-модальным значением, которое, в свою очередь, может быть осложнено дополнительными субъективными оценками» [15, с. 11].

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой вставным и вводным предложениям дается следующее объяснение:

«Вставное предложение (вставочное предложение) англ. inserted clause. Предложение, вставленное в другое предложение и, в отличие от вводного, характеризующееся наличием синтаксической связи с тем или иным членом первого предложения или со всем предложением в целом…» [1, с. 89-90].

«Вводное предложение <…> Предложение, вставленное в другое предложение, но не связанное грамматически ни с одним из его членов…» [1, с. 72].

В 70-е гг. в трудах Ф. С. Сафиуллиной проводится изучение семантических, структурных, интонационных особенностей вставных конструкций [14].

Ф. Г. Галлямов отмечает, что данные синтаксические единицы называются и вставными конструкциями, и вставочными конструкциями, и вставками. Однако сам профессор Ф. Г. Галлямов предпочитает термин «вставка», потому что он более емкий, чем традиционные «вставная (вставочная) конструкция» и может включать в себя самые разнообразные языковые единицы от слова до сложного синтаксического целого, а также знаки препинания в роли вставок, которые не являются конструкциями [4, с. 32].

Н. Н. Будникова, изучая вставки в русском языке, отмечает использование терминов «вставная конструкция» и «вставка» в качестве синонимов в некоторых трудах. Однако Н. Н. Будникова не согласна с этим, так как они содержат разный объем изучаемого понятия [2, с. 15].

В академической грамматике татарского языка они называются вставными конструкциями, которые рассматриваются вместе с вводными предложениями, так как выражают отношение говорящего [16].

В «Русско-татарском толковом словаре лингвистических терминов» термину вставные конструкции дается следующее объяснение: «Вставные конструкции — конструкции, не входящие в структуру предложения, но тесно связанные с предложением, выражающие дополнительные уточнения и имеющие конкретное содержание» [10, с. 30].

В сложных предложениях с вводными предложениями (в том числе со вставными конструкциями) вводная (вставная) конструкция семантически подчиняется главному предложению, содержания компонентов взаимосвязаны. Такой вид семантического подчинения выражается с помощью интонационного средства.

Как отмечено в академической грамматике татарского языка, «вводное предложение отделяется от основного паузой, произносится в более быстром темпе. Следовательно, предложение с вводным предложением по всем требованиям относится к сложному, его можно было бы назвать сложно-модальным предложением, а части его — придаточным модальным и главным или основным. С этой точки зрения сложномодальные предложения могут быть отнесены и к сложноподчиненным предложениям» [6, с. 417].

Структурно-семантическая организация вставных конструкций

Придаточные вводные и вставные предложения не тождественны. В отличие от вставных, вводные предложения выражают отношение говорящего к содержанию всего предложения либо отдельной его части. Например: — *Кем бу? — диде бер трифффид, күрәсең, иң өлкән (**аксакал димме?**) агач* (А. Тимергалин. «Сәер планетада»). — ‘Кто это? — сказал один трифффид, видимо, самое старшее дерево (назвать ли его старейшиной?)’; *Бик күп вакыт үткәннән соң (**ул вакытта миңа шулай тоелды**), безнең урамда тавышлар ишетелә башлады* (М. Гафури. «Кара йөзләр»). ‘Спустя очень много времени (мне тогда так показалось), на нашей улице послышались голоса’.

Вставные конструкции возникают в связи со спонтанностью разговорной речи. Они могут соединяться с основным предложением при помощи союзов (сочинительных, подчинительных) и союзных слов, которые служат не только средством связи, но и сообщают дополнительную информацию.

По семантике вставные конструкции можно разделить на следующие типы:

1) поясняющие вставные конструкции (уточняют, поясняют, разъясняют основное предложение);

2) вставные конструкции, передающие дополнительную информацию (дополняют содержание основного предложения);

3) вставные конструкции, выражающие субъективную модальность (передают эмотивно-оценочные отношения говорящего, тем самым усиливают впечатление от сообщаемого).

«…Мы выделяем три группы коммуникативно-прагматических вставных элементов, способных реализовывать коммуникативные установки коммуниканта: текстопропозитивные, эмотивно-оценочные, контаминированные вставные элементы» [9, с. 15].

Между вставными конструкциями и главным предложением устанавливаются разные смысловые связи, в татарском языке они еще полностью не установлены. Активно употребляются вставные конструкции со значением причины. Например: *Сабан туен рәсми ачып җибәрү булганмы, юкмы — белмәдек **(чөнки соңгарак ка-***

лып килгән идек)… (Ә. Еники. «Җиз кыңгырау»). ‘Было ли официальное открытие Сабантуя или нет — мы так и не узнали (потому что позже приехали)…’

В приведенном выше примере причинно-следственное отношение между вставным и главным предложением подчеркивается с помощью подчинительного союза *чөнки* ‘потому что’, но он является лишь дополнительным средством, основным средством выступает семантика предложения в целом. Даже если опустить союз *чөнки,* причинная семантика сохраняется: *Сабан туен рәсми ачып җибәрү булганмы, юкмы — белмәдек* ***(соңгарак калып килгән идек)***… ‘Было ли официальное открытие Сабантуя или нет — мы так и не узнали (позже приехали)…’

Как правило, вставное предложение располагается после главного предложения и уточняет его. Например: *Мостафинның дәрәҗәсе дә, исеме дә бар* ***(шуңа күрә алар аны ычкындырмадылар)***… (Ә. Еники. «Рәшә»). ‘У Мустафина есть и авторитет, и положение (поэтому они его не упустили)…’

Приведенные выше вставные конструкции относятся полностью к предложению. Но они могут относиться и к отдельному слову. Например: *Ул көнне Миңлебикә әби* ***(аны авылда «Каракай әби» дип тә йөртәләр)*** *кергән иде* (Р. Шәйдуллина-Мурат. «Ялантауга ай кунган»). ‘В тот день заходила бабушка Минлебика (ее в деревне называют еще «бабушкой Каракай»)’; *Курыккан, имеш, үзе дә, Яшь аккан, ди, күзеннән. (****Аккан яшьнең тирәнлеге Булган, имеш, тезеннән)*** (Ф. Кәрим. «Гармунчы Аю белән җырчы Маймыл»). ‘Он сам, говорят, испугался, из его глаз потекли слезы. (Мол, глубина слез была по колено)’.

Как справедливо отмечается исследователями, если вводные конструкции упорядочены и типизированы по своим семантическим функциям, то вставные с трудом поддаются строгой систематизации [8].

Анализ собранного языкового материала показал, что вставные конструкции в большинстве случаев служат для разъяснения описанной ситуации в связи с поведением героев. Например: *Дүрт дәрес бетү белән мин, кайтып та тормыйча* ***(барыбер өйгә кертмиләр)****, зиратка менеп киттем* (Х. Сарьян. «Бер ананың биш улы»). ‘После четвертого урока я, не возвращаясь (все равно домой не пускают), пошел на кладбище’; *Ул эшләпәсен киде, кулына таягын алды, урынныннан торды һәм, әкрен генә атлап* ***(ничектер, нык итеп атлап булмый иде)****, чыгып китте* (А. Шамов. «Чын хикәяләр»). ‘Он надел шляпу, взял в руки трость, встал с места и, тихо ступая (как-то твердо шагать не получалось), вышел’; *Мәүли әби башта кыстаткан була* ***(аның һәрвакыттагы гадәте ул)****, аннары гына иске заманнар турындагы озын-озын әкиятләрен тәмле иттереп сөйләргә керешә* (С. Җәләл. «Дим буенда»). ‘Бабушка Маули сначала вынуждает себя упрашивать (это всегда было ее привычкой), и только потом с удовольствием принимается рассказывать длинные сказки о прежних временах’.

Заключение

Определение синтаксического статуса вставных конструкций осложняется их конструктивной и функционально-семантической разнородностью. С конструктивной стороны, вставные конструкции являются факультативной частью предложения, а с функционально-семантической стороны, «использование вставных конструкций дает возможность расширять и обогащать содержание высказывания, обособление с помощью скобок или тире позволяет актуализировать необходимый фрагмент текста» [5, с. 3].

Благодаря вставным конструкциям создается эффект присутствия в тексте рассказчика, который стремится не только донести информацию, но и оказать какое-то влияние на слушающего.

Список источников и литературы

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. 608 с.
2. *Будникова Н. Н.* Вставка как интеграционный и дезинтаграционный синтаксический процесс: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Будникова Наталья Николаевна. Омск, 2020. 176 с.
3. *Галлямов Ф. Г.* Синтаксические особенности вставок в татарском языке // European Social Science Journal. 2014. № 4 (43), т. 2. С. 218–224.
4. *Галлямов Ф. Г.* Структурно-семантическое осложнение простого предложения в татарском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.02 / Галлямов Филус Гатипович. Уфа, 2007. 62 с.
5. *Демиденко Е. В., Князева Н. В.* Структурные и функционально-семантические особенности вставных конструкций в прозе Б. Пильняка // Studia Humanitatis. 2019. № 1. URL: http://st-hum.ru/content/demidenko-ev-knyazeva-nv-strukturnye-i-funkcionalno-semanticheskie-osobennosti-vstavnyh (дата обращения: 18.01.2026).
6. *Закиев М. З.* Татарская грамматика: в 3 т. Т. 3: Синтаксис. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1995. 576 с.
7. *Зәкиев М. З.* Татар теленең синтаксик төзелеше. Казан: Ихлас, 2013. 392 б. [=*Закиев М. З.* Синтаксическое строение татарского языка. Казань: Ихлас, 2013. 392 с.].
8. *Меркушева О. В.* Вставные конструкции как инструмент реализации субъективно-авторской модели повествования: на материале прозы А. И. Солженицына: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Меркушева Оксана Викторовна. Воронеж, 2002. 156 с.
9. *Пантелеева Е. А.* Коммуникативно-прагматические свойства вводных и вставных элементов в современном русском языке: на материале художественных и публицистических текстов: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Пантелеева Елена Анатольевна. Волгоград, 2005. 192 с.
10. Русско-татарский толковый словарь лингвистических терминов = Лингвистик терминнарның русча-татарча аңлатмалы сузлеге: около 2250 слов / сост. О. Н. Галимова [и др.] ; науч. ред. Ф. И. Тагирова, Ф. Ф. Гаффарова. Казань: ИЯЛИ, 2016. 248 с.
11. *Сабиров К. С.* Татар телендә тыныш билгеләре. Казан: Таткнигоиздат, 1956. 184 б. [=*Сабиров К. С.* Знаки препинания в татарском языке. Казань: Таткнигоиздат, 1956. 184 с.].
12. *Сафиуллина Ф. С.* Развитие синтаксического строя татарского литературного языка (XX век): дис. в виде науч. доклада … д-ра филол. наук: 10.02.02 / Сафиуллина Флера Садриевна. Казань, 2000. 116 с.
13. *Сафиуллина Ф. С.* Развитие синтаксического строя татарского языка в советский период: (Простое предложение). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 228 с.
14. *Сафиуллина Ф. С.* Татар телендә сүз тәртибе. Казан: Тат. кит. нәшр., 1974. 150 б. [=*Сафиуллина Ф. С.* Порядок слов в татарском языке. Казань: Тат. кн. изд-во, 1974. 150 с.].
15. *Старовойтова И. А.* Вставные конструкции как явление коммуникативного синтаксиса: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Старовойтова Ирина Александровна. Санкт-Петербург, 2000. 152 с.
16. Татар грамматикасы: өч томда. Т. 3 / проект җит. һәм автор М. З. Зәкиев. Казан: ТӘhСИ, 2017. 536 б. [=Татарская грамматика: в 3 т. Т. 3 / рук. проекта и автор М. З. Закиев. Казань: ИЯЛИ, 2017. 536 с.].
17. *Щенникова Е. П.* Функциональные и структурные особенности межфразовых вставных конструкций в публицистике современного литературного русского языка: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Щенникова Елена Петровна. Тула, 2001. 140 с.

References

1. Akhmanova, OS 1966, *Slovar lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic Terms), Sovetskaya entsiklopediya publ, Moscow. (In Russ.)

2. Budnikova, NN 2020, Vstavka kak integratsionnyy i dezintagratsionnyy sintaksicheskiy protsess (Insertion as an integration and disintegration syntactic process), PhD thesis, Omskiy gosudarstvennyy universitet im. F.M. Dostoyevskogo, Omsk. (In Russ.)
3. Gallyamov, FG 2014, 'Sintaksicheskiye osobennosti vstavok v tatarskom yazyke' (Syntactical peculiarities of insertions in the Tatar language), *European Social Science Journal*, vol. 2, no. 4 (43), pp. 218—224. (In Russ.)
4. Gallyamov, FG 2007, Strukturno-semanticheskoye oslozhneniye prostogo predlozheniya v tatarskom yazyke (Structural and semantic complication of a simple sentence in the Tatar language), doctoral thesis, Bashkir State University, Ufa. (In Russ.)
5. Demidenko, EV & Knyazeva, NV 2019, 'Strukturnyye i funktsionalno-semanticheskiye osobennosti vstavnykh konstruktsiy v proze B. Pilnyaka' (Structural and functional semantic peculiarities of parenthesis constructions in literary texts by B. Pilnyak), *Studia Humanitatis,* no. 1, viewed 28 November 2025, http://st-hum.ru/content/demidenko-ev-knyazeva-nv-strukturnye-i-funkcionalno-semanticheskie-osobennosti-vstavnyh (In Russ.)
6. Zakiyev, MZ 1995, 'Sintaksis' (Syntax), *Tatarskaya grammatika* (Tatar Grammar), vol. 3, IYALI ANT publ, Kazan. (In Russ.)
7. Zakiev, MZ 2013, *Sintaksicheskoye stroeniye tatarskogo yazyka* (Syntactic structure of Tatar language), Ikhlas, Kazan. (In Tat.)
8. Merkusheva, OV 2002, Vstavnyye konstruktsii kak instrument realizatsii subyektivno-avtorskoy modeli povestvovaniya na materiale prozy A.I. Solzhenitsyna (Inserted constructions as a tool for implementing the subjective-authorial model of narration), PhD thesis, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, Voronezh. (In Russ.)
9. Panteleeva, EA 2005, Kommunikativno-pragmaticheskiye svoystva vvodnykh i vstavnykh elementov v sovremennom russkom yazyke: na materiale khudozhestvennykh i publitsisticheskikh tekstov (Communicative and pragmatic properties of introductory and inserted elements in the modern Russian language: based on fiction and journalistic texts), PhD thesis, Volgogr. gos. ped. Un-t, Volgograd. (In Russ.)
10. Galimova, ON 2016, *Russko-tatarskiy tolkovyy slovar lingvisticheskikh terminov* (Russian-Tatar explanatory dictionary of linguistic terms), ed. F. I. Tagirova, F. F. Gaffarova, IYALI publ, Kazan. (In Russ.)
11. Sabirov, KS 1956, *Znaki prepinaniya v tatarskom yazyke* (Punctuation marks in Tatar language), Tatknigoizdat publ, Kazan. (In Tat.)
12. Safiullina, FS 2000, Razvitiye sintaksicheskogo stroya tatarskogo literaturnogo yazyka (XX vek) (Development of the syntactic structure of the Tatar literary language (20th century)), doctoral thesis, Kazan State University, Kazan. (In Russ.)
13. Safiullina, FS 1990, *Razvitiye sintaksicheskogo stroya tatarskogo yazyka v sovetskiy period: (Prostoye predlozheniye)* (Development of the syntactic structure of Tatar language in the Soviet period: (Simple sentence), Izd-vo Kazan. un-ta publ, Kazan. (In Russ.)
14. Safiullina, FS 1974, *Poryadok slov v tatarskom yazyke* (Word order in Tatar language), Tatknigoizdat publ, Kazan. (In Tat.)
15. Starovoytova, IA 2000, Vstavnyye konstruktsii kak yavleniye kommunikativnogo sintaksisa (Inserted constructions as a phenomenon of communicative syntax), PhD thesis, St. Petersburg. (In Russ.)
16. Zakiyev, MZ 2017, *Tatarskaya grammatika* (Tatar grammar), vol. 3, IYALI publ, Kazan. (In Tat.)
17. Shchennikova, EP 2001, Funkcional'nye i strukturnye osobennosti mezhfrazovyh vstavnyh konstrukcij v publicistike sovremennogo literaturnogo russkogo yazyka (Functional and structural features of interphrase inserted constructions in journalism of the modern literary Russian language), PhD thesis, Tula. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026
Одобрена после рецензирования:12.08.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 02.02.2026
Approved after reviewing: 12.08.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 249–259.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 249–259.

Научная статья
УДК 811.161.1; 821.161.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-249-259

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО КАК ПРЕТЕКСТ РОМАНА-ЭПОПЕИ «ВОЙНА И МИР»

Дмитрий Анатольевич Романов [1]

Мария Александровна Кучерова [2]

[1,2] Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
[1,2] Тула, Россия
[1] kafrus@rambler.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-9650-3408
[2] merismus@mail.ru
[2] https://orcid.org/0009-0009-2502-7481

Аннотация. Статья посвящена исследованию наиболее важных аспектов внутренней рецепции, связывающих биографическую трилогию Л. Н. Толстого («Детство», «Отрочество», «Юность») и роман-эпопею «Война и мир». Доказывается, что «Война и мир» является не просто очередным этапом творческой эволюции, а масштабным продолжением и углублением антропологических и художественных открытий, сделанных в первом цикле крупных повестей писателя. Рефлексирующий ребенок Николенька Иртеньев и ищущие своего места в мире герои Пьер Безухов и Андрей Болконский предстают звеньями единой цепи в антропологической концепции писателя. В работе прослеживается, как модель становления личности, впервые детально исследованная в относительно ограниченном пространстве трилогии (семья, знакомства из ближнего социального круга, университет), последовательно масштабируется до общенационального и исторического уровня в романе-эпопее. Конфликт между «естественным» и «искусственным», между свободой и принуждением, представленный в межличностных отношениях трилогии, становится в «Войне и мире» ключом к пониманию исторических процессов. Эволюция концепта «естественность» – от детской интуиции Николеньки через органичную целостность личности Наташи Ростовой к генетической простоте Платона Каратаева – демонстрирует движение художественного мира Толстого от индивидуального опыта к универсальным общечеловеческим принципам. Намеренный отказ от жанровых канонов в обоих произведениях воплощает новое для своего времени понимание человеческой природы как бесконечного развития, осуществляемого через постоянные моральные усилия. Научная новизна статьи заключается в принципиально ином, чем было принято ранее, ракурсе рассмотрения соотношения между трилогией и эпопеей Толстого как двух взаимодополняющих частей единой антропологической концепции. Таким образом, исследование подтверждает фундаментальное единство художественной системы Толстого и открывает новые перспективы для прочтения наследия великого писателя.

Ключевые слова: художественный текст, внутренняя рецепция, контекст, Л. Н. Толстой, биографическая трилогия, «Война и мир», «диалектика души», поэтика, творческая эволюция.

Для цитирования: Романов Д. А., Кучерова М. А. Биографическая трилогия Л. Н. Толстого как претекст романа-эпопеи «Война и мир» // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 249–259. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-249–259

Сведения об авторе: *Д. А. Романов* – доктор филологических наук, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тула проспект Ленина, 125;
М. А. Кучерова – ассистент кафедры русского языка и литературы Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тула проспект Ленина, 125.

© Романов Д. А., Кучерова М. А. 2026

Scientific Article
UDC 811.161.1; 821.161.1
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-249-259

LEO TOLSTOY'S BIOGRAPHICAL TRILOGY AS A PRETEXT FOR THE EPIC NOVEL «WAR AND PEACE»

***Dmitry A. Romanov*[1]**

***Maria A. Kucherova*[2]**

[1,2] Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
[1,2] Tula, Russia
[1] kafrus@rambler.ru
[1] https://orcid.org/0000-0002-9650-3408;
[2] merismus@mail.ru
[2] https://orcid.org/0009-0009-2502-7481

Abstract. This article explores the most important aspects of internal reception that connect Leo Tolstoy's biographical trilogy ("Childhood," "Boyhood," and "Youth") and the epic novel "War and Peace." It argues that "War and Peace" represents not simply the next stage in the writer's creative evolution, but a far-reaching continuation and deepening of the anthropological and artistic discoveries made in the writer's first cycle of major stories. The reflective child Nikolenka Irtenyev and the heroes Pierre Bezukhov and Andrei Bolkonsky, searching for their place in the world, appear as links in a single chain within the writer's anthropological conception. The paper traces how the model of personality development, first explored in detail within the relatively limited space of the trilogy (family, acquaintances from the inner circle, university), is consistently scaled up to the national and historical level in the epic novel. The conflict between the "natural" and the "artificial," between freedom and constraint, presented in the trilogy's interpersonal relationships, becomes the key to understanding historical processes in War and Peace. The evolution of the concept of "naturalness" – from Nikolenka's childish intuition through Natasha Rostova's organic integrity to Platon Karataev's genetic simplicity –demonstrates the movement of Tolstoy's artistic world from individual experience to universal, human principles. The deliberate rejection of genre canons in both works embodies a new understanding of human nature as endless development, realized through constant moral effort. The scientific novelty of this article lies in its fundamentally different approach to examining the relationship between Tolstoy's trilogy and epic as two complementary parts of a single anthropological concept. Thus, this study confirms the fundamental unity of Tolstoy's artistic system and opens new perspectives for reading the great writer's legacy.

Keywords: artistic text, internal reception, context, L. N. Tolstoy, biographical trilogy, War and Peace, dialectic of the soul, poetics, creative evolution.

For citation: Romanov, DA, Kucherova MA 2026, 'Leo Tolstoy's Biographical Trilogy as a Pretext for the Epic Novel "War and Peace"', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 249–259, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-249-259 (in Russ.)

Information about the Author: *Dmitry A. Romanov* – Doctor of Philology, Head of the Center for the Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenina pr-t, Tula, 300026, Russia;

Maria A. Kucherova – Assistant Professor of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenina pr-t, Tula, 300026, Russia.

© Romanov D. A., Kucherova M. A, 2026

Введение

В современном толстоведении, несмотря на обширный корпус исследований, посвященных как раннему творчеству писателя, так и его самым известным произведениям, традиционно относящимся к «зрелому» периоду, сохраняется определенный методологический пробел. Он связан с художественной и особенно лингвопоэтической преемственностью текстов писателя, составляющих единую «творческую композицию» (термин Л. Я. Гинзбург). Биографическая трилогия традиционно рассматривается как этап ученичества, «проба пера», где лишь намечаются темы, мотивы, образы и приемы их воплощения, которые получают полное развитие в крупных жанрах – «Войне и мире», «Анне Карениной», «Воскресении». Такой взгляд, хотя и имплицитно, утверждает деление творчества Толстого на «раннее», «зрелое», и «постпереломное» (применительно к «Воскресению» и текстам 1880–1900-х гг.), оставляя в тени глубинное единство его антропологической и художественной системы. В настоящем исследовании предпринимается попытка преодоления такого разделения посредством анализа механизмов внутренней рецепции. Под «внутренней рецепцией» здесь понимается «комплекс субъективных начал», воплощенные в произведении автора (сюжеты, мотивы, темы, образы, стилистические приемы), которые целенаправленно заимствуются и творчески преобразуются этим же автором в процессе создания иного художественного произведения [1, с. 12–13]. Так, биографическая трилогия, выступающая в качестве претекста, и роман-эпопея рассматриваются не как произведения разных периодов творчества, а как две формы воплощения одного художественного замысла.

Вопросы преемственности между ранней и зрелой прозой Толстого, безусловно, входили в поле зрения ученых. К. Н. Ломунов [11], [10] отмечал единство этических и эстетических исканий писателя; работы Г. Я. Галаган [4] и Т. Л. Мотылевой [12] выводили эти проблемы в философский и общелитературный контекст. Однако концепция, рассматривающая «Войну и мир» как масштабирование и развитие антропологических моделей, заявленных в трилогии, до сих пор не была предложена.

Материалы и методы

Материалом для настоящего исследования послужили тексты повестей биографической трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» (1852–1857) и романа-эпопеи «Война и мир» (1863–1869). В качестве вспомогательного источника привлекаются научные труды отечественных и зарубежных толстоведов, обеспечивающие историко-литературный и теоретический контекст анализа.

Методологическая база исследования включает комплексный подход. Сопоставительный метод позволяет выявить пересечения в предметно-сюжетном мире произведений (система персонажей, ключевые мотивы) и проследить трансформацию концептов «естественность», «фальшь», «нравственный закон» при переходе из камерного пространства семьи в эпическое пространство истории. Интертекстуальный анализ направлен на обнаружение повторяющихся композиционно-сценарных моделей (восхищение ложным кумиром, испытание социальной средой, духовное прозрение). Структурный подход рассматривает трилогию и эпопею как компоненты единой художественной системы, где антропологические константы (становление личности, взаимовлияние индивида и среды) анализируются как инвариантные элементы, наполняемые различным содержанием.

Интерес исследователей к творчеству Л. Н. Толстого возник уже в XIX веке. Первые критические статьи, посвященные рассмотрению произведений писателя,

содержали наблюдения, которые впоследствии легли в основу научного анализа идиостиля Толстого (в частности, работа Н. Г. Чернышевского о «диалектике души» [19]). В XX веке сформировались различные подходы к изучению его наследия. В работах Н. К. Гудзия [6], М. Б. Храпченко [17], К. Н. Ломунова [9] биографическая трилогия традиционно рассматривалась как периферийное явление по отношению к романному жанру, как подготовительный этап перед созданием масштабных произведений. Некоторые вопросы идиостиля поднимались в работах Г. О. Винокура [3, с. 229–259]. При этом единство антропологической и художественной системы Толстого, вопросы лингвопоэтической и сюжетно-композиционной преемственности между «ранними» и «зрелыми» произведениями, оставались в тени.

Цель настоящего исследования – доказать, что биографическая трилогия является не только первым опытом создания большого эпического произведения, но и художественным фундаментом всего последующего творчества Толстого, а «Война и мир» представляет собой не просто новый этап эволюции, а масштабирование и углубление антропологических открытий, сделанных в трилогии. Научная новизна исследования заключается в принципиально ином, чем было принято ранее, ракурсе рассмотрения соотношения между трилогией и эпопеей. В отличие от традиционной интерпретации, согласно которой «Детство», «Отрочество» и «Юность» рассматриваются как «подготовительный материал», в настоящем исследовании оба произведения представлены как две взаимодополняющие части единой антропологической концепции Толстого. Впервые внутренняя рецепция анализируется не как совокупность заимствований, а как системообразующий механизм, посредством которого камерные психологические модели (становление ребёнка, конфликт с воспитателем, разочарование в светском идеале) последовательно масштабируются до уровня общефилософских обобщений. Такой подход позволяет преодолеть устоявшееся деление творчества Толстого на «ранний» и «зрелый» периоды и представить его художественный мир как органичное целое.

В качестве методологической базы исследования выступает комплексный подход к рассмотрению художественного произведения. Применение сопоставительного метода позволяет выявить пересечения в предметно-сюжетном мире произведений (в частности, в системе персонажей), а также обнаружить трансформацию ключевых мотивов и концептов («естественность», «фальшь», «нравственный закон») при их переходе из камерного пространства семьи в эпическое пространство истории. В рамках интертекстуального анализа выявляются повторяющиеся композиционно-сценарные модели (восхищение «ложным кумиром», испытание условностями социальной среды, духовное прозрение).

Кроме того, в исследовании задействуется структурный подход, в русле которого трилогия и эпопея рассматриваются как компоненты единой художественной системы, а ключевые антропологические константы (становление личности, взаимовлияние индивида и среды, экзистенциальный поиск) анализируются как структурные элементы, наполняемые различным конкретным содержанием в каждом тексте.

Результаты

Толстой не просто изображает внутренний мир человека, но создает универсальную модель работы индивидуального сознания, основанную на постоянной рефлексии. Эта модель, отработанная на материале детского, отроческого и юношеского сознания в трилогии, становится основным способом изображения личности в «Войне и мире». Толстовская «диалектика души», как известно, представляет собой художественную систему, предполагающую «текучесть психики», «нелиней-

ность и многослойность в изображении чувств и мыслей героя», которые показываются в процессе их становления и часто – противоборства, а также учёт прошлого опыта, который нередко присутствует в настоящем, влияя на решения и систему оценок героя [20, с. 121–125].

В трилогии «диалектика души» предстает в своей «чистой» форме. «С точки зрения содержательной вся трилогия представляет собой попытку воссоздать духовное преображение Николеньки» [19, с. 334]: происходящие события даются через призму его восприятия, а соответственно, содержание произведения становится благодатным материалом для рассмотрения закономерностей и хронологии развития чувств, формирования моральных оценок. «Тяга к самоанализу в сочетании с морально-нравственным императивом… рождает внутреннее беспокойство, сомнения, строгое осуждение себя за проступки» [5, с. 6], что и становится впоследствии едва ли не важнейшей характеристикой центральных героев Толстого, стремившегося воплотить в творчестве «мысль о громадных духовных возможностях человека, рожденного для движения, для нравственного и духовного роста» [13, с. 485].

Уже в первой главе повести «Детство» задается тон, ориентированный на незамедлительную фиксацию каждого, даже самого тонкого изменения. мгновенную, почти сиюминутную трансформацию чувств ребенка. Именно в этом тоне и будет написана вся трилогия. Так, например, когда Карл Иванович будит Николеньку, мальчик сперва испытывает раздражение и мысленно грубит гувернеру, однако тут же заботливость Карла Ивановича заставляет ребенка устыдиться первоначального чувства: *«Какой он добрый и как нас любит, а я мог так дурно о нем думать!»* [16, с. 12].

Показательным в этом отношении становится и тот фрагмент, где повествуется о «ссоре» с Натальей Савишной, которая, по мнению Николеньки, относится к нему с пренебрежением, однако ее непосредственная сердечность вызывает в ребенке чувство стыда за свое высокомерие: *«У меня недоставало сил взглянуть в лицо доброй старушке; я, отвернувшись, принял подарок, и слезы потекли еще обильнее, но уже не от злости, а от любви и стыда»* [16, с. 42]. Таким образом, Толстой показывает, что нравственное чувство не приходит извне, а рождается изнутри, через самоанализ, борение чувств обиды и любови, эгоизма и привязанности. Отсюда прочно вошедшая в лингвопоэтику Толстого форма внутренней речи героя, опробованная в биографической трилогии и многократно повторенная в «Войне и мире». В. А. Ковалев, анализируя функционирование внутренней речи героев в произведениях Толстого, приходит к выводу, что писатель создаёт особый тип повествования, где «мысль героя становится сюжетообразующим фактором», а «диалектика души» раскрывается не в поступках, а в их рефлексивной оценке [8, с. 10]. Этот вывод подтверждается приведёнными выше примерами.

Говоря о персонажах романа-эпопеи, следует в первую очередь обратить внимание на образ Пьера Безухова, наследующего от Николеньки глубокое самонаблюдение, но применяющего его уже не только к собственной жизни, но и к глобальным вопросам бытия. Его внутренние монологи – это та же «диалектика души», но их темой становится не сиюминутное личное переживание, а поиск смысла жизни. Так, во внутренних монологах Пьера неоднократны риторические вопросы: *«Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляет всем?»* [15, т. 2, с. 435], воплощающие стремление к познанию действительности. И эти вопросы в романе-

эпопее даются уже не в «камерном», а в онтологическом масштабе. Путь экзистенциальных исканий Пьера Безухова – это цепь духовных кризисов и прозрений: женитьба на Элен, дуэль с Долоховым, плен, встреча с Платоном Каратаевым. Каждый из этих объемных композиционных фрагментов романа-эпопеи построен по тем же психологическим принципам и включают те же лингвопоэтические приемы, что и этапы самоопределения Николеньки Иртеньева в трилогии.

Рефлексия князя Андрея Болконского носит иной характер и показывает, как «диалектика души» приобретает формы бескомпромиссного самоанализа. Наблюдения князя Андрея над собой не менее интенсивны, но лишены детской непосредственности, свойственной Пьеру. Как и герой «Юности», жестоко разочаровавшийся в идеале «комильфо», князь Андрей разочаровывается последовательно в светских правилах, в Наполеоне, в воинской службе, в реформаторской деятельности. Мироощущение князя Андрея после Аустерлица (*«Как тихо, спокойно и торжественно…»* [15, т. 1, с. 351]) представляет собой высшее нравственное прозрение, аналогичное катарсису Николеньки в финале повести «Юность», но только заостренное через потенциальную близость к смерти.

Внутренние монологи Пьера Безухова и Андрея Болконского в художественном отношении не открытие «Войны и мира», а наследование и масштабирование созданной в трилогии нарративной стратегии. Открытый Толстым принцип работы нравственного сознания един для любого мыслящего человека, будь то чуткий ребенок, задумывающийся о своей судьбе юноша или рефлексирующий офицер.

Упомянутый выше мотив разочарования в кумире также является одним из сюжетных воплощений «диалектики души»: герой создает идеализированный образ и стремится ему соответствовать, но, сталкиваясь с его реальным воплощением, через духовный кризис приходит к отрицанию былого идеала и более глубокому пониманию самого себя. Так, в трилогии Николенька рисует блестящий отвлеченный образ молодого человека круга «comme il faut», который соответствовал всем светским условностям, «привитых воспитанием и обществом». Попытки Николеньки воплотить этот идеал в жизнь (во время светских визитов, в университете, в общении с семьей Нехлюдовых) неизменно приводят к ощущению искусственности своего поведения. В финале «Юности» герой понимает, что этот идеал пуст и не имеет отношения к подлинным доброте и искренности, диктуемым ему внутренним «нравственным законом». Как следствие, Николенька отказывается от заданных светским обществом идеалов и начинает экзистенциальный поиск: *«Я… вдруг вскочил, взбежал на верх, достал тетрадь, на которой написано было: «Правила жизни», открыл ее, и на меня нашла минута раскаяния и морального порыва. Я заплакал, но уже не слезами отчаяния. Оправившись, я решился снова писать правила жизни и твердо был убежден, что я уже никогда не буду делать ничего дурного, ни одной минуты не проведу праздно и никогда не изменю своим правилам…»* [16, с. 276].

Подобно Николеньке, видевшем в представителях общества «comme il faut» свой идеал, Андрей Болконский в начале романа считает Наполеона «великой личностью», признавая в нем эталон героической славы, которая как будто должна придать смысл его жизни. Хрестоматийной стала сцена после Аустерлицкого сражения, когда Наполеон, преследуемый мелким тщеславием, объезжает поле боя, разглядывая раненых и давая малодушные оценки смерти того или иного солдата. Князь Андрей убеждается в том, что для Наполеона важна только «поза», не имеющая отношения к образу великого человека: *«Ему так ничтожны казались в эту*

минуту все интересы, занимавшие Наполеона…» [15, т. 1, с. 364]. Более полутора веков толстовская метафора – «высокое небо Аустерлица» – продолжает оставаться в мировой литературе символом истинного, вечного бытия, на фоне которого честолюбивые мечты кажутся мелкими и ложными. Прозрение князя Андрея, безусловно, типологически вырастает из разочарования Николеньки: то же крушение внешнего, навязанного идеала и открытие подлинных ценностей.

Еще одной точкой сопряжения трилогии и романа-эпопеи становятся модели формирования личности, исследованные Толстым сначала в масштабе семьи, а затем в хронотопе истории. В обоих произведениях действует локальная и глобальная «воспитательные системы», включающие человека в общественную систему координат. Отношения «воспитатель – ребенок» и «властитель – подчиненный» при всей безыскусности и традиционности тем не менее определяют и судьбу конкретного человека, и судьбы народов.

Система воспитания, реализующаяся St.-Jérôme в трилогии Толстого, основана на формальном принуждении, на строгом соответствии социальным условностям и направлена не на развитие внутреннего нравственного чувства, а на подчинение старшим и демонстрацию благопристойности. Используя в отношении ученика наказания – как физические (стояние в углу, лишение развлечений), так и психологические (унижение, угрозы), гувернер делает акцент прежде всего на формальные успехи своего подопечного (отметки, оценки влиятельных людей), а не на нравственные качества его личности и действительные знания и умения. Так, например, запирание воспитанника в чулане – не педагогическая мера, а способ утверждения власти над ним, где главное – сломить волю ребенка. В результате Николенька переживает не раскаяние, а «злобное отчаяние». Толстой показывает, что такой метод воспитания порождает не исправление, а внутренний протест и закрепляет в сознании героя модель поведения, в которой сильный всегда прав.

В романе-эпопее описанная педагогическая модель получает глобальное, эпическое измерение. «Великие люди», политики, полководцы пытаются воспитывать народы, навязывая им свою волю посредством коллективного насилия, проявляющегося в противных «внутреннему нравственному закону» формах. Так, война, «сугубо политический феномен» [2, с. 196], как результат реализации губительных для человечества политических стратегий, представляется в произведении явлением, сеющим раздор и разобщающим людей. Толстой изображает армии как чуждые человеческому естеству сообщества, в которых люди становятся лишь винтиками политических машин, лишёнными индивидуальности и чувств. В этом отношении планы Наполеона по завоеванию мира воспринимаются высшей формой воплощения «сенжеромовского» принципа воспитания: разум и железная воля управляют не только отдельными людьми, но и историей.

Критикуя «педагогику насилия», Толстой, «бросивший вызов всесильному авторитету» [14, с. 99], показывает, что история, как и душа ребенка, развивается по своим стихийным, «роевым» законам. Бородинское сражение – это апофеоз сопротивления живой, народной стихии наполеоновской «педагогике» завоевания: народ, обладающий «скрытой теплотой патриотизма» [15, т. 3, с. 218] и «чистотой нравственного чувства» [19, с. 764], «воспитывается» не указами, а совместными страданиями, созидательным трудом и интуитивным пониманием справедливости. Человек и общество в целом, по Толстому, должны жить «умом сердца», а не «умом ума».

Эта мысль из повестей середины 1850-х гг. получила целостное художественное воплощение в эпопее второй половины 1860-х гг.

«Роевой» закон истории, противопоставленный индивидуальному произволу, корнями уходит в постоянно актуализирующийся Толстым «нравственный закон», основанный на принципе «естественности» как высшей духовной ценности. Концепт «Естественность» проходит у Толстого эволюцию от наивного детского устремления к онтологическому принципу бытия. Эта линия развития — от интуитивных «моральных порывов» ребенка Николеньки Иртеньева к органичной целостности личности Наташи Ростовой и абсолютной простоте народного философа Платона Каратаева – представляет этический стержень целостной антропологической концепции Толстого.

Так, Николенька познает нравственные истины не через усвоение правил, а через непосредственное чувствование. Его привязанность к простым и искренним Карлу Ивановичу и Наталье Савишне – это в определенном смысле узнавание «своего», родного, подлинного, естественного. В то же время он уже в детстве чувствует фальшь светских ритуалов (*«…княжна занимала меня разговором весьма свободно… Но уж слишком заметно было, что она занимает меня, и поэтому она мне не понравилась»* [16, с. 197]). Юношеское разочарование в идеале «комильфо» становится важнейшим прозрением героя, обретающего навыки различения подлинности и искусственности.

Наташа Ростова становится воплощением той правды и естественности, которые Николенька лишь смутно ощущает как идеал. Ее жизнь является доказательством возможности сохранить «природное», непосредственное в человеке во «взрослом», полном социальных условностей цивилизованном мире. Наташа не анализирует свои поступки, как, например, князь Андрей или Пьер Безухов, ее поведению свойственны интуитивность и спонтанность. Особенно отчетливо это проявляется в широко известной сцене пляски у дядюшки, когда вопреки дворянскому воспитанию, генетически заложенная в Наташе близость к природе и народу вырывается наружу. И хотя поведение Наташи нередко оценивается представителями высшего света как недопустимое по этикетным нормам, в оценке Толстого оно всегда правильное с точки зрения высшей правды искреннего человеческого чувства.

Важнейшим звеном обозначенной этической цепи является образ Платона Каратаева, для которого естественность – не только и не столько свойство характера, сколько форма существования. Он живет в гармонии с миром, принимает его законы, и вся его жизнь в целом подчинена природным циклам – смене времен года, дня и ночи, движению от рождения к смерти: *«Он любил и любовно жил со всем, с чем его сводила жизнь…»* [15, т. 4, с. 464]. Платон Каратаев в наибольшей степени концентрирует стихийно-народное, «роевое» начало, являющееся для Толстого высшим воплощением правды и простоты, к которой бессознательно стремился Николенька Иртеньев.

Помимо прочего, оба произведения – биографическая трилогия и роман-эпопея – большинством исследователей относятся к жанру романа воспитания, что является справедливым лишь отчасти, поскольку Толстой подвергает критике классическую схему его сюжетного развертывания (незрелость – испытания и ошибки – получение опыта – обретение места в обществе – завершение становления личности), демонстрируя ее несоответствие действительной природе человеческого развития, которое не останавливается, не завершается. Уже в финале «Юности»

намечается идеал, согласно которому ценностью становится не обладание некой истиной, а процесс ее поиска.

Принципу «незавершенности» развития личности подчиняется и первая часть эпилога «Войны и мира». Так, вступая в тайное общество, Пьер Безухов продолжает духовные поиски в социально-политической сфере. Николай Ростов заботится о своих крестьянах и активно участвует в общественной жизни, что «определяет дальнейший путь его развития» [7, с. 66]. Княжна Марья, занимаясь воспитанием детей, вступает на путь реализации себя в качестве воспитателя, наставника, педагога. В мечтах о подвиге, которым предается юный Николай Болконский, воплощается завязка цикла предстоящих духовных исканий. Толстой намеренно обрывает повествование в момент напряжения внутренних противоречий героев, демонстрируя таким способом бесконечность самоопределения личности.

Выводы

Изучение механизмов внутренней рецепции текстов Л. Н. Толстого раскрывает глубинные связи между биографической трилогией и романом-эпопеей «Война и мир». Такой подход позволяет расширить рамки традиционного восприятия творчества Л. Н. Толстого и способствует более целостному пониманию художественного мира автора. В относительно ограниченном пространстве трилогии концентрируются те ключевые принципы толстовской антропологической концепции, которые, переходя в эпическое пространство «Войны и мира», находят более масштабное художественное воплощение.

Таким образом, трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» и роман-эпопея «Война и мир» предстают не как относительно изолированные этапы творческой эволюции, а как взаимодополняющие репрезентации единой художественно-этической системы. Эпическое измерение романа выводит многие мысли, заявленные в трилогии, на новый уровень обобщения, демонстрируя при этом универсальность нравственного самоопределения личности в художественном мире Льва Толстого.

Список источников и литературы

1. *Безруков А. Н.* Рецепция художественного текста: функциональный подход: монография. Вроцлав: Фонд «Русско-польский институт», 2015. 300 с.
2. *Белозёров В. К.* Генезис исследования войны как политического феномена в дореволюционной России. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.1.17 // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 1. С. 190–200.
3. *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.
4. *Галаган Г. Я.* Л. Н. Толстой. Художественно-этические искания / отв. ред. Б. И. Бурсов. Л.: Наука, 1981. 176 с.
5. *Городилова Н. И.* Эпическая картина мира в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.1 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 9. С. 5–12.
6. *Гудзий Н. К.* Лев Толстой: критико-биогр. очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Гослитиздат, 1960. 213 с.
7. *Касавина Н. А.* О связности, ее свернутости и развернутости (к обсуждению логико-смысловой концепции сознания) // Философский журнал. 2022. Т. 15, № 4. С. 61–68.
8. *Ковалев В. А.* Поэтика Льва Толстого: Истоки. Традиции. М.: Изд-во МГУ, 1983. 177 с.
9. *Ломунов К. Н.* Жизнь Льва Толстого. М.: Худож. лит., 1981. 255 с.
10. *Ломунов К. Н.* Лев Толстой в современном мире. М.: Современник, 1975. 493 с.

11. *Ломунов К. Н.* Эстетика Льва Толстого. М.: Современник, 1972. 480 с.
12. *Мотылева Т. Л.* О мировом значении Л. Н. Толстого. М.: Сов. писатель, 1957. 726 с.
13. *Опульская Л. Д.* Первая книга Льва Толстого // Л. Н. Толстой. Детство. Отрочество. Юность. М.: Наука, 1978. С. 479–508.
14. *Сергеева В. С.* Британская рецепция творчества Л. Н. Толстого в преддверии «русского бума» 1910-х. DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-4-88-107 // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 4. С. 88–107.
15. *Толстой Л. Н.* Война и мир: в 4 т. М.: Правда, 1974.
16. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 1: 1850–1856. М.: Наука, 2000. 514 с.
17. *Храпченко М. Б.* Лев Толстой как художник. 3-е изд. М.: Худож. лит., 1971. 528 с.
18. *Цирулев А. Ф.* Проблема автобиографизма в трилогии Л. Н. Толстого // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 3 (1). С. 331–336.
19. *Чернышевский Н. Г.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. М.: Правда, 1974. 464 с.
20. *Чуприна И. В.* Трилогия Л. Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность». Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1961. 194 с.

References

1. Bezrukov, AN 2025, *Retseptsiya khudozhestvennogo teksta: funktsional'nyy podkhod* (Reception of artistic text: a functional approach), Vroclav. (In Russ.).
2. Belozerov, VK 2021, ‘Genezis issledovaniya voyny kak politicheskogo fenomena v dorevolyutsionnoy Rossii’ (Genesis of the study of war as a political phenomenon in pre-revolutionary Russia), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Volgograd State University), vol. 26, no. 1, pp. 190–200. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.1.17. (In Russ.).
3. Vinokur, GO 1959, *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku* (Selected works on the Russian language), Ministerstvo Prosveshcheniya RSFSR publ., Moscow, pp. 229–259. (In Russ.).
4. Galagan, GYa 1981, *L. N. Tolstoy. Khudozhestvenno-eticheskiye iskaniya* (L. N. Tolstoy. Artistic and ethical quest), Nauka publ., Leningrad. (In Russ.).
5. Gorodilova, NI 2020, ‘Epicheskaya kartina mira v trilogii L. N. Tolstogo “Detstvo”, “Otrochestvo”, “Yunost’”’ (Epic picture of the world in L. N. Tolstoy’s trilogy “Childhood”, “Adolescence”, “Youth”), *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philological Sciences. Questions of theory and practice), vol. 13, no. 9. pp. 5–12. DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.1. (In Russ.).
6. Gudziy, NK 1960, *Lev Tolstoy* (Leo Tolstoy), Khudozhestvennaya literatura publ., Moscow. (In Russ.).
7. Kasavina, NA 2022, ‘O svyaznosti, yeye svernutosti i razvernutosti (k obsuzhdeniyu logiko-smyslovoy kontseptsii soznaniya)’ (About connectivity, its folding and unfolding (towards a discussion of the logical-semantic concept of consciousness)), *Filosofskiy zhurnal* (Philosophical Journal), vol. 15, no. 4, pp. 61–68. (In Russ.).
8. Kovalev, VA 1983, *Poetika L'va Tolstogo* (Poetics of Leo Tolstoy), MGU publ., Moscow. (In Russ.).
9. Lomunov, KN 1981, *Znizn' L'va Tolstogo* (The Life of Leo Tolstoy), Khudozhestvennaya literatura publ., Moscow. (In Russ.).
10. Lomunov, KN 1975, *Lev Tolstoy v sovremennom mire* (Leo Tolstoy in the modern world), Sovremennik publ., Moscow. (In Russ.).
11. Lomunov, KN 1972, *Estetika L'va Tolstogo* (Aesthetics of Leo Tolstoy), Sovremennik publ., Moscow. (In Russ.).
12. Motyleva, TL 1957, *O mirovom znachenii L. N. Tolstogo* (On the global significance of L. N. Tolstoy), Sovetskiy pisatel' publ., Moscow. (In Russ.).
13. Opul’skaya, LD 1978, ‘Pervaya kniga L'va Tolstogo’ (The first book of Leo Tolstoy), *L. N. Tolstoy. Detstvo. Otrochestvo. Yunost'* (L. N. Tolstoy. Childhood. Adolescence. Youth), Nauka publ., Moscow, pp. 479–508. (In Russ.).
14. Sergeyeva, VS 2023, ‘Britanskaya retseptsiya tvorchestva L. N. Tolstogo v preddverii “russkogo buma” 1910-h’ (British reception of the work of L. N. Tolstoy on the eve of the “Russian

boom" of the 1910s), *Studia Litterarum* (Studia Litterarum), vol. 8, no. 4, pp. 88–107. DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-4-88-107. (In Russ.).
15. Tolstoy, LN 1974, *Voyna i mir* (War and Peace), Pravda publ., Moscow. (In Russ.).
16. Tolstoy LN 2000, *Polnoye sobraniye sochineniy v 100 t. Khudozhestvenn·yye proizvedeniya v 18 t.* (Complete works in 100 volumes. Works of art in 18 volumes), vol. 1. 1850–1856, Nauka publ., Moscow. (In Russ.).
17. Khrapchenko, MB 1971, *Lev Tolstoy kak khudozhnik* (Leo Tolstoy as an artist), Khudozhestvennaya literature publ., Moscow. (In Russ.).
18. Tsirulev, AF 2011, 'Problema avtobiografizma v trilogii L. N. Tolstogo' (The problem of autobiography in the trilogy of L. N. Tolstoy), *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* (Bulletin of the Nizhny Novgorod University by N. I. Lobachevsky), no. 3, pp. 331–336. (In Russ.).
19. Chernyshevskiy, NG 1974, *Sobraniye sochineniy v 5 tomakh* (Collected works in 5 volumes), vol. 3, Pravda publ., Moscow. (In Russ.).
20. Chuprina, IV 1961, *Trilogiya L. Tolstogo. "Detstvo", "Otrochestvo" i "Yunost'"* (Trilogy of L. Tolstoy. "Childhood", "Adolescence" and "Youth"), Saratovskiy universitet publ., Saratov. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 20.07.2026
Одобрена после рецензирования: 27.08.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted:20.07.2026
Approved after reviewing: 27.08.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 260–271.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 260–271.

Научная статья
УДК 80
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-260-271

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СЕМЫ КЛЮЧЕВОГО СЛОВА «СЕСТРЫ» В ОДНОИМЕННОМ РОМАНЕ В. В. ВЕРЕСАЕВА

Валерия Юрьевна Сухотина

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, suhotinavu@tolstovsky.ru
https://orcid.org/0000-0001-9490-1640

Аннотация. Предмет исследования – потенциальные семы ключевого слова сестры и его коннотации в паремиях русской культуры в одноименном романе В. В. Вересаева. Цель настоящей работы заключается в выделении потенциальных сем заглавия при интерпретации художественного текста. В статье были использованы следующие методы исследования: метод лингвокультурологической интерпретации, ономасиологический метод. В статье рассмотрены потенциальные семы ключевого слова «сестры» как средство выражения идеи художественного произведения на материале романа В. В. Вересаева «Сестры». На основе изучения работ Ю. Д. Апресяна, Г. В. Токарева, И. А. Стернина дано определение понятия потенциальной семы, описаны его характеристики и значения, реализуемые в контексте романа. В работе обосновано положение о том, что присутствие в нем потенциальных сем помогают читателю понять авторское задание. Заглавие признается ключом к пониманию художественного произведения и рассматривается как структурная часть текста произведения. Мы придерживаемся схемы толкования Х.-Г. Гадамера, которая предполагает объяснение, предпонимание и осмысление текста. В работе проанализирован антропоморфный тип заглавия на основе произведений, принадлежащих к одной культурной парадигме. Подобный тип заглавия признается продуктивным. Обозначены коннотации, прямые и переносные значения слова «сестры». В паремиях русской культуры оно имеет следующие коннотации: родственница, близкий человек, будущая жена, хозяйка в доме. Коннотации обладают одобрительным характером. Роман принадлежит к стилю социального реализма, что обеспечило трансформацию значения заглавия. Заглавие реализовывает функцию предвосхищения содержания текста, экспрессивно-аппелятивную и функцию сжатого сообщения. Были выделены следующие потенциальные семы: работница, подруга, товарищ, родная, надежная, верная общему делу. Полученные в работе результаты могут быть применены в спецкурсах по стилистике русского языка.

Ключевые слова: заглавие, потенциальные семы, культурная эпоха, интерпретация, культурная парадигма.

Для цитирования: Сухотина В. Ю. Потенциальные семы ключевого слова «сестры» в одноимённом романе В. В. Вересаева // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 260–271. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-260–271

Сведения об авторе: *В. Ю. Сухотина* – аспирантка кафедры документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026 , Россия, Тула, проспект Ленина, 125.

© Сухотина В. Ю., 2026

Scientific Article
UDC 80
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-260-271

POTENTIAL SEMES OF THE KEYWORD "SISTERS" IN THE NOVEL OF THE SAME NAME BY V. V. VERESAEV

Valeria Ju. Sukhotina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, suhotinavu@tolstovsky.ru
https://orcid.org/0000-0001-9490-1640

Abstract. The subject of the research is the potential semes of the keyword *sisters* and its connotations in the paremias of Russian culture in Veresaev's novel of the same name. The purpose of this study is to identify the potential semes of the title when interpreting a literary text. The author uses method of linguistic and cultural interpretation and the onomasiological method in the work. The article examines the potential semes of the keyword *sisters* as a means of expressing the idea of an artistic work (based on V. V. Veresaev's novel 'The Sisters'). As a result of studying the works of Yu. D. Apresyan, G. V. Tokarev, and I. A. Sternin, the author defines the concept of a potential seme and describes its characteristics and meanings realized in the context of the novel. The study substantiates the idea that potential semes helps the reader to understand the writer's intention. Playing an important role as a key to understanding a fictional work, the title is considered as a structural part of the text. The author adheres to the scheme of interpretation by H.-G. Gadamer, which involves the explanation, pre-understanding and comprehension of the text. The paper analyzes the anthropomorphic type of titles based on works belonging to the same cultural paradigm. This type of title is considered productive. The author indicates connotations, direct and figurative meanings of the word *sisters*. It has the following connotations in the paremias of Russian culture: a relative, a loved one, a future wife, a housewife. The connotations have an approving character. The novel belongs to the style of social realism, which ensures the transformation of the title's meaning. The title implements the function of anticipating the content of the text, expressive, appealing and the function of a concise message. As a result, the author identifies the following potential semes: a worker, a friend, a comrade, a close person, reliable person, loyal person. The results obtained in the work can be applied in special courses on the stylistics of the Russian language.

Keywords: title, potential semes, connotation, cultural epoch, interpretation, cultural paradigm.

For citation: Sukhotina, VJu 2026, 'Potential Semes of the Keyword "Sisters" in the Novel of the Same Name by V. V. Veresaev', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 260–271, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-260-271 (in Russ.)

Information about the Author: *Valeria Ju. Sukhotina* – Post-graduate student of the Department of Documentation and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenina pr-t, Tula, 300026, Russia.

© Sukhotina V. Ju., 2026

Введение

Появление в конце XX века науки, находящейся на границе лингвистики и культурологии, обусловило поиск новых методов и приемов для изучения ее предметной области. Особое место в методологической базе занимает разработанный метод лингвокультурологической интерпретации, в рамках которого текст культуры рассматривается как объект слияния указанных наук. Таким образом, приоритетным является вопрос о понимании текста такого рода. Актуальность работы обусловлена антропологическим подходом к предмету исследования и малой изученностью представленной проблемы. Цель настоящей работы заключается в выявлении потенциальных сем заглавия при интерпретации художественного текста (на материале романа В. В. Вересаева «Сестры»). Достижение поставленной цели обусловило необходимость решения следующих задач:

1) изучить специфику заглавия антропоморфного типа вхудожественном тексте;

2) выявить функциональные особенности заглавия;

3) выделить потенциальные семы заглавия романа В. В. Вересаева «Сестры».

Объект исследования – заглавие антропоморфного типа в художественных произведениях эпохи СССР начала XX века.

В работе были использованы следующие методы исследования: метод лингвокультурологической интерпретации, ономасиологический метод.

Процесс интерпретации художественного произведения связан с разработанной М. М. Бахтиным теорией диалогичности [5], согласно которой при прочтении текста возникает коммуникативный акт между автором и читателем (интерпретатором). Таким образом, имеет место двусторонняя связь, посредством которой вклад в понимание произведения вносят оба коммуниканта. Автор закладывает в текст актуальный для описываемой эпохи смысл, обращаясь к идеологемам, культурным установкам, ценностям русского народа. В. В. Виноградов выдвинул идею об образе автора. По его мнению, субъект литературы не только принадлежит социуму, но и обладает собственным творческим потенциалом [12, с. 7]. Ролан Барт придерживался индивидуального подхода к толкованию текста, говоря о том, что после публикации текст становится полностью самостоятельным произведением и подвергается вольной интерпретации со стороны общества. При этом автор именуется «скриптором», находящимся вне текста [4, с. 384–391].

М. М. Бахтин подчеркивает факт зарождения новых смыслов в процессе многократной переработки текста: «Высказывание <…> всегда создает нечто до него никогда не бывшее, абсолютно новое и неповторимое, притом всегда имеющее отношение к ценности (к истине, к добру, красоте и т. п.). Но нечто созданное всегда создается из чего-то данного (язык, наблюденное явление действительности, пережитое чувство, сам говорящий субъект, готовое в его мировоззрении и т. п.). Все данное преображается в созданном» [6, с. 315]. Ввиду появления множества толкований возникает ключевая проблема понимания художественного произведения: текст не обладает лишь одним исчерпывающим вариантом его интерпретации. А. В. Арнольд подчеркивает присутствие в художественном произведении совокупности смыслов, подчиненных иерархии. Рациональное восприятие текста зависит от следующих факторов – жизненного опыта, социального окружения, читательской компетенции. Нарушение структуры текста может привести к искаженному восприятию произведения и созданию множества произвольных инвариантов [2, с. 100]. В связи с этим, следует выделить три направления толкования текста, выделенные Х.-Г. Гадамером: 1) объяснение (адаптирование текста, отождествление его с реаль-

ностью), 2) предпонимание (установление актуальности и значимости текста, исходя из действующих современных ценностей в обществе), 3) осмысление (интеграция интерпретируемого текста и жизненного опыта человека) [13]. В работе «Истина и метод» автор использует понятие «слияние горизонтов», при помощи которого Х.-Г. Гадамер описывает процесс взаимодействия прошлого и настоящего в интерпретации текста. Он говорит о том, что «исторический горизонт» не создает сложностей при толковании текста, но способствует его глубокому пониманию: «Набросок исторического горизонта является, следовательно, лишь моментом в осуществлении понимания — он не окаменевает в самоотчуждении некоего прошедшего сознания, но настигается настоящим, которое вновь включает его в свой собственный горизонт понимания. При осуществлении понимания происходит действительно слияние горизонтов, которое вместе с набрасыванием исторического горизонта тут же производит и его снятие» [13, с. 364]. Мы придерживаемся мнения, что понимание текста зависит как от образа мышления автора, пережитых им эмоций, так и от позиции читателя, находящегося вне описываемой эпохи, но «расшифровывающего» ее. Так, работа интерпретатора текста в основном состоит в декодировании текстов прошлых эпох.

Заглавие как структурный элемент художественного произведения начала XX века

Интерпретация текста включает в себя работу с заглавием текста, являющемся «генератором смысла» [29, с. 21]. Одним из таких элементов является его заглавие. Мы рассматриваем антропоморфный тип заглавия как наиболее продуктивный в рамках антропологического подхода. Художественные произведения «Сестры» В. В. Вересаева и «Мать» М. Горького содержат сходный тип заглавия и описывают события одной культурной парадигмы. Данный тип отражает одну из главных ценностей русского народа – семью и родственные узы. Заглавие представляет собой дотекстовый знак и реализовывает функцию предвосхищения содержания текста. По мнению С. А. Зыряновой, выбор выполняемой им функции зависит от эпохи, в которую было написано произведение [16, с. 81]. Таким образом, смысл заглавия Сестры скрывается в переносном значении лексической единицы. Подобное явление объясняется реализацией социального заказа посредством художественной литературы периода 1920–1930-х годов, связанного с переходом на новую парадигму общественного и духовного развития. Также, данное заглавие реализует «экспрессивно-аппелятивную функцию» отмеченную В. С. Мужевым [Цит. по: 21], с целью привлечь внимание читателя к тексту, и функцию «сжато сообщить основное содержание», выделенную С. П. Суворовым [Цит. по: 27].

Основной проблемой, затрагиваемой в литературе начала XX века, считается воспитание «нового человека». В этот период был опубликован роман «Мать» М. Горького, посвященный взаимоотношениям сына и матери в годы общественных революционных потрясений. Изменения коснулись ценностных представлений – была сформирована новая модель мира. Общество 1920–1930-х годов находилось в состоянии духовного кризиса и неопределенности в связи с окончанием царского режима. Ссылаясь на работу Спиридоновой Л. А., М. Ю. Егорова утверждает, что повесть «Мать», впоследствии причисленную к жанру романа, не стоит рассматривать как представление хронологии событий, но как духовную революцию русского народа: «"Мать" нельзя рассматривать лишь как летопись революционных событий начала века, - продолжает исследователь, - ибо Горький попытался создать не просто хронику деятельности социал-демократов., а новое Евангелие пролетариата» [Цит. по: 25]. Присутствие в романе образа матери символизирует репрезентацию старого

уклада жизни, который удается разрушить благодаря сильной любви к сыну. Так, в своем романе М. Горький показал эволюцию образа матери. Архетип «Мать» воплощается в изображении ее защитницей, помощницей. Анна Вежбицкая высказала предположение, что слово мать является универсальным, так как данное понятие присутствует во всех языках [9, с. 198]. Языковед считает, что этот концепт следует рассматривать в биологическом, социальном и психологическом аспектах [10, с. 209].

Процесс идеологизации общества оказал влияние на состояние литературы начала XX века. Данное событие привело к слому культурных парадигм ввиду внедрения идеологизма в искусство – партия рассматривалась как часть культуры. Также, одним из принципов данного периода стала «маргинализация человека». По определению В. И. Хомякова, маргинал - «человек переходного времени, как бы повисший между двумя историческими эпохами и сделавший эту переходность принципом отношения к действительности, принципом самоопределения» [33, с.162].

Литература послереволюционного периода подчинялась ведущему направлению социального реализма. Ссылаясь на М. Берга, В. И. Хомяков выделяет некоторые черты литературы послереволюционного периода: инфантилизм, просветительский пафос, нравоучительность, максимализм: «Последствием инфантильной стратегии агента являлось сочетание беспричинной веселости, праздничного мироощущения и жестокости, категоричности и маргинальности, эгоцентичности и угодливости, комплекса превосходства и комплекса неполноценности» [Цит. по: 7, с. 44]. В дополнение следует выделить категоричность, маргинальность и другие черты. Автор приводит цитату из романа «Мы» Е. Замятина, в которой он определил тенденцию развития современного искусства, «где будут одновременно и микроскоп реализма, и телескопические, уводящие к бесконечностям, стекла символизма» (Е. Замятин «Мы»). Таким образом, писатель видел новое искусство как синтез реализма и символизма.

Пролетарская литература наиболее отвечала требованиям социального заказа, предъявляемым к искусству такого рода. М. О. Чудакова видела суть социального заказа в разграничении концептов «свой» и «чужой»: «Прежде всего была ясна необходимость поляризации – четкого противопоставления: они и мы» [Цит. по: 34, с. 316]. В концептуальной картине мира появляются понятия «новая жизнь» и «новый человек», предполагающие отход от привычного миропонимания и устаревших ценностей. Литературный критик В. Полонский приводит следующее описание происходящих событий: «Новая эпоха с новыми вкусами признавала “новатора”: именно этот последний в своем упорном нежелании выполнять “заказ” по вкусам заказчиков своей эпохи оказывался прав в своем упорстве» [23, с. 20]. Так, в языковой картине мира формируется эталон нового человека, отраженный в пролетарской литературе, характеризующийся утопичностью и материалистичностью данного образа. В свою очередь, за писателем закрепилась роль новатора. Эта роль предопределяет процесс разрушения привычного образа жизни.

Коннотации слова сестра в паремиях русской культуры

Появление концепции «новой жизни» неизменно оказало влияние на систему языка на лексическом уровне – период 1920–1930-х годов ознаменовался обновлением словарного состава и преобразованием уже существующих языковых единиц. Вектор исследования смещается в сторону анализа коннотативных сем. Вместе с денотативным значением слова И. В. Арнольд уделяла внимание коннотациям, подчеркивая их многоаспектную структуру, в которую входят эмоциональный, экспрес-

сивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты [2, с. 153]. Таким образом, она выполняет функцию объективизации проявления эмоций с помощью языка. В. Н. Телия акцентировала внимание на культурной составляющей коннотации, говоря о том, что с ее помощью появляется возможность проследить изменение культурных парадигм и особенности формирования ментальности человека, жившего в определенную эпоху [28, с. 146].

В русском языке можно выделить множество паремий с компонентом *сестра*. Они являются частью национального самосознания для представителей лингвокультурного сообщества. Явление родственных отношений внутри семьи стало одним из ключевых в русской культуре ввиду присутствия фундаментальной ценности семьи и родственных уз. Богатый жизненный и социальный опыт взаимоотношений близких родственников отражен в народном творчестве, обусловленном культурными установками дореволюционного периода. В паремиях можно выделить следующие коннотации слова «сестра»:

близкий человек (*Они живут, ровно брат с сестрой);*

родственница (Сестра при брате не вотчиница);

хозяйка в доме (*Брат сестре не указ в стряпне);*

будущая жена (*Княжна хороша, и барыня хороша, а живет красна и наша сестра. Первую дочь по семье бери, вторую по сестре.)* [30]. Коннотации обладают одобрительным характером.

Потенциальные семы заглавия *Сестры*

В заглавии *Сестры* романа В. В. Вересаева можно выделить несколько потенциальных сем. Данное понятие ввел Ю. Д. Апресян для объяснения дополнительных смыслов, проявляющихся в тексте. Изучая компоненты лексического значения, О. А. Михайлова обращалась к работам М. В. Никитина [1974], И. А. Стернина [1985], В. Г. Гака [1977] и другим исследователям. В работах М. В. Никитина присутствовала мысль о том, что понятие обладает «открытой вероятностной структурой признаков» [22, с. 6]. В. Г. Гак использовал понятие потенциальных сем [8, с. 11], характеризуя их как слабовероятностные, выражающие несущественные признаки. Они возникают исходя из ассоциативных признаков объекта [20] и свойств, приписываемых представителями лингвокультурной общности [20, с. 77, 100]. Таким образом, эта разновидность сем строится из представлений, заключенных в наивной картине мира, и обладает национально-специфическим характером. И. А. Стернин выделяет множество типов сем, среди которых узуальные, окказиональные, системные, личностные, дизъюнктивные и инвариантные эксплицитные и скрытые, ассертивные и диспозициональные, актуализованные и неактуализованные, позитивные и негативные [26, с. 44-55]. Обращаясь к исследованиям И. А. Стернина, в своей работе О. А. Михайлова разграничивает постоянные и вероятностные семы. Выделение данных типов сем обусловлено наличием определенных признаков. В свою очередь вероятностные семы подразделяются на сильно-, средне- и слабовероятностные. Первые признаются членами языкового коллектива, имеют известные языковой личности характеристики. Средневероятностные семы не обладают общеизвестными свойствами денотатов, а слабовероятностные семы воспринимаются не всеми носителями лингвокультуры. Подобный тип сем отождествляется с потенциальными семами. Они редко упоминаются в лексикографических источниках и идентифицируются за счет собирательного значения понятия. По мнению О. А. Михайловой, «с позиций системно-интегрального подхода такие семы остаются за пределами языкового значения и могут быть признаны только частью речевого смысла» [20, с. 100].

В ходе исследований лингвистами была поставлена проблема о выявлении дополнительных смыслов, находящихся вне интегральных и дифференциальных сем. Они получили название ассоциативных [Шмелев, 1977] или потенциальных [Гак, 1977; Кузнецова, 1989]. В своей работе «Современный русский язык» Д. Н. Шмелев высказал мысль о том, что «<…> ассоциативный признак, как бы только потенциально сопутствующий слову в его основном значении, подвергается своего рода «кристаллизации» в определенных контекстах «образного» применения слова; когда же такое применение становится достаточно устойчивым — в особом переносном значении» [35, с. 227]. В. Г. Гак признавал свойство потенциальных сем, заключающееся в передаче признаков объекта реального мира, подмечаемые в языковом сообществе: «Реализуясь в контекстах, потенциальные семы лежат в основе переносных употреблений слов, в том числе и во фразеологических единицах» [8, с. 11]. Данную мысль развивает И. В. Арнольд, говоря о потенциальных семах. Данный тип сем может не проявляться в основном значении слова, но их актуализация происходит в речевом акте [3, с. 55].

По мнению В. В. Красных, значение слова зависит не только от ситуации общения и индивидуальных особенностей человека, но и от социальной и профессиональной принадлежности индивида [18, с. 73]. Г. В. Токарев говорит о принципах декодирования текста в процессе его понимания. В монографии «Ключи к пониманию текста» автор обращается к работе Г. И. Фазылзяновой, где она рассматривает явление потенциального смысла текста. При этом, интерпретируя текст, человек презентует индивидуальную систему знаков: «В структуре текста смысл существует для реципиента как потенция, которую он может превратить или не превратить в действительный смысл. Распредмечивание смысла означает его перевод в иную знаковую систему. При этом нередко создается особый метаязык, не воспроизводящий текст, но описывающий его понимание и интерпретацию» [32, с. 10].

Обратимся к толкованию слова *сестра*, как инварианту его интенсионала. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, лексема *сестра* имеет следующее переносное значение: «Единомышленница, товарищ в каком-нибудь общем деле». Данная языковая единица относится к лексике высокого стиля. В разговорном стиле слово сестра может употребляться с притяжательными местоимениями: «ваша (наша, их) сестра - снисходительно о женщинах: вы (мы, они) и другие подобные» [31]. В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой сестра определяется как женщина, которую объединяют с кем-либо общие интересы, стремления [24]. Приведенное переносное значение лексической единицы сестры коррелирует с местом действия романа «Сестры» – галошным заводом «Красный богатырь». В своем романе В. В. Вересаев ярко описывает процесс сплочения работниц на производстве, их коллективную работу: *Не было ощущения одиночества и отделенности, какое она [Лелька] переживала, когда работала на "номерах". Тут была большая, общая жизнь, бурно кипевшая и целиком втягивавшая в себя. Все были неразрывно связаны друг с другом (В. В. Вересаев «Сестры»).*

Потенциальная сема *товарищ* также отражает культурную парадигму 1920–1930-х годов и характерную для данного периода идеологию сплочения, коллективной работы. Предприятие рассматривается как второй дом, а все работницы являются друг другу родными людьми – сестрами. В картине мировидения русского народа она ассоциируется с близким по духу человеком. В рамках понятия *сестра* следует выделить следующие потенциальные семы: подруга, товарищ, родная, надежная, верная общему делу. Интенсионал этого ключевого слова можно представить следующим образом: женщина, русская, родственница, единомышленница. Де-

лая первую запись в дневнике, Лелька обращается к своей вновь обретенной сестре: - *Вот как странно: сестры. Полгода назад почти даже не знали друг друга. А теперь начинаем писать вместе дневник (В. В. Вересаев «Сестры»)*

По мнению И. М. Кобозевой, наибольший интерес для исследования смысла представляют «идеологические» и «культурные» слова. Языковед подчеркивает, что они могут выражать не только оценку, но и являться «оценочно нейтральными» со стандартным набором характеристик [17]. Слова *сестра, товарищ, единомышленник* становятся синонимами в рамках вероятностных сем, однако расходятся в своих прямых значениях. Данный синонимический ряд содержит положительно-эмоциональную оценку. В романе мы находим следующее подтверждение: *Почувствовали себя сестры теплее и ближе друг к другу. Простились задушевно и решили чаще видеться (В. В. Вересаев «Сестры»)*.

Понятие потенциальной семы соотносится с коннотативным значением слова. Данные языковые явления следует разграничивать по нескольким признакам. Коннотация фиксируется в языке и становится известной, социально значимой: «<…> со-значения объективно существуют и представляют не индивидуальное, а в значительной степени коллективное, социальное явление» [20, с. 75]. Кроме того, потенциальная сема не обладает субъективностью и оценочностью [20, с. 87].

Языковые единицы, объединенные тематикой родственных уз, можно считать лингвокультуремами, ввиду присутствия в русской культуре семьи как абсолютной ценности. Семья как социальный институт заключает в себе культурные представления и правила поведения. Таким образом, мы придерживаемся мнения О. А. Михайловой о высоком лингвокультурологическом потенциале и продуктивности данных единиц [20, с. 193].

Заключение

Итак, заглавие романа В. В. Вересаева *Сестры* выполняет следующие функции: экспрессивно-апелляционную, сжатого содержания, предвосхищения. Автор переосмысляет значение слова *сестры* и обращается к переносному значению данного понятия ввиду присутствия идеологизма в искусстве эпохи 1920–1930-х годов и изменения роли женщины. Антропоморфный тип заглавия является продуктивным наряду с другими заглавиями подобного рода. Коннотация языковой единицы *сестры* является положительной, одобрительной в паремиях русской культуры. Посредством заглавия *Сестры* В. В. Вересаев актуализирует следующие потенциальные семы: работница, подруга, товарищ, родная, надежная, верная общему делу.

Список источников и литературы

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1995. 472 с.
2. *Арнольд И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 443 с.
3. *Арнольд И. В.* Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте // Иностранные языки в школе. 1979. № 5. С. 10–14.
4. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. [с. 3–45] Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1994. 615 с.
5. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930-1961 гг.). М.: Яз. слав. культур, 2012. 880 с.

6. *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: опыт философского анализа // Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 473–500.
7. *Берг М.* Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 352 с.
8. *Бородина, М. А.* К типологии и методике историко-семантических исследований [Текст]: (На материале лексики французского языка) / М. А. Бородина, В. Г. Гак. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 232 с.
9. *Вежбицкая А.* Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 185–206.
10. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996. 416 с.
11. Вересаев В. В. В тупике; Сестры: [романы] / [предисл. В. Лидина; подгот. текста, послесл., примеч. В. Нольде, Е. Зайончковского]. М.: Кн. палата, 1990. 398 с. (Из архива печати).
12. *Виноградов В. В.* О художественной прозе. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 192 с.
13. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
14. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология: (на материале французского и русского языков) / Гак Владимир Григорьевич; редактор В. П. Торпакова. Москва: Международные отношения, 1977. 264 с.
15. *Егорова Ю. М.* Мифы, символы и образы в повести М. Горького «Мать» // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 1. С. 25–29.
16. *Зырянова С. А.* Аббревиатурное заглавие как композиционно-стилистический прием художественного текста русского постмодернизма: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Зырянова Светлана Александровна. Тула, 2015. 190 с.
17. *Кобозева И. М.* Две ипостаси содержания речи: “значение” и “смысл” // Язык о языке: сб. ст. / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Яз. рус. культуры, 2000. С. 303–359.
18. *Красных В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
19. *Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 216 с.
20. *Михайлова О. А.* Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 240 с.
21. *Мужев, В.С.* О функциях заголовков: учен. зап. МГПИИЯ им. Тореза [Текст] / В. С Мужев. М., 1970. С.86-94.
22. *Никитин М. В.* Лексическое значение в слове и словосочетании [Текст]: Спецкурс по общей и английской лексикологии / М-во просвещения РСФСР. Владимир. гос. пед. ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского. Владимир: [Владимир. пед. ин-т], 1974 [вып. дан. 1975]. 222 с.
23. Печать и революция»: журнал литературы, искусства, критики и библиографии / под ред. А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского. Москва: Государственное издательство, 1929. Книга первая (январь–февраль). С. 20
24. Сестра // Ефремова Т. В. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Электрон. версия. URL: https://www.efremova.info/word/sestra.html (дата обращения: 30.03.2025). Доступ на сайте Толковый словарь русского языка Ефремовой.
25. *Спиридонова Л.А.* М. Горький: М. Горький: новый взгляд / Л. Спиридонова; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Москва: ИМЛИ, 2004. 262 с.
26. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 170 с.
27. *Суворов, С.П.* Особенности стиля газетных заголовков по материалам «Daily Worker» [Текст] / С.П. Суворов // Язык и стиль. – М., 1965. С.179-195.
28. *Телия В. Н., Опарина Е. О.* Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Вестник культурологии. 2011. № 1. С. 145–148.
29. *Токарев Г. В.* Ключи к пониманию текста: монография. Тула: ТППО, 2018. 142 с.

30. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля: в 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4: Р–Я. 672 с. (Золотая коллекция).
31. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ЭЛПИС, 2003. 944 с.
32. *Фазылзянова Г. И.* Смысл как продукт коммуникативной ситуации понимания / Г. И. Фазылзянова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2. С. 8–13.
33. *Хомяков В. И.* Социально-философская модель русской советской литературы 1920-1930-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 3 (80). С. 161–165.
34. *Чудакова М.О.* Избранные работы, том I. Литература советского прошлого. М.: Языки русской культуры, 2001. 472 с.
35. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». М.: «Просвещение», 1977. 335 с.

References

1. Apresyan, YuD 1995, ‘Leksicheskaya semantika’ (Lexical Semantics), *Izbrannyye trudy* (Selected Works), vol. 1, Shkola «Yazyki russkoy kultury» publ, Moscow. (In Russ.)
2. Arnold, IV 1999, *Semantika. Stilistika. Intertekstualnost* (Semantics. Stylistics. Intertextuality), Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta publ, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Arnold, IV 1979, ‘Potentsialnyye i skrytyye semy i ikh aktualizatsiya v angliyskom khudozhestvennom tekste’ (Potential and Latent Semes and Their Actualization in the English Literary Text), *Inostrannyye yazyki v shkole*, no. 5, pp. 10–14. (In Russ.)
4. Barthes, R 1994, *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* (Selected Works: Semiotics. Poetics), trans. from French, comp. and ed. by G.K. Kosikov, Progress publ, Moscow. (In Russ.)
5. Bakhtin, MM 2012, ‘Teoriya romana (1930–1961)’ (Theory of the Novel (1930–1961)), *Sobraniye sochineniy* (Collected Works), vol. 3, Yazyki slavyanskikh kultur publ, Moscow. (In Russ.)
6. Bakhtin, MM 1986, ‘Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh: opyt filosofskogo analiza’ (The Problem of Text in Linguistics, Philology and Other Humanities: An Attempt at Philosophical Analysis), *Literaturno-kriticheskiye statyi* (Literary Critical Articles), Khudozhestvennaya literature publ, Moscow, pp. 473–500. (In Russ.)
7. Berg, M 2000, *Literaturokratiya. Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature* (Literaturocracy. The Problem of Appropriation and Redistribution of Power in Literature), Novoye literaturnoye obozreniye publ, Moscow. (In Russ.)
8. Borodina, MA & Gak, VG 1979, *K tipologii i metodike istoriko-semanticheskikh issledovaniy (Na materiale leksiki frantsuzskogo yazyka)* (On the Typology and Methodology of Historical-Semantic Studies (Based on the Vocabulary of the French Language)), Nauka. Leningradskoye otdeleniye publ, Leningrad. (In Russ.)
9. Wierzbicka, A 1993, ‘Semantika, kultura i poznaniye: obshchechelovecheskiye ponyatiya v kulturospetsifichnykh kontekstakh’ (Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations), *Thesis*, no. 3, pp. 185–206. (In Russ.)
10. Wierzbicka, A 1996, *Yazyk. Kultura. Poznaniye* (Language. Culture. Cognition), Russkiye slovari publ, Moscow. (In Russ.)
11. Veresaev, VV 1990, *V tupike; Sestry* (In a Deadlock; The Sisters), preface by V. Lidin, ed., afterword and notes by V. Nolde, E. Zayonchkovskiy, Knizhnaya palata publ, Moscow. (In Russ.)
12. Vinogradov, VV 1930, *O khudozhestvennoy proze* (On Fictional Prose), Gosudarstvennoye izdatelstvo publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)

13. Gadamer, H-G 1988, *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenevtiki* (Truth and Method), trans. from German, ed. and intr. by B.N. Bessonov, Progress publ, Moscow. (In Russ.)
14. Gak,VG 1977, *Sopostavitelnaya leksikologiya (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov)* (Comparative Lexicology (Based on French and Russian Languages), ed. by V. P. Torpakova, Mezhdunarodnyye otnosheniya publ, Moscow. (In Russ.)
15. Egorova, YuM 2018, 'Mify, simvoly i obrazy v povesti M. Gorkogo «Mat»' (Myths, symbols and images in Maxim Gorky's novel "Mother"), *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* (Vestnik of Kostroma State University), no. 1, pp. 25–29. (In Russ.)
16. Zyryanova, SA 2015, Abbreviaturnoye zaglaviye kak kompozitsionno-stilisticheskiy priyom khudozhestvennogo teksta russkogo postmodernizma (Abbreviated Title as a Compositional and Stylistic Device in Russian Postmodern Literary Text), PhD thesis, Tula, 190 p. (In Russ.)
17. Kobozeva, IM 2000, 'Dve ipostasi soderzhaniya rechi: "znacheniye" i "smysl" (Two Aspects of Speech Content: "Meaning" and "Sense"), *Yazyk o yazyke* (Language about Language), ed. by N.D. Arutyunova, Yazyki russkoy kultury, Moscow, pp. 303–359. (In Russ.)
18. Krasnykh, VV 2001, *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* (Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory), Gnozis publ, Moscow. (In Russ.)
19. Kuznetsova, EV 1989, *Leksikologiya russkogo yazyka* (Lexicology of the Russian Language), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
20. Mikhaylova, OA 1998, *Ogranicheniya v leksicheskoy semantike: Semasiologicheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* (Restrictions in Lexical Semantics: Semasiological and Linguocultural Aspects), Izdatelstvo Uralskogo universiteta publ, Ekaterinburg. (In Russ.)
21. Muzhev,VS 1970, 'O funktsiyakh zagolovkov' (On the Functions of Headings), *Uchenyye zapiski MGPIIYa im. Toreza*, Moscow, pp. 86–94. (In Russ.)
22. Nikitin, MV 1974, *Leksicheskoye znacheniye v slove i slovosochetanii* (Lexical Meaning in a Word and Word Combination), Vladimir. ped. in-t publ, Vladimir. (In Russ.)
23. Lunacharsky, AV, Meshcheryakov, NL, Pokrovsky, MN & Polonsky, VP (eds.) 1929, *Pechat i revolyutsiya* (Press and Revolution), book 1, Gosudarstvennoye izdatelstvo publ, Moscow, p. 20. (In Russ.)
24. Efremova, TV 2000, 'Sestra' (Sister), *Novyy slovar russkogo yazyka: Tolkovo-slovoobrazovatelnyy* (New Dictionary of the Russian Language: Explanatory and Word-Formation), Russkiyyazyk publ, Moscow, viewed 30 March 2025, https://www.efremova.info/word/sestra.html. (In Russ.)
25. Spiridonova, LA 2004, *M. Gorkiy: novyi vzglyad* (M. Gorky: A New Perspective), IMLI publ, Moscow. (In Russ.)
26. Sternin, IA 1985, *Leksicheskoye znacheniye slova v rechi* (Lexical Meaning of a Word in Speech), Izdatelstvo Voronezhskogo universiteta publ, Voronezh. (In Russ.)
27. Suvorov, SP 1965, 'Osobennosti stilya gazetnykh zagolovkov po materialam «Daily Worker»' (Features of Newspaper Headline Style Based on Materials from "Daily Worker"), *Yazyk i stil*, Moscow, pp. 179–195. (In Russ.)
28. Teliya, VN & Oparina, EO 2011, Kulturnaya konnotatsiya kak sposob voploshcheniya kultury v yazykovoy znak (Cultural connotation as a way of embodying culture into a language sign), *Vestnik kulturologii* (Herald of Culturology), no. 1, pp. 145–148. (In Russ.)
29. Tokarev, GV 2018, *Klyuchi k ponimaniyu teksta* (Keys to Understanding the Text), TPPO publ, Tula. (In Russ.)
30. Dal, VI 2006, *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols), vol. 4, RIPOL klassik publ, Moscow. (In Russ.)
31. Ozhegov, SI & Shvedova, NYu 2003, *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* (Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Units), 4th Revised Edition, ELPSIS publ, Moscow. (In Russ.)
32. Fazylzyanova, GI 2009, 'Smysl kak produkt kommunikativnoy situatsii ponimaniya' (Meaning as a Product of the Communicative Situation of Understanding), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* (The bulletin of Moscow State University of Culture and Arts), no. 2, pp. 8–13. (In Russ.)
33. Khomyakov, VI 2018, 'Sotsialno-filosofskaya model russkoy sovetskoy literatury 1920–1930-kh gg.' (The social and philosophical model of the Russian Soviet literature of the 1920-

1930's), *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki* (Scientific Notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences»), no. 3 (80), pp. 161–165. (In Russ.)
34. Chudakova, MO 2001, 'Literatura sovetskogo proshlogo' (Literature of the Soviet Past), *Izbrannyye raboty* (Selected Works), vol. 1, Yazyki russkoy kultury publ, Moscow. (In Russ.)
35. Shmelev, DN 1977, *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika* (Modern Russian Language. Lexis), Prosveshcheniye publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026
Одобрена после рецензирования: 01.04.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 20.02.2026
Approved after reviewing: 01.04.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 272–282.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 272–282.

Научная статья
УДК 94(47).084.5
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-272-282

РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НА СТРАНИЦАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. М. ЗОЩЕНКО И М. А. БУЛГАКОВА

Ирина Дмитриевна Петришина

Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия, petrishina62@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-6281-0509

Аннотация. В статье показаны проблемы истории повседневной жизни 1920–1930-х гг. на основе изучения литературных источников – произведений М. М. Зощенко и М. А. Булгакова, которые позволяют воссоздать мир переломной эпохи и выявить общественные ценности, как самих авторов, так и их персонажей. Провинциальный быт обычных людей и реальная московская повседневность являются тем фоном, на котором обозначены главные линии меняющейся действительности – уходящая дореволюционная эпоха и нарождающаяся новая советская эпоха – Россия нэповская и сталинская. Изучение ключевых проблем советского общества 1920–1930-х гг. в художественно-исторических образах способствует поиску жизненных ценностей современным человеком среди серой обыденности, обретению социальных ориентиров и стандартов в быстро меняющемся мире. В произведениях М. М. Зощенко и М. А. Булгакова выстроен культурный, поведенческий код советского человека, изучение которого позволяет вести поиски будущего вектора развития российского общества. Вопросы социальной истории, повседневности и быта в изображении М. М. Зощенко и М. А. Булгакова выступают в качестве предмета изучения не только истории, но и философии, культурологии, литературоведения, социальной психологии. Такой междисциплинарный подход является попыткой методологического поиска – необходимой составляющей истории повседневности. В статье показано авторское описание «лишних людей», нэпманов, интеллигенции, простых людей, их окружающей среды, менталитета и культуры. Внимание уделено изображению жилья, питания, одежды, сферы услуг, образования, воспитания, досуга, отдыха, лучших и худших человеческих качеств. Изучение произведений этих писателей в качестве исторических источников показывает, что разрушение материального положения людей в постреволюционной России приводило к архаизации отношений и взглядов различных социальных групп, временная «чрезвычайщина» 1920-х гг. оказалась нормой жизни советского человека 1930-х гг., приспособленчество являло собой символ новой советской эпохи, никакие сложные жизненные обстоятельства – экономические, социальные, политические – не могут служить оправданием безнравственных поступков людей.

Ключевые слова: нэпманы, «лишние люди», интеллигенция, приспособленцы, жилищный вопрос, дефицит, «Торгсин», привилегированный класс.

Для цитирования: Петришина И. Д. Российская повседневность на страницах произведений М. М. Зощенко и М. А. Булгакова // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 272–282. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-272–282

Сведения об авторе: *И. Д. Петришина* – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецк, ул. Ленина, д. 42.

© Петришина И. Д., 2026

Scientific Article
UDC 94(47).084.5
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-272-282

RUSSIAN EVERYDAY LIFE ON THE PAGES OF M.M. ZOSCHENKO AND M.A. BULGAKOV WORKS

Irina D. Petrishina

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russia, petrishina62@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-6281-0509

Abstract. The article shows the problems of the everyday life history in the 1920s and 1930s based on the study of literary sources – the works by M. M. Zoshchenko and M. A. Bulgakov, which allow recreating the world of a critical period and identifying social values, both of the authors themselves and of their characters. The provincial life of ordinary people and the real Moscow everyday life are the background against which the main lines of the changing reality are marked – the passing prerevolutionary era and the emerging new Soviet era – NEP and Stalinist Russia. Study of the key problems in Soviet society in the 1920s–1930s in artistic and historical images contributes to the search for life values by a modern person among the daily grind, obtaining of social guidelines and standards in a rapidly changing world. The works of M. M. Zoshchenko and M. A. Bulgakov construct a cultural and behavioral code of the Soviet person, the study of which makes it possible to search for the future vector of Russian society development. Issues of social history and everyday life in the image of M. M. Zoshchenko and M. A. Bulgakov act as a subject of study not only of history, but also philosophy, cultural studies, literary studies and social psychology. Such an interdisciplinary approach is an attempt at a methodological search – a necessary component of the history of everyday life. The article shows the author's description of 'superfluous people', NEPmen, intelligentsia, ordinary people, their environment, mentality and culture. The author focuses on the image of housing, meal, clothing, services, education, upbringing, leisure, recreation, and the best and worst human qualities. The works under review, as historical sources, demonstrate that the deterioration of people's material well-being in post-revolutionary Russia led to the archaization of relationships and views among various social groups. The temporary 'emergency' of the 1920s turned out to be the norm of life for a Soviet person in the 1930s, opportunism was a symbol of the new Soviet era; no difficult life circumstances – economic, social, or political – could serve as a justification for people's immoral actions.

Keywords: NEPmen, superfluous people, intelligentsia, opportunists, housing issue, deficit, hard-currency shop, privileged class.

For citation: Petrishina, ID 2026, 'Russian Everyday Life on the Pages of M. M. Zoschenko and M. A. Bulgakov Works', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 272–282, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-272-282 (in Russ.)

Information about the Author: *Irina D. Petrishina* – Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and World History, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, 42, st. Lenina, Lipetsk, 398020, Russia.

© Petrishina I. D., 2026

Введение

Представления о социалистическом обществе формировались, развивались, подвергались переоценке на протяжении всей советской и постсоветской истории. Дискуссионным остается вопрос о достижениях и провалах сталинской модернизации. В советской исторической науке проблемы обычного человека не являлись предметом изучения. Между тем именно в жизни миллионов обычных людей происходили стремительные изменения в период модернизации конца 1920–1930-х гг. В советской историографии история повседневности была представлена как «борьба за новый быт», отказ от пережитков прошлого и роли культуры в построении социализма [1, с. 53–54]. С 1990-х гг. тематика истории повседневности претерпела значительные изменения. Наряду с бытом проводились исследования жилищной проблемы, семьи, отдыха и досуга, сервиса, питания, производственной повседневности и т.д. [4; 12]. Наибольшее внимание проблеме повседневной жизни советских людей уделяли исследователи Н. Б. Лебина, Е. А. Осокина, Ш. Фицпатрик, Л. Холмс. Работа Н. Б. Лебиной «Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–30-е годы» посвящена изучению девиантного поведения, своеобразного феномена – перерождения нормы в отклонение и, напротив, патологии в норму, а также государственному нормированию повседневности через жилищный вопрос, одежду, досуг и частную жизнь [8]. Труд Ш. Фицпатрик «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город» посвящен повседневной жизни «маленьких» людей, для которых она не была нормальной, как в их собственном понимании, так и в понимании автора; для живущих в чрезвычайное время 1930-х гг. нормальное существование становилось роскошью [13, с. 7]. Е.А. Осокина исследует потребление советских людей в условиях карточной системы, процессы деформации жизни людей, их быта, труда, психологии в условиях распределительной сталинской политики [11, с. 14], а также повседневную жизнь советских людей в годы первых пятилеток, которая показана с точки зрения симбиоза государственного снабжения и нелегального рынка товаров и услуг в плановой экономике. По мнению автора, потребительский рынок являлся сферой экономики и жизни, которая наиболее сильно пострадала в результате форсированной индустриализации и насильственной коллективизации [11, с. 7]. Работа Л. Холмса «Социальная история России: 1917 – 1941» написана в жанре очерков и посвящена государственной политике и практике в области образования, социальной мобилизации и сталинского «большого» террора [14].

Целью статьи является исследование повседневной жизни советских людей 1920–1930-х гг. на основе литературных источников – произведений М. М. Зощенко и М. А. Булгакова. Данная работа имеет междисциплинарный характер: написана на стыке истории, философии, культурологии, литературоведения, социальной психологии.

Материалы и методы

Творчество М. М. Зощенко и М. А. Булгакова, крупнейших писателей XX века, выходит далеко за пределы литературного жанра сатиры. Они продолжили классическую традицию русской прозы, изобразив в своих романах, повестях, рассказах и фельетонах 1920-х гг. «энциклопедию» русской жизни, показав не только ее экономическую, политическую, культурно-историческую, бытовую сторону, но и философию жизни советской России. Произведения М. М. Зощенко и М. А. Булгакова наделены множеством смыслов – информационных, символических, нравственных и выполняют не только эстетическую и развлекательную функции, но и познавательную. Их яркие и правдивые образы имеют сильное воздействие на читателя и исследователя, позволяют взглянуть на изучаемую эпоху как бы «изнутри», исходя из размышлений и поступков героев, показать мировоззрение обычного человека.

Такие литературные источники позволяют по-новому взглянуть на социальную картину переломной эпохи и выявить не только материальную сторону жизни, но и мировоззренческие общественные ценности, как самих авторов, так и их персонажей. Такой пласт источников по советскому периоду мало изучен по сравнению с письмами советских граждан во властные структуры, перепиской представителей большевистской элиты, дневниками и другими документами [9, с. 154]. Между тем, литературно-художественные произведения высвечивают конкретно-историческую сторону событий, позволяют избежать схематизации общественных процессов и представляют социальную фотографию эпохи. Таким образом социальная история становится важным средством выведения на новый уровень изучения сложных, в известной мере нелинейных процессов, которые происходят в обществах, переживающих переходные состояния [9, с. 154]. В работе с такими источниками важно установить тот смысл, который автор передает словами, поступками и судьбами своих героев.

Секрет успеха творчества М. М. Зощенко в том, что он имел недюжинные способности рассказывать о маленьком человеке и подмечать жизненные мелочи на общем фоне слома эпох и громадных масштабов изменения действительности. Произведения М. М. Зощенко написаны как будто для истории или для сцены. С этой точки зрения они являются уникальным источником социальной информации, высвечивающим особенности эпохи 1920-х гг. Уходящая жизнь представлена в сентиментальных повестях «Аполлон и Тамара», «Люди», «Страшная ночь», а также во многих рассказах. Само название сборника его произведений «Нервные люди» отражает потрясения социальной революции 1920-х гг., которая перешла в практическую плоскость после победы большевиков на фронтах Гражданской войны и утверждала строительство нового светлого будущего, над которым иронизировал М. М. Зощенко. В бурные послереволюционные годы большой страны М. М. Зощенко показывает «мелкие» идеи, будничные разговоры простых людей. Его герои в большинстве своем – «лишние люди», люди прошлой эпохи, не способные приспособиться к новой реальности. В отношении к ним автор требователен и ироничен. Сама реальность 1920-х гг. показана упрощенной, без сложностей и замысловатостей, где нет места таким очаровательным старорежимным тонкостям, как знанию латыни и испанского языка, игре на арфе и изучению электричества, а лучшие человеческие качества – благородство, гордость и любовь выглядят неуместно, жалко и даже смешно. В большинстве своем автор делает упор на теневые стороны жизни своих персонажей. Через галерею различных героев, которые ищут счастья, благополучия, приличной должности или просто ведут борьбу за свое право элементарно выжить, автор ставит главный вопрос «Для чего существует человек?» [6, с. 54]. Музыкант с дореволюционным стажем старается проникнуть в сущность явлений и понимает, что «всю свою жизнь он жил не так, как нужно… Но как было нужно, он и теперь не знал» [6, с. 65]. Оказалось, что дореволюционное образование было не нужным, а воспитание – глупым и бестолковым, рассчитанным на богатую, обеспеченную жизнь помещика и домовладельца. Новая жизнь представлялась смертельной борьбой за существование [6, с. 91, 100], когда, например, бывший помещик или учитель по чистописанию превратились в нищих, а дворянин – в попрошайку. Следовательно, дореволюционная эпоха, уходящая жизнь стала считаться сентиментальной и фальшивой. Помыслами и впечатлениями своих героев М. М. Зощенко передает важную философию жизни: приспособленцы – победители новой жизни. Наблюдая за революционными изменениями послереволюционной России, автор подчеркивает, что жизнь упрощалась и примитизировалась не только

с внешней стороны, но и в человеческих отношениях. Смысл же денег заключался в том, чтобы приобрести самое необходимое – кусок хлеба, дрова, боты. А интересы к цветам, занавескам и мягким креслам считались мелкобуржуазными, мещанскими и корыстными.

Разрушенное материальное положение героев после Гражданской войны обнажает социально-экономический кризис начала 1920-х гг. как итог политики «военного коммунизма». Так родственники участника Первой мировой войны, не дождавшись его возвращения, распродали его скудный гардероб – две пары мало ношенных брюк, бархатную тужурку с темно-зеленым галстуком, пикейный жилет [6, с. 62].

Автор внимательно наблюдает за шагами новой экономической политики, за возвращением к здравому смыслу и восстановлением нормальной жизни при движении к социалистической цели, тонко подмечая особенности советской политической системы. Окончание Гражданской войны: в 1921 г. хлеб был тогда чрезвычайно дорог, за фунт хлеба в Питере запрашивали два полотенца, три простыни или трехрядную гармонь [6, с. 403]. 1925 г. – разгар нэпа, в апреле стояла исключительно хорошая и ясная погода, открыты магазины, театры и кино, появились извозчики и лихачи [6, с. 268–269]. 1926 г. – если бы в то скромное время жил Гоголь, то жил бы неплохо, в отдельной комнате, ходил бы в серой толстовке, кормился бы при «Гудке», однако страдал бы от серьезной критики: «… есть ли у него, у подлеца, нормальный классовый взгляд, … и чем он занимался до 1917 года?» [6, с. 468]. 1929 г. – к закату нэпа службу найти крайне легко, … безработных все меньше и меньше на бирже труда [6, с. 282].

Авторское внимание также уделено приметам нэпа – жизни купцов, частных предпринимателей, кооператорам, новому – старому слою людей, получивших название нэпманы. Изображая благополучную жизнь торговца-нэпмана в рассказе «Спешное дело», М. М. Зощенко видит опасность в его положении – арест агентом ГПУ, фабрикация уголовного дела, конфискация имущества и даже высшая мера наказания. Оказывается, что нэпман «ходит по краешку» и жить без имущества спокойней и благородней [6, с. 465–467].

М. М. Зощенко подробно описывает типичный быт жителей небольших российских городов, обозначая болезненный жилищный вопрос. Среди городских построек преобладает частный сектор. Жилищами людей становятся арендованные небольшие комнаты или коммунальные квартиры, состоящие из десяти комнат с более чем тридцатью жильцами. Наиболее детально показан провинциальный быт обычных, простых людей. Для автора и читателей их жизнь интересна и понятна. В рассказе «Люди» герой восторгается деревянными сенцами с многими дырками в стенах, с глиняным рукомойником в углу на веревке и кучей мусора на полу, скрипом половиц, тонкими переборками стен, маленькими грязноватыми окнами и низеньким потолком [6, с. 86].

Герои М. М. Зощенко не тяготятся трагически изменяющейся повседневностью, а принимают все превратности судьбы как нечто обыденное, нормальное и вполне допустимое. Автор показал, что «маленький человек» не способен сопротивляться разрушению привычной жизни. Примиряя своих героев с житейской повседневностью, М. М. Зощенко выражал протест в форме сатиры против такой злободневной нэповской реальности и старался оградить современников от мещанства, стяжательства, подлости, эгоизма, темноты и бескультурья. В сатирических сценах автора сквозила печаль по недосягаемому идеалу.

Сюжеты произведений М. М. Зощенко показывают, что ухудшение материального положения героев приводит к падению их нравственных устоев. Так происходит изменение внутреннего мира под воздействием внешних обстоятельств. С другой стороны, в процессе приспособления к советской действительности люди отказываются бороться с окружающей средой и превращаются в саму эту среду. Таким образом, автор отрицает стремление власти подстегнуть историческое развитие, быстро сломать прошлое и построить новое общество. В его понимании захват власти – не главное, а главное в том, как будет жить общество.

Типичная картина 1920-х гг. – это небольшой деревянный дом, низенький шаткий забор, широкие кривые ворота, небольшой сарай, грабли с поломанными зубьями времен Екатерины II, колесо от телеги, камень посреди двора, крыльцо с оторванной нижней ступенькой, небольшие полутемные сенцы, бочка с водой, дощечка с ковшиком, небольшая стекляшка вместо окна, «знакомая и сладкая сердцу картина» [6, с. 115]. Возможно, М. М. Зощенко гротескно искажает провинциальную действительность 1920-х гг., изображая ее невыносимо скучной для того, чтобы подчеркнуть разительный контраст между прошлым и надвигающимся советским будущим, идеализируя «высокую культуру» дореволюционного прошлого. Он пишет: «В те годы было еще порядочное количество людей высокообразованных и интеллигентных, с тонкой душевной организацией и нежной любовью к красоте и к разным изобразительным искусствам. Надо прямо сказать, что в нашей стране всегда была исключительная интеллигентская прослойка, к которой охотно прислушивалась Европа и даже весь мир. И верно, это были очень такие тонкие ценители искусства и балета, и авторы многих замечательных произведений, и вдохновители многих отличных дел и великих учений» [6, с. 247].

Наступающая советская жизнь с ее новыми правилами проявляется в умелом включении новых понятий – мировая идея, идеология, твердая установка революции, демократическая жизнь, трудящиеся массы, хозрасчет, режим экономии, колхоз, «комиссар в советском имении». М. М. Зощенко с усмешкой предвосхищает утопические устремления к коммунизму. В его произведениях новая социальная реальность показана художественно тонко и иронично. Наступала эпоха маленького человека, лишнего человека на фоне грандиозных общественных потрясений и изменений.

Вслед за романом М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», читатели переносятся в Москву конца 1920–1930-х гг. Несмотря на то, что автор представляет картину московской жизни в качестве фона, где происходят события, связанные с действиями главных героев, эта картина в деталях отражает реальную социально-культурную среду той эпохи – свертывание нэпа и наступающую эпоху первых пятилеток. Удивительно, но в фантастическом романе автор показал реальную повседневность советского города на сломе эпох. Мастер и Маргарита – самый читаемый русский роман XX века.

М. А. Булгаков как мастер бытовых сцен и деталей, фрагментарными зарисовками создал целостную картину московского быта, культурную среду и ценностные установки различных представителей московского общества той эпохи. Зачастую основным пейзажем романа становятся пустынные улицы, переулки, аллеи, дворики Москвы. Такими художественными приемами автор идеализирует душевный покой и гармонию, необходимые не только единственным положительным героям – Мастеру и Маргарите, но и обобщенному образу булгаковского города в целом.

Фантастический сюжет романа удивительным образом перекликается с реальной московской повседневностью. Однако, время от времени бытовая нелепость

символически подчеркивает мистику, черную магию и царство зла. Так, в «унылом, гадком и скупо освещенном» переулке недалеко от Остоженки есть дом 13 и квартира 47, где «в громадной, до крайности, запущенной передней, слабо освещенной малюсенькой угольной лампочкой под высоким, черным от грязи потолком, на стене висел велосипед без шин, стоял громадный ларь, обитый железом, а на полке над вешалкой лежала зимняя шапка (в час жаркого весеннего заката), и длинные ее уши свешивались вниз» [2, с. 64].

Политические штрихи изображаемой эпохи пронизывают канву романа: чрезмерная подозрительность, шпиономания, опасность отправиться на Соловки, прослыть кулаком, «маскирующимся под пролетария» или быть «в свое время» обязательно арестованным [2, с. 24, 26, 81, 297]. Через обыденное и житейское автор осторожно рисует элементы наступавшей «чрезвычайщины». В отношении религии один из героев замечает, что «в нашей стране атеизм никого не удивляет, … большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о Боге» [2, с. 23]. М. А. Булгаков изображает внешне вполне благополучную московскую интеллигенцию – литераторов, писателей, редакторов, артистов, администраторов. Однако все они, кроме Мастера и Маргариты, являются отрицательными персонажами, поскольку погрязли в человеческих пороках: зависти, взяточничестве, стяжательстве, привилегиях. А квартирный вопрос настолько испортил «обыкновенных людей», которые бывали и милосердны, что заявления с претензиями на наследство освободившейся квартиры в доме на Садовой улице за два часа составили тридцать две штуки [2, с. 68]! Яркие булгаковские высказывания – «квартирный вопрос» испортил людей, «а за квартиру Пушкин платить будет?», «умеешь ты жить!», «домработницы все знают, это ошибка думать, что они слепые» – стали широко известны и понятны. Понимание того, как нужно «уметь жить» М. А. Булгаков относит к московской творческой интеллигенции – это райская дача в литераторском поселке, обеды в лучшем ресторане Москвы с высоким качеством «провизии» и не обременительной ценой, творческий отпуск от двух недель до одного года в Ялту или Ленинград. Зависть, тщеславие и погоня за личным благополучием принизывают официальную литературную богему. Автор раскрывает мировоззрение литературных героев через сложные обстоятельства социальной истории большого города, посредством нового советского быта. В привилегиях (или подкупе), предоставленных властью творческой интеллигенции, заключается механизм контроля за этой дореволюционной, идеологически опасной для власти группы людей. Жилье, потребительские товары и досуг – вот те важнейшие стороны жизни [15, p. 3], посредством которых был установлен социальный контроль за московской интеллигенцией.

Напротив, главный герой романа Мастер, выиграв большую денежную сумму, купил книги, бросил службу в музее и стал сочинять роман. Это был его «золотой век» не только потому, что смог, наконец, заняться любимым делом, но и встретил «восхитительную» Маргариту. М. А. Булгаков изображает глубокие, искренние чувства героев не только через их эмоциональные переживания, но и через картинное описание окружающей их обстановки, в которой царило счастье: совершенно отдельная квартирка с передней и раковиной с водой, две малюсенькие комнатки, вечно пылающий огонь в печке, книги, книги от пола до потолка, два дивана и между ними столик с прекрасной ночной лампой, маленькие оконца над самым тротуарчиком, в четырех шагах – сирень, липа и клен, необыкновенно пахнущая сирень [2, с. 153–154, 157].

Поскольку Маргарита была женой очень крупного специалиста, сделавшего важнейшее открытие государственного значения, то обстановка ее дома соответствовала уровню советских номенклатурных работников, которые жили в прекрасных особняках в садах недалеко от Арбата. Они не знали ужасов проживания в совместных квартирах, где в массовом масштабе формировалась коммунальная культура поведения. Их дома также отличались от благополучных домов московской интеллигенции. Они не нуждались в деньгах и могли купить себе все, что нравилось. Индивидуальная квартира на рубеже 1920–1930-х гг. в СССР была важнейшим достижением человека и свидетельствовала о высоком социальном статусе личности и принадлежности к партийно-государственной номенклатуре. Между тем, в Москве в 1930 г. средняя норма жилплощади составляла 5,5 кв. м на человека, а в 1940 г. понизилась почти до 4 кв. м. [13, с. 58].

1930-е гг. были для советского народа десятилетием огромных трудностей и потрясений, что широко освещено в исторической литературе [5, 7, 10, 13, 16]. Даже сильнее, чем основных продуктов питания, не хватало одежды, обуви и различных потребительских товаров – часто они были совершенно недоступны. Такое положение вещей отражало как приоритеты государственного производства, строго ориентированного на тяжелую промышленность, так и гибельные последствия уничтожения ремесел и кустарной промышленности в начале десятилетия [13, с. 52, 56].

В связи с этим важным источником по социальной истории того периода является описание специального магазина, принадлежавшего Всесоюзному объединению по торговле с иностранцами («Торгсин») первой половины 1930-х гг. Магазины «Торгсина» пользовались особой славой и являлись островками изобилия [10, с. 160, 165] не только для голодных людей, но и для тех, кто получал продовольственные и промышленные товары по карточкам. «Торгсин» получал от государства в свои магазины отличные экспортные товары: продовольствие и предметы широкого потребления [5, с. 53] и символизировал высокие стандарты обеспеченности. Роскошная обстановка такого магазина ярко изображена автором как бы в противовес распространенному в то время скудному ассортименту товаров, низкому уровню торгового обслуживания в советских магазинах, на рынках, толкучках или продаж с крестьянских подвод и возов. Сверкающие зеркальные двери «Торгсина» на Смоленском рынке со швейцаром у входа как бы приглашали покупателей приобретать товары только за валюту. В прекрасном магазине было сотни штук ситца богатейших расцветок, миткаля, шифона и сукна, штабеля коробок с обувью; в рыбном отделе симпатичный иностранец покупал розовую лососину, стояли бочки с отборной керченской сельдью, в кондитерском отделе продавались мандарины, плитки шоколада, миндальные пирожные, стояли корзины с фруктами с красивыми бумажными лентами. В таком прелестном магазине можно было примерить на коврике прекрасную обувь под пение и игру патефона. Однако от такой великолепной, сверкающей обстановки веяло завистливой неприязнью к иностранцам, «набитых валютой» [2, с. 368–371]. М. А. Булгаков иронизирует над публикой, которая, согласно правилам хорошего тона, не могла показывать негативное отношение к обеспеченным покупателям магазина, что считалось бестактным и политически вредным.

В социально-политической пьесе М. А. Булгакова «Зойкина квартира», написанной в 1926 г., сюжет разворачивается на фоне нескольких главных линий. Начало пьесы открывает сюжет, связанный с так называемым «уплотнением» жилья главной героини. М. А. Булгаков показывает процесс утверждения новых норм жизни в первой половине 1920-х гг., – это контроль домовых комитетов за жильцами, когда председатель этой жилищной организации заключает: «В домкоме все как

на ладони. Домком – око недреманное. Мы одним глазом спим, а другим видим. На то и поставлены» [3, с. 336].

Домовые комитеты выявляли пустующие комнаты у жильцов «громадного» многоквартирного дома, чтобы проводить уплотнение, т.е. подселение в эти комнаты нуждающихся. Так, события в Зойкиной квартире разворачиваются на фоне жилищного кризиса в Москве, когда происходило наступление на те «излишки» жилплощади, которые сохранились к середине 1920-х гг. Оказалось, что сохранить свою квартиру в бурные революционные годы считалось большим достижением [3, с. 348]. Если в годы Гражданской войны, когда горсоветы впервые начали «уплотнять» квартиры, они выставляли как один из мотивов стремление уравнять уровень жизни рабочих и буржуазии, то в дальнейшем «уплотнение» происходило из-за роста населения и государственных приоритетов в области промышленного строительства в ущерб жилищному [13, с. 54, 60]. Представляется, что в плане социальной инженерии властям приходилось делать выбор либо в пользу идеологических штампов, либо решать ситуативные проблемы. С другой стороны, вмешательство государства в быт граждан сокращало не только личное пространство простого советского человека, но и частные свободы, что являлось долговременной тенденцией развития советского общества.

В пьесе словами героев автор обозначает рост и всемогущество бюрократической системы: если человек с портфелем, то он занимает высокое общественное положение, это лицо должностное, а, значит, оно – всевластное и неприкосновенное [3, с. 337]. Новая власть и новые условия жизни порождали способы приспособления к нэповской действительности, и в свою очередь, формировали и определяли эту действительность. Один из героев «Зойкиной квартиры», не сделав никакой карьеры, решает стать партийцем [3, с. 346]. Так М. А. Булгаков обличает механизм партийного строительства 1920-х гг., когда рост партийных рядов означал приток в ВКП (б) приспособленцев и карьеристов, что приводило к периодическим чисткам партии в 1920-х гг. Принадлежность к партии ВКП (б) – это примета времени московской жизни. С другой стороны, уравнительное распределение, бедность и отсутствие возможности получить достаточно оплачиваемую работу ассоциируются с социализмом [3, с. 352]. В процессе иерархизации советского общества происходило формирование нового привилегированного класса – номенклатурных работников, ведущих специалистов, интеллигенции и бюрократии – связующего звена между властью и обществом и главной управленческой опоры советской системы.

Заключение

Произведения М. М. Зощенко и М. А. Булгакова вызывают потребность философски осмыслить действительность и поступки человека, предлагают интересную тему исследования – советский человек. С целью нравственного воздействия на читателя авторы требовательны и бескомпромиссны: никакие сложные жизненные обстоятельства – экономические, социальные, политические – не могут служить оправданием безнравственных поступков. Образы их героев предопределяют быстрое созидание нового социалистического мира с мобилизационным поведением и сознанием.

Список источников и литературы

1. *Ажигулова А. И.* Историография советской повседневности 1920–1930-х гг. // Домашняя повседневность населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина: Медиапапир, 2022. Т. 1. С. 53–56.

2. *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита. М.: Азбука-Классика, 2001. 416 с.
3. *Булгаков М. А.* Пьесы. М.: Сов. писатель, 1986. 656 с.
4. *Журавлев С. В., Соколов А. К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история: ежегодник, 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 287–332.
5. *Зима В. Ф.* Голод 1932–1933 гг. в письмах трудящихся России // Отечественная история. 2006. № 2. С. 47–55.
6. *Зощенко М.* Нервные люди: Избранное. СПб.: Азбука-Классика, 2003. 896 с.
7. *Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
8. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–30-е годы. СПб.: Журнал «Нева», 1999. 316 с.
9. *Надеждина В. А.* Нэповская Россия в зеркале социальной истории // Отечественная история. 2007. № 4. С. 149–157.
10. *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 271 с.
11. *Осокина Е. А.* Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 146 с.
12. *Орлов И. Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 317 с.
13. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / [пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
14. *Холмс Л.* Социальная история России: 1917–1941: пер. с англ. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1994. 144 с.
15. *Fitzpatrick Sh.* «Middle Class Values» and Soviet Life in the 1930's // Soviet Society and Culture: Essays in Honor of Vera S. Dunham / ed. T. L. Thompson. New York: Routledge, 1988. P. 20–38. Electronic version. URL: https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780429307157-3/middle-class-values-soviet-life-1930s-sheila-fitzpatrick (accessed: 20.03.2025).
16. *Shimotomai N.* Moscow Under Stalinist Rule, 1931–34. New York: St. Martin's Press, 1991. 177 p.

References

1. Azhigulova, AI 2022, 'Istoriografiya sovetskoy povsednevnosti 1920–1930-kh gg.' (Historiography of Soviet Everyday Life in the 1920s–1930s), *Domashnyaya povsednevnost naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost: materialy mezhdunar. nauch. konf.* (Everyday Life at Home of the Population of Russia. History and Modernity. Proc. of the International Scientific Conf.), ed. V. A. Veremenko, vol. 1, Mediapapir publ, St. Petersburg, pp. 53–56. (In Russ.)
2. Bulgakov, MA 2001, *Master i Margarita* (The Master and Margarita), Azbuka-Klassika publ, Moscow. (In Russ.)
3. Bulgakov, MA 1986, *Pyesy* (Plays), Sovetskiy pisatel publ, Moscow. (In Russ.)
4. Zhuravlev, SV & Sokolov, AK 1998, 'Povsednevnaya zhizn sovetskikh lyudey v 1920-e gody' (Everyday life of Soviet people in the 1920s), *Sotsialnaya istoriya*, ROSSPEN publ, Moscow, pp. 287–332. (In Russ.)
5. Zima, VF 2006, 'Golod 1932–1933 gg. v pismakh trudyashchikhsya Rossii' (Famine of 1932–1933 in the Letters of the Working People of Russia), *Otechestvennaya istoriya* (Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet history), no 2, pp. 47–55. (In Russ.)
6. Zoshchenko, M 2003, *Nervnyye lyudi: Izbrannoye* (Nervous People. Selected writings), Azbuka-Klassika publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Krinko, EF, Tazhidinova, IG & Khlynina, TP 2011, *Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-h gg.: zhizn v usloviyakh sotsialnykh transformatsiy* (Everyday world of the Soviet person of the 1920s–1940s: life in the conditions of social transformations), Izd-vo YUNTS RAN publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)

8. Lebina, NB 1999, *Povsednevnaya zhizn sovetskogo goroda: normy i anomalii, 1920 – 30-ye gody* (Everyday life of the Soviet city: norms and anomalies. 1920–30s), Zhurnal "Neva" publ, St. Petersburg. (In Russ.)
9. Nadezhdina, VA 2007, 'Nepovskaya Rossiya v zerkale sotsialnoy istorii'(NEP Russia in the Mirror of Social History), *Otechestvennaya istoriya* (Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet history), no. 4, pp. 149–157. (In Russ.)
10. Osokina, EA 1998, *Za fasadom «stalinskogo izobiliya»: Raspredeleniye i rynok v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii, 1927–1941 gg*. (Behind the Facade of 'Stalin's Abundance': Distribution and Market in the Supply of the Population during the Years of Industrialization. 1927–1941), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
11. Osokina, EA 1993, *Iyerarkhiya potrebleniya: O zhizni lyudey v usloviyakh stalinskogo snabzheniya, 1928–1935 gg*. (The Hierarchy of Consumption: On People's Lives under Stalin's Supply System, 1928–1935), Izd-vo MGOU publ, Moscow. (In Russ.)
12. Orlov, IB 2010, *Sovetskaya povsednevnost: istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* (Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation), Izd. dom VSHE publ, Moscow. (In Russ.)
13. Fitzpatrick, Sh 2008, *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod* (Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russian in 1930s), trans. L.Yu. Pantina, ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
14. Holmes, L 1994, *Sotsialnaya istoriya Rossii:1917–1941* (The Social History of Russia: 1917–1941), Izd-vo Rostovskogo universiteta publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
15. Fitzpatrick, Sh 1988, 'Middle Class Values' and Soviet Life in the 1930's', *Soviet Society and Culture: Essays in Honor of Vera S. Dunham*, ed. T. L. Thompson, Routledge publ, New York, pp. 20–38, viewed 20 March 2025, https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780429307157-3/middle-class-values-soviet-life-1930s-sheila-fitzpatrick.
16. Shimotomai, N 1991, *Moscow Under Stalinist Rule, 1931–34*, St. Martin's Press publ, New York.

Статья поступила в редакцию: 27.04.2026
Одобрена после рецензирования: 02.06.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 27.04.2026
Approved after reviewing: 02.06.2026
Accepted for publication: 21.09.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 283–292.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 283–292.

Научная статья
УДК 81`373.46
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-283-292

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА (ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Татьяна Вячеславовна Терюхова

Курский государственный университет
Курск, Россия, t.yakovleva05@mail.ru
https://orcid.org/0009-0001-6327-4805

Аннотация. Целью исследования является выявление и анализ способов репрезентации этнокультурной специфики в гастрономической лексике на материале текстов кулинарных рецептов национальных блюд различных регионов России. Теоретическую базу работы составляют положения лингвокультурологии и теории дискурса, позволившие рассматривать гастрономическую лексику как значимый элемент культурного кода, фиксирующий исторический опыт, географические особенности и ценностные ориентации народа. Эмпирическим материалом послужили рецепты, представленные в гастрономическом каталоге межрегионального туристского проекта «Серебряное ожерелье России», которые анализировались как креолизованные тексты, интегрирующие вербальный и иконический компоненты. В ходе исследования установлено, что этнокультурная маркированность гастрономической лексики реализуется через три основных механизма. Во-первых, это использование безэквивалентных кулинаронимов (например, «козуля» – Архангельская область; «калитки» – Республика Карелия), семантика которых неразрывно связана с локальными кулинарными традициями и обрядовыми практиками. Во-вторых, широкое применение лингвокультурных маркеров, включающих топонимические прилагательные («курганская каралька», «тульский пряник»), этнонимы, а также атрибуты, подчеркивающие аутентичность, традиционность и натуральность продуктов. В-третьих, употребление специфической глагольной лексики («томить», «квасить», «заквашивать»), описывающей традиционные способы кулинарной обработки, исторически обусловленные особенностями быта, в частности использованием русской печи. Результаты исследования демонстрируют, что гастрономическая лексика выступает не только средством передачи кулинарной информации, но и эффективным каналом трансляции региональной идентичности и межкультурной коммуникации, аккумулируя культурно значимые смыслы в формате креолизованных текстов рецептов.

Ключевые слова: гастрономический дискурс, гастрономический язык, терминология гастрономического дискурса, кулинаронимы, креолизованный текст, рецепт, этнокультурная специфика, культурный код.

Для цитирования: Терюхова Т. В. Гастрономическая лексика: этнокультурная специфика (эмпирическое исследование) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 283–292. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-283–292

Сведения об авторе: *Т. В. Терюхова* – ассистент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Курский государственный университет, 305000, Россия, Курск, ул. Радищева, д. 33.

© Терюхова Т. В., 2026

Scientific Article
UDC 81`373.46
https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-283-292

GASTRONOMIC VOCABULARY: ETHNOCULTURAL SPECIFITY (EMPIRICAL STUDY)

Tatiana V. Teryukhova

Kursk State University
Kursk, Russia, t.yakovleva05@mail.ru
https://orcid.org/0009-0001-6327-4805

Abstract. The aim of this study is to identify and analyze the ways of representing ethnocultural specificity in gastronomic vocabulary based on the texts of recipes for national dishes from various Russian regions. The theoretical basis of the research includes the principles of linguocultural studies and discourse theory, which allow gastronomic vocabulary to be considered as a significant element of the cultural code that encapsulates the historical experience, geographical characteristics, and people's value system. The empirical material consists of recipes presented in the gastronomic catalogue of the interregional tourist project 'Serebryanoe ozherelye Rossii' (Silver Necklace of Russia), analyzed as creolized texts integrating verbal and iconic components. The study identifies three main mechanisms through for implementing the ethnocultural markedness of gastronomic vocabulary. Firstly, this involves the use of non-equivalent culinaronyms (e.g., 'козуля' – Arkhangelsk Region, European Russia; 'калитки' – Republic of Karelia), whose semantics are intrinsically linked to local culinary traditions and ritual practices. Secondly, it entails the extensive use of linguistic and cultural markers, including toponymic adjectives ('курганская каралька', 'тульский пряник'), ethnonyms, and attributes emphasizing authenticity, traditional character, and natural provenance. Thirdly, it involves the use of specific verbs ('томить' – to simmer, 'квасить' – to ferment, 'заквашивать' – to sour), which describe traditional methods of culinary processing historically conditioned by everyday practices, particularly the use of the Russian stove. The findings demonstrate that gastronomic vocabulary serves not merely as a means of conveying culinary information but also as an effective channel for transmitting regional identity and facilitating intercultural communication, accumulating culturally significant meanings within the format of creolized recipe texts.

Keywords: gastronomic discourse, gastronomic language, terminology of gastronomic discourse, culinaronyms, creolised text, recipe, ethnocultural specificity, cultural code.

For citation: Teryukhova, TV 2026, 'Gastronomic Vocabulary: Ethnocultural Specifity (Empirical Study)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 283–292, https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-283-292 (in Russ.)

Information about the Author: *Tatiana V. Teryukhova* – Assistant, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Kursk State University, 33, st. Radischeva, Kursk, 305000, Russia

© Teryukhova T. V., 2026

Введение

В современной лингвистике наблюдается устойчивый интерес к изучению специализированных языков и дискурсов, отражающих специфику различных сфер человеческой деятельности. Одним из таких феноменов является гастрономический дискурс, понимаемый как «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [8, с. 18]. Изучением гастрономического дискурса, его особенностей, жанровых характеристик и специфики его функционирования в языке занимались многие исследователи. В качестве теоретической базы мы обращались к научным работам таких исследователей, как З. Н. Гараева [8], М. Б. Дунаева [9], У. Ш. Хадулаева [18], Е. В. Юргелевич [20] и др.

Гастрономический дискурс представляет собой сложное коммуникативное пространство, в котором циркулируют смыслы, связанные с производством, приготовлением, потреблением и оценкой пищи. Данный дискурс не сводится к совокупности текстов о еде, а выступает социально и культурно обусловленной практикой, регулируемой определенными конвенциями. Как отмечает У. Ш. Хадулаева, в структуре гастрономического дискурса выделяются как институциональный, так и личностно-ориентированный аспекты [18, с. 380]. Институциональный гастрономический дискурс находит свое выражение в таких жанрах, как меню ресторанов, кулинарные гиды, технические регламенты и реклама продуктов питания, для которых характерны стандартизация, терминологизированность и ориентация на массового адресата. В противоположность этому, персональный дискурс реализуется в бытовом общении, кулинарных блогах и семейных рецептах, где значительную роль играют эмоциональная оценка, личный опыт и имплицитные знания.

Гастрономический текст, как продукт гастрономического дискурса, может существовать в различных жанровых формах. В рамках настоящего исследования наше внимание главным образом сосредоточено на таком жанре гастрономического дискурса, как рецепт, поскольку на наш взгляд тексты данного жанры выполняют не только инструктивную, но и культурологическую функцию. Особенностью таких текстов зачастую является их креолизованность, то есть интеграция вербального компонента (текстового описания) и иконического (изображения блюда, процесса приготовления), что усиливает комплексное воздействие на реципиента.

Центральным элементом гастрономического дискурса выступает гастрономический язык, представляющий собой сложную знаковую систему, предназначенную для кодирования и трансляции кулинарного опыта. Изучению функционирования языка гастрономического дискурса посвящено множество отечественных и зарубежных исследований, среди них следует упомянуть исследования таких ученых, как С. В. Адамович, П. В. Альшевская [5], Т. А. Дьякова [10], Н. Фан [17], Yu. Azzamov [1], A. Papadima, E. Kourdis [3] и др.

Язык гастрономического дискурса характеризуется рядом особенностей. К ним относится высокая степень терминологизированности, что демонстрирует обширный пласт специальной лексики, охватывающий способы приготовления блюд (*«бланшировать»*, *«конфи»*), наименования продуктов и блюд (*«тартар»*, *«карпаччо»*), а также оценочную лексику (*«аль-денте»*, *«сбалансированный вкус»*).

Гастрономическое лексическое пространство объединяет в себе различные термины, которые в научной литературе используются с разной целью. К числу данных терминов относятся такие как *«глюттоним»* (введен А. В. Оляничем) и *«гастроним»* (используются для обозначения знаков пищи и их компонентов); *«кулинароним»* (введен Н.А. Леоновой) и *«трафоним»* (используются для наименования готовых блюд и кулинарных изделий); *«трапезоним»* и *«рестароним»* (используются для обозначения заведения для приема пищи). Стоит отметить, что, однако,

некоторые из этих терминов иногда используются исследователями в качестве синонимов [14].

В контексте настоящего исследования особое внимание нами уделяется кулинаронимам, поскольку на наш взгляд они в большей степени наделены этнокультурной спецификой, так как через наименование блюда или изделия передается история происхождения данного блюда и культурный контекст его употребления.

Отдельную группу гастрономической лексики составляют наименования способов обработки, представленные глаголами и отглагольными прилагательными, как в случаях *«варить»*, *«жарить»*, *«тушёный»* и *«копчёный»*, а также лексика сенсорной оценки, включающая слова *«вкусный»*, *«пресный»*, *«с кислинкой»*.

С точки зрения степени культурной маркированности, гастрономическую лексику, на наш взгляд, можно условно разделить на интернациональную, понятную носителям разных культур в силу глобализации, что демонстрируют такие примеры, как *«пицца»*, *«суши»* и *«латте»*, национально-маркированную, содержащую прямые указания на этническую принадлежность, например, *«бургундский соус»* или *«итальянская паста»*, и безэквивалентную, не имеющую точных аналогов в других языках и выступающую культурным кодом, каковыми являются *«щи»*, *«рассольник»*, *«квас»* и *«курник»*, семантика которой включает в себя не только рецептуру, но и культурный контекст и историю определенного народа.

Для того, чтобы проследить этнокультурную специфику гастрономической лексики важно подчеркнуть связь гастрономии с лингвокультурологией, которая на наш взгляд проявляется в том, что пища и язык о ней являются специфическим культурным кодом. Как отмечает Р. И. Батыршин, культурный код – это «отражение в коллективном сознании данных культурных объектов и явлений, это то, каким образом нация осмысливает свои культурные ценности, свою культуру, и как ее понимают представители иных культур» [6, с. 51]. Таким образом, кулинаронимы выступают в роли культурных кодов, позволяя через наименование блюда или кулинарного изделия идентифицировать и интерпретировать культурную специфику того или иного народа.

Лингвокультурологическая и этнокультурная специфика гастрономической лексики становилась предметов многих научных исследований, среди которых важно упомянуть те, что были использованы нами в качестве теоретической основы данного исследования – это исследования таких ученых, как Ю. Ван, Е. В. Харченко [7], Д. А. Зорина [11], А. И. Леонова, Э. Д. Абдол [12], С. Ли, С. А. Колода [13], Е. В. Серебрякова, Ю. Б. Финикова, Н. И. Хомутская [16], В. О. Шовгурова [19], Sh. Xosilova [4] и др.

В сфере гастрономии этнокультурная специфика проявляется в исторически сложившихся пищевых предпочтениях и табу, специфических способах обработки продуктов, а также в ритуалах и этикете потребления данных продуктов. Так, наличие русской печи обусловило распространение блюд с маркерами *«томлёный»* и *«печёный»*, в то время как в японской культуре широко используется техника сырой подачи рыбы, известная как *«сашими»*.

Говоря конкретно о русской кухне, важно учитывать тот фактор, что в течение истории она успела обогатилась огромным количеством разнообразных кулинарных традиций. Например, многие народы, входившие в состав Российской империи, а затем Советского Союза, обогатили русскую кухню различными блюдами, такими как: *«борщ»*, *«пельмени»*, *«блины»* [2].

Этнокультурная специфика гастрономической лексики вербализуется через ряд лингвистических механизмов. Наиболее ярким из них является наличие безэквивалентной лексики, такой как кулинаронимы, которая используется для наимено-

вания уникальных блюд для конкретной культуры, таких как *«щи»* и *«курник»* в русской кухне, *«хачапури»* и *«хинкали»* в кавказской, или *«строганина»* в сибирской и дальневосточной. Другим значимым механизмом выступают словообразовательные модели с этнокультурными маркерами, включающие топонимические прилагательные, например, *«вологодское масло»* и *«тульский пряник»*, этнонимические прилагательные и наречия, например, *«по-французски»* и *«по-корейски»*, а также атрибуты, подчеркивающие традиционность и аутентичность, например, *«домашние пельмени»*, *«деревенские щи»* и *«бабушкины вареники»*. Специфическая глагольная лексика, описывающая традиционные процессы, такие как *«квасить капусту»*, *«солить огурцы»* и *«томить в печи»*, также несет в себе культурную память об особенностях исторических способов заготовки и приготовления пищи.

Таким образом, гастрономическая лексика служит мощным средством кодирования, хранения и трансляции этнокультурной информации, где каждое блюдо и его номинация выступают гастрономической моделью мира, отражающей историю, географию и систему ценностей целого народа.

Целью настоящего исследования является выявление способов репрезентации этнокультурной специфики в гастрономической лексике на материале текстов рецептов русских национальных блюд.

Материалы и методы

Материалом для исследования служат рецепты национальных блюд из разных регионов России из гастрономического каталога «Кулинарный колорит России» с сайта межрегионального туристского проекта «Серебряное ожерелье России»[1]. Данный источник материала представляет такой жанр гастрономического дискурса, как рецепт, и рассматривается нами как пример передачи этнокультурной специфики с помощью гастрономической лексики.

Исследование

Представленные материалы можно рассматривать как «креолизованные тексты» (термин введен Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым). «Креолизованный текст предстает сложным текстовым образованием, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обращенное к комплексному воздействию на адресата» [15, с. 54].

Гастрономический язык рецептов выбранного нами гастрономического каталога заслуживает более подробного рассмотрения и анализа. Языковая действительность в текстах данных рецептов передается через кулинаронимы – названия традиционных блюд из различных регионов России. Анализ текстов рецептов позволяет нам выявить ключевые способы репрезентации этнокультурной специфики через гастрономическую лексику.

Наиболее яркими маркерами культурной уникальности являются лексемы, не имеющие точных аналогов в других лингвокультурах. Их семантика включает не только рецептуру, но и исторический контекст и культурные практики конкретного региона, например:

«Архангельская козуля» – обрядовое печенье в форме животных, символизирующее благополучие. Само название является культурным кодом поморской традиции;

«Калитки» (Карелия) – открытые ржаные пирожки, название которых прочно ассоциируется с карельской и вепсской кухней;

«Черинянь» (Республика Коми) – рыбный пирог на ржаной корке, чье название указывает на финно-угорские корни;

«Новгородские Серые щи» – название, фиксирующее не просто тип блюда, а его локальную, аутентичную версию, связанную с конкретной территорией (Великий Новгород). Особенность «Серых щей» из верхних капустных листьев и крошева подчеркивает связь с историческим способом приготовления;

«Пряник печатный» (Тульская область) – кулинароним, в котором отражен не только продукт, но и традиционная технология его изготовления с использованием резных деревянных форм (*«пряничных досок»*).

Широко распространенным приемом является прямое указание на географическое или этническое происхождение блюда, что мгновенно маркирует его культурную принадлежность: *«Курганская каралька»*, *«Кубанский борщ»*, *«Петербургские пышки»*.

Еще один прием – указание на способ приготовления, характерный для конкретного региона: *«Строганина из Пеламиды»* (Калининградская область) – название фиксирует не просто блюдо, а специфический для северных и дальневосточных регионов способ потребления рыбы, адаптированный для местного сырья – завозимой в регион рыбы.

Важнейшую роль в формировании этнокультурного кода играют атрибуты и определения, подчеркивающие связь блюда с «корнями», домашним производством и природной чистотой. Например, в рецепте *«Новгородские Серые щи»* подчеркивается использование старинного инструмента (*«секач»*) и длительный процесс брожения (*«капуста… стала крошевом»*), а также архаичный способ приготовления – *«томим щи 4 часа»* в русской печи. Глагол *«томить»* является ярким маркером традиционной русской кулинарной традиции. Еще один пример: *«Таежное лакомство»* (Сибирь) – само название апеллирует к образу дикой, нетронутой природы. В рецептах также активно используются такие прилагательные, как: *«дикий»* (*«дикая утка»*), *«фермерский»* (*«фермерская форель»*), *«домашний»* (*«домашняя сметана»*), *«местный»* (*«местные яблоки»*), которые формируют в сознании реципиента образ территории как источника экологически чистой и натуральной пищи.

Способы кулинарной обработки также несут на себе отпечаток культурных традиций: *«квасить»* (капусту для щей), *«солить»* (грибы, огурцы), *«томить»* (в печи), *«тушить»* (в горшочке). Эти глаголы являются носителями культурной памяти об исторических способах заготовки ингредиентов и приготовления пищи. Здесь также стоит отметить использование терминов, связанных с обработкой и приготовлением, характерных для определенной национальной кухни: *«запекать в соусе»*, *«обвалять в сухарях»* (для *«колебяток»* (колобков) из Ульяновска).

Таким образом, гастрономическая лексика, и в особенности кулинаронимы, предстает не как нейтральный номинативный аппарат, а как сложноорганизованная система, в которой вербализован исторический опыт, географические условия и ценностные ориентации народа. Каждое название блюда, содержащее культурные маркеры, становится специфическим «текстом», требующим интерпретации в рамках соответствующего культурного контекста.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что гастрономическая лексика является мощным инструментом репрезентации этнокультурной специфики. На материале анализа кулинаронимов – названий традиционных блюд русской и региональных кухонь России – было установлено, что этнокультурный компонент проявляется на нескольких уровнях.

Во-первых, ядро этнокультурно маркированной лексики составляют безэквивалентные кулинаронимы, семантика которых неразрывно связана с конкретным народом и его кулинарными практиками. Во-вторых, важнейшим механизмом является использование лингвокультурных маркеров, таких как топонимы, которые прямо указывают на географическую или этническую принадлежность блюда. В-третьих, значимую роль играет лексика, подчеркивающая аутентичность, традиционность и натуральность, что формирует в сознании реципиента образ территории как источника здоровой и натуральной пищи.

Можно сделать вывод о том, что гастрономический язык, который репрезентируется в таких креолизованных текстах, как рецепты, выступает не только средством передачи кулинарной информации, но и действенным каналом межкультурной коммуникации, транслирующим культурные коды и укрепляющим национальную и региональную идентичность.

Примечания

1. Кулинарный каталог России: гастрономический каталог // Серебряное ожерелье России: [сайт туристско-информационных центров Северо-Запада России]. URL: https://s-necklace.ru/regions/saint-petersburg/news/gastronomichesky-katalog-2023.html (дата обращения: 15.02.2026).

Список источников и литературы

1. *Azzamov Yu*. Gluttonic (Gastronomic) Discourse: Classification of Gastronomic Terms and Their Difficulties in Translation // Journal of Positive School Psychology. 2022. Vol. 6 (9). P. 2040–2046. URL: https://journalppw.com/index.php/jpsp/article/view/12596.
2. Ethnical and Cultural Particularity of Gluttonic Discourse / L. Ermakova [et al.]// Revista Proyecto. 2018. Vol. 5 (16 (1)). P. 705–716.
3. *Papadima A., Kourdis E*. Semiotic Modes in Local Gastronomic Discourse: A Comparative Analysis of Culinary Shop Signs in Greece and Cyprus // Language and Semiotic Studies. 2022. Vol. 8 (2). P. 1–32.
4. *Xosilova Sh*. Linguocultrological analysis of gastronomic discourse in uzbek and english: cultural semantics and linguistic units // Journal of Applied Science and Social Science. 2025. Vol. 1 (4). P. 480–484. URL: https://inlibrary.uz/index.php/jasss/article/view/109612 (дата обращения: 17.11.2025).
5. *Адамович С. В., Альшевская П. В.* Лингвокультурные особенности кулинаронимов в русском языке // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития: сб. науч. статей / гл. ред. В. А. Белозорович; редкол. Н. Л. Улейчик [и др.]. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2021. С. 223–229.
6. *Батыршин Р. И.* К вопросу о понятии культурного кода нации: лингвистический и культурологический подходы // Вестник ЧГАКИ. 2024. № 1 (77). С. 46–54.
7. *Ван Ю., Харченко Е. В.* Гастрономический дискурс как важная составляющая национальной лингвокультуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 66–73. URL: https://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU/article/view/2079. Дата публикации: 18.08.2023.
8. *Гараева З. Н.* Специфика гастрономического дискурса // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей: сб. науч. статей. Вып. 6 / ред. Г. Р. Власян, М. А. Самкова. Челябинск: Б-ка А. Миллера, 2021. С. 17–23.
9. *Дунаева М. Б.* Гастрономический дискурс в культурных практиках повседневности // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 1 (21). С. 143–150. URL: https://cyberleninka.ru/

article/n/gastronomicheskiy-diskurs-v-kulturnyh-praktikah-povsednevnosti (дата обращения: 10.11.2025).
10. *Дьякова Т. А.* Кулинаронимы как этнокультурные маркеры и средство выразительности в пространстве художественных текстов Михаила Матусовского // Текст. Язык. Человек: сб. науч. трудов [XII Междунар. науч. конф., Мозырь, 20 апреля 2023 г.]. Мозырь: МГПУ имени И. П. Шамякина, 2023. С. 132–137.
11. *Зорина Д. А.* Этнокультурная специфика англо- и немецкоязычного гастрономического дискурса // Вестник науки. 2025. № 5 (86). С. 1192–1202.
12. *Леонова А. И., Абдол Э. Д.* Межнациональная лингвокультурологическая модель кулинаронимов // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2023. № 4. С. 130–138.
13. *Ли С., Колода С.А.* Национальная кухня Китая как культурный код: лингвокультурные и когнитивные особенности кулинарных рецептов // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 2 (131). С. 225–239.
14. *Лукьянова В. С., Москавец М. Н.* Структурно-семантическая характеристика гастрономической лексики в современном англоязычном кинотексте // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1 (110). С. 463–466.
15. *Осиянова А. В., Осиянова О. М., Темкина В. Л.* Креолизованные тексты в современном языковом образовании: дидактический аспект // Вестник Оренбургского государственного университета. 2022. № 4 (236). С. 53–59.
16. *Серебрякова Е. В., Финикова Ю. Б., Хомутская Н. И.* Региональная специфика кулинарных терминов на примере немецкого и французского языков // Казанская наука. 2024. № 11. С. 672–674.
17. *Фан Н. Ш.* Русские кулинаронимы как проявление словесного творчества в кулинарных изданиях // Вестник Российского нового университета. Сер.: Человек в современном мире. 2020. № 3. С. 123–129.
18. *Хадулаева У. Ш.* Кулинарные телепередачи как жанр гастрономического дискурса // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 380–382.
19. *Шовгурова В. О.* Лингвистические знаки гастрономического дискурса // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 109 (Май), ч. 3. С. 143–145.
20. *Юргелевич Ю. В.* Гастрономический дискурс: основные признаки и жанровые характеристики // Идеи. Поиски. Решения: сб. статей и тезисов XVI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, Минск, 22 ноября 2022 г. : в 6 т. / отв. ред. Н. Н. Нижнева. Минск: БГУ, 2022. Т. 1. С. 259–263.

References

1. Azzamov Yu. 2022, ‘Gluttonic (Gastronomic) Discourse: Classification of Gastronomic Azzamov, Yu 2022, ‘Gluttonic (Gastronomic) Discourse: Classification of Gastronomic Terms and Their Difficulties in Translation’, *Journal of Positive School Psychology*, vol. 6 (9), pp. 62040-2046. https://journalppw.com/index.php/jpsp/article/view/12596 .
2. Ermakova, L, Gaidukova, N & Razdabarina, Yu 2018, ‘Ethnical and Cultural Particularity of Gluttonic Discourse Ethnical and Cultural Particularity of Gluttonic Discourse’, *Revista Proyecto*, vol. 5 (16 (1)), pp. 705-716.
3. Papadima, A & Kourdis, E 2022, ‘Semiotic Modes in Local Gastronomic Discourse: A Comparative Analysis of Culinary Shop Signs in Greece and Cyprus’, *Language and Semiotic Studies*, vol. 8 (2), pp. 1-32.
4. Xosilova, S 2025, ‘Linguocultrological analysis of gastronomic discourse in uzbek and english: cultural semantics and linguistic units’, *Journal of Applied Science and Social Science*, vol. 1 (4), pp. 480–484, viewed 17 January 2026, https://inlibrary.uz/index.php/jasss/article/view/109612
5. Adamovich, SV & Alshevskaya, PV 2021, ‘Lingvokulturnyye osobennosti kulinaronimov v russkom yazyke’ (Linguocultural features of culinary names in the Russian language), *Sotsial'nyye, kulturnyye i kommunikativnyye praktiki v dinamike obshchestvennogo razvitiya*

(Social, cultural and communicative practices in the dynamics of social development), ed. V. A. Belozorovich, GrGU im. Yanki Kupaly publ, Grodno, pp. 223-229. (In Russ.)
6. Batyrshin, RI 2024, 'K voprosu o ponyatii kulturnogo koda natsii: lingvistiches kiy i kulturologicheskiy podkhody' (To the definiton of nation's cultural code concept: linguistic and culturological approach), *Vestnik ChGAKI* (Culture and Arts Herald), no.1 (77), pp. 46-54. (In Russ.)
7. Van Yu & Kharchenko, EV 2023, 'Gastronomicheskiy diskurs kak vazhnaya sostavlyayushchaya natsionalnoy lingvokultury' (Gastronomic discourse as a component of national linguaculture), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Chelyabinsk State University), no. 5 (475), pp. 66–73, viewed 14 January 2026, https://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU/article/view/2079. (In Russ.)
8. Garaeva, ZN 2021, 'Spetsifika gastronomicheskogo diskursa' (The specifics of gastronomic discourse), *Aktualnyye problemy lingvistiki: vzglyad molodykh issledovateley*, no. 6, pp. 17-23. (In Russ.)
9. Dunaeva, MB 2019, 'Gastronomicheskiy diskurs v kulturnykh praktikakh povsednevnosti' (The gastronomic discourse in the cultural practices of everyday life), *Nauka. Iskusstvo. Kultura* (Science. Art. Culture), no. 1 (21), pp. 143-150, viewed 10 January 2026, https://cyberleninka.ru/article/n/gastronomicheskiy-diskurs-v-kulturnyh-praktikah-pov sednevnosti (In Russ.)
10. Dyakova, TA 2023, 'Kulinaronimy kak etnokulturnyye markery i sredstvo vyrazitelnosti v prostranstve khudozhestvennykh tekstov Mikhaila Matusovskogo' (Culinary names as ethnocultural markers and means of expression in the literary texts of Mikhail Matusovsky), *Tekst. Yazyk. Chelovek: sb. nauch. trudov. XIÍ Mezhdunar. nauch. konf.* (Text. Language. Person. Collection of Scientific Papers. 12th International Scientific Conference), Mozyr, 20 April 2023, MGPU imeni I. P. Shamyakina publ, Mozyr, pp. 132-137. (In Russ.)
11. Zorina D.A. 2025, 'Etnokulturnaya spetsifika anglo- i nemetskoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa' (Ethnocultural specifics of English- and German-speaking gastronomic discourse), *Vestnik nauki*, no.5 (86), pp. 1192-1202. (In Russ.)
12. Leonova, AI & Abdol, ED 2023, 'Mezhnatsionalnaya lingvokulturologicheskaya model kulinaronimov' (Interethnic linguistic and cultural model of culinary names), *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya* (Vestnik TvGU Series: Philology), no. 4, pp. 130-138. (In Russ.)
13. Li, X & Koloda, SA 2023, 'Natsionalnaya kukhnya Kitaya kak kulturnyy kod: lingvokulturnyye i kognitivnyye osobennosti kulinarnykh retseptov' (National cuisine of China as a cultural code: linguocultural and cognitive features of culinary recipes), *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* (Yaroslavl Pedagogical Bulletin), no. 2 (131), pp. 225-239. (In Russ.)
14. Lukyanova, VS & Moskavets, MN 2025, 'Strukturno-semanticheskaya kharakteristika gastronomicheskoy leksiki v sovremennom angloyazychnom kinotekste' (Structural and semantic characteristics of gastronomic vocabulary in modern English-language feature film), *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* (The world of science, culture and education), no.1 (110), pp. 463-466. (In Russ.)
15. Osiyanova, AV, Osiyanova, OM & Temkina, VL 2022, 'Kreolizovannyye teksty v sovremennom yazykovom obrazovanii: didakticheskiy aspekt' (Creolised texts in modern linguistic education: didactic aspect), *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* (Vestnik of the Orenburg State University), no. 4 (236), pp. 53-59. (In Russ.)
16. Serebryakova, EV, Finikova, YuB & Khomutskaya, NI 2024, 'Regionalnaya spetsifika kulinarnykh terminov na primere nemetskogo i frantsuzskogo yazykov' (Regional specificity of culinary terms using German and French as examples), *Kazanskaya nauka* (Kazan Science), no. 11, pp. 672-674. (In Russ.)
17. Fan, NSh 2020, 'Russkiye kulinaronimy kak proyavleniye slovesnogo tvorchestva v kulinarnykh izdaniyakh' (Russian culinaronyms as a manifestation of verbal creation in culinary publications), *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Ser.: Chelovek v sovremennom mire*, no. 3, pp. 123-129. (In Russ.)
18. Khadulayeva, USh. 2020, 'Kulinarnyye teleperedachi kak zhanr gastronomicheskogo diskursa' (Cooking TV programme as a genre of gastronomic discourse), *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* (The world of science, culture and education), no. 4 (83), pp. 380-382. (In Russ.)

19. Shovgurova, VO 2024, 'Lingvisticheskiye znaki gastronomicheskogo diskursa' (Linguistic signs of gastronomic discourse), *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* (Trends in Science and Education), no. 109, part 3, pp. 143-145. (In Russ.)
20. Yurgelevich, YuV 2022, 'Gastronomicheskiy diskurs: osnovnyye priznaki i zhanrovyye kharakteristiki' (Gastronomic discourse: main features and genre characteristics), *Idei. Poiski. Resheniya: sb. statey i tezisov XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. prepodavateley, aspirantov, magistrantov, studentov* (Ideas. Searches. Solutions. Collection of articles and abstracts of the 16th international scientific and practical conference of academics, PhD students, Master's students, undergraduates), Minsk, 22 November 2022, vol. 1, ed. N. N. Nizhneva, BGU publ, Minsk, pp. 259-263. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026
Одобрена после рецензирования: 01.04.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 20.02.2026
Approved after reviewing: 01.04.2026
Accepted for publication: 21.09.2026